

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE d'HISTOIRE ANCIENNE

3 (182)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1987

50 лет РАБОТЫ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» АН СССР

В 1987 г. исполняется 50 лет со времени основания нашего журнала. Инициатором издания и первым ответственным редактором ВДИ был А. С. Сванидзе — политический деятель, дипломат и ученый. Его ближайшими помощниками в подготовке и редактировании журнала стали А. В. Мишулин, А. Б. Ранович, В. В. Струве.

В открывающей первый номер «Вестника древней истории» передовой статье «Наши задачи», написанной А. С. Сванидзе, провозглашалось, что целями журнала являются: исследование проблем «древней истории всех стран и народов Востока, Запада, Севера и Юга» и прежде всего — древней истории народов, населяющих территорию СССР; научное объяснение закономерностей общественного развития на основе метода исторического материализма; изучение «общечеловеческого и интернационального в истории», разоблачение расизма и других реакционных тенденций в западной историографии. В основном эти задачи сохранили свое значение и по настоящее время.

Появление первого марксистского журнала, посвященного проблемам древней истории, было само по себе весьма знаменательным фактом. Это означало прежде всего, что был уже достигнут определенный уровень в развитии советской исторической науки, выросло число историков-марксистов, изучающих ранние эпохи развития человечества, появилась потребность выйти за рамки специальных академических изданий на более широкий форум не только внутри страны, но и за рубежом. Журнал был необходим для обсуждения и дальнейшей разработки методологических, теоретических и конкретно-исторических проблем истории древнейших цивилизаций, для обмена научной информацией, для полемики с буржуазной историографией. Важной чертой ВДИ с первых лет его издания стал широкий диапазон его тематики, отсутствие европоцентризма и противопоставления истории Запада и Востока, истории «малых» и «великих» народов.

Основание ВДИ (как и других исторических журналов) было обусловлено также ходом развития общественной жизни и культуры того времени: с расширением преподавания истории в вузах и в школе (согласно правительственному постановлению 1934 г.) появилась потребность в научной литературе для подготовки научных кадров и преподавателей школ по древней истории и в особенности по древней истории народов СССР. Поэтому в первых номерах ВДИ большое место занимают статьи, публикации и обзоры археологических, письменных и нумизматических источников по истории народов Сибири, Урала, Поволжья, Карелии,

Белоруссии, Украины, Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии¹.

За полувековую историю «Вестника» во главе его стояли крупнейшие ученые. После А. С. Сванидзе с 1938 по 1948 г. редакцию возглавлял А. В. Мишулин, в 1949 г. исполняющим обязанности ответственного редактора временно стал Н. А. Машкин, в 1950—1962 гг. журналом руководил чл.-корр. АН СССР С. В. Киселев, в 1964—1965 — акад. В. В. Струве, которого на десятилетие 1966—1976 сменил на посту С. Л. Утченко, с 1978 г. должность главного редактора приняла чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова.

Журнал начал свою деятельность с обзоров проблематики и состояния изучения древней истории к середине 30-х годов². Большое внимание журнал уделял пропаганде исторических концепций классиков марксизма, на его страницах в 1939 и 1940 гг. были опубликованы появившиеся незадолго до этого переводы на русский язык работ К. Маркса «Хронологические выписки»³ и «Формы, предшествующие капиталистическому производству»⁴, а также специальные статьи, посвященные творческому наследию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина⁵.

Тематика исследовательских статей, публиковавшихся в предвоенные годы, была очень широка и в хронологическом, и в географическом аспектах: от древнейших эпох в истории Египта, Месопотамии, Индии и Китая, от истории Урарту, Микенской Греции, саяно-алтайских племен и мустьерской стоянки в Крыму до возникновения государства волжских булгар, восстания Фомы Славянина в Византии, державы Рюриковичей, русско-византийских отношений в XI—XII вв. и истории якутского народа в XVII в. Рассмотрение их содержания позволяет проследить какие методологические и теоретические вопросы разрабатывались в науке того времени. Это прежде всего вопрос о формационной принадлежности древнейших обществ Азии⁶ и Средиземноморья и о генезисе феодализма в Древней Руси. На страницах журнала нашла отражение дискуссия о крито-микенской культуре — о ее первобытнообщинном или ранне-рабовладельческом характере (1939, № 4; 1940, № 2). Большое место в ВДИ занимали статьи, посвященные вопросам социальной революции и классовой борьбы в древности⁷, в том числе так называемой «револю-

¹ См. Приложение (ВДИ, 1937, № 1); Материалы по древней истории СССР (1938, № 1); Материалы к истории античных колоний на территории СССР (1938, № 2); К истории древних славян (1939, № 1).

² См., например, ВДИ, 1937, № 1: обзорную статью К. Ф. Леманн-Гаупта (Иннсбрук) о состоянии изучения древней истории, статьи В. В. Струве и Б. Грозного (Прага) по хеттологии, Ш. Виролло (Париж) — об исследовании Рас-Шамры, Д. Нильсена (Копенгаген) — об изучении древнеарабской культуры и религии, И. П. Мещанинова — о Восточном Закавказье. ВДИ, 1938, № 1: Мишулин А. В. Советская историография и задачи древней истории; Струве В. В. Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг. ВДИ, 1939, № 1: Пиотровский Б. Б. Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э.

³ ВДИ, 1939, № 2.

⁴ ВДИ, 1940, № 1.

⁵ Ранович А. Б. Маркс об античности (1939, № 2); Мишулин А. В. Из лаборатории исторических идей Ленина (1939, № 4); Ф. Энгельс и историческая наука (Передовая) (1940, № 3—4).

⁶ См., например, Струве В. В. Параграфы 34 и 36 Хеттского судебного (1937, № 1); Никольский Н. М. Община в древнем Двуречье (1938, № 4); он же. Рабство в древнем Двуречье (1941, № 1).

⁷ ВДИ, 1937, № 1: Ранович А. Б. Социальная революция в Иудее в 66—73 гг.; Мишулин А. В. К истории восстания Спартак в древнем Риме; 1938, № 1: Машкин

ции рабов». Интерес к этой проблематике усилился после речи И. В. Сталина на Первом съезде колхозников-ударников в 1933 г., где говорилось, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев». Вопрос этот послужил предметом дискуссии. При отчетливо выраженной схематизации исторического процесса и догматизме эта дискуссия способствовала изучению и включению в научный оборот ряда источников, ранее не разрабатывавшихся, и отразила стремление советской историографии выявить роль народных масс в истории и значение классовой борьбы как движущей силы исторического процесса. Позднее ее итоги нашли отражение в дискуссии об этапах развития рабовладельческого общества и роли социальных движений в этом развитии.

Вопрос о периодизации истории древнего мира стал особенно актуальным в связи с началом работы над намечавшимся Академией наук СССР изданием многотомной «Всемирной истории». ВДИ принял активное участие в обсуждении структуры и содержания томов, посвященных древней истории⁸.

Начавшаяся работа над «Всемирной историей» и выпуск «Вестника древней истории» были прерваны Великой Отечественной войной (в 1941 г. вышел лишь № 1). Военные годы нанесли большой урон нашей науке, прежде всего ее кадрам. Почти все студенты и аспиранты-историки ушли на фронт, многие погибли. В осажденном Ленинграде умерли акад. С. А. Жебелев, профессора Б. Л. Богаевский и А. Н. Зограф, погибли во время войны и многие другие авторы «Вестника». Эвакуация московских и ленинградских вузов и свертывание библиотек, прекращение работы вузов и библиотек на оккупированной территории — все это затормозило научно-исследовательскую работу. Поэтому первое пятилетие после войны характеризовалось прежде всего восстановлением потерь в рассматриваемой отрасли знания.

С 1946 г. выпуск «Вестника древней истории» был возобновлен. Именно в послевоенные годы окончательно оформился профиль журнала как научно-исследовательского периодического органа по проблемам истории древнего Востока, античного мира и их окружения. С этого времени в гораздо большей степени, чем прежде, «Вестник» становится зеркалом, отражающим состояние советской науки об истории древнего мира: на его страницах печатаются статьи ряда авторов по проблемам, разработка которых находит потом монографическое завершение, журнал живо и оперативно откликается на дискуссии, развертывающиеся на различных научных форумах, и сам становится инициатором дискуссий по новой проблематике, он предоставляет свои полосы для критического рецензирования новых изданий. Одновременно ВДИ превращается в важный организационный центр, координирующий и в известной мере направляющий научно-исследовательскую работу в масштабах всей страны. В переводных статьях журнала регулярно подводятся итоги проделанной исследовательской и научно-педагогической работы, отмечаются нерешенные

Н. А. Агонистики и циркумцеллоны в кодексе Феодосия; 1938, № 2: Колобова К. М. Из истории классовой борьбы на Родосе; 1938, № 3: Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре; 1939, № 1: Липшиц Е. Э. Восстание Фомы Славянина и византийского крестьянства на грани VIII—IX вв.; 1939, № 2: Мишулин А. В. К изучению восстаний рабов в древней Греции; Болтунова А. И. Восстание Аникета; 1940, № 3—4: Дьяконов А. П. О хронологии первого восстания рабов в Сицилии во II в. до н. э.; Дмитриев А. Д. Движение богаудов.

⁸ См. Материалы к обсуждению схемы издания «История древнего мира» АН СССР (1938, № 3).

вопросы и выдвигаются проблемы, требующие дальнейшего изучения. На его страницах получают оценку важнейшие издания по древней истории, вышедшие у нас и за рубежом. Немалую помощь журнал оказывает и преподавателям вузов, помещая рецензии на учебники и учебные пособия⁹ и публикуя в разделе «Приложений» переводы источников.

В области научно-исследовательской работы вопросы, поднятые в предвоенные годы, по-прежнему привлекают внимание авторов ВДИ, активно дебатировались проблемы социально-экономической структуры и социальной борьбы в рабовладельческом обществе и ее место в историческом процессе¹⁰; наиболее остро они ставятся в работах, посвященных последним векам Римской республики и становлению империи.

Начало 50-х годов представляет собой заметный рубеж в развитии советской историографии древнего мира. Все большее внимание исследователей привлекают вопросы, связанные с изучением базиса и надстройки рабовладельческого общества: рассматриваются характер земледелия и формы собственности на землю¹¹, уровень развития ремесла, торговли и товарного производства¹², городов, их возникновение, структура и место в развитии рабовладельческого общества¹³.

Проблема полиса как важнейшей социально-политической категории рабовладельческого общества была поставлена в 50-е годы в работах советских ученых. Г. Х. Саркисян на материале селевкидской Вавилонии стремился показать, что в странах Переднего Востока ко времени греко-македонского завоевания социально-экономическая структура городов приближалась к типу античного полиса¹⁴. С. Л. Утченко отметил важ-

⁹ См. ВДИ, 1949, № 3, а также 1948, № 4; 1951, № 4.

¹⁰ См., например, *Тюменев А. И.* О значении термина KAL в древнешумерском языке (1946, № 2) и др.; *Дьяконов И. М.* Еще о термине *guruš* в шумерском языке (1948, № 1) и др.; *Струве В. В.* Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье III тыс. до н. э. (1948, № 2); *Дмитрев А. Д.* Буколы (Из истории аграрных движений в римском Египте) (1946, № 4); *он же.* К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах (1948, № 3); *Машкин Н. А.* К вопросу о революционном движении рабов и коловнов в римской Африке (1949, № 4); *Цветаева Г. А.* Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март-апрель 44 г. до н. э.) (1947, № 1); *Штаерман Е. М.* Африканские восстания III в. (1948, № 2); *Дмитрев А. Д.* Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи (1951, № 4).

¹¹ *Сергеев М. Е.* Характерные черты сельскохозяйственной жизни Средней Италии во II в. до н. э. (1952, № 4); *она же.* Сельское хозяйство италийских *suburbana* (1955, № 1); *Периханян А. Г.* К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени (1952, № 4); *Дьяконов И. М.* Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине (1955, № 4); *Струве В. В.* К проблеме частного землевладения в Шумере (1959, № 4); *Янковская Н. Б.* Землевладение больших семейных домовых общин в клинописных источниках (1959, № 1); *Павловская А. П.* Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э. (1953, № 1); *Саркисян Г. Х.* О городской земле в селевкидской Вавилонии (1953, № 1); *Кузищин В. И.* О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики (1957, № 1); *Васильев Л. С.* Аграрные отношения в Китае в начале I тыс. (1957, № 3); *Стучевский И. А.* К толкованию данных папируса Вильбур о землепользовании и налогообложении в Египте Рамессидов (1958, № 1).

¹² О натуральном хозяйстве и товарном производстве в рабовладельческом обществе (1953, № 2); *Ленцман Я. А.* О возникновении товарного производства в древней Греции (1953, № 3); *Зельин К. К.* Из истории товарного производства во II—I вв. до н. э. (1957, № 4).

¹³ *Машкин Н. А.* Городской строй римской Африки (1951, № 1); *он же.* Из истории африканских городов во II—III вв. н. э. (1951, № 2); *Еремян С. Т.* Развитие городов и городской жизни в Армении (1953, № 3); *Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве (1953, № 4).

¹⁴ *Саркисян Г. Х.* Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1952, № 1.

ность сопоставления греческого полиса и римской *civitas*, в основе полисной структуры которых лежит мелкое хозяйство свободных производителей, и подчеркнул, что развитие рабовладельческого способа производства закономерно приводит к размыванию этого слоя и к кризису античного полиса¹⁵. К аналогичному выводу на греческом материале пришел О. В. Кудрявцев¹⁶, который высказал мысль о том, что кризис полиса не означает кризиса рабовладельческого способа производства; напротив, кризис полиса, выражающийся с экономической точки зрения в процессе концентрации земли и разорении граждан — мелких производителей, ведет к дальнейшему развитию рабовладельческого хозяйства. Эти выводы оказали большое влияние на дальнейшую разработку как проблемы периодизации древней истории, так и истории социальных движений.

В начале 50-х годов на страницах «Вестника» проходит ряд важных в методологическом плане дискуссий. Следует упомянуть прежде всего весьма острую полемику о социальном статусе непосредственных производителей материальных благ, которая в отличие от аналогичного обсуждения конца 40-х годов велась в основном на базе древнеегипетских источников¹⁷. Несмотря на то, что дискуссия не привела участников к единому мнению, она имела важное значение, так как со всей очевидностью обнаружила необходимость более глубокого и комплексного исследования источников по социально-экономической истории древневосточных регионов. Классовой структуре античного рабовладельческого общества была посвящена опубликованная в ВДИ, 1951, № 4 статья С. Л. Утченко, где в противовес господствовавшему ранее схематичному представлению о делении древнего общества только на два антагонистических класса — рабов и рабовладельцев — подчеркивалось значение классов свободных непосредственных производителей (земледельцев и ремесленников) в социальной структуре античного общества.

Заметным явлением в научной жизни стала дискуссия на тему: «Проблема падения рабовладельческого строя», длившаяся на страницах «Вестника древней истории» три года. Дискуссия была начата одноименной статьей Е. М. Штаерман, участие в ней приняли многие античники и медиевисты¹⁸. Большое место в ходе дискуссии занимал вопрос о характере перехода от рабовладельческой формации к феодальной¹⁹. Многолетние исследования социальных движений в Римской империи показали,

¹⁵ Утченко С. Л. Римское рабовладельческое общество в середине II в. до н. э. — ВДИ, 1953, № 4.

¹⁶ Кудрявцев О. В. Запустение Эллады. — ВДИ, 1953, № 2.

¹⁷ В ней приняли участие акад. В. В. Струве, акад. А. И. Тюменев, И. М. Дяконов, И. М. Лурье, Д. Г. Редер, М. А. Коростовцев, И. С. Кацнельсон, Е. В. Черезов, И. Д. Амусин, В. О. Тюрин и др. О ходе дискуссии см. передовую «К обсуждению проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире» (ВДИ, 1952, № 3).

¹⁸ Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя (1953, № 2). В дискуссии выступили: Гейл А. Г. Трибутари и инквилины Поздней Римской империи (1954, № 4); Дилигенский Г. Г. К вопросу об аграрных патрониниях в Поздней Римской империи (1955, № 1); Ковалев С. И. К вопросу о характере социального переворота III—IV вв. в Западной Римской империи (1954, № 3); Корсунский А. Р. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. (1954, № 2); Удальцова З. В. Сельское зависимое население Италии VI в. (1955, № 3); Липиц Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии (1955, № 4); Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи (1955, № 1).

¹⁹ Проблема падения рабовладельческого строя (К итогам дискуссии) (1956, № 1).

что концепция «революции рабов» несостоятельна, так как не находит подтверждения в фактическом материале. Поэтому обсуждение шло в плане выяснения, можно ли крушение рабовладельческого общества расценивать как социальную революцию и в чем особенности этой революции. В итоге дискуссии среди антиковедов получил признание основной тезис Е. М. Штаерман, что кризис рабовладельческого общества обусловлен вытеснением в III—IV вв. античной формы собственности крупной земельной собственностью, приближающейся по своему характеру к феодальной. Этот процесс сопровождался напряженной политической и социальной борьбой, в которой участвовали широкие круги населения империи и варвары, что позволяет рассматривать переход от рабовладельческого общества к феодальному как социальную революцию.

Дискуссия о периодизации древней истории возникла в связи с работой над многотомной «Всемирной историей», возобновленной с начала 50-х годов. В ВДИ был опубликован проспект первых двух томов, посвященных истории древнего мира²⁰, построенный на принципах синхронного изложения истории всех древних народов и новой системы периодизации, устанавливающей общие этапы развития для всех классовых обществ древнего мира в приблизительно совпадающих хронологических рамках. В ходе обсуждения проспекта отмечалось, что эта периодизация хотя и содержала элементы схематизма в трактовке истории отдельных обществ, но имела то преимущество, что стремилась представить историю древнего мира как всемирно-исторический процесс. По существу этим обсуждением было лишь положено начало дискуссии о периодизации древней истории, которая продолжалась и в последующие годы в ВДИ²¹ и в специальных работах.

Помимо проспекта в ВДИ (1953, № 4) для обсуждения были опубликованы некоторые главы II тома «Всемирной истории», в том числе глава К. К. Зельина «Основные черты эллинизма», вызвавшая дискуссию по проблемам эллинизма, которая, к сожалению, не нашла отражения в «Вестнике древней истории». В ходе дискуссии друг другу противостояли две точки зрения: А. Б. Рановича (см. его статью «Основные проблемы истории эллинизма» — 1949, № 1), который рассматривал эллинизм как закономерный этап в развитии рабовладельческой формации, и К. К. Зельина, считавшего эллинизм конкретно-историческим явлением. Эта дискуссия дала импульс к новым исследованиям по самым различным проблемам истории эллинизма (можно сослаться на статьи Н. Н. Пикуса и И. Д. Амусина об эллинистическом Египте, К. К. Зельина — о дельфийских манумиссиях, А. И. Павловской — о Полибии и рабстве и др.).

Все названные дискуссии нашли то или иное выражение в содержании первых томов «Всемирной истории» и сыграли значительную роль в последующей разработке теоретических проблем древней истории. Выход в 1955—1956 гг. I—II томов «Всемирной истории» как бы подвел итог предшествующему периоду развития советской историографии античности, выявил слабо разработанные проблемы и разделы древней истории и дал стимул дальнейшим исследованиям в этих направлениях. В последующие десятилетия в области древней истории научная работа велась по всему комплексу проблем истории древнего мира, начиная с эпохи становления

²⁰ См. Проспект «Всемирной истории», тома I и II (ВДИ, 1952, № 1) и обсуждение Проспекта (1952, № 2—4; 1952, № 1—2).

²¹ См. Кузищин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества (1974, № 3).

классового общества и кончая падением Римской империи. Возникают новые направления в антиковедении: вслед за дешифровкой линейного письма *Б* в ВДИ появляются исследования по микенологии С. Я. Лурье, Я. А. Ленцмана, акад. А. И. Тюменева²²; с началом публикаций документов из окрестностей Мертвого моря кумранскими рукописями, их переводом и интерпретацией начинают заниматься И. Д. Амусин и К. Б. Старкова²³.

Важнейшей темой исследований в области древней истории с начала 50-х годов становится история рабства. Это диктовалось самим ходом развития науки: абстрактно-социологические представления 30—40-х годов о характере рабовладельческих отношений во всех древних государствах уже не представлялись бесспорными в свете накопленного конкретного материала. Полемика с буржуазной историографией по вопросу о роли рабства в древнем мире также требовала исследовать заново весь комплекс источников — нарративных, археологических, клинописных, эпиграфических, папирусных. «Вестник древней истории» активно включился в разработку проблем истории рабства: первые статьи носили преимущественно терминологический характер, в дальнейшем публикуются работы, посвященные изучению отдельных категорий рабов, их использования в хозяйстве, трактовке проблемы рабства в произведениях античных авторов и другим вопросам²⁴. Изучение рабства во всех аспектах от способа порабощения до форм отпуска на волю и влияния рабства на идеологию древних обществ стало одной из ведущих тем журнала²⁵ и нашла свое монографическое завершение в многотомной серии «Исследования по истории рабства в античном мире». Это издание получило широкий отклик и положительную оценку у нас в стране и за рубежом, отдельные тома были переведены на немецкий язык и изданы в ФРГ.

²² Лурье С. Я. Опыт чтения пиловских надписей (1955, № 3); он же. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе (1957, № 2); Ленцман Я. А. Пиловские надписи и проблема рабовладения в Микенской Греции (1955, № 4); Тюменев А. И. Tereta пиловских надписей (К вопросу о происхождении крупного частного землевладения в Микенской Греции) (1959, № 4).

²³ Амусин И. Д. Документы из Вад-Мураб ба'ат (1958, № 1); он же. К определению идеологической принадлежности Кумранской общины (1961, № 1) и др.

²⁴ Ленцман Я. А. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов (1951, № 2); Ильин Г. Ф. Особенности рабства в древней Индии (1951, № 1); Амусин И. Д. Термины, обозначавшие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуагинты (1952, № 3); Казакевич Э. Л. Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э. (1956, № 3); она же. Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. (По данным речей Демосфена) (1958, № 2); Стучевский И. А. О специфических формах рабства в древнем Египте в эпоху Нового царства (1960, № 1); Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож (1959, № 4); Рижский М. И. О применении рабского труда в сельском хозяйстве Италии в I в. н. э. (1958, № 2); Кац А. Л. Проблема рабства у Платона и Катона (1964, № 3); Курбатов Г. Л. Рабы и проблема рабства в произведениях Либания (1964, № 2) и др.

²⁵ См., например, Андреев Ю. В. К вопросу о так называемых вольноотпущенниках на Крите (1963, № 4); Шифман И. Ш. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции (1964, № 3); Штаерман Е. М. «Рабский вопрос» в Римской империи (1965, № 1); Берлев О. Д. Стоимость раба в Египте эпохи Среднего царства (1966, № 1); Попов В. П. О статусе рабов в хеттском государстве (1969, № 3); Постовская Н. М. Familia в Египте Древнего царства (1967, № 1); Дандамаев М. А. К вопросу о положении рабов в Поздней Вавилонии (1969, № 4); Канцельсон И. С. Рабовладение в Кусе (1964, № 2); Грейс (Казакевич) Э. Л. Что такое раб и искусство управления «людьми» (1970, № 1); Маринович Л. П. ПАРАМОНН в дельфийских манумиссиях римского времени (1971, № 4); Шишова И. А. О статусе пенестов (1975, № 3); Павловская А. И. Рабы в сельском хозяйстве римского Египта (1976, № 2); Вигасин А. А. «Устав о рабах» в «Артхашестре» Каутильи (1976, № 4); Контев А. В. Римское законодательство IV—V вв. о браках рабов и колонов (1985, № 4) и др.

Исследование форм рабства и рабовладельческих отношений заставило ученых вернуться, но уже на новом исследовательском уровне, к проблеме социально-экономической структуры древних обществ. В этом плане принципиальное значение имела статья Е. М. Штаерман и С. Л. Утченко²⁶ об основных критериях, определяющих принадлежность общества к рабовладельческой формации. Исходя из того, что формационная принадлежность обществ определяется способом производства и прежде всего характером производственных отношений, формами собственности и способом эксплуатации, они показали несостоятельность критерия численности рабов, подчеркнули значение «качественной» роли рабства (т. е. его влияния на другие формы эксплуатации), необходимость определения тенденции в развитии форм воспроизводства рабов и рабовладельческих отношений. Аналогичные вопросы для истории стран древнего Востока были подняты в статьях И. М. Дьяконова о структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.²⁷, где он рассмотрел существовавшие формы общинной, государственной и частной собственности и связанные с ними формы эксплуатации зависимых, полужависимых и рабов и обрисовал сложную социальную структуру обществ Передней Азии этого времени, основывавшихся на эксплуатации «подневольных работников рабского типа»²⁸.

Вопрос о сложности состава эксплуатируемого населения и многообразии форм зависимости был проанализирован К. К. Зельным на материале эллинистического Египта²⁹. Автор подчеркнул, что в представлениях эллинистического общества рабство — категория правовая и лишь сочетание правового статуса с отсутствием средств производства и внеэкономической эксплуатацией позволяет отнести соответствующую группу людей к классу рабов.

Проблема социальной структуры эллинистического общества исследовалась также в связи с местом греческого полиса на Востоке и ролью рабства классического типа в эволюции социальных отношений эллинизма³⁰. Изучались также проблемы формирования эллинизма, различные аспекты деятельности Александра Македонского³¹.

Вопрос об эволюции социальной структуры римского общества был рассмотрен в статье Е. М. Штаерман³²; она отметила ее постепенное усложнение и несовпадение классовой и сословной принадлежности по мере усиления дифференциации римского общества.

²⁶ Утченко С. Л., Штаерман Е. М. О некоторых вопросах истории рабства (1960, № 4).

²⁷ Дьяконов И. М. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Части 1—2 (1967, № 4); Часть 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии (1968, № 3); Часть 4. Структура государственного сектора экономики. Часть 5. Общие выводы (1968, № 4).

²⁸ К вопросу о характере их эксплуатации И. М. Дьяконов вернулся в статью «Рабы, илоты и крепостные в ранней древности» (1973, № 4).

²⁹ Зельин К. К. Принципы морфологической классификации форм зависимости (1967, № 2).

³⁰ Кошеленко Г. А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. (1972, № 1); Кошеленко Г. А., Новиков С. В. Манумиссии из Селевкии на Эвлее (1979, № 2).

³¹ Шофман А. С. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского (1969, № 4); он же. Армия и военные преобразования Александра Македонского (1972, № 1) и др., Кошеленко Г. А., Маринович Л. П. Аристотель и Александр (1974, № 1); Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии (1980, № 2).

³² Штаерман Е. М. О классовой структуре римского общества (1969, № 4).

Вопросы, поставленные С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман в общетеоретическом плане, продолжали обсуждаться и в конкретных исследованиях, и в обобщающих статьях. Так, проблемы социальной структуры Персии рассматривались в ВДИ М. А. Дандамаевым (1974, № 2), Египта — Е. С. Богословским (1979, № 1; 1981, № 1), Индии — Г. М. Бонгард-Левиным (1973, № 2); динамике развития древневосточных обществ были посвящены статьи Г. Ф. Ильина (1983, № 3) и Г. А. Меликишвили (1985, № 4). Различные аспекты социально-экономических отношений в Греции и социальной структуры афинского полиса освещались в статьях Л. М. Глушкиной (1965, № 1; 1970, № 3 и др.) и В. Н. Андреева (1967, № 2; 1981, № 3), спартанской политической системы — в статье Ю. В. Андреева (1969, № 4); структура пилосского и гомеровского обществ — в статьях Г. Ф. Поляковой (1968, № 1; 1977, № 1) и Ю. В. Андреева (1964, № 4); формы зависимости в полисах Малой Азии — в статьях Е. С. Голубцовой (1967, № 3) и И. С. Свенцицкой (1967, № 4). Социально-экономическая структура Рима и его провинций рассматривалась в статьях В. И. Кузицина (1973, № 1), М. Е. Сергеевко (1975, № 4), Ю. К. Колосовской (1969, № 4), Н. Н. Беловой (1970, № 1), И. С. Свенцицкой (1973, № 3), И. Ф. Фихмана (1975, № 1) и других авторов. Большое место было отведено также проблемам греческой и финикийской колонизации в Испании, развитию древнеиберийского общества и его средиземноморским связям в статьях Ю. Б. Циркина (1968, № 3; 1970, № 1) и В. И. Козловской (1971, № 3; 1973, № 3).

Одной из важнейших и, можно сказать, сквозных тем в советской науке является проблема сельской общины, ее структуры и роли в развитии древневосточных и античных обществ. Обзорная статья И. М. Дьяконова «Община на древнем Востоке в работах советских исследователей» (1963, № 1), подытожившая предшествующие дискуссии, послужила по существу началом нового длительного обсуждения этой проблемы³³. Актуален этот вопрос и для антиковедов. Продолжает изучаться роль сельской общины в социальной структуре римских провинций и Римской империи в целом, дебатировался вопрос, сохранилась ли община как пережиток древнейшего периода или возникла заново в процессе феодализации римского общества³⁴?

На протяжении всех 50 лет со страниц «Вестника древней истории» не сходили проблемы, связанные с возникновением, классовой сущностью и функционированием государства в древнем мире³⁵. В последние годы приобрел актуальность вопрос о типологии древних государств. В по-

³³ См. *Струве В. В.* Община, храм и дворец (1963, № 3); *Косвен М. О.* К вопросу о древневосточной общине (1963, № 4); *Янковская Н. Б.* Общинное управление в Угарите (1963, № 3); *Юсифов Ю. В.* Договор о «братстве» в Эламе (1966, № 4); *Алаев Л. Б.* Сельская община как элемент общественного строя древней Индии (1976, № 1).

³⁴ См. *Голубцова Е. С.* Специфика социальных отношений в сельских общинах на городской земле (Малая Азия I—III вв.) (1969, № 1); *Корсунский А. Р.* О деревенском устройстве и системе землепользования в западных провинциях Поздней Римской империи (1977, № 2); *Павловская А. И.* Элементы общинного устройства в египетской коме IV в. н. э. (1978, № 4); *Штаерман Е. М.* Еще раз к вопросу о римской сельской общине (1978, № 2).

³⁵ См., например, *Постовская Н. М.* Начальная стадия развития государственного аппарата в Древнем Египте (1947, № 1); *Крюков М. В.* Род и государство в Иньском Китае (1961, № 2); *Меликишвили Г. А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии (1965, № 2); *Якобсон В. А.* Социальная структура Новоассирийского царства (1965, № 1); *Дандамаев М. А.* Храм и государство в поздней Вавилонии (1966, № 4); *Лундин А. Г.* Царская власть в Южной Аравии в I тыс. до н. э. (1970, № 3).

священной этому статье И. М. Дьяконова и В. А. Якобсона (1982, № 2) выделяются четыре типа государств: «номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Считая, что с теми или иными особенностями эти типы государств прослеживаются во всех областях древнего мира, авторы подчеркивают, что полис как тип самостоятельного государства характерен только для античного мира, хотя отдельные элементы полисного устройства городов прослеживаются и в рамках восточных империй. Вопрос о происхождении и природе раннего города рассмотрен в статье Ю. В. Андреева (1987, № 1). На современном этапе исследования полис изучается в различных аспектах: его возникновение как гражданской общины, соотношение развития полиса — гражданской общины с его развитием как государства и как города, взаимозависимость социально-политической эволюции полиса, его демократизации и социально-политической борьбы внутри гражданского коллектива, кризис полиса, его причины и проявления, различия между греческим полисом и римской *civitas*, причинами и результатами их кризиса и т. д.³⁶

Изучение истории рабовладельческой формации на последнем этапе ее существования было связано с исследованием истории римских провинций, начатое работами Н. А. Машкина по истории римской Африки и продолженное А. Б. Рановичем и А. В. Мишулиным по истории восточных провинций и Испании. Эта проблематика нашла продолжение в советской науке в 60—70-е годы, когда в круг исследований были включены ранее не изучавшиеся области римского мира: Галлия, позднеримская Африка, Британия, Фракия, Дакия, Паннония, Норик, Испания, Египет, Сирия, Малая Азия³⁷. Эти исследования показали особенности развития этих провинций, взаимодействие в них эллинского и римского влияний, степень их романизации, сложение в них римских общественных отношений и институтов.

Тесно связана с историей провинций и лимеса проблема взаимодействия римского и варварского мира. Роль племен в развитии античной ци-

³⁶ См. Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы (1980, № 1); Маринович Л. П. Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э. (1958, № 4); она же. Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н. э. в трактате Энея Тактика (1962, № 3) и др.; Колобова К. М. К вопросу возникновения Афинского государства (1968, № 4); Строецкий В. М. Клисфен и Алкмеониды (1972, № 2); Глушкина Л. М. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса (1973, № 2); Фролов Э. Д. Гаморы и килирии (К оценке социальной структуры и социальной борьбы в архаических Сиракузах) (1982, № 1) и серия его статей о тирании (1971, № 3; 1972, № 2; 1979, № 1); Маяк И. Л. Проблема генезиса римского полиса (1976, № 4); Селецкий Б. П. К вопросу о социально-политической борьбе в Риме в период Югуртинской войны (1970, № 4); Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования Республики (1981, № 4) и др.

³⁷ Г а л л и я: Белова Н. Н. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I—III вв. (1970, № 1) и др.; Б р и т а н и я: Садовская М. С. Надписи римской Британии (1975, № 3); А ф р и к а: Дилигенский Г. Г. Вопросы истории народных движений в Поздней римской Африке (1957, № 2); Ф р а к и я: Мурыгина Н. Ф. Сопротивление фракийских племен римской агрессии и восстание Андриска (1957, № 2); Д а к и я, П а н н о н и я, Н о р и к: Колосовская Ю. К. Завоевание Паннонии Римом (1961, № 1); она же. Римский торговый капитал в Норике в I в. до н. э. — I в. н. э. (1974, № 4), и др.; Е г и п е т: Павловская А. И. К вопросу о рентабельности труда рабов и колонов (1977, № 1); Ф и з м а н И. Ф. Численность населения позднеримского Оксирина (1972, № 3) и др.; М а л а я А з и я: Голубцова Е. С. Специфика социальных отношений в сельских общинах на городской земле (Малая Азия, I—III вв. н. э.) (1969, № 1); Севенцкая И. С. Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии (1963, № 4) и др.; С и р и я: Курбатов Г. Л. К вопросу о корпорации хлебопек в Антиохии IV в. (1965, № 1).

визилизации всегда была огромной. Вся эта проблема в целом рассматривается как широкий круг вопросов о многосторонних контактах двух социально-экономических структур: римского рабовладельческого общества и варварских первобытнообщинных отношений, характерных для большинства окружавших империю племен ³⁸.

Особое место по важности и обилию материала занимают в ВДИ статьи по истории Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Изучение этих регионов строится на публикациях новых, поступающих из раскопок и музеев археологических, эпиграфических и нумизматических памятников и на обобщении уже накопленного материала. Именно в этой области наши исследователи прежде всего имеют возможность сказать первое и наиболее весомое слово в науке. Из многообразия вопросов, рассматривавшихся в опубликованных статьях, можно выделить три кардинальные проблемы: 1) специфика развития классовых обществ, сложившихся на этих территориях; 2) взаимоотношения местных центров с античными обществами Средиземноморья и Передней Азии; 3) взаимодействие полисов и держав с племенной территорией. В той или иной мере они освещаются и в обобщающих, проблемных статьях по истории Причерноморья, и в работах по истории Тиря, Ольвии, Херсонеса, Боспорской державы ³⁹, а также государств Средней Азии и племенной периферии ⁴⁰. Из дискуссий по важным вопросам социальных движений здесь следует особо отметить полемику о восстании Савмака, развернувшуюся в 60-е годы вокруг гипотезы академика С. А. Жебелева ⁴¹. В статьях ученых Грузии, Армении и Азербайджана помимо указанных проблем значительное место занимают вопросы этногенеза народов, населявших их территорию в древности ⁴².

³⁸ Колосовская Ю. К. Проблема «Рим и варвары» в советской историографии античности последних десятилетий (1980, № 3); Ременьников А. М. Борьба племен Среднего Дуная с Римом в 350—370 гг. н. э. (1960, № 3) и др.

³⁹ См., например, вышедшие в последние десятилетия проблемные статьи: Брашинский И. Б. Опыт экономического районирования античного Причерноморья (1970, № 2); Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства (1981, № 2, 3); Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. (1982, № 4 и 1983, № 1); Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов (1980, № 4); Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.—III в. н. э. (1979, № 2); Лордкипанидзе Г. А. Греко-колхские взаимоотношения в VI—IV вв. до н. э. (1982, № 2); Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья (1980, № 1); Рубан В. В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. (1985, № 1); Русаева А. С. Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья (1986, № 2); Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский (1979, № 3); Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (1984, № 3); Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. (1985, № 1); Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI (1980, № 3); он же. Идея всепонтийского единства в древности (1986, № 1) и другие обобщающие его работы.

⁴⁰ Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства (1961, № 1) и др.; Пугаченкова Г. А. О культах Бактрии в свете археологии (1974, № 3); Ртвеладзе Э. В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии (1978, № 4); Литвинский Б. А., Пичикий И. Р. Ножны акинака из Бактрии (1981, № 3); они же и Виноградов Ю. Г. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии (1985, № 4).

⁴¹ Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. (1938, № 3); Гайдукевич В. Ф. Еще о восстании Савмака (1962, № 1); Казакевич Э. Л. К полемике о восстании Савмака (1963, № 1); Голенко К. В. Еще о монетах, приписываемых Савмаку (1963, № 3); Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. (1987, № 1).

⁴² См. обзорные статьи И. Г. Алиева и Э. Б. Алибековой (1977, № 4), Г. Х. Саркисяна (1977, № 4), Г. Г. Гиоргадзе и М. П. Инадзе (1977, № 4), а также статьи: Меликишвили Г. А. К вопросу о социально-экономическом строе древней Иберии (1977,

В последние десятилетия заметно возрос интерес к проблемам идеологии и культуры древнего мира. Наряду с традиционными для журнала статьями по истории литературы и искусства (С. С. Аверинцева, С. П. Борисовской, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин, Л. В. Павленко, З. А. Покровской, Г. А. Пугаченковой, М. В. Скржинской, И. М. Тронского, И. С. Клочкова, В. К. Афанасьевой, В. Г. Лукоцина, Н. А. Чистяковой, В. Н. Ярхо, С. И. Ходжаш и др.) возрастает удельный вес работ, посвященных общетеоретическим проблемам культуры и идеологии, эволюции этических, религиозных и философских представлений. Следует прежде всего упомянуть статьи в ВДИ ученых старшего поколения: А. И. Доватура — по идеологии греческого общества (1978, № 3 и др.), С. Л. Утченко — о римской системе ценностей (1972, № 4; 1973, № 4), К. К. Зельина — о ранней греческой философии (1971, № 4; 1972, № 1). Одной из первых работ Е. М. Штаерман по истории римской культуры была статья «Эволюция идеи свободы в древнем Риме» (1972, № 2). Изучению культуры и философии древней Индии посвятил ряд статей Г. М. Бонгард-Левин (1971, № 1; 1978, № 2; 1979, № 3). Ряд статей по древнегреческой философии опубликовали А. В. Лебедев (1978, № 1—2 и др.) и С. Н. Муравьев (1974, № 4; 1975, № 1; 1984, № 4 и др.), по политическим воззрениям Исократ — В. И. Исаева (1974, № 2 и др.). Большое внимание уделяется идеологическим течениям и философии эпохи раннего христианства (гностицизму, неоплатонизму, манихейству), эстетическим взглядам этого времени⁴³. Очень важная проблема — проблема континуитета в развитии культуры античного мира и средневековья — поставлена в статье З. В. Удальцовой «Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в.» (1984, № 1). В последнее время делаются интересные попытки в области исследования мироощущения древнего человека⁴⁴.

Заметное место в журнале стало занимать изучение культуры и письменной истории с помощью лингвистических методов исследования. Стимулом послужила развернувшаяся в 1980—1986 гг. дискуссия⁴⁵ о прародине индоевропейской языковой общности и миграциях носителей индоевропейских языков, открытая совместными статьями Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова. К сожалению, в этой дискуссии, вызвавшей большой интерес читателей ВДИ, приняли участие преимущественно лингвисты, и едва ли можно считать итогом дискуссии ответ Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова своим оппонентам.

Значительное место в жизни журнала с момента его основания занимают публикации памятников монументальной и малой эпиграфики, нумизматики, а также археологии и древней архитектуры, как добытые

№ 4); *Еремян С. Т.* Армения в эпоху Давида Непобедимого (1980, № 4); *Юсифов Ю. Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона), (1987, № 1); *Алиев И. Г.* Племена и племенные группы в Атропатене (Формирование мидийско-атропатенского этноса) (1987, № 3).

⁴³ См. статьи Г. А. Кошеленко (1964, № 3), М. К. Трофимовой (1970, № 1), А. И. Сидорова (1979, № 1; 1980, № 3) и др., Ю. А. Шичалина (1978, № 1), В. В. Бычкова (1977, № 3) и др.

⁴⁴ См., например, *Романов В. Н.* Некоторые особенности этических представлений древних индийцев (1980, № 3); *Антонова Е. В.* Представление древних обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика IV — первой половины III тыс. до н. э. (1983, № 4); *Большаков О. А.* Представление о Двойнике в Египте Старого царства (1987, № 2).

⁴⁵ См. относящиеся к дискуссии статьи Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова (1980, № 3; 1981, № 2; 1984, № 2); И. М. Дьяконова (1982, № 3—4); Л. А. Лелекова (1982, № 3); Г. Б. Джаукяна (1986, № 3) и Г. А. Климова (1986, № 3).

при раскопках, так и давно хранящиеся в музеях страны ⁴⁶. Большинство публикаций отличает стремление их авторов, всесторонне изучив издаваемый памятник, превратить его в полноценный исторический источник, вписать его в исторические рамки эпохи ⁴⁷.

Одним из показателей работы любого научного, а особенно исторического журнала является отдел рецензий и библиографии, дающий информацию и оценку научной продукции, отечественной и зарубежной, и предоставляющий широкую возможность и для научной полемики и для борьбы с буржуазными концепциями. Однако отдел критики и библиографии журнала вызывает много нареканий. Журнал справедливо упрекают в случайном подборе книг для рецензирования, в запаздывании с рецензиями, в отсутствии оперативной информации о новейших зарубежных публикациях письменных и археологических памятников, недостаточной критичности некоторых рецензий. Глубокие, научно обоснованные рецен-

⁴⁶ См., например, материалы по древневосточной тематике: *Павлов В. В.* Древнеегипетская скульптурная голова мужчины из музея в Киве (1952, № 3) и др.; *Доконт Н. Г.* Древнеегипетские памятники в Одесском гос. археологическом музее (1960, № 3); *Ходжаи С. И.* Египетские скарабеи позднего Среднего царства из ГМИИ им. А. С. Пушкина и Гос. Эрмитажа (1973, № 3; 1976, № 2; 1978, № 3); *Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы и другие тексты Гос. Эрмитажа и ГМИИ (1969, № 4); она же. Коптская ткань V—VI вв. из собрания Гос. Эрмитажа (1971, № 3); *Ланда Н. Б.* Стела jrp (первая половина XIV в. до н. э.) (1974, № 2); *Вогословский Е. С.* Памятники и документы из Дэр эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР (1972, № 1—4; 1973, № 1—3); он же. Статуя № 2101 ГМИИ им. А. С. Пушкина (1970, № 1) и др.; *Берлев О. Д.*, *Ходжаи С. И.* Наконечник копья фараона Яхмеса I из ГМИИ им. А. С. Пушкина (1979, № 3); *Рубинштейн Р. И.* Ушебти из собрания ГМИИ с необычными надписями и просопографией (1980, № 3) и др.; *Лившиц В. А.*, *Лукошин В. Г.* Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах (1964, № 3); *Пиотровский Б. Б.* Две египетские надписи VI династии в Вади-Аллахи (Нубия) (1966, № 1); *Воробьева-Десятовская М. И.* Надписи письмом кхароштки на золотом предмете из Дальверзин-тепе (1976, № 1); *Перизанян А. Г.* Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ (1961, № 3); *Арутюнян Н. В.*, *Оганесян К. Л.* Новые урартские надписи из Эрбруни (1970, № 3).

⁴⁷ Из публикаций наиболее важных в историческом отношении памятников назовем статьи по лапидарной эпиграфике: *Белова Н. С.* Посвятительная надпись из Кеп (1970, № 2) и др.; *Болтунова А. И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора (1964, № 3) и др.; *Карышковский П. О.* Материалы к собранию надписей Сарматии и Тавриды (1959, № 4; 1962, № 3; 1966, № 2); *Соломоник Э. И.* Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму (1961, № 4) и др.; по керамической и прочей малой эпиграфике: *Бадальянц Ю. С.* Родосские амфорные клейма из Нимфея (1970, № 3) и др.; *Брашинский И. Б.* Фасосская амфора из Нимфея и некоторые вопросы античной метрологии (1978, № 2); *Виноградов Ю. Г.* Киклические поэмы в Ольвии (1969, № 3) и др.; *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм (1985, № 1); *Русыева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии (1978, № 1); *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии (1980, № 2 и 3); по нумизматике: *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки (1970, № 2); *Гилевич А. М.* Клад монет из раскопок в Ольвии в 1973 г. (1984, № 3); *Голенко К. В.* Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. (1964, № 4) и мн. др.; *Золотарев М. И.* Два типа редких монет Феодосии IV в. до н. э. (1984, № 1); *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья (1957, № 2; 1960, № 3; 1961, № 4; 1964, № 1); *Кутайсов В. А.* К нумизматике Керченитиды V в. до н. э. (1986, № 2); *Пилипко В. Н.* К вопросу о чекане Митродатокерта (1987, № 1); *Фролова Н. А.* Боспор и Рим в конце I — начале II в. н. э. по нумизматическим данным (1968, № 2) и др.; по археологии, искусству и архитектуре: *Греч Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее (1984, № 1); *Колейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора (1972, № 1); *Неверов О. Я.* Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР (1979, № 1); *Пичилян И. Р.* Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. (1975, № 1) и др.; *Ртвеладзе Э. В.* Кушанская крепость Кампыр-тепе (1984, № 2); *Толстиков В. П.* Святилище на акрополе Пантикапея (1987, № 1). См. также статьи, указанные в прим. 39, 40.

зии на крупные зарубежные работы или работы методологически значимые, рецензии, содержащие анализ теоретических позиций автора и методики его исследования, появлялись в журнале сравнительно редко⁴⁸.

Начиная с 60-х годов «Вестник» регулярно публиковал библиографический указатель опубликованной в СССР литературы по истории античного мира, составившийся И. Е. Борщ, а с конца 50-х годов — библиографический обзор новой иностранной литературы по египтологии, подготовившийся Н. Е. Семпер.

Большую роль в популяризации древней истории, поднятию интереса к ней широкой читающей публики, а также в учебно-педагогическом процессе играет отдел «Приложений», в котором с первых лет существования журнала публикуются переводы греческих и латинских авторов, а также эпиграфических документов. Из наиболее важных следует назвать переводы Прокопия, Арриана, Аппиана, Мемнона, Юстина, авторов жизнеописаний Августов, Исократа, Юлиана, Аврелия Виктора, греческих ораторов IV в., Энея Тактика, Эпиктета, Геродиана, Пиндара, «Моралий» Плутарха, Веллея Патеркула, Цицерона, Публилия Сира, Стесихора и др. Для востоковедов большое значение имели публикации И. М. Дьяконовым законов Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, а также ассиро-вавилонских источников по истории Урарту и издание Г. А. Меликишвили урартских клинообразных надписей; для изучающих римскую историю — подборка Е. М. Штаерман латинских надписей по социально-экономической истории Ранней римской империи, а для специалистов и интересующихся историей Северного Причерноморья — переиздание (в переводе с комментариями) хрестоматии В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе». Особо следует отметить издание Б. Н. Граковым в ВДИ, 1939, № 3 сборника эпиграфических свидетельств о Северном Причерноморье, происходящих из областей за его пределами: все тексты не только даны в оригинале и переводе, но и исчерпывающе прокомментированы.

Завершая наш выборочный обзор проблем и тематики исследований, публиковавшихся в ВДИ, остановимся на содержании передовых статей, имеющих в известной мере цель направлять и организовывать работу журнала, и статей методологического характера. Их анализ показывает, как на протяжении пятидесятилетия менялась атмосфера исследовательской работы, изживались голый социологизм и догматическое начетничество. В опубликованных за последнее время статьях, посвященных значению творческого наследия классиков марксизма для изучения истории, и общие теоретические положения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и их отдельные высказывания по проблемам древней истории рассматриваются в контексте исследовательской работы в нашей отрасли науки, и это открывает возможность подойти к некоторым как будто устоявшимся концепциям с новых позиций. Об этом свидетельствуют статьи В. И. Кузицина «Некоторые проблемы древней истории в свете ленинских идей» (1980, № 2) и «К. Маркс об античной экономике» (1983,

⁴⁸ В свое время такого рода рецензии писали А. Б. Ранович, Я. А. Ленцман, В. В. Струве, К. К. Зельин, И. М. Лурье. За последние десятилетия важные в методологическом плане рецензии и обзоры были опубликованы Е. М. Штаерман (ВДИ, 1968, № 3; 1970, № 1 и 3; 1979, № 3; 1980, № 2; 1982, № 3 и др.), Л. М. Глускиной (1970, № 4; 1986, № 2), Л. П. Маринович (1986, № 4); В. М. Смирным (1980, № 4), Е. С. Голубцовой и В. М. Смирным (1982, № 1), О. А. Большаковым (1985, № 3), А. А. Вигасиным (1987, № 1) и рядом других авторов.

№ 2), Е. С. Голубцовой «Карл Маркс о роли общины в древнем мире» (1983, № 3), В. Н. Андреева «К. Маркс о цели античного производства и афинская экономика V—IV вв. до н. э.» (1983, № 4), А. И. Немировского и В. Л. Цымбурского «Ф. Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрускологии» (1984, № 3).

За 50 лет своего существования журнал стал крупным исследовательским органом в области древней истории. Он объединяет вокруг себя всех историков древнего мира, работников исследовательских институтов, вузов, музеев. ВДИ пользуется популярностью в нашей стране и за рубежом, тираж журнала непрерывно растет. Об авторитете «Вестника» за рубежом наглядно свидетельствует тот факт, что на его страницах печатались многие иностранные ученые, большинство из них из социалистических стран; можно надеяться на дальнейшее расширение такого сотрудничества.

«Вестник древней истории» выступает и как организатор научной жизни страны, периодически устраивая авторско-читательские конференции по определенной тематике. Участники их не только выступают с научными докладами, но и высказывают свои пожелания по улучшению работы редколлегии и редакции.

Но юбилей журнала — это не только констатация достижений, но и выявление пробелов в его работе и определение задач его развития. Не удовлетворяющая современным требованиям работа отдела критики и библиографии требует коренной перестройки, активного участия в рецензировании ученых высокой квалификации, повышения научного и методологического уровня рецензий. Журнал начал испытывать недостаток в обобщающих и теоретических статьях, нужно смелее привлекать к созданию таких работ молодых ученых.

На проведенной в июне 1987 г. X юбилейной авторско-читательской конференции ВДИ были подведены итоги работы журнала, намечены пути по устранению недостатков в свете новых требований, предъявляемых в настоящее время к общественным наукам.

«Вестник древней истории» сформировался на основе углубленной разработки проблем древней истории с позиций марксистской методологии, и это направление его работы должно оставаться главным. Это особенно важно в современных условиях перестройки всех сторон общественной жизни и научной деятельности, требующих нового теоретического переосмысления многих устоявшихся концепций.

Г. М. Бонгард-Левин, Г. А. Кошеленко, Р. М. Мунчаев

ИСКУССТВО МАТХУРЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Матхурская школа скульптуры, с точки зрения почти всех современных исследователей — высшее достижение древнеиндийского искусства. Огромное значение ее в истории искусства Индии несомненно. Художественные изделия этой школы были чрезвычайно популярны в древней Индии. Одним из наиболее ярких показателей ее популярности — ареал находок произведений скульптуры этой школы¹. В 1966 г. Н. П. Джоши составил список находок матхурской скульптуры, который включал 21 пункт: в Пакистане — 1 (Таксила), в штате Пенджаб — 1 (Палвал), в штате Раджастан — 2 (Бхафатпур, Осиян), в штате Мадхья Прадеш — 1 (Санчи), в штате Бихар — 3 (Раджагриха, Будх-Гайя, Паталипутра), в штате Уттар Прадеш — 13 (Сарнатх, Тандва, Сахет-Махет, Баджидпур, Тусаран, Вихар, Лахарпур, Муса-Нагар, Этах, Касья, Амаравати, Бхита, Косам, Агра)². В 1984 г. Р. С. Шарма к этому списку добавил еще 4 пункта: Беграм (Афганистан), Гандрапету Гарх (штат Западная Бенгалия), Махастан (Бангладеш), Шравасты (штат Уттар Прадеш)³.

Однако скоро выяснилось, что и этот список не полон. В 1985 г. более 100 скульптур явно матхурского происхождения было открыто в Санголе (Пенджаб)⁴. Кроме того, один из авторов настоящей статьи видел в городе Нагар (штат Раджастан) вделанными в стены местного храма несколько скульптурных головок, случайно найденных на близлежащем городище Нагар. В принадлежности их к матхурской школе сомневаться не приходится. Бесспорно, что число пунктов с матхурской скульптурой будет возрастать и в дальнейшем.

¹ Матхурские мастера обычно пользовались особым типом камня (красного с белыми включениями), очень легко отличимым от любого другого, применявшегося для изготовления скульптуры в древней Индии. Его обычно называют песчаником из Сикри (по местонахождению главных каменоломен в горах Виндхья, в северной части штата Уттар Прадеш). Интересным является наблюдение ученых о качестве камня, использовавшегося скульпторами. В кушанский период, когда скульптура производилась в массовом числе, требования к качеству камня понижались, часто использовался камень с большим количеством «белых включений». Для того, чтобы они не портили общего впечатления, их нередко закрашивали красной краской. В гуптское время камень для производства скульптур подбирали более тщательно — с минимальным количеством включений. Подробнее см. *Newman R. The Stone Sculpture of India. A Study of the Materials used by Indian Sculptors from ca. 2nd Century B. C. to the 16th Century. Cambr. Mass., 1984, p. 43.*

² *Joshi N. P. Mathura Sculptures. A Handbook to Appreciate Sculpture in the Archaeological Museum, Mathura. Mathura, 1966, p. 72—78.*

³ *Sharma R. C. Buddhist Art of Mathura. Delhi, 1984, p. 128.*

⁴ *Kushana Sculptures from Sanghol (1st — 2nd Century A. D.). A Recent Discovery. V. 1. Ed. by Gupta S. P. New Delhi, 1985.*

По оценке В. Агравалы в 40-х годах было известно примерно 5000 произведений матхурского искусства. В середине 80-х годов Р. С. Шарма увеличивает эту цифру в два раза. Дело, однако, не только в цифровых выкладках, хотя они — свидетельства чрезвычайно широкого распространения по всему субконтиненту произведений матхурской школы. Искусство Матхуры отвечало художественным запросам всего огромного региона и неизбежно должно было влиять на местные скульптурные школы, как бы заставляя местных скульпторов подражать «импортным» матхурским образцам⁵. Присутствие матхурских мастеров в различных частях Индии засвидетельствовано и эпиграфическими находками. Например, в Кушинагаре была обнаружена статуя Будды, созданная скульптором Динной, жителем Матхуры⁶.

Вместе с тем матхурская школа должна рассматриваться как локальная художественная школа (наряду с гандхарской и бактрийской), существовавшая в рамках Кушанского государства, охватывавшего в пору своего расцвета огромные территории: от юга Средней Азии до Центральной Индии. Изучение ее чрезвычайно важно для понимания историко-культурных процессов в развитии всего этого региона, выявления как общего, характерного для всего государства в целом, так и частного, специфического, порожденного особыми местными условиями.

История изучения искусства Матхуры насчитывает уже более 150 лет. Первые памятники этой школы стали известны еще в 1836 г.⁷ В дальнейшем накопление вещественного материала, полученного как в результате специально проведенных археологических раскопок, так и благодаря сбору случайных находок привело к достаточно четкому выявлению специфики матхурской школы искусства. Само понятие «матхурская школа искусства» впервые появилось в начале XX в., когда Ж. Фогель попытался определить ее особенности, отличия от предшествующих стадий развития искусства Индии и от существовавшей одновременно с ней гандхарской школы⁸. Нет необходимости говорить о том, что и в дальнейшем исследование искусства Матхуры активно продолжалось, находя свое отражение в большом числе специальных статей, монографий, а также в главах общих работ, посвященных истории Индии. Параллельно шло накопление нового материала как в самой Матхуре, так и в целом ряде других областей, входивших в древности в состав Кушанского царства. Это расширяло и углубляло проблематику, давало новые импульсы к исследованию.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы в самой общей форме попытаться подвести итоги изучения матхурского искусства и отметить основные проблемы, которые нуждаются в дальнейшем исследовании.

Рассматривая прежде всего вопрос о корнях данной школы, необходимо подчеркнуть, что она родилась не на пустом месте. В значительной мере это закономерный итог всего предшествующего развития искусства

⁵ Первым, кто это отметил, был еще А. Каннинггэм (*Cunningham A. Archaeological Survey of India. V. XI. Report of Tour in the Gangetic Provinces from Badaon to Bihar in 1875—76 and 1877—78. Calcutta, 1880 (reed. Varanasi, 1968), p. 75—76*).

⁶ См. *Vogel J. Ph. Buddhist Art in India, Ceylon and Java. Oxf., 1936, p. 75—76*.

⁷ См. *Stacy L. R. Note on the Discovery of a Relic of Grecian Sculpture in Upper India. — JASB, 1836, v. V, p. 567—570*.

⁸ См. *Vogel J. Ph. The Mathura School of Sculpture. — Archaeological Survey of India. Annual Report 1906—1907. Calcutta, 1909, p. 137—160; idem. The Mathura School of Sculpture. — Archaeological Survey of India. Annual Report 1909—1910. Calcutta, 1914, p. 63—79*. Позднее все основные идеи автора были развиты в монографии — *idem. La Sculpture de Mathura. Paris — Brussel, 1930 (Ars Asiatica, v. XV)*.

древней Индии. Генезис матхурской школы рассматривается специалистами, как правило, под двумя углами зрения: с точки зрения развития традиционных черт искусства Индии, с которыми она связана тысячами прочных нитей, и анализа той конкретной социально-экономической, политической и духовной атмосферы, которая существовала в Матхуре в период становления и развития матхурской скульптурной школы.

Действительно, скульптура Матхуры (в своей классической форме) — явное продолжение традиций древнеиндийского искусства предшествующего времени, наиболее ярко представленных скульптурой Бхархута и Санчи. Однако, восприняв ряд сюжетов, орнаментальных мотивов, стилистических особенностей от искусства Бхархута и Санчи, Матхура в то же время принципиально отличается от них. Она отличается и наличием новых тем и образов и новыми способами изображения человека⁹ (причины появления новых явлений в искусстве Матхуры объясняются по-разному, см. ниже).

К сожалению, пока нет возможности с достаточной точностью определить время появления матхурской школы. Можно лишь предполагать, что ее начало относится к шунгскому времени¹⁰. В связи с этим необходимо отметить одно, на наш взгляд, очень важное обстоятельство, которому особое значение придавал Н. П. Джоши, — в Матхуре не зафиксированы монументальные произведения каменной скульптуры маурийского времени (в первую очередь им имелись в виду знаменитые полированные колонны с фигурными капителями). Это находится в разительном противоречии с данными поздней буддийской традиции, в частности, с сообщениями китайских паломников раннесредневекового времени о строительстве в Матхуре ряда буддийских ступ при Ашоке¹¹.

Во времена Шунгов и особенно кшатрапов Матхура уже, видимо, была достаточно крупным центром искусства. В период кшатрапов в городе уже была знаменитая джайнская ступа, «построенная богами» на холме Канкали-тила¹². К этому же времени относятся и ряд джайнских надписей, обнаруженных в Матхуре¹³. В музеях Матхуры и Лакнау хранится ряд произведений матхурского искусства этого времени (несколько столбов с рельефными изображениями — от ограды ступы, ряд рельефов со сценами из джатак, статуи якш и т. д.). Самым важным выводом к которому пришли исследователи (и он нам кажется справедливым),

⁹ *Idem.* The Mathura School..., p. 148; *idem.* Buddhist Art..., p. 30—32; Rowland B. The Art and Architecture of India. Buddhist, Hindu, Jain. Harmondsworth, 1956, p. 85; Bajpayi K. D. The Kushana Art of Mathura. — Marg, 1962, v. XV, № 2, p. 28; Agrawala V. S. Indian Art. A History of Indian Art from the Earliest Times to the Third Century A. D. Varanasi, 1965, p. 217; *idem.* Masterpieces of Mathura Sculpture. Varanasi, 1965 (reed. 1985); Vogel J. Ph. Catalogue of the Archaeological Museum of Mathura. Allahabad, 1910, p. 33; *idem.* La Sculpture..., p. 23.

¹⁰ Joshi. Mathura Sculptures..., p. 10—19; Agrawala V. S. Pre-Kushana Art of Mathura. Varanasi, 1933 (reed. 1964); Rowland. The Art..., p. 85.

¹¹ Joshi. Mathura Sculptures..., p. 10; Agrawala. Indian Art..., p. 217 f.

¹² Smith V. The Jain Stupa and Other Antiquities of Mathura. Allahabad, 1901 (Archaeological Survey of India. New Imperial Series. V. XX. North Western Provinces and Oudh. V. V. Muttra Antiquities).

¹³ См. в частности, Bühler G. On the Authenticity of the Jaina Tradition. — VOR, 1887, v. I, p. 165—180; *idem.* Further Proofs of the Authenticity of the Jaina Tradition. — VOR, 1888, v. II, p. 141—146; 1889, v. III, pp. 233—240; 1890, v. IV, p. 313—331; *idem.* New Jaina Inscriptions from Mathura. — EI, 1892, v. I, p. 371—397; *idem.* Further Jaina Inscriptions from Mathura. — EI, 1894, v. II, p. 311—323; *idem.* A Legend of the Jaina Stupa at Mathura. — Sitzungsber. d. Kaiserlichen Akad. d. Wiss. in Wien, 1897; *idem.* On the Indian Sect of Jainas. Transl. from the German. Ed. by Burgess J. L., 1903.

Рис. 1. Рельеф с изображением сцены поклонения ступе. Музей в Лакнау

является вывод от том, что матхурское искусство этого времени принципиально не отличается от «староиндийской» школы, лучше всего известной по скульптурам Бхархута и Санчи ¹⁴.

Характерными чертами шунгского периода (и, видимо, значительной части кшатрапского) в развитии матхурской скульптуры были следующие: 1) низкий рельеф; 2) мужские и женские фигуры имеют очень большое количество украшений; 3) глазное яблоко обычно не воспроизводится; 4) драпировки одежды фигур, как правило, тяжелые, и одежда не облекает тела; 5) у женских фигур сложные головные уборы, для которых используются воспроизведения кусков тяжелой ткани, венков, гирлянд, бус; 6) мужские фигуры со специфическими, «взбитыми» тюрбанами, сверху украшенными обычно гребнем, очень часто локоны волос показаны выбивающимися из-под тюрбанов; 7) скульпторы этого времени никогда не делают попыток передать эмоции, настроения человека или любого другого существа; 8) наиболее яркий признак — отсутствие скульптурных изображений Будды. Он изображался только в виде символов (ступа, триратна, трон, тюрбан, чаша бхикшу, дерево бодхи, колесо «Закона» и т. д.) ¹⁵.

Основная часть скульптуры как в Бхархуте, так и Санчи, принадлежит к декору ступ. Здесь, правда, имеется одно отличие: в Бхархуте и Санчи — ступы буддийские, здесь же имела (как мы указывали выше) и джайнская ступа (или ступы) (рис. 1). Однако, в принципе, ни с точки зрения конструкции, ни с точки зрения декора, джайнские ступы совершенно не отличались от буддийских. Скульптура, как известно, украшала главным образом

¹⁴ Joshi. *Mathura Sculptures...*, p. 10—19; Agrawala V. S. *Handbook of the Sculptures in the Curzon Museum of Archaeology*, Muttra. Allahabad, 1938, p. 7.

¹⁵ Joshi. *Mathura Sculptures...*, p. 10—11.

ограду ступы: ворота, столбы ограды, поперечные балки и т.д. В Матхуре этого времени представлены практически все те же мотивы, способы изображения, система символов и набор орнаментальных мотивов, которые имеются в Бхархуте и Санчи. Среди них особо отметим мотивы поклонения ступе, сцены из джатак, широкое использование растительных мотивов в декоре (в первую очередь цвета лотоса), тему женщины-салабханджики и т.д.

Наиболее интересными и, видимо, наиболее специфическими для Матхуры этого времени скульптурными изображениями являются колоссальные статуи якш, культ которых был чрезвычайно популярен в Матхуре¹⁶. Современные исследователи считают, что эти изображения появились еще в маурийскую эпоху и представляют собой воплощение народной струи в искусстве Северной Индии, противостоящей официальному искусству Маурьев. В районе Матхуры было найдено несколько таких статуй якш (не менее четырех), две из них — подписные. В надписях упоминались имена скульпторов — Гомитака и Нака, но в обоих один и тот же учитель — некий Куника. Это обстоятельство позволяет говорить о сложении профессионального искусства в Матхуре в это время.

Ранние изображения якш обладают ярко выраженной характерностью, они монументальны и значительны по размерам. Иногда на этом основании их называют «грубыми», что вряд ли справедливо. Эти произведения искусства очень точно отражают основную идею, которая была заложена их создателями, — передать мощный облик «сверхчеловеческих» существ. Естественно, что на данном уровне развития искусства наиболее простой и понятный метод достижения этой цели — подчеркнутая масштабность и монументальность.

В этот же период, видимо, стали изображаться в скульптурной форме и некоторые божества, почитавшиеся вишнунитами и шиваитами. К числу таких изображений относятся Баларама, Шива (Шивалингам), Камача. Можно предполагать, что уже в ведийский период в Индии существовали изображения божеств. Начиная с IV в. до н.э. изображения божеств индуистского пантеона стали достаточно широко распространенным явлением. Изображение божества, его «икона» стали объектом почитания и своеобразным методом привлечения верующих¹⁷. В районе Матхуры изображения индуистских божеств стали создаваться в шунгско-кшатрапский период. Значительно сложнее представить характер эволюции искусства Матхуры внутри этого (достаточно длительного) периода. Одна из основных тенденций в ее развитии — постепенное уменьшение масштабов скульптуры.

Самые важные изменения в искусстве Матхуры происходят на следующем этапе ее развития — кушанском. Именно тогда матхурская школа приобрела свою специфику, столь четко выделевшую ее из всех предыдущих стадий развития скульптурного искусства древней Индии¹⁸. В это время продолжается творческое освоение наследия Бхархуты и Санчи. Создание своеобразной матхурской школы означало дальнейшее развитие искусства Индии. При всем своем своеобразии школа Матхуры оставалась индийской, шла в русле традиций древнего индийского искусства, хотя процесс ее создания отразил и воздействие ряда других художественных явлений.

¹⁶ Agrawala. Pre-Kushana Art..., p. 7 f.

¹⁷ Sharma. Buddhist Art..., p. 148 f.

¹⁸ Agrawala. Masterpieces..., p. 3, 13; *idem*. Handbook..., p. 7; Vogel. Catalogue..., p. 27; *idem*. La Sculpture..., p. 23.

Основные скульптурные произведения этого времени могут быть сгруппированы в следующие категории: 1) джайнская скульптура (статуи тиртханкаров и рельефные плиты-аягапаты); 2) фигуры Будды и бодхисатв; 3) изображение божеств брахманического цикла; 4) изображения полубожественных существ (якши, якшини, наги, вакхические сцены); 5) рельефные плиты с изображением различных сцен (в первую очередь изображения эпизодов из различных джатак); 6) архитектурные детали с рельефными изображениями (столбы и поперечные балки от ограды ступ, обрамления дверей, решетки и т.д.); 7) статуи кушанских царей ¹⁹.

В качестве одной из самых важных особенностей матхурского искусства этого времени является единство стиля, единство художественных принципов вне зависимости от «конфессиональной» принадлежности скульптуры ²⁰. Причин этому было несколько: параллельное развитие ряда религиозных систем в пределах одного города и одного района; общий источник и общий фонд изобразительных средств и приемов; взаимопроизносимость религиозных и художественных образов и сюжетов из одной конфессиональной сферы в другую ²¹ и т. д.

Специфика матхурского искусства не ограничивается тем, что по сравнению с шунгско-кшатрапским периодом резко возросло число тем и сюжетов, отображаемых в скульптуре. Эта специфика не в меньшей, если не в большей степени сказалась в области стиля, в приемах и методах изображения. Скульпторы Матхуры, прежде всего, отказались от многих условных приемов, свойственных более ранней стадии развития искусства. Было отброшено ранее достаточно строго соблюдавшееся правило фронтальности в изображении живых существ, в первую очередь людей. Скульптура Матхуры кушанского времени говорит о резко возросшем интересе к человеку и соответственно о реалистической передаче облика; иногда мы можем даже говорить о портретности.

Человек занял ведущее место в искусстве Матхуры. Естественным результатом стало возросшее мастерство скульпторов при передаче человеческого тела. Поражает свобода в передаче образа человека, множество поз и ракурсов, которые стали доступны мастерам Матхуры. Особенно многочисленны изображения женщин в матхурском искусстве кушанского времени (рис. 2,3). Тема женской красоты — одна из ведущих в творчестве скульпторов Матхуры. Особенно часто женщины изображались на рельефах оград ступ. Поразительно разнообразие их поз и занятий, запечатленных в скульптуре ²².

Естественным результатом этого нового подхода к теме человека явилась повсеместная, хотя и постепенная замена низкого рельефа горельефом. Одновременно происходит и увеличение размера фигур в рельефе — приближение их к натуральному человеческому масштабу. Грузные и массивные фигуры, столь характерные для предшествующего времени, теперь заменяются гораздо более пропорциональными и стройными. Передача одежды также становится более мастерской. Тяжелые полосы одежды, характерные для более раннего времени, сменяются более легкими,

¹⁹ Joshi. *Mathura Sculptures...*, p. 15.

²⁰ См. Kieffer C. M. *Kushana Art and the Historic Effigies of Mat (India) and Surkh Kotal (Afghanistan)*. — *Marg*, 1962, v. XV, № 2, p. 44.

²¹ Например, культ нагов включался и в брахманические системы и в буддизм. См. Vogel J. Ph. *Naga Worship in Ancient Mathura*. *Archaeological Survey of India. Annual Report*. 1908—1909. Calcutta, 1912, p. 159—163.

²² См. Agrawala. *Indian Art...*, p. 221 f.; *idem*. *Mathura Railing Pillars*. Varanasi, 1966.

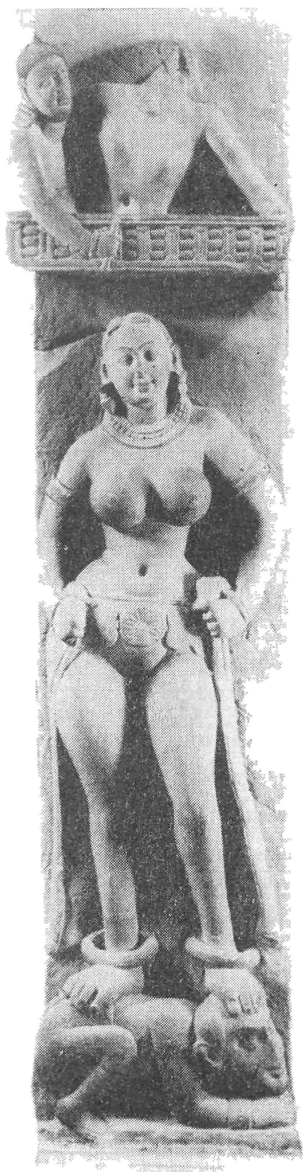

Рис. 2. Рельеф с изображением салабхаджикки. Музей Матхуры

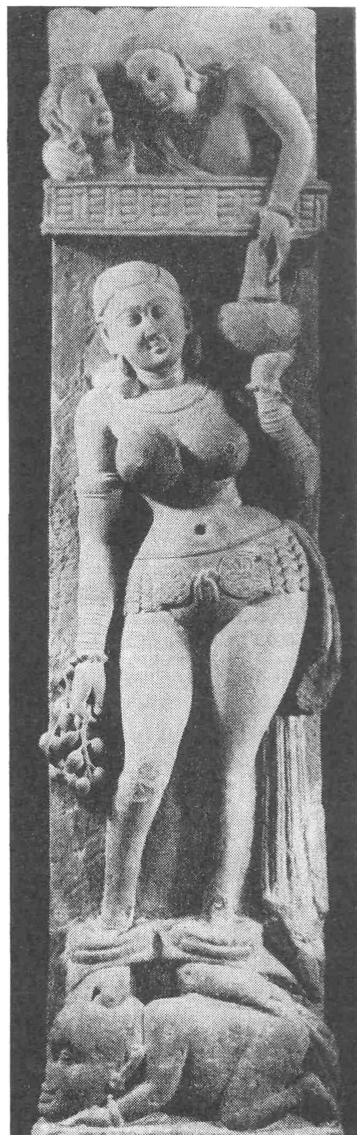

Рис. 3. Рельеф с изображением салабхаджикки. Музей Матхуры

рисунок одежды на теле более точно передает и общий абрис фигуры и особенности самой ткани, облегающей тело. При этом динамика развития в сторону реалистической передачи образа человека более заметна в изображениях мужских фигур, чем женских. На более раннем этапе развития матхурской школы (в рамках кушанского периода) мужчины, как правило, изображались так, что левое плечо у них было покрыто одеждой; все внимание уделялось реалистическому воспроизведению верхней части тела,

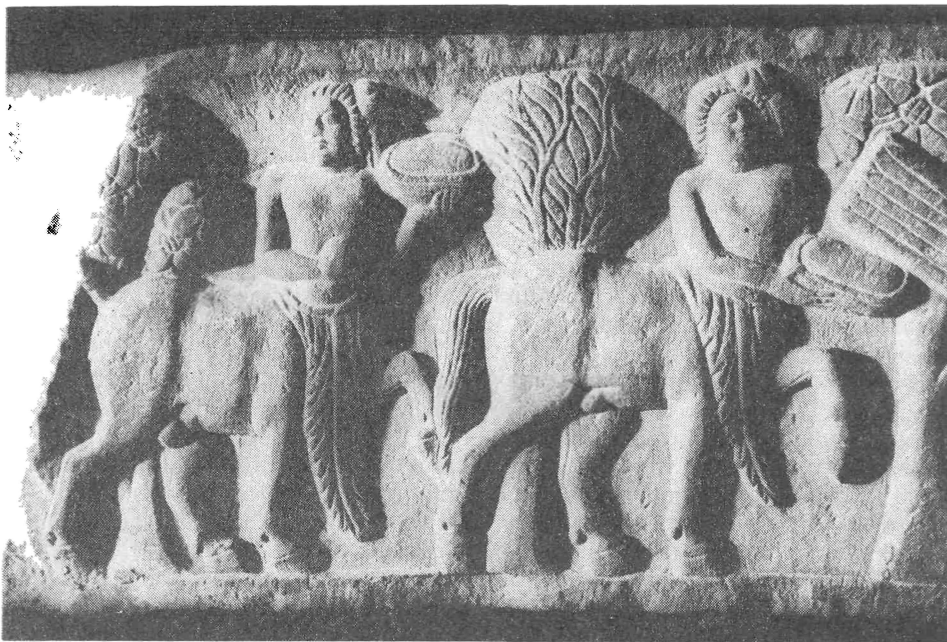

Рис. 4. Рельеф с изображением кентавров. Музей в Лакнау

Позднее (примерно во II в. н.э.) вся мужская фигура уже изображается достаточно реалистично, одна нога, как правило, изображается стоящей прямо, вторая слегка согнута в колене.

Еще более ярким показателем развития в сторону реализма — широкое распространение круглой скульптуры.

Важным нововведением, характерным для кушанского периода, стало изменение методов передачи различных сцен в рамках одного повествовательного сюжета²³. В Бхархуте и Санчи не существовало границ между различными сценами. В Матхуре был введен принцип «кадрирования». Одна сцена практически всегда отделялась от другой, они отчленялись либо по вертикали, либо по горизонтали. Границы между различными сценами обозначались орнаментальными полосами, пилястрами или иным способом.

Одной из основных черт матхурской школы в кушанское время стало соединение старых декоративных, условных мотивов с новыми. В это время, например, наряду с ранее преобладающим в декоре цветком лотоса появились и новые растительные мотивы: изображения дерева ашоки, бодхи, чампа и т.д. Очень популярными стали изображения различных животных: крокодила, рыбы, носорога, тигра, слона, лошади, быка, змеи, различных птиц, белки и т.д., а также фантастических существ: рыбоподобного слона, рыбоподобного крокодила, крокодила с клювом попугая, крылатого льва или крылатого льва с некоторыми рыбьими чертами, крылатой антилопы, крылатого волка, крылатого козла, лягушки с человеческой головой, льва с собачьими лапами и т.д. (рис. 4). Широко

²³ Подробнее см. *Coomaraswamy A. K. History of Indian and Indonesian Arts. Varanasi, 1956, p. 65—66.*

представлены различные символы: свастика различных видов, ступа и т. д. Все символические мотивы могут быть разделены на две категории: традиционные индийские и заимствованные из эллинистического искусства²⁴. К первой категории относятся: птицы, изображения ступ, вихар, чайтвев, зубчатой стены, четырех или пяти кубов, уменьшающихся в размерах и поставленных один на другой (райша—*pattika*), вазы, свастики, двух рыб, двух сосудов, поставленных один на другой и т. д. Ко второй категории могут быть причислены иные изображения: эроты, поддерживающие гирлянды, виноградная лоза, коринфская капитель, аканфовый лист и т. д. Одной из основных особенностей матхурской школы кушанского времени, как уже отмечалось, является появление не символических, но имеющих человеческий облик изображений Будды, джайнских тиртханкаров, широкое распространение изображений брахманических божеств²⁵.

Матхура была одним из важных центров джайнизма. Господствующее положение занимала здесь секта шветамбаров²⁶. Первоначально джайнизм отвергал ритуальные изображения²⁷. В дальнейшем, однако, широко популярными стали символические изображения, бывшие объектами поклонения: священный столб, священное дерево, так называемые «восемь благоприятных символов», ступа, колесо и т. д. В дальнейшем в джайнском искусстве особо популярными были каменные плиты — *āyagaraṭa*. Эти прямоугольные по форме каменные плиты имели изображение одного или нескольких символов, а иногда — в центре — маленькую фигурку сидящего Джинны. Надписи показывают, что эти плиты были объектами поклонения²⁸. Изображение тиртханкаров впервые появляется именно на этих плитах.

В Матхуре²⁹ важнейшим центром джайнизма были две ступы на холме Канкали-тила³⁰. Раскопки на этом холме обнаружили древнейшие скульптурные изображения тиртханкаров, для которых характерны следующие черты: они изображаются либо стоящими, либо сидящими с перекрещенными ногами: на головах либо маленькие завитки волос, либо головы обриты; обычно глазное яблоко не изображается (хотя иногда скульпторы более позднего времени добавляли его изображение на ранее созданные фигуры кушанского времени); мочки ушей у ранних фигур никогда не бывают столь длинными, чтобы касаться плечей; лица, как правило, не передают эмоций, за исключением лишь легкой улыбки; в тех случаях, когда тиртханкары изображаются сидящими с перекрещенными ногами, на подошвах появляется изображение триратны и колеса «Закона». на ладонях — только изображения колеса «Закона», посередине груди — символ, похожий на кадуцей; в ранний период фигуры тиртханкаров не имеют «идентифицирующих» символов, по которым легко можно от-

²⁴ Ibid., p. 50—51.

²⁵ Joshi. *Mathura Sculptures...*, p. 21—25.

²⁶ Bühler. *On the Authenticity...*, p. 180.

²⁷ Подробнее см. Shah U. P. *Beginnings of Jaina Iconography*.— BMAUP, 1972, № 9.

²⁸ Одна из самых ранних плит находится в музее г. Патна. См. Gupta P. L. *Patna Museum Catalogue of Antiquities*. Patna, 1965, p. 21, № 2.

²⁹ С Матхурой джайнская традиция особенно связывает деятельность тиртханкаров Супаршвантхи и Неминатхи. См. Joshi. *Mathura Sculptures...*, p. 1—2.

³⁰ См. Smith. *The Jain Stupa...*; Agrawala. *Handbook...*, p. 10; *idem*. *Catalogue of the Mathura Museum*.— The Journal of the Uttar Pradesh Historical Society, 1950, v. XXII, part 1—2, p. 35 f.; Srivastava V. N. *Some Interesting Jaina Sculptures in the State Museum, Lucknow*.— BMAUP, 1972, № 9, p. 45 f.; Agrawala V. S. *A Short Guide-Book to the Archaeological Section of the Provincial Museum, Lucknow*. Allahabad, 1940.

личить одного от другого; эти символы становятся правилом только со средневековья³¹; тиртханкары за очень редким исключением изображаются обнаженными, у некоторых фигур за головой — нимб с полумесяцем по краю.

В искусстве Матхуры кушанского времени представлены следующие божества джайнского пантеона: Негамеша, Ревати, Сарасвати, Кришна и Баларама³².

Среди изображений Будды наиболее распространены были два типа: стоящий и сидящий (рис. 5). Стоящая фигура Будды имеет своим прототипом, очевидно, изображения якш, популярных и культуре Матхуры предшествующего времени. Эта концепция, впервые выдвинутая В. С. Агравалой и активно поддержанная Р. С. Шармой³³, исходит из следующего: в то время, когда появилась потребность в изображении Будды в облике человека, в качестве иконографического прообраза были взяты изображения якш. Раннекушанские изображения бодхисатв в Матхуре удивительно напоминают изображения якш. Они такие же значительные по своим размерам и столь же монументальные по облику, они тоже представлены не в форме рельефа, а в виде круглой скульптуры. В дальнейшем, согласно Р. С. Шарме, стилистическое развитие образа Будды идет по пути постепенного отказа от тех черт, которые он унаследовал от образа якш; чем дальше, тем менее массивными и монументальными становятся скульптуры, тем более явно стремление передать не физическую, а духовную силу.

Образ сидящего Будды, по мнению ряда исследователей, имел своим прообразом изображение аскета-отшельника на рельефах Бхархута, по мнению же других, — образ тиртханкары. В пользу последнего предположения приводятся следующие наблюдения: на ранних статуях голова Будды показана либо обритой наголо, либо имеющей короткие завитки волос, как это принято на джайнских изображениях тиртханкаров. Более того, намечается определенная эволюция: для более ранних статуй характерна бритая голова, короткие завитки появляются позднее. Цветок лотоса под ногами Будды, видимо, заимствован из репертуара Санчи, нимб вокруг его головы — из монетного чекана кушанских царей, где он часто появляется при изображении иранских божеств.

Для ранних изображений Будды в Матхуре характерны следующие черты³⁴: 1) бритая голова Будды всегда снабжена «выступом» в виде ракушки; 2) на лбу между бровями всегда появляется «круг». По свидетельству «Лалитавистары», когда на Будду нападало войско Мары, именно отсюда вырвалось пламя, которым был сожжен дворец искусителя; 3) правая рука Будды поднята в жесте «бесстрашия» (*abhaya-mudra*), левая рука либо сжата в кулак и опирается на бедро (когда Будда изображен сидящим) или поддерживает складку одежды (в том случае, когда Будда изображается стоящим); 4) Будда изображается с широкими пле-

³¹ Среди фигур тиртханкаров легко выделяются только Адинатха и Паршванатха (соответственно первый и двадцать третий из тиртханкаров). Первый изображается с волосами до плеч, на втором «капюшон» из змей. Иногда Неминатха также может быть определен благодаря тому, что рядом с ним появляются изображения Кришны и Баларама. В других же случаях идентифицировать тиртханкаров можно только с помощью надписей. Все это свидетельствует о том, что джайнская иконография еще только вырабатывалась в то время.

³² Последние в джайнской традиции считаются двоюродными братьями тиртханкары Неминатхи.

³³ *Sharma. Buddhist Art...*, p. 156 f.

³⁴ *Joshi. Mathura Sculptures...*, p. 30—32.

чами и мощной грудью, тем самым его мужественность передается предельно отчетливо; 5) на лице Будды легкая улыбка, глаза широко открыты; явно стремление скульпторов передать энергию, а не покой, отрешенность или благоволение; 6) основное внимание уделяется изображению верхней части фигуры (выше талии), меньше — нижней; 7) одежда облегчает верхнюю часть тела, покрывая только левое плечо; оно изображается таким образом, чтобы создать эффект легкого «просвечивания»; 8) изображение стоящего Будды очень часто дополняется маленькой фигуркой женщины, льва или бодхисатвы Майтрейи, или группой бутонов лотоса, помещенных между его ног; 9) нимб — плоский или имеет по краю легкий выступ; 10) в круглых большеразмерных изображениях Будды тыльная часть практически не обрабатывалась — это указывает на то, что статуя предназначалась только для фронтального осмотра; 11) вокруг талии завязан пояс с красивыми кистями.

Позднее, когда искусство Матхуры стало активно взаимодействовать с гандхарским искусством, стали проявляться некоторые новые черты, явно заимствованные из Гандхары³⁵. К числу этих заимствований обычно относят изображения будд и бодхисатв, у которых одежда покрывает оба плеча (иногда также и ноги), а драпировка трактована в виде полукруглых складок; прическа передана в виде волнистых локонов; для них характерны полные и сильно вырезанные глаза и губы, а также нарочито тяжелое верхнее веко.

В позднекушанское время фиксируются некоторые изменения в стиле. У сидящих Будд иногда одежда покрывает обе ноги; на пьедесталах статуй иногда появляются изображения верующих; волосы на голове трактуются очень условно. В это время для изображений будд и бодхисатв используются только четыре позы: размышления, защиты, касания рукой земли и поворота колеса «Закона». Пятая каноническая поза (распределения благодетей) — не изображается³⁶. В это же время появляются некоторые изображения, характерные только для махаянского направления буддизма (дхьянибудды)³⁷.

Кушанский период в Матхуре ознаменовался также широким распространением изображений божеств брахманического культа³⁸. Важнейшим импульсом для распространения божеств этого круга было превращение Матхуры в важнейший центр бхагаватизма, культа бхакти, особого почитания Васудевы-Кришны. В кушанский период почитался и изображался целый ряд божеств этого круга (Брахма, Шива, Шива и Парвати, Вишну, Сурья, Индра, Картикейя, Камадева, Баларама, Сарасвати, Лакшми, Дурга, Матрика, Кубера, Харити).

В Матхуре Брахма изображался четырехликим и четырехруким, поднявшим верхнюю правую руку в жесте защиты; Вишну также был четырех-

³⁵ Подробнее см. *Foucher A. L'art greco-bouddhique du Gandhara*. T. I. P., 1905, p. 222, 615; *De B. Codrington K. Mathura of the Gods*. — *Marg*, 1956, v. IX, № 2, p. 49; *Vogel. Buddhist Art...*, p. 32, 36; *Joshi. Mathura Sculptures...*, p. 17; *Vogel. Catalogue...*, p. 30.

³⁶ *Bajpeyi. The Kushana Art...*, p. 28.

³⁷ *Agrawala V. S. Dhyani Buddhas and Bodhisattvas*. — JUPHS, 1938, v. XI, pt 2, p. 1—13.

³⁸ См. *Joshi N. P. Catalogue of the Brahmanical Sculptures in State Museum*. Lucknow, 1972; *Agrawala. Handbook...*, p. 10; *idem. A Catalogue of the Images of Brahma, Vishnu and Siva in Mathura Art*. — JUPHS, 1949, v. XXII, pt 1—2, p. 102 f.; *idem. Brahmanical Images in Mathura*. — *Journal of the Indian Society of Oriental Art*, 1937, v. 5, p. 122—130; *Chanda R. Archaeology and Vaishnava Tradition*. Calcutta, 1920 (*Memoires of the Archaeological Survey of India*, № 5).

руким и также одна рука была поднята в том же жесте. Если Вишну изображали двуруким, он был иконографически сходен с бодхисатвой Майтрейей. Иногда Вишну изображался вместе с Лакшми, между ними помещалась маленькая фигурка птицы Гаруды. Иконография Балара-мы определилась уже в пунгский период. Для него характерно обрамление головы змеями и наличие палицы. Популярность культа Шивы приводила и к многообразию его иконографических схем, среди которых наиболее популярны различные варианты Шивалингама (с одним человеческим лицом, четырьмя и т. п.), Шива с быком Нанди, Шива с Парватой и т. д. В изображении Сурьи проявляются среднеазиатские влияния ³⁹.

В целом для кушанского времени характерно изображение большого количества божеств по сравнению с предшествующей эпохой. Все основные иконографические схемы были созданы именно в кушанский период и в дальнейшем изменялись мало. Ряд божеств брахманического круга по основным своим чертам близок изображениям бодхисатв. Это указывает, возможно, не только на происхождение от одних и тех же прототипов, но и на то, что одни и те же мастера-скульпторы изготавливали статуи как для буддистов, так и для последователей Шивы или Кришны.

Даже из приведенного краткого очерка ясно, что несмотря на 150-летний период изучения матхурского искусства многие и весьма существенные проблемы остаются неизученными, нуждаются в глубоком и планомерном исследовании.

Так все еще очень плохо изучена та реальная основа, на которой выросло искусство Матхуры. Большинство исследователей ограничивается чисто искусствovedческими задачами, и лишь авторы небольшого числа работ рассматривают исторические условия возникновения матхурской школы скульптуры ⁴⁰, и преимущественно в самой общей форме. Можно указать лишь одну работу, в которой сделана попытка выявить этапы развития общества Матхуры (но и в этой работе кушанская эпоха не рассматривается, автор ограничивается сакским временем) ⁴¹. Причину сложившейся ситуации следует видеть в своеобразии источников. Исследователи вынуждены обращаться только к эпиграфическим памятникам, археологические материалы по Матхуре до сих пор весьма скудны. Старые раскопки носили ненаучный характер и почти не дают информации; раскопки, проведенные после приобретения Индией независимости, носят иной характер, но они проводились в ограниченных масштабах, и их результаты еще не опубликованы (имеется только самая краткая информация) ⁴². Все это крайне затрудняет выявление характера происходивших в обществе Матхуры процессов, которые и привели к возникновению такого феномена, как матхурская скульптурная школа.

Вторая малоисследованная проблема связана с определением самой сущности матхурского искусства. Первоначально искусство Матхуры определялось как «индо-греческое», противопоставляясь тем самым «греко-буддийской» школе Гандхары. По случайности в числе самых первых находок произведений искусства, сделанных в Матхуре, значительное место занимали связанные с эллинистической традицией; это привело многих исследователей к заключению, что в Матхуре работала группа (пусть

³⁹ Agrawala. Indian Art..., p. 258.

⁴⁰ См., например, Sharma. Buddhist Art..., p. 17—35.

⁴¹ Mukerjee B. N. Mathura and Its Society. The Śaka-Pahlava Phase. Calcutta, 1981.

⁴² Подробное см. Бонгард-Левин Г. М., Кошелев Г. А., Мунчаев Р. М. Матхура: 150 лет археологических исследований. — СА (в печати).

и небольшая) скульпторов-греков, переселившихся сюда из Бактрии ⁴³. Они считали, что если в Гандхаре искусство было с самого начала синкретическим, то в Матхуре уже первая фаза искусства связана с определяющей ролью греческих влияний.

В дальнейшем эти представления изменились. Стало ясно, что произведения с греческой тематикой и ощутимыми влияниями эллинизма представляют собой очень незначительную часть среди общего числа произведений матхурской пластики. В силу этого при характеристике искусства Матхуры основной упор стал делаться на ее местный, «чисто национальный» характер (см. выше). Это в принципе справедливое мнение, часто приобретает, к сожалению, крайние формы. При этом в стороне остается вопрос о принципиальном отличии кушанской стадии в развитии искусства Матхуры от предшествующей, хотя совершенно несомненно, что вхождение в состав огромной Кушанской державы должно было быть самым серьезным образом повлиять на развитие искусства Матхуры. Идеологические представления и художественные вкусы Кушан неизбежно должны были сказаться на характере местного искусства ⁴⁴. Историко-культурную ситуацию, конечно, не следует упрощать. Нельзя, например, думать о существовании некоей «художественной цензуры», которая будто бы определяла соответствие произведений искусства вкусам кушанских правителей. Влияние Кушан на художественную жизнь Матхуры должно было иметь многообразные формы и различную степень воздействия. Во-первых, Кушаны «ответственны» за появление новой темы в искусстве Матхуры, а именно — темы обожествленного царя. Во-вторых, искусство Матхуры неизбежно должно было откликнуться на новую историческую реальность: новые этнические типы, их одежда, оружие и т. д. — все это в той или иной степени должно было отразиться в скульптуре Матхуры. Наконец, пришельцы неизбежно должны были принести с собой новые идеи (в первую очередь, естественно, религиозные) и способы их воплощения в художественной форме. Следовательно, можно было ожидать появления в искусстве Матхуры, например, ранее здесь неизвестных божеств и непривычных иконографических форм. Наконец, с пришельцами могли прийти некоторые новые идеи, которые не требовали непосредственного воплощения в формах искусства, но которые видоизменяли общую духовную атмосферу и тем самым, даже опосредствованно, влияли на характер художественного творчества. Кушанское господство, естественно, меняло социально-экономическую и политическую структуру общества, что, в свою очередь, неизбежно должно было сказаться на духовной жизни общества и, очевидно, также и на принципах художественного творчества.

Кратко коснемся отмеченных нами вопросов.

Прежде всего о новых темах и сюжетах, пришедших с кушанами. Наибольшее внимание привлекает тема обожествленного правителя, ранее практически не известная в Индии. Археологические раскопки в Мате выявили существование династийного святилища кушанских царей (de-

⁴³ Точка зрения Дж. Принсепа, высказанная им в «примечании» к упоминавшейся выше статье подполковника J. P. Стэки. См. также: Grünwedel A. *Buddhist Art in India*. Transl. by Gibson A. C. Revised and Enlarged by Burgess. J. L., 1901, p. 23. Немного отличаются взгляды В. Смита (*Smith V. Graeco-Roman Influence on the Civilization of India*. — JASB, 1889, v. LVIII, pt. 1, p. 136—140).

⁴⁴ Необходимо в связи с этим учитывать то обстоятельство, что ряд буддийских монастырей в Матхуре основывался именно кушанскими царями. См., например, Vogel. *Buddhist Art...*, p. 29; *idem. Catalogue...*, p. 26—27.

Рис. 6. Статуя Канишки из святилища в Мате. Музей Матхуры
vakula)⁴⁵ (рис. 6, 7). В этом святилище были обнаружены (к сожалению, сильно поврежденные) статуи царей Вимы Кадфиза, Канишки, сатрапа

⁴⁵ Подробнее см. *Vogel J. Ph. Explorations at Mathura.*— *Archaeological Survey of India. Annual Report 1911—1912.* Ed. by Marshall J. Calcutta, 1915, p. 120—133; *Agrawala V. S. Catalogue of the Mathura Museum.*— JUPHS, 1950, v. XXIII, pt 1—2, p. 72 f.; *Keiffer. Kushana Art...*, p. 43—49; *Rosenfield J. The Dynastic Arts of the Kushans.* Berkley — Los Angeles, 1967.

Рис. 7. Статуя Вимы Кадфиза из святилища в Мате. Музей Матхуры

Рис. 8. Рельеф с изображением воина в среднеазиатской одежде. Музей Матхуры

Чацтаны. Еще одна статуя, видимо Хувишки, была зафиксирована в Гокарнешваре. Статуи выполнены чрезвычайно монументально, величие изображенных царей подчеркивается очень отчетливо. Изображения сближает то, что цари в среднеазиатской одежде, резко отличной от местной, индийской. Надписи на статуях сообщают имена и титулы царей. Наконец, важным обстоятельством является и отсутствие единой иконографической схемы для изображения этих царей: Вима Кадфиз представлен сидящим на троне, Канишка — стоящим.

Не следует думать, что развитие этой линии искусства ограничивалось только Кушанами. При раскопках в Сонкхе был найден рельеф, изображающий сцену, в центре которой — царь и царица династии Нагов⁴⁶. Вполне вероятно предположить, что здесь мы имеем отзвук влияния кушанского династийного искусства.

В литературе справедливо отмечается, что эта новая концепция — обожествления царей — наиболее полно представлена в памятниках святилища династийного культа (*devakula*) в Мате. Столь же справедливо, видимо, сопоставление этого памятника с Сурх-Коталом, который также является династийным храмом кушанских царей, но расположенным

⁴⁶ Hirtel H. Some Results of the Excavations at Sonkh. A Preliminary Report.— German Scholars on India, v. II, Delhi, 1976.

Рис. 5. Рельеф с изображением Будды. Из раскопок на холме Катра, Музей Матхуры

Рис. 11. «Вакханальная сцена». Национальный музей. Дели

Рис. 12. Реконструкция части ограды ступы в Санголе.
Национальный музей, Дели

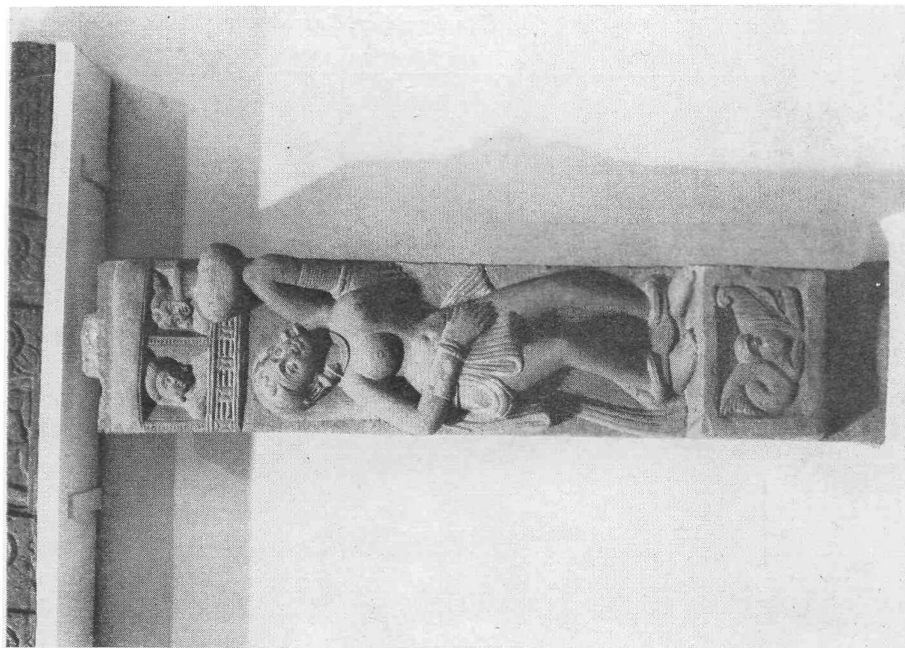

Рис. 13. Рельеф из Сангола. Национальный музей, Дели

Рис. 1. Граффито из Керкиритиды V в. до н. э.

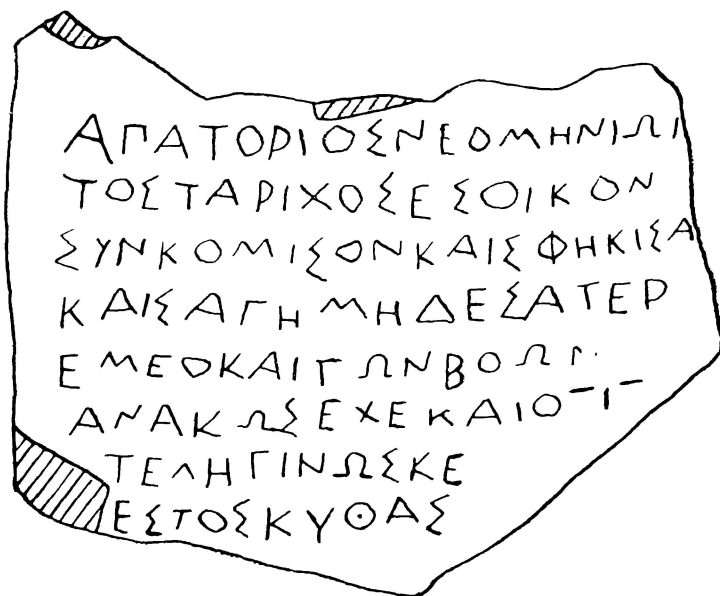

Рис. 2. Прорисъ

на территории Южной Бактрии. Некоторые из современных индийских исследователей добавляют к этому списку и Айртам, который (после недавних эпиграфических находок) также считается династийным кушанским храмом ⁴⁷. Б. Н. Мукерджи полагает, что династийные святилища были связаны с различными культами: святилище в Мате было явно брахманическим, в Сурх-Котале посвящено богине Ванинде, в Айртаме являлось буддистским. В целом, эта картина представляется верной, однако из нее выпал один очень важный элемент: Сурх-Котал и Айртам невозможно считать прообразами Мата по чисто хронологическим соображениям. Следовательно, необходимо искать некий общий прототип для них всех. Таким прототипом, как нам представляется, может служить только святилище Халчаяна ⁴⁸. Халчаян, по всей видимости, представлял собой святилище династийного культа в одном из тех владений, из которых позднее путем объединения образовалось Кушанское царство. Во всяком случае несомненно, что это святилище относится к эпохе между падением Греко-Бактрии и возникновением Кушанского царства. Следовательно, хронологически оно предшествует всем известным кушанским династийным святилищам: в Мате, Айртаме и Сурх-Котале. Поэтому вполне вероятно предположение, что изучение генезиса династийного искусства Кушан, в том числе и скульптурного цикла Мата, должно начинаться с анализа скульптуры Халчаяна.

С проблемой династийного искусства связана еще одна, поднятая в недавних работах Б. Н. Мукерджи ⁴⁹. Суть ее заключается в следующем. Во-первых, неправильно говорить о едином кушанском искусстве: в каждой большой историко-культурной области Кушанской державы существовало свое искусство, свои художественные традиции. Однако было одно явление, общее для всех областей державы, — культ правителей и служившее этому культу искусство. По мнению Б. Н. Мукерджи, официальное, династийное искусство кушан родилось в Бактрии, которая была родиной Кушанской державы, и уже после этого как бы в готовом виде «пересаживалось» в завоеванные области. Поэтому, согласно Б. Н. Мукерджи, те произведения искусства, которые были сконцентрированы в Мате (статуи Вимы Кадфиза, Канишки, возможно, Хувишки и т.д.), сильно отличаются от большинства скульптур Матхуры, ибо в них очень ярко оказывается влияние искусства Бактрии.

Действительно, вряд ли можно говорить об едином кушанском искусстве; в каждой из больших областей Кушанского государства развивались свои традиционные школы, хотя, происходило постоянное взаимовлияние этих школ. Можно согласиться с тезисом Б. Н. Мукерджи о роли династийного искусства как элемента, который выступал в роли связующего звена между различными школами искусства. Но с чем решительно согласиться нельзя — это с противопоставлениями скульптуры Мата остальной матхурской скульптуре. В этом тезисе отчетливо проявляется тенденция современной историографии Индии — представить Матхуру чисто «национальной» школой искусства, отбросив все те важные элементы, которые были привнесены в матхурскую школу другими народами. Именно

⁴⁷ Mukerjee B. N. A Note on a Bactrian Inscription from Airtam (USSR). — JASB, 1982, v. XXIV, № 1—4, p. 54—58.

⁴⁸ См. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1965; она же. Скульптура Халчаяна. М., 1974; она же. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.

⁴⁹ Mukerjee B. N. Art in the Kushana Empire: the Kushana Attitude to Art. — International Seminar on Art of Kushana Age. December 16—22, 1984 at the State Museum, Lucknow, U. P., India. Preprint.

поэтому династийная струя в искусстве Матхуры противопоставляется всему остальному искусству, и это неправильно. Во-первых, изображения кушанских или сакских правителей зафиксированы не только в Мате, но и в ряде других мест, что говорит о достаточно широкой популярности этого круга сюжетов. Во-вторых, стилистически эту скульптуру невозможно отделить от всей скульптуры Матхуры в целом. Многие божества, например брахманического цикла, изображались на основе той же иконографической схемы, что и кушанские цари. Взаимовлияние и взаимозависимость династийных и религиозных элементов в искусстве Матхуры не подлежат сомнению.

С этой проблемой тесно связана и другая — отражение в этой художественной школе новой исторической ситуации. В матхурской скульптуре очень популярны изображения сакских и кушанских воинов с их специфической одеждой и оружием (рис. 8, 9, 10); к этому же кругу принадлежат и популярные в это время изображения представителей знати, одетых по-среднеазиатски. Иногда бодхисатвам или божествам брахманического круга (например Кубере) придаются черты, явно указывающие на среднеазиатское происхождение. Иногда это сходство просто поражает. Например, голова Шивы⁵⁰ удивительно напоминает скульптурную голову одного из персонажей, найденную при раскопках Дальверзина⁵¹.

Матхура демонстрирует также появление ряда религиозных представлений и связанных с ними образов, привнесенных из среднеазиатского мира. Можно сослаться на то, что в сакско-кушанское время в Матхуре изменилась иконография бога Сурьи. Изменение иконографии произошло, очевидно, вследствие синкретизации Сурьи с иранским божеством Митрой и принятия его иконографии⁵².

Особая проблема связана с рассмотрением образов греческой мифологии, зафиксированных в искусстве Матхуры. К их числу относятся: изображение Геракла с немейским львом, вакхические композиции, Силен⁵³. (рис. 11). Когда впервые были открыты эти произведения, исследователи (Дж. Принсеп, А. Каннингэм, В. Смит, А. Грюнведель, см. выше) высказывали мнение, что они были созданы греками. В дальнейшем, однако, эта концепция была подвергнута резкой критике. Начал ее Ф. Гроуз. Он и его последователи стремились доказать, что в этих скульптурных произведениях были воспроизведены образы не греческой мифологии, а местной. В частности, Гроуз отмечал, что фигура, которую ранее считали Силеном, в действительности является Баларамой. В соответствии с этой концепцией естественным был вывод о том, что создавали эти скульптуры не греки, а местные скульпторы⁵⁴.

Однако и это решение не может быть принято. Баларама обладает достаточно четко определенной иконографией⁵⁵, и Силену назвать Балара-

⁵⁰ *Srivastava A. K. Siva-linga with Ganas, a New Find from Mathura.* — *Artibus Asiae*, 1981/1982, v. XLIII, № 3.

⁵¹ *Пугаченкова.* Искусство Бактрии..., рис. 29; *Les trésor de Dalverzin-tépé...*, fig. 29, 30.

⁵² *Сердуных З. В.* Об одном аспекте иконографии Митры. — В кн.: *Проблемы античной культуры.* М., 1986.

⁵³ См. *Coomaraswamy. History...*, p. 62; *Saraswathi S. K. A Survey of Indian Sculpture.* Calcutta, 1957, p. 66.

⁵⁴ *Growse F.* Supposed Greek Sculpture at Mathura. — *JASB*, 1875, v. XLIV, pt 1, № 1—4, p. 212—215; *idem.* Mathura: District Memoire, 3rd ed. Ahmedabad, 1883 (Reprint, 1978), p. 169.

⁵⁵ *Joshi N. P.* On the Iconography of Balarama in the North India. — *BMAUP*, 1972, № 10, p. 15 f; *Audouin R., Bernard P.* Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Ai Khanoum (Afghanistan). — *RN*, 1974, 6e serie, t. XVI, p. 7 suiv.

Рис. 9. Рельеф с изображением воина в среднеазиатской одежде. Музей в Лакнау

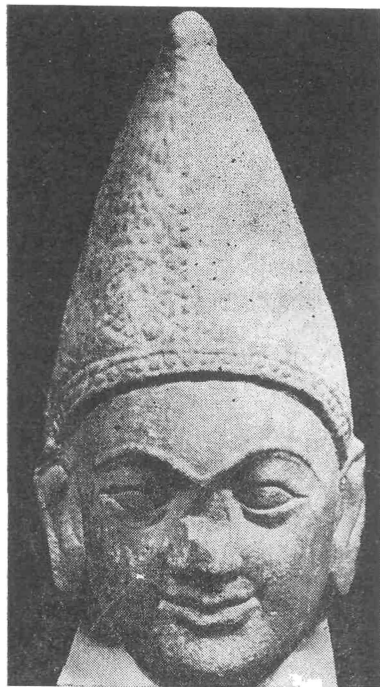

Рис. 10. Голова статуи сакского воина. Музей Матхуры

мой невозможно. То же самое можно сказать и о других сюжетах⁵⁶. Их греческое происхождение совершенно несомненно, хотя несомненно и другое — все они были выполнены местными скульпторами. Вопрос, таким образом, может идти только о том, откуда получали матхурские мастера эти представления. Наиболее обычен для современной научной литературы ответ — из Гандхары⁵⁷. Однако если принять изложенное выше предположение о том, что концепция скульптурных изображений царей были привнесена в Матхуру из средней Азии, то вполне резонно полагать, что и эти греческие образы, достаточно широко распространенные в эллинистической Средней Азии, были привнесены в Матхуру именно из этого региона. Таково, видимо, происхождение и декоративных элементов эллинистического круга (эроты с гирляндами, коринфская колонна и т. п.).

Специально следует выделить вопрос о происхождении скульптурных изображений Будды, вопрос, который имеет несколько аспектов и первый из них — где впервые появился образ Будды — в искусстве Гандхары или Матхуры? Первым детально исследовал этот вопрос выдающийся

⁵⁶ Изложение хода дискуссии см. *Sharma. Buddhist Art...*, p. 133 f.

⁵⁷ *Joshi. Mathura Sculptures...*, p. 16—17; *Vogel. Buddhist Art...*, p. 32, 36; *idem. Catalogue...*, p. 30.

французский ученый А. Фуше⁵⁸. Суть его концепции состояла в том, что создание образа произошло благодаря встрече буддизма и эллинистического искусства в рамках «греко-буддийской школы Гандхары». Он отмечал, в частности, что прообразом первых скульптурных воспроизведений Будды послужили скульптурные изображения Аполлона. что родившись в Гандхаре, этот образ позднее проник в искусство Матхуры, затем широко распространился в Индии и во всех странах, затеях буддийскими влияниями. Концепция А. Фуше нашла достаточно широкое признание⁵⁹, хотя некоторые ученые высказывали сомнения, а В. Голубев в своей рецензии даже выдвинул точку зрения, что первые скульптурные изображения Будды появились в Матхуре⁶⁰. Концепция А. Фуше до сего времени пользуется широкой популярностью⁶¹. Более того, противники ее обвиняются в шовинизме⁶².

Все больше сторонников получает точка зрения А. Кумарасвами⁶³. Суть ее заключалась в том, что художники Матхуры создали образ Будды совершенно независимо, не под влиянием гандхарских мастеров. А. Кумарасвами подчеркивал, что прообразом изображения стоящего Будды явились статуи якиш, очень популярные в этом районе в предшествующее время. Касаясь вопроса о «приоритете» Гандхары или Матхуры, А. Кумарасвами отмечал: «На основании общих соображений я склоняюсь в пользу приоритета Матхуры, хотя это не доказано. Все, что мы можем утверждать, это то, что самые ранние типы изображений Будды в каждой из областей имеют свой стиль»⁶⁴. Признавая независимость создания образа Будды в Гандхаре и Матхуре, некоторые авторы считают, что само возникновение этой традиции было одновременным⁶⁵, другие полагают, что приоритет все же должен быть отдан Матхуре (хотя бы в пределах нескольких десятилетий)⁶⁶.

В одной из своих последних работ Лохейзен-де Леу попыталась привести новые аргументы в пользу того, что скульптурный образ Будды не только возник первоначально в Матхуре, но и оказал воздействие

⁵⁸ Foucher A. L'origine grecque de l'image du Bouddha. — Annales du Musee Guimet, Bibliotheque de vulgarisation, t. XXXVIII, Chalon-sur-Saone, 1913, p. 231—272; *idem*. L'art greco-bouddhique du Gandhara, Etude sur les origines de l'influence classique dans l'art bouddhique de l'Inde et l'extreme-Orient. P. II. P., 1918—1922, p. 764; *idem*. The Beginning of Buddhist Art and other Essays in Indian and Central-Asian Archaeology. Revised by the author and transl. by Thomas L. A. and Thomas F. W. Varanasi—Delhi, 1972.

⁵⁹ Vogel. Buddhist Art..., p. 33; Hargreaves H. Sculptures in the Peshawar Museum. Revised edition. Delhi, 1977, p. 8—9.

⁶⁰ BEFEO, 1924, t. XXIII, p. 438—454.

⁶¹ Rowland B. The Evolution of the Buddha Image. N. Y., 1963, p. 9; Franz H. G. Buddhistische Kunst Indiens. Lpz, 1965, p. 93.

⁶² Rowland. The Art..., p. 86.

⁶³ Coomaraswamy A. The Indian Origin of the Buddha Image. — JAOS, 1926, v. 46, p. 165—170; *idem*. The Origin of Buddha Image. — The Art Bulletin, 1927, v. IX, № 4, p. 1—43.

⁶⁴ *Idem*. The Origin..., p. 37.

⁶⁵ Dani A. H. Shaikhan Dheri Excavations, 1963 and 1964 Seasons (In Search of the Second City of Pushkalavati). — Ancient Pakistan, 1965—1966, v. II, p. 40; Hallade M. The Gandhara Style and the Evolution of Buddhist Art. L., 1968, p. 59.

⁶⁶ Van Lohuizen-de Leeuw J. E. The «Scythian» Period. An Approach to the History, Art Epigraphy and Palaeography of North India from the 1st Century B. C. to the 3rd Century A. D. Leiden, 1949; *eadem*. Gandhara and Mathura. Their Cultural Relationship. — Aspects of Indian Art. Papers Presented in a Symposium at Los Angeles County Museum of Art, October 1970. Leiden, 1972, p. 27—43; Hartel H. Das Bied der Götter entsteht. Braunschweig, 1978, S. 28—35.

на формирование образа Будды в Гандхаре⁶⁷. Она выделила очень интересную группу из 22 рельефов гандхарской скульптурной школы. Стилистически они настолько близки матхурским того же времени, что иногда производят даже впечатление простых копий с них. Вместе с тем эта группа довольно сильно отличается от более поздних гандхарских рельефов, и Лохёйзен-де Леу пришла к выводу, что образ Будды в скульптуре первыми создали мастера Матхуры. Когда же в Гандхаре скульпторы начали воплощать в камне образ Будды, они следовали примеру матхурских мастеров, воспроизводя уже созданный тип. Только позднее они освободились от этого влияния и создали свой, совершенно самостоятельный тип изображения Будды. Наконец, еще позднее, во второй четверти II в. н. э., сама скульптура Гандхары стала оказывать сильное влияние на матхурскую.

Эта концепция представляется в целом убедительной, построенной на солидном источниковедческом фундаменте. Однако один не учтенный голландской исследовательницей и, казалось бы, второстепенный момент снижает убедительность ее аргументации. В отличие от скульптуры Гандхары, где надписи на постаментах статуй крайне редки, матхурские часто имеют надписи донаторов. Подавляющее большинство ранних буддистских изображений, судя по этим их надписям, воспроизводят не Гаутаму Будду, а бодхисатв⁶⁸.

Существенно, что именно этот термин употребляется для определения тех двух изображений, которые в литературе, посвященной искусству Матхуры, считаются древнейшими образцами двух типов воспроизведений Будды — сидящего и стоящего. Первый из них — известная стела с холма Канкали-тила (этот объект широко в своих исследованиях использовала и Лохёйзен-де Леу). На основании характера надписи еще в начале нашего века было установлено, что данная стела относится ко времени до Канишки⁶⁹. Вторая скульптура — не менее широко известная статуя, поставленная монахом Балу на третьем году царствования Канишки и найденная при раскопках Сарнатха⁷⁰. К этой скульптуре, особенно благодаря наличию даты (к тому же столь ранней) очень часто обращаются ученые в своих концепциях о возникновении и развитии образа Будды в скульптуре⁷¹.

Рассмотрение под этим углом зрения раннебуддистской скульптуры из Матхуры привело исследователей к выводу, что тип сидящего бодхисатвы сложился еще в кшатрапское (сакское) время, причем можно предполагать, что эти изображения ставились в вихары, принадлежащие сарвастивадинам и самитьям⁷². Образ стоящего бодхисатвы сложился в самом начале кушанской эпохи⁷³. Изображения же Будды в искусстве

⁶⁷ *Van Lohuizen-de Leeuw J. E. New Evidence with Regard to the Origin of the Buddha Image. — South Asian Archaeology. Papers from the 5th International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe. Ed. by Härtel H. B., 1981, p. 377—400.*

⁶⁸ Подробнее см. *Myer P. R. Budhisattvas and Buddhas: Early Buddhist Images from Mathura. — Artibus Asiae, Ascona, 1986, v. XLVII, 2, p. 107—142.*

⁶⁹ *Vogel. Catalogue...*, p. 47—48, pl. 7; *Lüders H. Mathura Inscriptions. Ed. Janert K. Göttingen, 1961, p. 30—31.*

⁷⁰ *Sahni D. R., Vogel J. Ph. Catalogue of the Museum of Archaeology at Sarnath. Calcutta, 1912, p. 33—37; Lüders H. A. List of Brahmi Inscriptions from the Earliest Times to about 400 AD. — Appendix to Epigraphia Indica, 1909, X, p. 93—94.*

⁷¹ См., например, *Rowland. The Art...*, 1970, p. 113 (он считает статую «одним из первых изображений Будды, созданных в Матхуре»).

⁷² *Myer. Budhisattvas and Buddhas...*, p. 114.

⁷³ *Ibid.*, p. 131.

Матхуры явно позднейшие, и возможно, что первым стали изображать не Шакьямуни, а Будду Майтрею⁷⁴ и Будду Кашьяпу⁷⁵. Монетный чекан Канишки представляет двух Будд: Гаутаму Будду и Будду Майтрею, что засвидетельствовано не только иконографическими особенностями, но и надписями на монетах⁷⁶.

Несомненно, что жители Матхуры — буддисты (как монахи, так и миряне) осознавали разницу между бодхисатвой и Буддой, между концепциями об историческом Будде и множественности бодхисатв. Попытка П. Р. Миер решить эту проблему методом простейшей подстановки (она полагает, что создатели изображений бодхисатв понимали их как своего рода символ, а рядовые буддисты воспринимали как изображение Будды) не корректна и противоречит имеющемуся материалу. Для решения этой проблемы необходимо выявить подход различных школ в буддизме (в том числе и в хинаяне, и в махаяне) к трактовке образа Будды как исторического лица и как воплощения космического начала. Важно и проследить этапы сложения концепции множественности будд и бодхисатв. К. В. Доббинс⁷⁷ связывает появление изображений Будды с сарвастивадинами. Эта школа поздней хинаяны действительно играла важную роль в идеологической жизни Гандхары и Матхуры, но объяснять появление скульптурных изображений Будды, исходя лишь из доктрины этой школы, было бы неверным. Наряду с сарвастивадинами в Матхуре были популярны и другие школы (эти материалы систематизировал Б. Н. Мукерджи)⁷⁸.

Раскопки Р. С. Шармы в Матхуре подарили науке интереснейшее эпиграфическое свидетельство о культе Будды Амитабхи в Матхуре периода Хувиски — пока единственное сообщение об этом махаянистском культе в кушанскую эпоху. Надпись, датированная 5 годом (очевидно, по «эре Канишки»), была нанесена над скульптурной композицией, в центре которой на лотосе восседает Будда, справа — фигура бодхисатвы Майтреи — явное указание на распространение концепций бодхисатв и дхьяна-будд⁷⁹.

Большой интерес представляет и надпись Сенавармы, опубликованная Ж. Фюссманом, — текст, датируемый издателем 30-ми годами I в. н. э., фиксирует распространение некоторых махаянских концепций в этот ранний период⁸⁰.

Тщательный анализ всех эпиграфических свидетельств, связанных с появлением скульптурных изображений Будды (причем свидетельств разных буддийских школ) — насущная задача исследователей кушанской истории и культуры⁸¹.

⁷⁴ Ibid. p. 132.

⁷⁵ Ibid. p. 137.

⁷⁶ Gribb J. The Origin of the Buddha Image — the Numismatic Evidence. — South Asian Archaeology 1981. Proceedings of the 6th International Conference of the Association of South Asian Archaeologists. Ed. by Allchin B. Cambr., 1984, p. 231—244.

⁷⁷ Dobbing K. W. The stupa and vihara of Kanishka 1. Calcutta, 1971, p. 34.

⁷⁸ Mukerjee. Mathura and its Society.

⁷⁹ См. Sharma R. C. New Buddhist Sculpture from Mathura. — Bulletin of Museums and Archaeology, 1976, v. 17—18, Lucknow, p. 10; Mukherjee B. N. A Mathura Inscription of the Year 26 and of Period of Huvishka. — The Journal of Ancient Indian History, 1977—1978. v. 11.

⁸⁰ Fussman G. Documents epigraphiques kouchans — BEFEO, 1974, t. 61, p. 54—58.

⁸¹ Отметим, например, публикации Ж. Фюссмана (BEFEO, 1980, t. 62, p. 45—58; 1982, t. 71, p. 1—46), Б. Н. Мукерджи (Kamra Inscription of Vajheshka (Vasiskha). — Indian Museum Bulletin, 1973. v. 8, № 2, p. 111 f.), а также обзор работ — Fussman G.

Укажем еще на один вопрос, тесно связанный с обсуждаемой проблемой, — о роли джайнского элемента в развитии искусства Матхуры. Ряд исследователей высказывал предположение о том, что на сложение одного из главных типов изображения Будды — сидящего Будды — определяющее воздействие оказала джайнская иконографическая традиция⁸². Однако эта точка зрения с 1949 г. (когда ее обосновывала Лохёйзен-де Леу) подробно не рассматривалась, в то время как новые материалы (и новые интерпретации старых материалов) вносят важные коррективы. В научной литературе обычно говорится только о памятниках с холма Канкали-тила как о джайнских памятниках Матхуры, однако эпиграфические документы свидетельствуют о существовании здесь еще нескольких джайнских храмов⁸³. Рассмотрение образа столь популярной в искусстве Матхуры женщины-салабаджики — обычно ведется только с учетом буддийской традиции, в то время как подобные изображения широко представлены и в джайнской ветви искусства Матхуры. Необходимы дальнейшие исследования, целью которых был бы ответ на вопрос — каким сторонам джайнского вероучения созвучны идеи, выраженные в этих образах?

Не может считаться решенной и проблема развития брахманической ветви в искусстве Матхуры. Следует указать на одно из последних исследований, посвященных данному кругу вопросов, — на статью Д. Сринивасан, важную не столько по своим фактическим выводам, сколько принципиально новым подходом⁸⁴. Д. Сринивасан исходит из наблюдения, сделанного уже достаточно давно В. С. Агравалой, о том, что среди тысяч скульптурных изображений, происходящих из Матхуры кушанского времени, изображения Кришны представляют собой редчайшие исключения⁸⁵. Действительно, это выглядит тем более странно, что Матхура считается родиной этого героя⁸⁶. За 35 лет число их увеличилось очень незначительно, что заставляет полагать, что наблюдения В. С. Агравалы верны. Основываясь на этом явном расхождении данных традиции и искусства, Д. Сринивасан создала достаточно убедительную картину, показав, что культ Кришны возник из контаминации двух различных, ранее не связанных друг с другом культов: культа пастушеского божества, пришедшего с северо-запада в район Матхуры (Гопала-Кришна), и местного эпического героя Васудевы-Кришны (эпического героя рода Вришниева). Этот вывод позволил идентифицировать ряд скульптурных композиций, происходящих из Матхуры кушанского времени.

Chronique des etudes kouchanes (1975—1977) — JA, 1978, p. 419—436. Подробно см., Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985, с. 405—407, 681—685.

⁸² Van Lohuizen-de Leeuw. New Evidence..., p. 380; Myer. Boddhisattvas and Buddhas..., p. 110 f.

⁸³ Подробнее см. Mitra D. Mathura. — Jain Art and Architecture. Published on the occasion of the 2500 Nirvana Anniversary of Tirthankara Mahavira. Ed. by Ghosh A. V. 1. New Delhi, 1974, p. 51—52.

⁸⁴ Srinivasan D. Early Krishna Icons: The Case at Mathura. — Kaladaršana. American Studies in the Art of India. Ed. by Williams G. Oxford — New Delhi, 1981, p. 127—136.

⁸⁵ Agrawala V. S. Catalogue of the Brahmanical Images in Mathura Art. Lucknow, 1951, p. 42.

⁸⁶ Cp. Goldman R. P. A City of the Heart: Epic Mathura and the Indian Imagination. — JAOS, 1986, v. 106, № 3, p. 471—484.

Важнейшим открытием последних лет в изучении искусства Матхуры безусловно явились раскопки в Санголе ⁸⁷.

Сангол (небольшая деревня с обширным полем руин того же названия) расположен в районе Лудхианы (штат Пенджаб). Впервые о памятнике стало известно в 1934 г., когда местные жители сообщили о древних руинах тогдашнему Генеральному директору Археологической службы Индии М. С. Ватсу. Несколько раз на памятнике начинались небольшие по масштабам разведочные работы, однако регулярно раскопки здесь начались только в 1968 г. Они проводятся Департаментом археологии и музеев правительства штата Пенджаб ⁸⁸.

В результате раскопок было установлено, что поселение возникло около 2000 года до н.э. и представляло собой один из небольших центров харап্পской цивилизации. Значительный подъем его начался в I в. н.э. при царе индо-парфянской династии Гондофаре, когда поселение стало важным пограничным пунктом его царства. Наивысший подъем города приходится на кушанский период: он увеличил свои размеры, была построена цитадель и перестроены укрепления. Сангол стал важным экономическим и культурным центром. Именно к этому времени относится строительство буддийской ступы и монастыря. Значительную роль город играл и в гуптское время (IV—V вв. н.э.). Он, видимо, служил резиденцией местного правителя или вассального царя. Сангол очень сильно пострадал в ходе гуннского нашествия (третья четверть V в. н.э.), но жизнь на нем продолжалась и позднее.

Наибольшее внимание привлек культовый комплекс, расположенный на окраине города, поблизости от городских стен. Он включал в себя буддийскую ступу и расположенный рядом монастырь. Большие сложности вызывает вопрос о датировке ступы. В ходе раскопок было найдено некоторое количество монет, однако хронологический «разброс» их очень велик — от монет Гондофара до монет Малых кушан, найдена также фрагментированная надпись на реликварии, предположительно (на основании палеографических особенностей) датируемая I в. н.э. ⁸⁹ Можно было бы отнести (хотя и без большой уверенности) время возведения ступы к I в. н.э., однако М. С. Нагараджа Рао стремится доказать, что ступа возводилась еще в период Ашоки. Основанием этому служит описание города She-To-Tu-Lu в записках китайского паломника Сюань Цзана (629—641). Согласно мнению М. С. Нагараджа Рао, древнее название Сангола — Sanghriga — передано как She-To-Tu-Lu в записках китайского путешественника.

Думается, однако, что подобное удревление вряд ли справедливо. Отметим, во-первых, что никаких структурных остатков «ранней» ступы не обнаружено. Во-вторых, ссылка на «Записки» вряд ли имеет в конкретном случае особую значимость, так как Сюань Цзан передавал местные легенды и предания, а не строго документированные факты. В-третьих, еще требует аргументации «уравнение» Sanghriga = She-To-Tu-Lu. В-четвертых, в «Записках» говорится о ступе, построенной за пределами города (на расстоянии 3 ли в направлении к юго-востоку от него), что не согласуется с местоположением ступы в Санголе. Видимо, более справед-

⁸⁷ Kushana Sculptures from Sanghol (1st — 2nd centuries AD.). A Recent Discovery. V. 1. Ed. by Gupta S. P. New Delhi, 1985.

⁸⁸ Подробнее см. Sharma. The Excavation at Sanghol — Kushana Sculptures..., p. 17—20.

⁸⁹ Nagaraja Rao. The Stupa at Sanghol — Kushana Sculptures..., p. 21—24.

ливым является мнение руководителя раскопок Дж. Б. Шармы о времени возведения ступы — I в. н.э.

В ходе исследований был выявлен древний котлован, в котором были аккуратно уложены 117 объектов скульптурного декора ступы. Всего было обнаружено 4 угловых столба, 58 обычных столбов с рельефными изображениями, 7 столбов с двусторонними рельефами, 35 каменных плит-поперечин и 13 рельефных плит, венчавших ограду (рис. 12, 13). С первого же взгляда было ясно, что скульптуры относятся к произведениям матхурской школы. Находки вызвали огромный интерес как в Индии, так и в других странах⁹⁰. Уже в 1985 г. была открыта специальная выставка в Национальном музее в Дели, на которой была представлена часть скульптур.

Действительно, это открытие имеет огромное значение для понимания судеб матхурской скульптурной школы и истории его развития. Необходимо прежде всего указать на очень большое число произведений этого искусства, причем они относятся к единому комплексу, что позволяет уточнить общие композиционные принципы, которыми руководствовались древние скульпторы и архитекторы. Наконец, открытие в Санголе должно помочь в решении весьма дискуссионной проблемы о характере взаимодействия между школами Матхуры и Гандхары. (В зоне Матхуры произведений гандхарской школы немного, в Пенджабе — в цитадели гандхарской школы — десятки скульптур матхурской школы.) В этой связи встает вопрос о том, как оказались матхурские скульптуры в Санголе: были ли они произведены в Матхуре и привезены уже в готовом виде или их изготовили в Санголе из привезенного сюда матхурского камня. М. С. Нагараджа Рао склоняется ко второму решению. Он связывает это с невысоким качеством рельефов, принадлежавших, по его мнению, к провинциальной школе матхурского искусства времени ее начавшегося упадка — конец II — начало III в. н.э. С этим мнением вряд ли можно согласиться. Скульптуры Сангола выполнены в самых лучших традициях художественной школы Матхуры. Не верна идея об упадке матхурской скульптурной школы в III в. н.э. — нельзя забывать о гуптской стадии в истории этого искусства. Именно к гуптскому времени относится наивысший расцвет того «спиритуалистического» направления матхурской школы, которое поражает нас своим изощренным мастерством, утонченностью и великолепием.

Изучение Сангола только начинается, но его материал следует учитывать при решении стоящих перед учеными проблем.

Подводя итоги обзору нужно признать, что в изучении искусства Матхуры создалась специфическая ситуация. С одной стороны, хорошо видны недостатки старых традиционных подходов к изучению этого историко-культурного явления, но с другой — вырисовываются новые пути, обещающие заметный прогресс. Но прогресс, который может наступить только после длительных и кропотливых исследований, притом исследований комплексных, где будут соединены усилия историков, археологов, буддологов, искусствоведов, нумизматов, эпиграфистов. Работы последних лет показали, что особое внимание сейчас должно уделяться изучению идеологии и социальной структуры того общества, которое породило искусство Матхуры. Внимание к этим вопросам поможет лучше понять такой интереснейший феномен, как матхурская скульптурная школа.

⁹⁰ Во время пребывания в Индии в феврале-марте 1985 г. делегация АН СССР (кроме авторов статьи в нее входила В. В. Вертоградова) имела возможность ознакомиться с фотографиями, которые Дж. Б. Шарма привез в Дели.

А. Г. Лундин

КАТАБАНСКИЙ ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ RES 3854

Катабанская надпись RES 3854 принадлежит к наименее исследованным южноаравийским памятникам. Со времени первого издания, осуществленного более 60 лет назад Н. Родоканакисом¹, практически никто не обращался к этому тексту; переиздание «Репертуара семитской эпиграфики»² лишь воспроизводит перевод Н. Родоканакиса. Только А. Бистон в работе, посвященной исследованию южноаравийского календаря, дал анализ одной из ключевых фраз надписи, неверно понятой издателем³, однако это новое толкование не продвинуло вперед исследование содержания декрета. Между тем надпись RES 3854 посвящена проблемам землепользования и является одним из немногих южноаравийских текстов, где рассматриваются эти важнейшие исторические проблемы.

Надпись RES 3854 высечена на городской стене столицы Катабана Тимна⁴ у южных ворот, на циклопическом блоке, на котором находится еще несколько надписей юридического содержания, известных как «тексты Лабаха» RES 3691, 3692, 3693⁴. Она расположена ниже и правее этих надписей и, вероятно, сделана несколько позднее, но палеографически совершенно идентична им. Текст высечен очень тщательно и аккуратно и образует правильный прямоугольник. Оно хорошо сохранился, и чтение не представляет трудностей.

Датировка надписи затруднительна; автор декрета царь Катабана Шахр Хилал сын Зара'кариба известен только по этой надписи и его соотношение с другими правителями неясно. Можно лишь сказать, что он правил после автора RES 3691 Шахра Хилала Йухан'има, сына Йада'аба. Г. Виссман датирует правление Шахра Хилала, сына Зара'кариба, временем после 125 г. до н.э.⁵, но эта дата может быть лишь ориентировочной; по-видимому, его правление можно отнести к I в. до н.э. — I в. н.э. Этот период истории Южной Аравии скудно освещен письменными памятниками, что придает исследуемому тексту особый интерес.

Надпись RES 3854 принадлежит к категории так называемых «истинных декретов», начинающихся формулой $h\dot{g} (km)/hgr/wshr$ «вот что повелел

¹ *Rhodokanakis N.* Katabanische Texte zur Bodenwirtschaft. Bd II.— SBAW, 198, Abh. 2. Wien, 1922, S. 5—28. 104—105.

² *Répertoire d'épigraphie sémitique.* Rédigé par G. Ryckmans. V. VI. P., 1935, p. 316—319.

³ *Beeston A. F. L.* Epigraphic South Arabian Calendars and Dating. L., 1956 (далее — Calendars), p. 6—7.

⁴ *Jamme A.* Miscellanees d'ancien arabe. III. Washington, 1972, p. 61—62.

⁵ *Wissmann H.* von. Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus.— In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, Bd 9, 1. B., 1976, S. 458, Anm. 279.

и узаконил» (с небольшими вариациями в наборе глаголов)⁶. К этому типу принадлежат все крупнейшие юридические надписи Катабана: декреты на северных воротах RES 3566 и 3878, «торговый кодекс» RES 4337 (ср. также фрагмент RES 4325). Строгий формуляр этих текстов включает преамбулу, перечень лиц и учреждений, от которых исходит декрет, перечень адресатов декрета, содержание установления, дату и упоминания свидетелей. «Истинные декреты» отличаются от царских декретов, начинающихся именем царя (RES 3879, 4931), но построенных с теми же глаголами *ḥgr/wšḥrm* «повелел и заповедал» (ср. *šḥrm*: RES 4337,1) и по той же схеме.

«Истинные декреты» исходят обычно не просто от царя Катабана, но от царя и совета старейшин (*mšwd/qtbn*: RES 3566, 3878) или от царя и народа Катабана (*š'bn/qtbn*: RES 3878); напротив, царские декреты не упоминают ни совета старейшин, ни народного собрания. Исследуемый текст также не упоминает ни совета, ни народа, однако то, что он построен по формуляру «истинных декретов», заставляет предположить, что и RES 3854 излагает решение соответствующего законодательного органа, совета или народного собрания Тимна⁷, не упоминаемого в тексте по неясным причинам⁸. Царь лишь публикует этот декрет, принятый законодательными органами. Это показывает употребление глагола *ḥrg*, отсутствующего в других декретах; он часто встречается в надписях различных должностных лиц и означает «исполнять», «руководить (во исполнение полномочий, поручения)» (см. ниже). Даже наиболее близкая по формуляру и теме надпись RES 4325 не содержит глагола *ḥrg*; его заменяет обычный для декретов глагол *ḥgr* «узаконить». Важность этого различия показывает дальнейший текст надписей, где RES 3854 называется *ḏn/mḥrn* «этот декрет» (строки 4, 5, 7, 8,) а RES 4325 — *ḏn/ḏḥgrn/wnḥrn* «это предписание и декрет» (строка 6)⁹. Можно, следовательно, предположить, что вопросы землепользования, о которых говорят декреты RES 3854 и 4325, решались советом старейшин или народного собранием Катабана или его столицы, города Тимна⁷, а царь выступает в них как исполнительная власть, публикующая принятый текст закона и наблюдающая за его исполнением.

Декрет RES 3854 адресован «народу Катабана и (общинам) зу-⁷Алсан и Ма'ин и зу-⁷Асат», т.е. населению Тимна⁷, в состав которого входил не только «народ Катабана», но и другие категории населения, о которых речь пойдет ниже. Основное содержание установлений выражено серией из восьми глаголов, представляющих и наибольший интерес, и наибольшие трудности для интерпретации.

Значительная часть глаголов встречается либо только в исследуемой надписи (*'gw*, *'hw*), либо считанное число раз (*hrt*, *qʔr*), и возможно, с другой семантикой. Проведенный анализ контекстов и этимологии корней дает лишь общее значение, тогда как их терминологический смысл

⁶ Ср. сабейские «истинные декреты» с формулой *kn/ḥṭb* «так повелел»: СИН 601; RES 3951.

⁷ В параллельном фрагменте RES 4325 этот раздел формуляра не сохранился, но в нем, видимо, упоминались законодательные органы, может быть, храмовые, см. ниже.

⁸ Может быть, просто чтобы избежать повторения типа *šhr/wḥrg/N/mlk/gtbn/(wš'bn/qtbn)š'bn/qtbn* «повелели и узаконили такой-то, царь Катабана (и народ Катабана) народу Катабана».

⁹ Вообще корень *ḥrg* не дает производного имени, обозначающего особый вид юридического документа, в отличие от других глаголов вводных формул декретов (*ḥgr*, *šhr*, *šḥrm* и т. д.).

остается неясным. Попытаемся установить общий смысл декрета путем структурного анализа текста.

Перечню глаголов в дальнейшем тексте соответствуют перечни имен, выражающих то же содержание, с небольшими отличиями. Они повторяются трижды: в строках 4—5, когда говорится о возможных нарушениях, и в строке 7, где устанавливается штраф за эти нарушения. Еще раз повторено это же содержание в строке 8 в предписаниях кабиру по устранению нарушений. Списки действий повторяются не полностью; они постепенно сокращаются, вероятно, за счет второстепенных (частных) действий. Сравнение перечней позволяет лучше понять значение отдельных терминов и всего декрета в целом.

Приведем для наглядности все случаи:

стк.2: byfrwn/w'gw/w'p'w/whrt/wqzr/

стк.4—5: wfr/

стк.7:

стк.8: ws'gy/

w'zz/wsqh/ws'hd

ws'sq/wsqh/ws'hdm

'sq/wsqh'm/ws'hdm

w'thd

В конце список сокращается до двух понятий, начального 'gw и конечного s'hd, хотя, видимо, передает все исходное значение перечня в полном объеме. Это позволяет разделить перечень на две группы терминов: обозначения трудового процесса и сельскохозяйственных работ, с одной стороны, и юридические термины, перечисляющие обязанности или выплаты, — с другой. Сокращению подвергается, собственно, только первая группа: в двух случаях она сводится к одному термину — wfr «обрабатывать землю» или 'gw «усердно трудиться» (что, собственно, обозначает весь цикл работ), а в строке 7 даже опущена целиком. Напротив, вторая группа лишь в последнем перечне сводится к одному понятию, а в остальных сохраняет два последних термина и вводит еще новый, 'sg, заменяющий один или два термина начального перечня, 'zz и, может быть, qzr, т.е. практически повторяется целиком.

Граница двух групп проходит через глагол qzr. Он может иметь широкий спектр значений с развитием «собирать (урожай)» → «собирать (пóдать)» → «быть жрецом-сборщиком (qzr)». В данном контексте, в сочетании hrt/wqzr «пахать и собирать», кажется предпочтительным понимать его как обозначения трудового процесса, «собирать урожай». Таким образом, этот глагол следует отнести к первой группе терминов. Ее общий смысл — предписание усердно трудиться на протяжении всего цикла сельскохозяйственных работ, выполнять их полностью. Однако пропуск этой группы в перечне строки 7 показывает, что сельскохозяйственные работы рассматриваются, видимо, не как цель, а лишь как средство выполнения действий второй группы глаголов, обозначающих обязанности или выплаты. Термины второй группы довольно часто встречается в надписях, но их значение можно определить лишь в пределах общего смысла, иногда довольно сильно изменяющегося в конкретном контексте, и их терминологический (юридический) смысл остается неясным.

Все глаголы передают общее значение «выполнять, завершать» (см. ниже) хотя с известными оттенками: 'zz — «выполнять, соблюдать закон», 'sq — «выполнять работу, обязанность», sgħ — «выполнять, делать полностью» и s'hd — «выполнять условие, соглашение». Таким образом, речь идет об исполнении каких-то повинностей или обязанностей, которые, однако, в тексте не определены. Остается даже неясным, носят ли они характер отработок, натуральных взносов или денежных платежей.

Такой метод изложения, когда даются подробные предписания о порядке и характере исполнения законов или повинностей либо, наоборот относительно осуществления прав и прерогатив, лишь названных, но никак не определенных и не охарактеризованных в тексте, довольно распространены в катабанских юридических надписях. Пожалуй, наиболее ярко он выражен в «возобновлениях декретов» — особом типе надписей, подтверждающих ранее изданные законы или указы без каких-либо обобщений об их содержании (RES 3693 и, вероятно, Folk. I¹⁰). Отметим также ссылки на «документы Датины» (šhf/dtnt) в надписи RES 3689, II и на «декреты Катабана» в RES 3566,11.

В целом декрет посвящен обработке земли и связанным с этим обязанностям разных групп населения Тимна⁶ и дает богатый материал о землевладении и землепользовании в древнем Катабане.

Текст

1. ḡgkn/šhr/wḡrg/ šhr/hll/bn/dr 'krb/mlk/qtbn/ š'bn/qtbn/wd'lsn/wm'nm/wd
2. 'ttm/'b'l/zrwb/'dw/šdw/ kdm/byfrwn/w'gw/w'hw/wḡrt/wqzr/w'zz/
/wsqh/ws'hd
3. š'bm/š'bm/zrbts/ ywmmyw/ywmmyw/bwrḡm/ b'stnm/dfr'm/ wsdm/
dfqḡw/b
4. wrḡm/wrḡm/ b'brs/bd/'wrḡn/wḡrwfn/ w'y/'y/'sdm/ bydr/wshd' / bn/wfr
5. w'šq/wsḡm/ws'hdm/zrbts/ ḡgdn/dmḡrn/ wl/yhb/wstwyf/ dwrn/wmshd
6. 'n/'b'l/syt/zrbtn/ b'm/mlkn/wkbr/tmn' / b'šr/'šr/ ḡbštm/ms'm/ ltt/tt
7. ywmm/dtm/ bydr/wshd' / bn/'šq/wsḡm/ws'hdm/zrbts/ ḡgdn/dmḡrn/
wl/yls
8. q/wqrw/ws'db/ws'gy/w'thd/ ḡgdn/dmḡrn/ kbr/tmn' / whmw/ ysslb/
/kbrn/bn/l
9. sq/wqrw/w'thdm/w'dbm/ ḡg/dn/dmḡrn/ fl/y'thy/mlkn/bḡt'tn/ wl/yfth/
ḡg
10. dn/dmḡrn/bḡw/hlfn/dšdw/ wrḡs/d'm/hrf/'b'ly/bn/šḡz/qdmn/wt'lmy/
yd/šhr

Перевод

(1) Вот что узаконил и предписал Шахр Хилал сын Зара'кариба, царь Катабана, народу Катабана и (общинам) зу-'Алсан и Ма'ин и зу-(2) 'Асат, владельцам угодий у Садав: чтобы они обрабатывали и трудились, и страдали, и пахали, и собирали, и вносили полностью по условиям (3) каждая община угодье свое, по два дня в месяц, в первый день первой декады и в шестой день второй декады, ка- (4) ждый месяц, на месяцы и годы. И каждый человек, который обойдет и обманет из работы (5) и подати и выполнения условий угодья своего в соответствии с этим декретом, и пусть отдадут и возместят ущерб и обман (6) владельцы этого угодья царю и кабиру Тимна⁶ по десять полновесных монет-хабсат за каждый (7) день, в который он причинил ущерб и обманул из подати и выполнения условий угодья своего в соответствии с этим декретом. И пусть пока- (8) рает и накажет и оштрафует (?) и заставит трудиться и выполнять в соответствии с этим декретом кабир Тимна⁶. А если будет пренебрегать кабир (9) карой и наказанием и выполнением и штрафом (?) в соответствии с этим декретом, то пусть обнаружит царь упущение его. И пусть высекут

¹⁰ Pirenne J. Décret royal qatabanite en faveur d'un clan.—CIASA, t. I, section 1, Louvain, 1977, p. 139—145.

(10) в соответствии с этим декретом на дверях ворот Садав. Месяц этого — зу-‘Амм первого года ’Аб‘алайа из Шахаз. И засвидетельствовано рукой Шахра.

Комментарий

Строка 1. *hḡkm/shr/wḡrg* «вот что узаконил и предписал» — обычная начальная формула катабанских декретов, особенно характерная для самых крупных и важных памятников, см. RES 4337,1; 3566,1; 3878,1. Ср. RES 3693,4—5 — *hḡkm/shrsm/’mlk/qtbn* «как постановили им цари Катабана». Ср. также *hḡk/k* в Ja 2856,1 и *hḡ* в RES 4325,1. Ср. еще сабейское *hḡ(n)k* — «как, соответственно» (DS 69), также вводящее декреты.

shr: порода HI от корня *ḥwr*, наиболее частый глагол в преамбулах катабанских декретов, ср. также RES 3566,1; 3693,2; 4337,1; 4235,1 и т. д. Он сочетается с различными глаголами: *shrsm*, *ftḥ*, *hḡr* и др. Каждый из этих глаголов, несомненно, имеет определенное терминологическое (юридическое) значение, однако разграничить их внутри общего значения «приказывать, повелевать, узаконивать» весьма сложно. Как самый частый из глаголов в преамбулах декретов, он переводится здесь как «узаконивать». Ср. сабейское *ḥwr I* «приказывать, издавать декрет» (DS, 73).

hḡrg: очень часто встречается в катабанских надписях (Ricks, 95—97), но в преамбулах декретов появляется лишь в исследуемом тексте. В самом близком по типу декрете RES 4325 он заменен более обычным *hḡr*. Однако *hḡrg* встречается в самом тексте декретов для обозначения приказов царя (RES 3566,2; 3878,11 и т. д.) или высших чинов государственной администрации, кабиров (RES 3688) и «управляющего» (*ḥwl*, RES 3858,3), а также в особом типе надписей-приписок, когда основной строительный текст, составленный от имени царя, сопровождает надпись лица, непосредственно производившего работы. Формула таких приписок гласит: *tqdm/wḡrg* «когда он был поставлен (во главе) и руководил». Ср. также сабейское *hḡrg* «исполнять власть» (DS, 70). По-видимому, в контексте юридических надписей *hḡrg* имеет значение «исполнять (закон, приказ)», «осуществлять исполнительную власть», т. е. распоряжаться в осуществлении решений, принятых более высокой инстанцией — царем, советом старейшин или народным собранием, осуществлять исполнительную власть по решению законодательных органов.

šhr/hll/bn/dr’krb/mlk/qtbn «Шахр Хилал, сын Зара’ кармба, царь Катабана» известен только по этой надписи. Его следует отличать от одноименных царей — Шахра Хилала, сына Йада’‘аба (RES, 4337), Шахра Хилала Йухан‘има, сына Йада’‘аба (RES 3691), от Шахра Хилала Йухақбиди (TTI 100,4; Ja 2826,1).

š’bn/qtbn/wd’lśn/wm’nm/wd’‘ttm/’b’l/ḡrwb/‘dw/śdw «народу Катабана и (общинам) зу-‘Алсán и Ма‘ин и зу-‘Асат, владельцам угодий у Садав». Перечисление коллективов, к которым обращен декрет, начинается с «народа Катабана». Видимо, здесь этот термин употреблен в узком смысле и обозначает полноправных граждан Тимна’, столицы Катабана, а не все население Катабанского государства. Ср. также RES 4337 A.3—4 — *qtbn/btmn’wbrm* «Катабан в Тимна’ и Баруме». Последующие имена плохо известны, но они, несомненно, обозначают не подразделения «народа Катабана», а другие группы населения Тимна’. Так, *m’nm* «Ма‘ин» — известный и по другим надписям *m’nm/btmn’* «Ма‘ин в Тимна’» (RES 337 B,11; VL 9,1¹¹) — община ма‘инцев, постоянно прожи-

¹¹ Ghul M. New Quatabani Inscriptions. II.— BSOAS, 1959, XXI, 3, p. 429—433.

вавших в Тимна^с и пользовавшихся там известным самоуправлением, а также некоторыми правами и привилегиями.

Общины зу-^с Алсан и зу-^с Асат в других текстах не упоминаются, но, по-видимому, представляют собой аналогичные организации.

^{tt} — обычная для собственных имен апокопированная форма имени божества 'Астар; ^d^{ttm} можно понимать как община 'Астара» (ср. ^{hl}^{ttr} «община 'Астара» в сабейской надписи СИН 546,5, а также ^{ghlt}^{ttr} в маинских надписях М 187,1; 190,1; 197,1 и т. д.) и видеть в нем землячество переселенцев из тех областей, где «национальным» божеством был 'Астар. Обычно считается, что 'Астар был национальным богом химьяритов¹²; это позволяет высказать предположение, что зу- 'Асат — община химьяритов, живших в Тимна^с.

Все эти общины объединяются как ^b^l/^{zgrwb} «владельцы угодий (земель)». Термин ^b^l (мн. ч. ^b^l) широко распространен в южноаравийских надписях и имеет большой спектр значений, связанных с понятием владения; и «гражданин города» (^b^l/^{mryb} «граждане Мариба»), и «домовладыка» (^b^l/^{bytsm} «владыки домов их» Doe 2,4; Ja 1819,5). Корень ^{zrb} также связан с понятием владения и обозначает, видимо, полное право собственности. Слово ^{zrbt} (мн. ч. ^{zgrwb}), несомненно, обозначает земельные владения — «угодья»; см. также RES 3540,5; 3880,4 и ^{zrb} RES 3966,9. Корень ^{zrb} был подробно рассмотрен Г. М. Бауэром¹³, который показал его близость к корню ^b^l с общим значением «владеть, иметь (как собственность)». Он применяется в основном к недвижимому имуществу (земле, постройкам, гробницам) и обозначает, несомненно, полную собственность.

^{dw}: редкая форма предлога ^{dy} «до, у, в» при обычном катабанском ^d (Ricks, 172).

^{sdw}: Садав, название южных ворот Тимна^с, где найдена надпись. Там же высечены и другие надписи юридического содержания (RES 3691, 3693); см. также RES 3881,2: ^{hlfn}/^{dśdw} «ворота зу-Садав».

Строка 2. ^{kdm}/^{byfrwm/w} ^{gw/w} ^{hw/whrt}/^{wqr/w} ^{zz/wsqr/ws} ^{hd} «чтобы они обрабатывали и трудились и страдали и пахали и собирали и вносили полностью по условиям». ^{kdm} — частица, вводящая текст декрета или его раздела, ср. RES 3566,9,14,19; 4337A,7,17,22 и т. д. Ср. сабейское ^{kḏ} (DS 75—76). Дальнейший текст, хотя несложен грамматически и его общее значение ясно, представляет очень большие трудности в установлении конкретного значения отдаленных глаголов; некоторые из них представляют гапаксы, а другие редки и встречаются в неясных контекстах.

^{byfrwn}: несмотря на префикс ^b, обычный для индикатива, форма субъектива¹⁴ мн. ч. от корня ^{wfr} (ср. в строке 4 имя ^{wfr}); см. также ^{yfrwn} в RES 4325,3. Значение «обрабатывать землю» ясно из контекста надписи. С тем же значением глагол выступает в маинских (М 29,5; 72,3) и сабейских надписях (DS 158)¹⁵. Ср. также арабское ^{wafara} «быть/делать обильным, многочисленным»¹⁶. Глагол ^{gw} встречается лишь в исследуе-

¹² Robin Chr. Les Hautes-Terres du Nord-Yemen avant l'Islam. T. I. Istambul, 1982, p. 98—99.

¹³ Бауэр Г. М. Термин ^{gwlm} в южноаравийской эпиграфике. — КСИНА, 1965, 86, с. 211—214; ср. DS, 172.

¹⁴ Beeston A. F. L. Sabaic Grammar. Manchester, 1984, p. 64—65.

¹⁵ Cf. Loundine A. G. Rez: Beeston A. F. L., Ghul M., Müller W. W., Ryckmans J. Dictionnaire Sabéen. Louvain, 1982. — Le Muséon, 97, 1984, p. 178.

¹⁶ Biberstein-Kazimirski A. de. Dictionnaire arabe-français. P., 1846 (1960), v. II, p. 1574—1575.

мом тексте; см. также породу Н I s'gy ниже, строка 8. Н. Родоканакис предложил значение «трудиться, стараться» («sich mühen»); его принял и В. Мюллер, приведя параллели, весьма отдаленные, из других семитских языков: еврейское *ugh* «мучить, томить», арабское *wagiya* «иметь боль в копыте (о лошади)»¹⁷. С. Рикс дает перевод «бороться» («struggle»), приводя арабское *waga'a* «бить, ударять» и эфиопское *wag'a* «бить, воевать» (Ricks 2—3), что, впрочем, не способствует удовлетворительной интерпретации. Арабское *wagiya* может означать «стереть копыта, подошвы из-за усиленной ходьбы, бега»¹⁸, т. е. «натереть мозоли» — выражение, которое во всех языках является обозначением усиленной, напряженной работы. Контекст показывает, что это значение следует придать и катанбанскому *'gw/s'gy*¹⁹.

'hw: также встречается в надписях лишь однажды; его сравнивают с арабским *'wh* «стонать, рыдать» и еврейским *'h* «ах, увы!»²⁰. Видимо, здесь следует предположить семантическое развитие, близкое к русскому «страда (уборка урожая)» ← «страдать».

hrt «пахать» — хорошо известный общесемитский глагол, встречающийся и в катанбанских надписях (Ja 2360,8,9; ср. имя *hrt* — Ja 2361,6), так что его значение не вызывает сомнений. Ср. также сабейское *mhrtt* — «пахотная земля» (RES 3945,11). Столь же известный глагол *qzr* — «убирать урожай» также распространен в надписях, но в Катабане корень засвидетельствован лишь в специфическом значении жреческого титула или в отыменной форме *sqzr* «делать жрецом» (Ja 852,4)²¹. Это значение еще Н. Родоканакис возводил к тигре *qsr* — «собирать подать»²² с развитием значений «собирать (урожай)» → «собирать (долю урожая, подать)» → «сборщик (доли урожая)» → «жрец». В исследуемом контексте возможны разные значения из этой семантической цепи — как исходное «собирать урожай» в параллель к *hrt*, так и промежуточное «собирать/платить подать» в сопоставлении с последующими глаголами.

Глагол *'zz* встречается в катанбанских надписях лишь однажды; ср. сабейское *h'zz* в RES 4176,14 «исполнять закон» (DS, 24) и имя *'zt* — «сила, энергия» (CIN 326,3; Ja 559,12). Глагол восходит к общесемитскому *'zz* — «быть, стать сильным, могущественным», но его значение в контексте остается неясным. Мы предлагаем окказиональное толкование «исполнять (повинность)», «вносить (подать)».

Глагол *sqh/hqh*, напротив, весьма часто встречается как в сабейских, так и в катанбанских надписях (DS, 110; Ricks, 216). Он употребляется обычно в строительных текстах и, как правило, завершает глагольную цепь. Значение его довольно широко: предлагаются переводы «приводить в порядок», «завершать», «сглаживать» и т. п. По-видимому, все эти понятия восходят к общему значению «заканчивать, завершать»; в контексте довольно четко выступает оттенок «делать полностью». Ср. также надпись RES 3856,1, где этот же глагол употребляется в контексте о земельных

¹⁷ Müller W. W. Die Wurzeln Mediae und Tertiae Y/W im Altsüdarabischen. Tübingen, 1962, p. 25.

¹⁸ Biberstein-Kazimirski. Op. cit., II, p. 1496—1497.

¹⁹ См. также Лундин А. Г. К этимологии библейского *yogebim* «пахари». — ППНИК (в печати).

²⁰ Müller W. W. Altsüdarabische Beiträge zum hebräischen Lexikon. — ZAW, 1963, 75, p. 306; Ricks, p. 7.

²¹ См. Лундин А. Г. Список жрецов 'Амма. — ПС, 1971, 27, с. 33. Ср. Ricks, 218—219.

²² См. также Pirenne J. Exécution d'offrande par un QZR an nom du rois de Qataban. — CIASA, I, 128; Ricks, 218—219.

владениях и обозначает, видимо, завершение сельскохозяйственных работ.

Глагольный корень 'hd встречается в майнских, сабейских и катабанских надписях в формах разных пород: О I 'hd (СИН 376,1; Яа 2855,5; М 358,8), Т I 'thd (М 239,3; Яа 716,7 и в исследуемом тексте ниже, строки 8,9) и Н I s'hd. Общее значение «заключать договор, соглашение» дает в разных контекстах различные дериваты (см. DS, 14). В исследуемой надписи значение ясно по контексту: s'hd «выполнять соглашение, условия»; 'thd «выполнять».

Видимо, вся глагольная цепь делится на две части, построенные по принципу гендиадиса, когда последующие глаголы разъясняют значение первого: «чтобы они обрабатывали: трудились (на земле) и усердствовали, пахали и собирали урожай, и (чтобы) выполняли (повинности): полностью согласно условиям».

Строка 3. š'bn/š'bn/zrbts «каждая община угоды свое». Повторение слова для выражения партитивности очень часто в исследуемом тексте, см. строку 4 'y/'y/'sdm «каждый человек», строку 6 b' r/'sr/hbst «по десять монет-хабсат» и т. д.

ywmmuw/ywmmuw/bwrhm «по два дня в месяц». Как показал А. Бистон, mūw — катабанское окончание двойственного числа имени²³.

Строки 3—4: в 'stnm/df'r'm/wsdm/gfqhw/bwrhm/wrhm — «в первый день первой декады и в шестой день второй декады, каждый месяц».

'stn: «один», ср. майнское 'st М 367,6. Ср. также аккадское eštu, eštan, древнееврейское 'ašte 'asar «одиннадцать». А. Бистон считает, что 'stn — количественное числительное «один»²⁴, но из контекста явно следует значение порядкового числительного «первый». В значении «один» выступает форма td, ж. р. tt (см. ниже). Обычное 'hd в катабанских текстах не засвидетельствовано. Вся фраза представляет собой ключевое место для понимания декрета. Оно было исследовано А. Бистоном, который показал, что df'r'm — название первой декады месяца, а dfqhw (сабейское dfqh) — название второй декады²⁵; новый материал полностью подтвердил этот вывод (см. Яа 2360,14). Таким образом, речь идет о каких-то актах, совершаемых регулярно, каждый месяц по два раза, первого и пятнадцатого числа.

Строка 4: b'brs/bd/'wrhm/wgrwfm «на месяцы и годы», но ср. RES 3688,7: ldt/bd/ml't «навсегда» и RES 3884 bis, 5: ldt/bd/wml't с тем же значением²⁶. hgrwf — мн. ч. от hrf «год», ср. Яа 2361,9; VL 1,9²⁷. Формула отличается от обычных формул, определяющих срок действия указа или постановления (например, «навсегда»), и предполагает, видимо, временный характер декрета, но без указания срока действия — «на неопределенный срок».

²³ Beeston. Calendars, p. 41, not. 14; *idem.* A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. L., 1962, p. 32.

²⁴ *Idem.* A Descriptive Grammar..., p. 40, 73, not. 89.

²⁵ *Idem.* Calendars, p. 4—7.

²⁶ Beeston A. F. L. Qahtan, f. 2. L., 1971, p. 14—15; Jamme, Miscellanées..., III, p. 60.

²⁷ Ghul M. New Quatabani Inscriptions.— BSOAS, 1959, 23, p. 6. М. Гуль переводит hgrwf в VL I, 9 как «овцы»; ему следует и Рикс (Ricks, 111), однако в контексте ясно значение «год». Термин hrf «овца» можно, видимо, обнаружить в надписи ТТИ 1,3 — lwfy... wlds/wqnys/whrfs «ради благополучия... детей его и имущества его и овец его», хотя А. Жамм и переводит здесь hrf как «осенние плоды»: Jamme A. Miscellanées d'ancien arabe. IX. Washington. 1979, p. 41.

w'y/'y/'sdm/bydr/wshd' «и каждый человек, который обойдет и обманет». А. Бистон рассматривает второе 'у как энклитическую частицу²⁸; скорее здесь можно видеть многократно встречающуюся в исследуемом тексте редупликацию для выражения партитивности: «каждый любой человек». bydr — имперфект глагола dwr, что показывают соответствующие имена ниже (строка 5) — dwrn/wmshd'n. Исходный корень в катанских текстах не встречается. Из сабейских текстов известно имя dr «раз, случай» (DS, 36—37). Значение «нарушать» ясно из контекста; из общего значения корня «обходить, совершать круг»²⁹ можно вывести переносное «обходить, обманывать» (ср. русское «обходить (закон)», обойти кого-нибудь (=обмануть)).

shd' также не встречается в катанских надписях; ср. сабейское hd' «повреждать, разрушать» и mhd' «повреждение, фальсификация (текста)» (DS, 58—59). Ср. также арабское hd' «прятать, покрывать, ошибаться»; II — ошибаться намеренно»³⁰.

Строки 4—5: bn/wfr/w'sq/wsghm/ws'hdm/zrbts — «из обработки и подачи (?) и выполнения условий угодья его». Цепь имен повторяет глагольную цепь строки 2 в несколько сокращенном виде. Точные эквиваленты имеют первый элемент цепи (wfr) и два последних (sqh и s'hd). Новый именной элемент 'sq соответствует глаголам от 'gw до 'zz или одному из них. Наиболее вероятным кажется предположение, что имя wfr «обработка (земли)» заменяет все глаголы, обозначающие трудовые процессы. от 'gw от qzr. Тогда имя 'sq должно соответствовать глаголу 'zz.

Корень 'sq широко представлен в катанских надписях (см. Ricks 188—189), но редок в майнских (лишь M 171,2) и сабейских³¹. Корень представлен двумя формами: именем 'sq и глаголом породы S I s'sq/h'sq, может быть, отыменного происхождения. Этимология его неясна (см. Ricks, 188: «контекстное значение»). И глагол, и имя встречаются преимущественно в строительных надписях, но также и в текстах о земельных владениях (RES 4094,3,4; 4230 C,1 и т. п.). При переводах он получает, в зависимости от контекста, серию конкретных или общих значений: «выкапывать», «высекать дорогу», «устраивать террасы» (DS, 21), но также и «выполнять, завершать» (Ricks, 188), «работать»³². Наиболее частая формула N/tqdm/ws'sq/...kl/'sq/wmbny «Такой-то был поставлен во главе и исполнил (?)... всю работу (?) и постройку» (см. RES 3552, 3553, 4094 и т. д.).

Исследуемая надпись ясно показывает, что значение термина связано с выполнением повинности или уплатой подати (налога). По-видимому, все остальные контексты не противоречат такому толкованию. Во всяком случае, наиболее частая формула при таком понимании приобретает четкий смысл: «Такой-то был поставлен во главе и исполнил ... всю повинность и постройку». Это позволяет принять для глагола s'sq перевод «исполнять (повинность, обязанность)», а для имени 'sq — «повинность, подать, налог».

Строка 5: hg/dn/dmhrn «в соответствии с этим декретом» (ср. ниже, строки 7—10). Ср. также hg/dn/hgrn в RES 3879,5 и hg/dn/dtzbnn/wgdytn

²⁸ Beeston. Sabaic Grammar, p. 67, not. 126.

²⁹ Müller. Wurzeln, 51.

³⁰ Biberstein-Kazimirski. Op. cit., I, p. 546—547.

³¹ См. DS, 21. Известные случаи употребления относятся к надписям из Радмана (YMN 8,4; YM 544,1) или с территории Катабана (RES 4194,3,4).

³² Jamme. Miscelanees..., III, p. 54—55.

в Folk. 1,6. mḥrn — наиболее частое название юридического документа в катабанских надписях (см. Ricks, 91). Соответственно мы переводим его наиболее общим и неопределенным термином — «декрет».

Строки 5—6: wl/yhb/wstwy/swrn/wmsh d'h/'b'l/syt/zrbtn «и пусть отдадут и возместят ущерб и обман владельцы этого угоды». Общеизвестный глагол whb «давать, дарить» известен и в катабанских (RES 3688,1: Ry 366,5), и в майнских (M 381,4,5), и в сабейских надписях (см. DS, 158—159). Глагол wfy встречается в южноаравийской эпиграфике в формах разных пород, но преимущественно в посвяtitельных надписях для обозначения действий божества по отношению к адепту с общим значением «покровительствовать, делать благополучным», в породе ST I — «покровительствовать, сохранять (в благополучии)». Но в катабанских надписях породе ST I не засвидетельствована (лишь, может быть, в Folk. 1,1—2: šrhw/w/w?/fym). Но в породе O I в юридических текстах глагол может означать и «платить (долг)», «выполнять (обязательство)» (DS, 158). В исследуемом контексте ясно выступает общее значение «привести в порядок» и терминологическое «компенсировать ущерб».

dwrn/wmshd'n — глагольные имена, образованные от vdr/wshd', см. выше, строка 4, соответственно «ущерб» и «обман».

'b'l/syt/zrbtn «владельцы этого угоды». syt — ж. р. ед. ч. указательного местоимения³³. Таким образом, речь идет о какой-то группе или коллективе владельцев единого угоды.

Строка 6: b'm/mlkn/wkbr/tmn' «царю и кабиру Тимна'». Кабир («старейшина») — племенной магистрат (см. DS, 76) — довольно часто упоминается в катабанских надписях (Ricks, 123). Но кабир Тимна' упоминается впервые. По-видимому, этот титул носил глава городской администрации. Но его связь и отношения с царской властью остаются неясными.

b'šr/'šr/ḥbštm/ms'm «по десять полновесных монет-хабсат. Термин ḥbšt встречается лишь в исследуемом тексте, но значение — название монеты — ясно из параллельного контекста сабейской надписи CИH 376,4: 'lfm/bl'tm/ms'm «тысяча полновесных монет-балат». Слово восходит, вероятно, к корню ḥbs «смешивать, перемешивать», что подразумевает, может быть, неполноценный состав металла (Ricks, 102—103). Слово ms'm известно лишь по двум уже упомянутым текстам. Его значение ясно: это эпитет, обозначающий полноценность монеты, однако происхождение термина неясно. Его возводят к глаголу nš' или sw'³⁴ и переводят «хорошие» = «стандартные» или «отчеканенные» монеты (см. DS, 68). К последнему значению ср. арабское ms' «блеснуть (о молнии); ударить, поразить»³⁵.

Строки 6—7: l'tt/tt/ywmm/dtm/bydr/wshd' «за каждый день, в который он причинил ущерб и обманул». tt — ж. р. числительного td «один» (см. RES 3688,3; 3858,10). Это же слово используется и в живых южноаравийских языках (Ricks 113)³⁶, но отсутствует в сабейском и майнском.

Строка 7: bn/'šq/wsḳhm/ws'hdm/zrbts/hgd'n/dmḥrn «из подати и выполнения условий угоды своего в соответствии с этим декретом». Дальнейшее сокращение формулы по сравнению со строками 4—5, видимо, подтверждает, что из нее исключены глаголы, описывающие трудовые процессы, но сохраняются термины, описывающие выполнение повинности.

³³ Beeston. Sabaic Grammar, p. 66.

³⁴ Biella J. C. Dictionary of Old South Arabic. Sabaeen Dialect. Harvard, 1982, p. 311.

³⁵ Biberstein-Kazimirski. Op. cit., II, p. 1116—1117.

³⁶ Johnston T. M. Jibbali Lexicon. Oxf., 1981, p. 274.

Строки 7—8: wl/ylsq/wqrw/ws'ḏb/ws'gy/w'thd/hgdn/dmhrn/kbr/tmn' «И пусть покарает, и накажет, и оштрафует (?), и заставит трудиться и выполнять в соответствии с этим декретом кабир Тимна'». lsq — «преследовать по закону, карать», ср. сабейское lsq «воздавать, преследовать (о божестве)»: Гр. 26,3,4³⁷ (ср. Ricks, 136; DS 83). qrw — «наказывать», ср. также сабейскую надпись Na 74,12 yqtrn «быть наказанным» (порода T I) (ср. DS, 107). Корень 'ḏb часто встречается в южноаравийских надписях, преимущественно в строительных текстах, в значении «восстанавливать, ремонтировать» (см. DS, 12—13; Ricks, 173—174). В юридических текстах он имеет значение «налагать штраф, взыскание» и даже «выплатить возмещение» (Na 74,13). Здесь каузативная порода имеет явный смысл «накладывать наказание, штраф».

s'gy — также каузативная порода «заставить трудиться, обрабатывать (землю)». 'thd — порода T I, «исполнять условия, обязанности».

kbr «кабир, старейшина» — титул, довольно часто употребляемый в катабанских надписях (Ricks, 123), обычно обозначает главу общинной администрации, см. RES 3688,1: kbrm...š'bn/khd «кабир... общины Кахад» и VL 9,1: kbr/m'nm/btmn' «кабир (общины) майнцев в Тимна'».

Строки 8—9: whmw/ysslb/kbrn/bn/lsq/wqrw/w'thdm/ws'ḏbm/hgdn/dmhrn — «А если будет пренебрегать (этот) кабир карой и наказанием, и выполнением, и штрафом (?) в соответствии с этим декретом». Корень slb известен лишь по исследуемому тексту; ср. арабское slb «похитить, отнять, лишать»³⁸. Этот термин обычно переводят как «отказываться» (Ricks, 253)³⁹. Однако контекст ясно показывает, что речь идет не об отказе, а лишь о бездействии кабира.

Строка 9: fl/y'tny/mlkn/bḥt'tn «то пусть займется царь упущением». y'tny — имперфект глагола породы T I от корня 'ny; в катабанских надписях встречается впервые. В сабейских известна порода O I корня 'nw со значением «быть огорченным, раздосадованным» (DS, 17). Форму породы T I 'tny см. также в майнских надписях M 69,7 и 'tny M 202,14 в нейском контексте.

К значению термина см. арабский глагол 'ny в породах I «иметь в виду подразумевать, значить» и VIII «заботиться, заниматься специально»⁴⁰. Ср. также джиббали a'ni «значить», 'utni «заниматься специально»⁴¹. ḥt't — «грех, преступление», но в сабейском также «штраф» (DS, 63). В катабанских надписях см. также TTI C, C 2 wswḏ'/ḥt['tn] в очень поврежденном контексте⁴².

Строки 9—10: wl/yfth/hgdn/dmhrn/bḥw/hlfn/dśdw «И пусть высекут в соответствии с этим декретом на дверях ворот Садав, fth «высекать, вырезать надпись» — глагол, часто употребляемый в катабанских надписях (Ricks, 199). Ср. особенно RES 3688,10 и RES 3666,21, где речь идет об увековечении текста декрета b'ḏm/'w/'bnm «на дереве или на камне» (RES 3566,21).

ḥw: «дверь, отверстие». Ср. также майнское ḥwht (мн. ч. «ворота» (M 315,4) и предлог ḥhy «перед» (M 27,5) и сабейское ḥḥw (порода H I корня

³⁷ Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. М., 1978, с. 32—33.

³⁸ Biberstein-Kazimirski. Op. cit., I, p. 1118.

³⁹ Ср. Bayar Г. М. Язык южноаравийской письменности. М., 1966, с. 73.

⁴⁰ Biberstein-Kazimirski. Op. cit., II, p. 391—392.

⁴¹ Johnston. Jibbali Lexicon, p. 14.

⁴² Издатель текста А. Жамм не дает ни перевода, ни комментария. К swḏ' см. сабейское wḏ' «уплатить штраф» и hwḏ' «объявить вне закона» (DS, 156): Jamme. Miscellanees..., IX, p. 36—37.

ḥwy) «делать пустым, бесполезным» (DS 64). Значение «пробивать дыру, делать отверстие» корень имеет и в современных южноаравийских языках⁴³. Катабанский термин обычно связывают с редулицированным корнем ḥwhw, арабское ḥawḥa, эфиопское ḥoht (Ricks, 104), известным также и в еврейском (ḥwhym «дыры») ⁴⁴. К нему см. сабейское ḥnhn «два прохода» (Ja 552,3). Но в южноаравийском можно отметить параллельное существование двух корней, редулицированного в сабейском и трехсогласного ḥwy в маинском, катабанском и сабейском.

wṛḥs/d'm/hrf b'ly/bn/šhz/qdmn «месяц этого — зу- 'Амм первого года 'Аб'алайа из (рода) Шахаз». Катабанский эпонимат продолжался два года; правила смены эпонимов остаются неизвестными ⁴⁵. Число известных катабанских эпонимов очень невелико, поэтому их последовательность не установлена и дата по эпониму не может быть использована для датировки надписей.

wt'lm/yd/šhr «И засвидетельствовано рукой Шахра». Обычная формула катабанских декретов, показывающая, что текст таких документов скреплялся подписью царя.

Очень близкую параллель к декрету RES 3854 представляет собой фрагментарная надпись RES 4325. Этот текст, найденный Южноаравийской экспедицией Австрийской Академии наук (SE 61), был издан М. Лефнер ⁴⁶ и переиздан в «Репертуаре семитской эпиграфики» (т. 7, с. 190—191). Надпись сильно повреждена, сохранилось лишь начало шести строк, по 15—20 знаков, так что связь между строками установить не удается. Однако даже при таком состоянии текста видна явная близость его к RES 3854 как по формуляру, так и по содержанию.

RES 4325. Текст

1. ḥg/ḥgr/wšhr/šhr/hll...
2. t/'nby/šymn/ywmy...
3. wl/yfrwn/sbht/sfn...
4. y/wzl'/d'yd/zl'/twr...
5. ḥgrn/wmḥrn/bhwrtm/bn...
6. n/bdn/dḥgrn/wmḥrn...

Перевод

1. Вот что предписал и узаконил Шахр Хилал [сын... царь Катабана...]
2. [хра]ма (?); Анбайа Шаймана, по два дня...
3. И пусть обрабатывают Сабхат...
4. ... и выплатит тот, кто провел границу (?), штраф быка. ...
5. [соответственно этому] предписанию и декрету, в Хавратам от...
6. ... в этом предписании и декрете...

Комментарий

Строка 1: ḥg/ḥgr/wšhr — «Вот что предписал и узаконил». Формула наиболее близка к вводной формуле RES 3854, лишь с заменой глагола ḥrg на ḥgr. Последний также достаточно часто встречается в катабанских декретах. Так, он начинается вводную формулу в «царских декретах» RES

⁴³ ḥwy: Johnston. Jibbali Lexicon, p. 311; ḥww: *idem*. Harsusi Lexicon. Oxf., 1977, p. 144.

⁴⁴ Müller. Altsüdarabische Beiträge, S. 309.

⁴⁵ Лундин А. Г. Список жрецов 'Амма. — ИС, 1981, 27, с. 35—39; Lundin A. G. Le système d'éponymat de Qataban. — PSAS, 1977, 7, p. 101—111.

⁴⁶ Höfner M. Die katabanischen und sabäischen Inschriften der Südarabischen Expedition im Kunsthistorischen Museum in Wien. — SZKM, 1935, 42, S. 33.

3879 и RES 4931: N/hgr/wšhrm — «Такой-то предписал и заповедал». Значение корня «приказывать, запрещать» хорошо известно; оно сохранилось и в современных арабских диалектах Йемена, где глагол ḥaḡaḡa заменяет как синоним арабское ḥaḡama «делать священным, заповедным». По контексту (как первый глагол декретов) переводим «предписать, повелеть» (ср. Ricks, 89 — «to direct, command»).

šhr/hll/... «Шахр Хилал...». Очень распространенные имя и прозвище, которые носили минимум три царя Катабана, в том числе и автор RES 3854 (см. выше). Автор надписи явно идентичен одному из них, но повреждение текста не дает возможности установить, какому именно.

Вторая строка содержит, вероятно, уже самый текст декрета (см. параллель в RES 3854,3). Тогда все вводные формулы должны находиться в первой строке, что позволяет установить, хотя и приблизительно, ее размер и тем самым — первоначальный объем текста декрета. За сохранившимся текстом следуют конец имени и титулатура, т. е. 18—22 знака. Затем должен упоминаться адресат декрета, т. е. не менее 40—50 знаков (48 в RES 3854, 36 в RES 3693, 72 в RES 3879). Наконец, третий раздел — самый сюжет декрета, главное действие, которому он посвящен. Этот раздел наименее стандартен как по содержанию, так и по объему. Однако в целом строка явно имела не менее 70—100 знаков. Сохранилось, таким образом, не более одной пятой текста, что делает весьма сомнительными все восстановления и предположения об общем содержании текста.

Строка 2: t/ʿnby/šymn — «ʿАнбай Шайман», ʿАнбай Шайман — бог, почитавшийся в столице Катабана, где ему был посвящен храм Расафам, расположенный на некрополе и частично раскопанный Американской экспедицией. ʿАнбай был, вероятно, сыном катабанского «национального бога» ʿАмма и считался предком правителей Катабана⁴⁷. Его культ играл видимо, важную роль в государственном строе Катабана. В «Репертуаре» восстанавливается начало строки [by]t/ʿnby/šymn «храм ʿАнбайа Шаймана». Более вероятным кажется восстановление формулы [bn/tḥt/ʿnby/šymn «[по решению] ʿАнбайа Шаймана», ср. RES 3868, 9: bn/tḥt/ʿm/ḡdwm/wʿnby/šymn/wšms — «по решению ʿАмма зу-Давнама и ʿАнбайа Шаймана и Шамса» и RES 3688,7: wbn/tḥt/šms «и по решению Шамса»⁴⁸. Ср. также RES 3566,2: ḡm/hrg/shrmw/btḥt/shr/[w]qtbn — как предписал Шахр по решению Шахра [ш] Катабана».

Формула bn/tḥt входит в особый раздел формуляра, перечисляющий храмы и божества, от которых исходит декрет. В таком случае можно предположить, что строка 2 продолжает преамбулу; но перед перечислением богов и храмов должны помещаться основные глаголы, выражающие содержание декрета (ср. структуру надписи RES 3689). Тогда строка должна содержать 75—90 знаков.

К сожалению, не ясно, с чем связывается «решение» богов и храмов: с тем, что речь идет о храмовом персонале или храмовых землях или с какими-то другими обстоятельствами. Поэтому любое предположение о связи декрета с храмовым хозяйством является преждевременным.

uwṯu... — «два дня(I)». Напрашивается параллель с RES 3854,3, где формула uwṯmṯuw/uwṯmṯuw/bwrḥm — «по два дня в месяц» определяет срок внесения подати или продолжительность выполнения повинно-

⁴⁷ См. Лундин А. Г. Катабанская сакральная надпись RES 311.— ВДИ, 1976, № 3, с. 24.

⁴⁸ О значении формулы b(n)/tḥt см. Лундин А. Г. О характере надписей из Джарал-Лабба.— ВДИ, 1972. № 1, с. 31.

стей. Но в катабанском в форме дв. ч. абсолютного состояния засвидетельствовано только окончание — *mw*⁴⁹. А Бистон определяет происхождение этого окончания как метатезу окончания дв. ч. *up* + энклитика *mw*: *upmw* > *umw* > *mw*⁵⁰. По-видимому, в форме *umwu*... можно видеть архаичный вариант без метатезы и восстанавливать *umwu[mu]umw* *umw[bwrhm]* «по два дня в месяц». Тогда можно предположить, что два дня в месяц представляют собой обычную для Катабана норму земельной повинности или подати.

По месту в формуляре *umwu* может, как и в RES 3854, завершать содержание декрета, однако в таком случае не ясно, где находилось перечисление адресатов: в RES 3689 оно расположено после формулы *bn/tht*. Иная возможность — видеть в *umwu* форму *umwyt* (RES 3566,22) или *umwytb* (RES 3878,12) «дата» — кажется маловероятной, так как дата всегда помещалась в конце текста.

Строка 3: *wl/yfrwn/sbht* «и пусть обрабатывают Сабхат». С. Рикс переводит *sbht* как «подати» («taxes»), основываясь на сабейском *qbh* «подати» и эфиопском *sabbēha* «собирать подати» (Ricks, 200—201), вслед за А. Бистоном⁵¹. Однако значение сабейского *qbh* неясно (DS, 41); в надписи RES 4176,2 это, скорее всего, собственное имя⁵². По контексту *sbht*, вероятно, также собственное имя или название земельного участка, ср. имя *sbhn* в надписи Л 26.

sfh слово повреждено, и его синтаксическая роль неясна. С. Рикс переводит «сохранять, накапливать», сравнивая с еврейским *šāfan* «прятать ценности» (Ricks, 206), однако значение явно не подходит к контексту. Возможно, это вторая часть сложного имени: Сабхат Сафан.

Строка 4: *wzl/d'yud/zl'/twg* «и выплатит тот, кто провел границу (?), штраф быка». Глагол *zl'* «платить штраф, возмещение» и существительное *zl'* «штраф» известны в сабейском (DS, 172). В катабанских надписях см. RES 4337 A, 26: *[wl/yzl']/hmsy/wtqm* «[и пусть уплатит штраф] в 50 золотых»⁵³.

d'yud обычно понимается как имя собственное, название рода, к которому обращен декрет. Но такое имя рода в других катабанских надписях не встречается. Кроме того, катабанские декреты, обращенные к родовым группам или семейным общинам, обычно называют их по имени главы рода (общины): ср. RES 3689, Folk. I). Корень *'yud* можно сопоставить с сабейским *'wd* «уровень; линия границы» (DS, 10) и толковать как глагол: «тот, кто провел границу».

twg «бык» — общесемитское слово, в катабанских надписях встречается впервые, но часто в сабейских. «Штраф быка» — штраф в размере быка. В других случаях, как мы видели в RES 3854, размеры санкций определяются в денежном виде; возможно, здесь архаичный обычай, определяющий и размер штрафа.

Строка 5: *[hgdn/d]hgrn/wmhgrn/bhwrtb* — «[соответственно этому] предписанию и декрету, в Хавратан». Ср. *hgdn/dmhgrn* в RES 3854,5,7,8 и *bnhg/dn/dtgrbn/wgdytn* — «соответственно этому документу владения и возобновлению» Folk. I, 8, или *bnhg/dn/hgrn/whrmnm* в RES 3879,5. Все

⁴⁹ Beeston. Sabaic Grammar, p. 65.

⁵⁰ *Idem.* Descriptive Grammar. p. 32.

⁵¹ *Ibid.*, p. 15.

⁵² Бауэр Г. М. Сабейская надпись из собрания Э. Глазера № 1210. — В кн.: Семитские языки. М., 1963, с. 136 сл.

⁵³ Восстановление А. Бистона: Beeston A. Qahtan, f. I. The Mercantile Code of Qataban. L., 1959, p. 4, 8.

формулы строго выдерживают точное обозначение документа в соответствии с глаголами вводной формулы.

Обычно формула *hgdñ/dhgrñ* обозначает конец какого-то раздела декрета, но в тексте следует предположить конструкцию *bhwrtñ*. Видимо, *hwrtñ* — собственное имя, название местности или земельного участка; ср. *hwrtñ* в титуле мукаррибов Катабана: *bbyt/gny/hwrñ* (RES 3880, 3540 и восст. TC 1176).

Строка 6: *bdñ/dhgrñ/wmñgrñ* «в этом предписании и декрете» — конец следующего раздела. Судя по параллельному тексту RES 3854, 7—8, этот раздел должен был быть посвящен санкциям за неисполнение декрета.

Приведенные выше тексты показывают, что в Катабана существовал особый тип декретов, посвященных обработке земли (с отличительной формулой *wl/yfgrñ* «пусть обрабатывают») и определенной нормой налогообложения («по два дня в месяц»). Эти декреты принимались законодательными органами, советом старейшин и (или) народными собраниями и осуществлялись царем и городской организацией Тимна⁵⁴; вероятно, в некоторых случаях в их осуществлении принимали участие и какие-то храмовые органы, может быть, в связи с принадлежностью земель, о которых говорилось в декрете.

Хотя многие особенности экономических и социальных отношений, отражаемых декретами, остаются неясными, тем не менее они дают весьма богатый и разнообразный материал о земельных отношениях, земельной собственности и особенно об административном устройстве Катабана. Сохранился лишь один декрет и один небольшой фрагмент; но их сходство позволяет говорить о наличии и распространенности обычаев, отраженных этим текстом.

Обратимся прежде всего к адресатам декрета, людям и коллективам, к которым он обращен. Декрет RES 3854 адресован народу Катабана и (общинам) *зу-‘Алсан* и *Ма‘ин* и *зу-‘Асат*, владельцам угодий у Садав⁵⁵, т. е. у южных ворот Тимна⁵⁶, на которых и находится надпись. Адресаты декрета характеризуются двумя признаками: принадлежностью к определенному коллективу — общине и территориальным — расположением принадлежащих им земельных владений. «Ворота Садав» выступают как административная территориальная единица. Следует сказать, что других сведений о делении городской территории на какие-то округа или районы нет. Лишь в RES 3879,4 упоминаются «округа (*‘mwr*) Тимна⁵⁷». Тем не менее можно говорить о том, что территория городской округи Тимна⁵⁸ была разделена на округа, являвшиеся, видимо, административными и фискальными единицами. Однако люди, владевшие землями в этих округах, вероятно, не составляли определенных коллективов.

Среди коллективов на первом месте назван *š‘bn/qtbn* «народ Катабана». Обозначение «народ Катабана» или просто «Катабан» весьма часто встречается в юридических надписях и обозначает как народное собрание, так и тех, к кому обращен декрет, — граждан Катабана или чаще граждан столицы, городской общины Тимна⁵⁹. См., например, RES 4337 A,3—3—4: *qtbn/btmñ‘/wbrm* «Катабан в Тимна⁶⁰ и Баруме» или RES 3566,3 *š‘bn/gtbn/dtmñ‘/wd’srrñ* «народ Катабана в Тимна⁶¹ и Баруме»⁵⁴.

⁵⁴ Ср. аналогичное словоупотребление в сабейских надписях: *š‘bn/sb’/b’l/mgyb* «народ Саба⁶², граждане Мариба» (Ja 653, 735; Sh 18 и т. д.), обозначающее граждан городской общины сабейской столицы: *Лундин А. Г.* Две сабейские надписи из Мариба. — ЭВ, 1984, 22, с. 43—46. Все население Катабана обозначалось выражением *wld/ m’* «потомки ‘Амма» (см. RES 4337 A, 5, 6—7).

Из других названных коллективов по надписям известны только š'bn/m'nm «община Ма'ин» или m'nm/btmm' «Ма'ин в Тимна'» — колония майнцев торговцев, постоянно проживавших в Тимна'. Эта община имела свою внутреннюю организацию во главе с кабиром (см. VL 9,1) и пользовалась торговыми льготами (RES 4337). Аналогичные общины майнцев находились, вероятно, и в других городах Южной Аравии и на торговом пути в страны Средиземноморья. Лучшее всего известна община m'n/mšrn «Ма'ин Мусран» — колония майнцев в оазисе Дедан в Северной Аравии ⁵⁵.

Община зу-'Асат представляла собой, вероятно, аналогичное землячество химвяритов, проживавших в Тимна' и также имевших собственную организацию. Может быть, и зу-'Алсан также была землячеством переселенцев из какого-то другого государства или города Южной Аравии. Вероятно, эти общины можно сравнить с самоуправляющимися землячествами эллинистических городов Ближнего Востока (политевмами) ⁵⁶.

Земляческие общины, состоявшие из выходцев или переселенцев из других городов Южной Аравии, известны и в других катабанских городах — Харабате (RES 4329; Ry 497) и Мар'ямате ⁵⁷. Они выступают как объединения, принимающие участие в общественных работах — строительстве городской стены. По-видимому, можно считать, что они входили в состав городского гражданского коллектива как автономные единицы, причем их члены не пользовались гражданскими правами, во всяком случае, в полном объеме.

Таким образом, в населении Тимна' можно выделить две группы — «народ Катабана», т. е. полноправных граждан города, и поселенцев (метеков), объединенных в земляческие общины, может быть, отличавшиеся по своей правоспособности не только от граждан, но и между собой. Но в RES 3854 все эти группы выступают в качестве владельцев земель и их владения имеют одинаковый правовой статут. Принадлежность к той или другой общине никак не влияет на обязанности лиц, которым адресован декрет. Определяющим служит расположение принадлежащих им земель — их нахождение «у ворот Садав».

Выполнение обязанностей владельцев земель характеризуется серией из восьми глаголов, предписывающих трудиться усердно и интенсивно, исполнять весь цикл сельскохозяйственных работ от пахоты до уборки урожая и исполнять повинности полностью, согласно условиям и в определенные сроки. Но не указано содержание повинностей и не ясно, были ли это отработки, взносы натурой или платежи. Характер несения повинностей определил А. Бистон: «по два дня в месяц, в первый день первой декады и в шестой день второй декады, каждый месяц», т. е. первого и шестнадцатого числа каждого месяца. Видимо, такое же несение повинности по два дня в месяц предписывает и фрагментарный декрет RES 4325,2 и такая повинность была обычной для Катабана нормой. Традиционный характер повинности объясняет, почему составители декрета не сочли нужным охарактеризовать ее содержание.

⁵⁵ О ней см. *Beeston A. F. L. A Minaean Market Code.* — BSOAS, 1978, 41, p. 142—145.

⁵⁶ См. *Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977, 203—206; *Дандамаев М. А.* Политевма в ахеменидской Вавилонии. — XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 185.

⁵⁷ *Jamme A. Pre-Islamic Arabian Miscellanea.* Al-Hudhud. Graz, 1981, p. 98—99.

Формула «по два дня в месяц» больше всего осложняет понимание юридического смысла декрета, ибо при всех возможностях интерпретации — обязательства обрабатывать поля или вносить подати или даже платить налог — в любом случае обработка или выплата в столь регулярные сроки, каждые две недели, представляется трудно совместимой с сезонным характером сельскохозяйственного труда и сезонным поступлением продуктов и доходов. Это заставляет склониться к предположению, что «два дня в месяц» представляют собой определение размера повинности: 1/15 общего дохода или рабочего времени. Однако при этом весьма странно, что дни приурочены к определенным числам месяца и штраф налагается за каждый просроченный день.

Возможна иная система реконструкции: каждая община имеет «угодье свое», т. е. поля, за которые община несет ответственность. Само поле принадлежит царю (государству) или храму, и доходы с него предназначены царю, а обработку обеспечивает община, т. е. «хозяева угодий». Тогда понятно, почему обязательства включают весь цикл обработки и выплату «по условиям». Регламентация «по два дня в месяц» определяет размер работы на этом поле каждого из «владельцев угодий». Тем не менее опять остается неясным, почему работы приурочены к определенным числам месяца. Однако последняя система реконструкции представляется нам искусственной и маловероятной, хотя такую возможность и нельзя совершенно исключить.

В любом случае норма «по два дня в месяц», т. е. около 7%, незначительна и должна рассматриваться не как рента, а как государственный налог, возлагаемый на граждан. Он вносился в виде регулярных поставок (платежей или отработок) в определенные сроки на протяжении всего года.

Декрет не указывает также, кому предназначались эти повинности; несомненно, их назначение было хорошо известно и не нуждалось в уточнениях. Можно с уверенностью сказать, что повинности шли в пользу государства через посредство царя, храма или городской организации. Это подтверждает и тот факт, что штраф за невыполнение указа или срока взносов вносится царю или кабиру Тимна^с, т. е. городской администрации.

В тексте указывается и срок действия декрета: b'br/bd/'wr hm/whrwfm «на месяцы и годы». Такое выражение в юридическом тексте, требующем точности и определенности, встречается единственный раз. В других катанских юридических памятниках в аналогичном контексте применяется формула ldt/bdml't «навсегда» либо вообще не определяется срок действия. Может быть, эта формула показывает временный характер постановления («впредь до особого распоряжения»?) и чрезвычайный характер повинности по отношению к этим землям или коллективам.

Далее декрет указывает штрафные санкции за пренебрежение работой или сроком выплаты; оно наказывается выплатой царю или кабиру Тимна^с десяти монет за каждый пропущенный день или «штрафом быка» (RES 4325) при неизвестном нам нарушении. К сожалению, о стоимости монет ничего неизвестно, поэтому нельзя судить о соотношении штрафа и выплаты. По-видимому, штраф имел достаточно крупный размер. Денежный характер штрафа в RES 3854 свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений, хотя и не позволяет утверждать, что и повинность¹ носила характер денежных платежей. Накажется небрежение отдельного лица ('y/'y/'sdm «каждый человек»), но ответственность возлагается на коллектив владельцев: 'b'l/syt/zrbtn — «владельцев этого угодья». Аналогичное явление можно отметить и в преамбуле декрета, где предписание обращено к «владельцам угодий», т. е. отдельным лицам,

но обрабатывать землю должна š‘bm/š‘bm/zrbts — «каждая община угодые свое». Это говорит о том, что хотя речь идет о землях, находящихся в полном частном владении, но право владения (собственности) опосредствовано принадлежностью к общине, которая отвечает за его деятельность: и за обработку им земли, и за выполнение повинности. В данном декрете на общины возлагается ответственность за повинности, причем, вероятно, не на коллектив землевладельцев округа «у ворот Садав», а на общины Катабан, Ма‘ин, зу-‘Асат и зу-‘Алсан. Во всяком случае, членам «общины Катабан» принадлежали, конечно, земли и в других округах Тимна‘.

Таким образом, для Катабана можно говорить о частной собственности на землю античного типа, т. е. обусловленной принадлежностью городской гражданской общине и, может быть, ее подразделениям, автономным земляческим общинам (политевмам).

Штрафы поступают царю или кабиру Тимна‘, т. е. главе городской гражданской администрации. Вероятно, они, как и повинности, делились в определенной пропорции между этими двумя организациями, хотя, может быть, город выступает здесь как звено государственного фискального аппарата. Далее следует клаузула, описывающая действия кабира по наблюдению за исполнением повинностей и осуществлению штрафных санкций: он обязан покарать и наказать, а также «заставить трудиться» (s’gy) и вносить повинность. Таким образом, все административные действия по надзору за исполнением декрета возлагаются на городскую организацию. Но сама повинность, по крайней мере частично, предназначалась государству. Об этом говорит не только то, что штрафы шли, как отмечалось выше, «царю и кабиру Тимна‘», но и следующая весьма интересная клаузула, предусматривающая небрежение кабира надзором за исполнением декрета: whmw/ysslb/kbrn — «и если будет пренебрегать кабир».

В этом случае царь должен принять меры, чтобы исправить положение. Хотя толкование этого раздела текста вызывает некоторые затруднения (см. выше), можно видеть, что клаузула не просто предусматривает вмешательство более высокой инстанции, царя, но и отражает возможные различия в поведении (и соответственно — в интересах) царя и кабира. Царь не должен применять санкций или налагать штраф; ему предписывается лишь y’tny/...bht’nt — «обнаружить упущение (кабира)». По-видимому, это подразумевает, что царь не может непосредственно налагать санкции на граждан Тимна‘, а должен действовать через посредство кабира, т. е. городской администрации.

Городская община Тимна‘, столицы Катабана, выступает здесь как самостоятельная организация, автономная в своих делах и противостоящая царской власти. Она суверенна по отношению к своим членам, даже если дело касается государственных повинностей. Лишь через ее посредство царь может проводить свою деятельность в пределах города и осуществлять свою власть над гражданами Тимна‘.

Такие взаимоотношения между царем и городом известны в эллинистических монархиях Передней Азии, где приказы царя, обращенные к городу, формулируются в виде посланий к совету и народу города и дублируются соответствующими постановлениями городских властей⁵⁸. Обычно такие отношения объясняются как результат перенесения греческих принципов полисной организации в чуждую ей структуру царств

⁵⁸ См. Бикерман Э. Государство селевкидов. М., 1985, с. 131—135; Шифман. Сирийское общество, с. 187—190; Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 222—248.

Передней Азии⁵⁹. Тем более интересно возникновение аналогичной структуры в Южной Аравии, где возможность перенесения греческих институтов полностью исключена. Особенно важно, что автономная городская гражданская община находится в Тимна⁶, столице Катабана и средоточии царской власти. Несомненно, что другие города Катабана, более удаленные от царского контроля, также были организованы как автономные городские общины.

Катабанские юридические надписи принадлежат к числу сложнейших южноаравийских эпиграфических памятников и их интерпретация еще во многом сомнительна и неполна. Однако они содержат богатейшие сведения о социальной структуре южноаравийского общества, нередко имеющие важное значение и для понимания социальных отношений всего Ближнего Востока и Передней Азии.

⁵⁹ См. Кошеленко. Ук. соч., с. 222: «Основное, с нашей точки зрения, заключается в том, что оно (эллинистическое государство.— А. Л.) возникло в результате завоевания Востока македонянами и греками».

LE DÉCRET DE KATABAN SUR L'EXPLOITATION DE LA TERRE, RES 3854

A. G. Lundin

L'article examine un des monuments sudarabiques les moins étudiés, l'inscription RES 3854 provenant de la capitale du Kataban Timna⁶ et consacré aux problèmes de l'exploitation des terres. Cette inscription, approximativement datée des Ier s. av.— Ier s. de n. è., appartient à la catégorie dite des «décrets véridiques» (toutes les inscriptions juridiques du Kataban se rapportent à cette catégorie).

Les textes cités dans l'article montrent qu'il existait au Kataban un type particulier de décrets portant sur le travail de la terre (avec la formule *w/yfrwn* «qu'ils [la] travaillent») et fixant une norme fiscale déterminée (ici: «deux jours par mois»). Le décret considéré s'adresse au «peuple du Kataban» et à la population de Timna⁶, citoyens à part entière et immigrés (métèques), regroupés dans des communautés de cultivateurs.

Les devoirs des propriétaires de la terre est caractérisé à l'aide d'une suite de 8 verbes prescrivant un travail assidu et intensif, l'exécution du cycle total des travaux agricoles — du labour à la récolte — et le respect total des charges conformément aux conditions et dans les délais fixés. Ces charges étaient sans doute destinées à l'Etat par l'intermédiaire du roi, du temple ou de l'organisation municipale.

Le décret examiné permet de parler de l'existence au Kataban d'une propriété foncière privée de type antique, c'est-à-dire conditionnée par l'appartenance à la communauté civique, ainsi que, peut-être, à ses subdivisions, les communautés autonomes de «pays» (les *politeumata*). La communauté municipale de Timna⁶ se présente ici comme une organisation indépendante, autonome dans ses affaires et s'opposant au pouvoir royal. Elle est souveraine par rapport à ses membres, même s'il s'agit des charges versées à l'Etat. Ce n'est que par son entremise que le roi peut mener ses activités à l'intérieur de la ville et exercer son pouvoir sur les citoyens de Timna⁶. De tels rapports entre le roi et la ville sont connus dans les monarchies hellénistiques d'Asie occidentale et s'expliquent d'ordinaire comme le résultat de la transposition des principes d'organisation de la *polis* grecque sur la structure, qui lui est étrangère, des royaumes d'Asie occidentale. L'apparition d'une structure analogue en Arabie du Sud est d'autant plus intéressante qu'aucune transposition d'institutions grecques n'y était possible. Fait particulièrement important, la communauté municipale autonome se trouvait à Timna⁶, centre du pouvoir royal au Kataban. Il ne fait pas de doute que les autres villes du Kataban, plus distantes du contrôle royal, étaient également organisées en tant que communautés municipales autonomes.

ПЛЕМЕНА И ПЛЕМЕННЫЕ ГРУППЫ В АТРОПАТЕНЕ.

ФОРМИРОВАНИЕ МИДИЙСКО-АТРОПАТЕНСКОГО ЭТНОСА*

Этническая картина Атропатены и языковая ситуация в этой стране в эпоху античности во многом остаются еще неясными ввиду незначительности источниковой базы. Однако общую картину этноязыковых изменений, происходивших в зоне Южного Азербайджана начиная уже с первых столетий I тыс. до н. э., набросать все же можно.

Решающую роль в этнических судьбах края сыграло завоевание Манны мидянами, положившее конец существованию самостоятельной государственности у местных племен почти на три столетия. Известно, что государство является важным фактором в этнических процессах, протекавших в тех или иных областях. Начиная еще с предахеменидского времени и на протяжении веков главную роль в политической, социальной и культурной жизни Южного Азербайджана играл мидийский этнический элемент. Однако, несмотря на его господство в Южном Азербайджане и на смежных с ним территориях, население региона продолжало, по-видимому, оставаться разнородным. Здесь еще в ахеменидское время жили сагартии¹, мики², утии³, париканни⁴, ортокорибантии⁵, кадусии⁶, дарейты⁷,

* Сердечно благодарю М. А. Дандамаева и В. А. Лившица, прочитавших эту статью в рукописи и сделавших немало ценных замечаний, учтенных мною при ее доработке.

¹ Упоминаются в древнеперсидских надписях, Геродотом и другими античными авторами; см. Грантовский Э. А. Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93).— КСИНА, 1962, XLVI.

² Упоминаются Гекатеем и Геродотом: см. Алиев Игар. История Мидии. Баку, 1960, с. 104, прим. 6. См. также Грантовский. Ук. соч., с. 237.

³ См. Herod., III, 93; VII, 68.

⁴ См. Herod., III, 93; VII, 68, 86. См. также Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956, с. 338. Ср. также Schwarz P. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen, VIII, 1 (Ādarbaijān). Zwickau, 1932, S. 137.

⁵ Известно, что «ортокорибантии» — это перевод древнеперсидского tigraxaudā. Последнее является эпитетом одной из групп сакских племен. Sakā tigraxaudā означает «саки острошапочные» («с остроконечными шапками»); см. Kiessling M. Zur Geschichte der ersten Regierungsjahre Darius Hystaspes. Lpz, 1900, S. 17; см. также Junge J. Orthokorybantioi.— RE, 1942, XVIII. Здесь важно отметить, что именно в зоне Мингечаура обнаружена печать, на которой изображен воин (как мы думаем, сак) в остроконечной шапке. Саки (племя или группа племен) не были автохтонным населением Азербайджана. Сюда пришла только незначительная часть саков, причем, очевидно, саков-тиграхауда, позднее известных источнику Геродота под названием ортокорибантнев (жители Скифского царства?), которые вместе с париканиями входили в состав Мидийской (X) сатрапии (см. Дьяконов. История Мидии, с. 249, 447; Алиев. История Мидии, с. 230, 103, прим. 5; он же. О скифах и Скифском царстве в Азербайджане.— Переднеазиатский сборник. III. М., 1979, с. 10—11). Совершенно бесспорно, что древнейшей областью обитания саков были земли, расположенные восточнее Каспийского моря, в Казахстане и Средней Азии, вплоть до пределов Индии. Саки на этих территориях археологически засвидетельствованы с VIII—VII вв. до н.э. Предполагают даже, что саки Средней Азии и Казахстана являются прямыми потомками племен,

пантиматы⁸, павсики⁹, каспии¹⁰, матиены¹¹, марды¹², парсин, анарпани¹³ и другие племена, которые не были ассимилированы мидянами.

Уже Гекатей Милетский (fr. 170) и Геродот (III, 93; VII, 68) упоминают одно из приараксинских племен — миков¹⁴, которые, как это явствует из сообщения «отца истории», участвовали в политических событиях V в. до н. э. Мики вместе с сагартями, утиями и другими племенами входили в XIV сатрапию (Herod., III, 93) и несомненно обитали на территории области Mūḳān — нынешней Муганской степи¹⁵. Название Mūḳān, несомненно, восходит к этнониму миков — греч. Μύχοι, араб. Mūḳ(ān), а не магов (средневеков. mūg)¹⁶. Варьирование форм Mūḳān/Mūgān, стирание различий между этими названиями и употребление Mūgān вместо Mūḳān относится к более позднему времени и является результатом народной этимологии¹⁷. По-видимому, этому способствовало и то, что в поселениях названной области имелось много зороастрийских жрецов — mūg'ов, что отмечается источниками¹⁸.

Однако в источниках нет сведений относительно этноязыковой принадлежности mūḳān'цев за исключением упоминания у Якута (со ссылкой на Ибн-ал-Калби) о том, что Mūḳān (эпоним «муканцев») и его брат Джилан (т. е. Гилан — эпоним ираноязычного племени гиланцев, возможно прежних кадусиев, о чем см. Plin., HN, IV, 48) были внуками Яфета и жителями Табаристана¹⁹. Возможно, сказанное свидетельствует о том,

обитавших здесь в эпоху поздней бронзы. Саки засвидетельствованы для названного региона и письменными источниками — древнеперсидскими, античными, индийскими и китайскими. Здесь они обитали, судя по письменным источникам, еще в позднеантичное время (см. Пьянков И. В. Саки (содержание понятия).— Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук, 1963, 3 (53); Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972). Утверждения некоторых историков, что саки по языку — турки, не выдерживают критики (см. Алиев И. Г. Грар. Несколько слов о скифо-сакской проблеме.— Изв. АН АзербССР, серия истории, философии и права, 1986, № 1).

⁶ Кадусии почти несомненно должны быть связаны с XI сатрапией, куда входили каспии, павсики, пантиматы и дарейты. То, что Геродот не упоминает о них, возможно, следует объяснить тем, что кадусии, как кажется, скрываются под наименованием «каспиев», являвшимся, быть может, общим обозначением племен Юго-Западного Прикаспия. Необходимо отметить, что понятия «земля кадусиев» и «земля каспиев» употреблялись как равнозначные, см. ниже. См. также Алиев. История Мидии, с. 104.

⁷ См. Herod., III, 92.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. Все перечисленные три племена вместе с каспиями входили в XI сатрапию и должны были обитать где-то в областях Южного Азербайджана. Кстати, по Птолемею, «земля дарейтов» составляла особую и большую часть Мидии (Ptol., VI, 2, 6). Последнее было возможно только в том случае, если Южный Азербайджан (где обитали дарейты) считался уже Мидией.

¹⁰ О каспиях см. ниже.

¹¹ См. Алиев. История Мидии, с. 67, 68, 105; Хазарадзе Н. В. Гекатеевы матиены.— Тезисы V ВСДВ. Тбилиси, 1971; она же. Геродот и вопрос локализации матиенов.— Мацне, 1971, № 2; она же. К вопросу о локализации матиенов в свете древнегреческих источников.— ИФЖ, 1973, № 2; она же. Гекатеевы матиены. Вопросы древней истории. Тбилиси, 1973.

¹² О мардах античные авторы говорят на протяжении пяти-шести столетий. О них сообщают раннесредневековые армянские авторы, см. ниже.

¹³ О парсиях и анариаках см. Strabo, XI, VI, 1; VII, 1; VIII, 8. См. также ниже.

¹⁴ Hecataei.: ἐκ Μύχων εἰς Ἀράξην ποταμὸν (fr. 170).

¹⁵ Грантовский. Ук. соч., с. 237.

¹⁶ Там же, с. 238 сл.

¹⁷ Там же, с. 238.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 239.

что в эпоху раннего средневековья «муканцы» были уже ираноязычными.

Участие миков в политической жизни Ахеменидской державы видно хотя бы из того, что они, как сообщает Геродот (VII, 68), наравне с другими подданными империи находились в числе войск Ксеркса, шедших походом на Элладу в первой четверти V в. до н. э.

Другим большим племенем, обитавшим в азербайджанских областях, были утии, входившие, по Геродоту (III, 93), в ту же XIV сатрапию. У Геродота в обоих случаях (VII, 68; III, 93) они названы рядом с миками. Нельзя в связи с этим не отметить, что область обитания утиев (Οὔτιοι, Οὐτίοι от *Uti или *Outi, возможно, также от *Uiti) — Οὐτία, Οὐτινή, согласно Плинию, граничила с Атропатеной по Араксу и именно в той его части, которая примыкает к Mūkān²⁰. Нет никакого сомнения в том, что «утии» Геродота — это известное племя Кавказской Албании отенов-утиев-удин, обитавших в Отене (Утик у армянских авторов) в античное время и в эпоху раннего средневековья. Остатками их в настоящее время являются удины, компактно живущие в зоне Куткашена. Как и мики, утии выходят на историческую арену в первой четверти V в. до н. э., принимая участие в походе Ксеркса на Грецию (Herod., VII, 68).

Наиболее ранние сведения о каспиях относятся к V в. до н. э. О них говорят как древневосточные²¹, так и античные источники²².

Каспии были одним из наиболее древних и известных на обширных территориях этнических образований. Возможно, они родственны касситам и коссейм-киссиям²³. Несомненно, от их имени идет название Каспийского моря. Полагают, что от их этнонима происходят название нескольких проходов на территории Кавказа и близлежащих землях (αι Κασπί-αδες, Κάσπιαι πόλαι, Caspia via, Claustra Caspiarum, ad Caspias portas), нескольких городов в Индии и Средней Азии (Κασπάτιρος, Κασπάτιρος, Κάσπειρα и т. д.). К этому же источнику возводят название города Qazvīn (от *Kaspen?)²⁴. Каспии, входившие вместе с павсиками, пантимами и дарейтами в XI сатрапию (Herod., III, 92), еще в относительно позднее время обитали в Пайтакаране (прежде известном как Страна каспиев, Каспиана — в античных источниках и Kaspk^c — в армянских²⁵), по соседству с утиями²⁶.

Но наши источники кроме этих, так сказать, «западных», каспиев упоминают и «восточных» каспиев, обитавших вместе с саками в XV сатрапии²⁷.

Говоря о «западных» каспиях античных авторов, не следует забывать, что, будь то собственно каспии или «каспии», под которыми, как полагают некоторые ученые, скрываются те или иные племена Каспийского региона,

²⁰ См. Грантовский. Ук. соч., с. 241.

²¹ Это арамейские папирусы V в. до н. э. с о-ва Элефантина в Египте; см. Cowley A. E. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxf., 1923; Porten B. Jews of Elephantine and Arameans of Syene. Jerusalem, 1974; Kraeling E. G. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. from Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953 (новый перевод документов издан Г. Гринфилдом в 1980 г.).

²² Труды античных авторов начиная с Геродота.

²³ См. Алиев. История Минии, с. 79, 106.

²⁴ См. Eilers W. Geographische Namengebung in und um Iran. München, 1982, S. 18.

²⁵ См. Hübschmann H. Die altarmenische Ortsnamen.— IF, 1904, XVI, S. 267 f.

²⁶ См. Neumann K. J. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos.— Hermes, 1884, XIX, 2, S. 172 f.; Hübschmann. Op. cit., S. 267 f. И у Страбона (XI, 8, 8) каспии упомянуты рядом с утиями.

²⁷ Herod., III, 93. См. также Herrmann A. Kaspioi.— RE, 1919, X, Sp. 2273 f.

чьи старые названия нам не известны, все они тем не менее были обитателями в основном Азербайджана, частично — Южного, частично — Северного.

В свете источников каспии предстают перед нами как народ, хорошо знавший земледелие, скотоводство, рыболовство, ремесла, торговлю, по-видимому, также кораблестроение и мореходство. Античные авторы говорят о том, что виноградная лоза у каспиев «дает богатый урожай»²⁸. Они сообщают (IV в. до н. э.), что в «Каспийской земле есть много стад быков и лошадей и они бесчисленны... Каспийские козы очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы. Верблюдов здесь очень много, самые крупные достигают величины самых больших лошадей и покрыты прекрасной шерстью, их шерсть очень нежна, по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Платья, изготовленные из нее, носят жрецы и самые богатые и знатные из каспиев» (Ael., XVII, 17, 34). Есть сведения о том, что в Каспиане было много различной птицы, развито было рыболовство — там водились «большие рыбы, называемые „остроносыми“ (по-видимому, осетры.— И. А.)... Каспии ловят их, посыпают солью и готовят соленья или сушат» (Ael., VII, 32).

Мы знаем, что у каспиев были развиты различные ремесла, в частности ткацкое (в том числе, как отмечалось выше, изготовление дорогих шерстяных платьев). Известно, что каспии умели готовить из жира и внутренностей рыб различные мази, а также клей («мастера изделий из слоновой кости употребляют его и изготавливают прекраснейшие вещи» — Ael. XVI, 32). Мы осведомлены также о торговле каспиев. Они «навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны» соленую и сушеную рыбу (ibid.). Каспии должны были играть какую-то роль и в транзитной торговле, которая велась аорсами по побережью Каспийского моря, а также в торговых операциях, осуществлявшихся на сухопутно-морском торговом пути из Индии через Среднюю Азию, Каспийское море, затем через Кавказскую Албанию по Куре и далее — по Риони к Черноморскому побережью²⁹.

Благодаря арамейским документам нам известно, что в Египте имелись достаточно большие поселения военных колонистов, в том числе и каспиев. Для нас особенно интересно то, что, судя по этим документам, каспии наравне с другими народами Ахеменидской державы — персами, хорезмийцами, вавилонянами, иудеями, мидянами — трудились в Мемфисе в качестве кораблестроителей³⁰. Очевидно, традиции кораблестроения у каспиев уходят в глубь веков. Трудно предположить, что каспии не принимали участия в знаменитой экспедиции Патрокла (283—282 гг. до н. э.) по обследованию Каспийского моря. Будучи кораблестроителями, каспии не могли не быть мореходами.

Наконец, мы знаем, что у каспиев были «самые богатые и знатные (власть имущие.— И. А.)» (Ael., XVII, 17, 34), а также жрецы (ibid.). Имеются сведения об обычаях и обрядах, вооружении и одежде каспиев. Известно, что у каспиев своры «псов... участвуют в битвах своих господ. Поэтому им воздается равная почесть по смерти, и они принимаются в курганы среди предков и могил мужей»³¹. Последнее обстоятельство засвидетельствовано для других областей Албании и археологически³².

²⁸ Евстафий, § 730.

²⁹ См. Алиев Иггар. К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона.— ВДИ, 1975, № 3, с. 155 сл.

³⁰ *Almê-Giron M. N. Textes araméens d'Egypte. Le Caire, 1931, p. 58 suiv.*

³¹ Флакк Валерий. Аргонавтика, VI, 6.

³² См. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, с. 77.

В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на сообщение Юлия Солина (XV, 6) о том, что албанский царь подарил Александру Македонскому двух собак и что албанские собаки «заслужили упоминания в летописях». Известны и некоторые этнографические детали: Геродот сообщает (VII, 67), что воины-каспии «были одеты в бурки и вооружены местными луками из камыша и акинаками».

Мы имеем некоторое представление и о погребальных обрядах каспиев. У каспиев сохранялся варварский обычай прежних столетий. Они «умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет, и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птицы стаскивают трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки — то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными» (Strabo, XI, XI, 8). Нечто подобное засвидетельствовано не только у мидийского племени магов (Herod., I, 140), но и широко известно в иранском мире, в частности в Младшей Авесте (Видевдате) и позднем зороастризме³³. В основе этого обряда, несомненно, лежит представление о недопустимости осквернения трупом чистых стихий — огня, воды, земли³⁴. Возможно, этот обряд у каспиев появился под влиянием ираноязычных племен, тем более что совершенно бесспорное иранское влияние заметно в каспийской антропонимике: почти все каспийские имена имеют иранское происхождение. Видимо, в античную эпоху каспии были уже иранизированы.

На политическую арену каспии вышли, несомненно, уже в V в. Геродот сообщает (VII, 67) об их участии в походе войска Ксеркса на Элладу. Известно также, что они сражались против войск Александра Македонского³⁵. По-видимому, в эпоху могущества Атропатенского царства Каспиана находилась под властью Атропатены или во всяком случае в какой-то зависимости от нее. Входила ли Каспиана до этого в состав Албанского союза или государства, мы не знаем. Нам известно, что во II в. до н. э. каспии столкнулись с экспансией армянских царей. Каспиана, вероятно, на некоторое время была отторгнута от Атропатены (Strabo, XI, XIV, 5). Позднее, как сообщает Страбон (XI, IV, 5), «в состав Албанской земли входит и Каспиана».

Местные элементы в Приурмийском районе сохранялись несмотря на всевозможные пертурбации, этнические передвижения и политические перемены еще в античную эпоху. Об этом, видимо, свидетельствует наименование ма(н)тиенов, употребляемое античными авторами на протяжении длительного времени. Страна их, локализуемая в зоне Урмийского озера, называлась Ма(н)тиеной. Само Урмийское озеро в древности называлось Матиенским или Мантиенским (Strabo, XI, XIV, 8). Другим его названием было Капавта, также засвидетельствованное у Страбона (XI, XIII, 2). Ма(н)тиены обитали на обширнейшей территории, начиная от верховьев Аракса и Галиса и кончая верхним течением Тигра и верховьями Диялы (см. прим. 11; Herod., I, 72, 189, 202; III, 94; V, 49, 52; VII, 72). Известно, что матиены были соседями колхов (Hekat., fr. 188), жили рядом с армянами и мидянами (Herod., V, 49, 52; Strabo, XI, VII, 2; XI, VIII, 8), а также кадусиями (Strabo, XI, VIII, 8). Почти несомненно, что наименование Ма(н)тиена связано с названием хурритской Mitanni, Mai-

³³ См. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира. История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 132.

³⁴ Там же, с. 131 сл.

³⁵ Q. Curtii Rufi. De gestis Alexandri Magni, IV, 12, 10.

tēni (resp. Matieni)³⁶. Есть все основания считать, что матиены по происхождению были хурритами³⁷, наследниками великой цивилизации. Матиены как реальная этническая группа выступают уже в начале V в. до н. э. О них говорит предшественник (и источник) Геродота Гекатей Милетский (fr. 188). О них упоминает Геродот (VII, 72) в связи с походом Ксеркса на Элладу. Матиенов знают еще авторы I в. до н. э. Итак, матиены встречаются в наших источниках на протяжении приблизительно пяти-шести веков, что несомненно свидетельствует в пользу живучести и достаточной крепости отдельных местных этнических групп и этнической традиции в названном районе.

Значительная часть названных выше племен была ираноязычной. Это определенно можно сказать о сагартях, ортокорибантях, кадусиях, париканиях, почти несомненно — о дарейтах и пантиматах.

Сагарты упоминаются еще в ассирийских источниках под названием Zikertu³⁸. Отождествление это, кроме всего прочего, подтверждается тем фактом, что сагарты в античное время обитали приблизительно в тех же районах, где жили зикертийцы за несколько веков до этого. Зикерту-сагарты, несомненно, были племенем (или племенным союзом, конфедерацией) ираноязычным, ибо весь репертуар имен у них иранский³⁹. Ряд данных позволяет утверждать, что по происхождению и по языку сагарты — персидское племя. Об этом прямо говорит Геродот (I, 125; VII, 85). Об этом же свидетельствуют и некоторые другие материалы⁴⁰, в частности, по-видимому, само название сагартцев⁴¹. Область раннего обитания зикерту-сагартцев локализуется к востоку от оз. Урмия и до юго-запада Прикаспия⁴². Здесь они засвидетельствованы еще в VIII в. до н. э.⁴³ Позднее, уже после разгрома Ассирии, сагарты проникают в район Арбелы и распространяются, видимо, по ассирийской территории к востоку от Тигра⁴⁴.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что пришлые персидские племена уже в начале I тыс. до н. э. обитали и в Приурмийском районе. В IX—VIII вв. до н. э. они засвидетельствованы в районах, расположенных южнее Урмийского озера (в верховьях Диалы и Малого Заба), в стране, именуемой в ассирийских источниках Parsua, а в урартских — Paršua⁴⁵. В античное время персидские племена заселяли также область, локализуемую где-то у юго-западного угла Каспия (см. ниже).

³⁶ См. Алиев. История Мидии, с. 68.

³⁷ См. Дьяконов. История Мидии, с. 338.

³⁸ Tiele C. Geschichte Babylonien und Assyrien. I. Gotha, 1886, S. 261. См. также Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Iran. I. — Philologus, 1896, 55, S. 231; Prášek J. Geschichte der Meder und Perser. I. Gotha, 1906, S. 85 f.; Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam. P., 1951, p. 74 suiv.; Herzfeld E. Zoroaster and his World. II. Princeton, 1947, p. 723 f.; idem. — AMI, 1929, I, S. 81 f., 97 f., 103 f.

³⁹ См. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 272 сл. См. также Eilers W. Altpersische Miscellen. — ZA, 1955, 51, S. 228; Herzfeld E. — AMI, 1938, IX, S. 173 f.; Tiele. Op. cit.

⁴⁰ Грантовский. Ранняя история..., с. 273.

⁴¹ Там же, с. 274.

⁴² О локализации области Зикерту см. Дьяконов. История Мидии, с. 88; Алиев. История Мидии, с. 40; Грантовский. Ранняя история..., с. 274; Herzfeld E. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968, p. 243.

⁴³ Упоминаются впервые в текстах Саргона II (Ann. II, 34).

⁴⁴ Грантовский. Сагарты..., с. 244.

⁴⁵ Вопросу о локализации Parsua посвящено немало исследований, среди них труды М. Штрекка, Э. Райта, Дж. Кэмерона, Р. Гиршмана, Э. Форрера, Э. Херпфельда, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, И. Алиева и др. Наиболее образным вопрос о Parsua разработан Э. А. Грантовским (Ранняя история..., с. 133 сл.). См.

О сагартях и области их обитания Асагарта свидетельствуют и древнеперсидские источники. По-видимому, в период создания Бехистунской надписи Асагарта-Сагартия входила в состав Мидийской сатрапии (Beh. II, 91—92), а несколько позднее, как это явствует из Персепольской надписи (Dag. Pers. e I, 15), была выделена Дарием I как самостоятельная провинция под названием Асагарта. Трудно сказать, чем диктовался этот шаг. Видимо, не последнюю роль в данном случае имело желание ослабить сильную и мятежную Мидию. Но нельзя не обратить внимания на то, что выделенная единица в основном совпала с будущей Мидией Атропатеной⁴⁶. Это обстоятельство, быть может, свидетельствует в пользу того, что этногеографические и, возможно, культурные контуры будущей Атропатены начинают вырисовываться уже к концу VI в. до н. э. Однако Асагарта в качестве особой провинции просуществовала недолго.

О сагартях говорят и античные авторы. Геродот сообщает, что сагарты «по происхождению и языку своему — это персидская народность, но одежда их наполовину персидская, наполовину пактийская»⁴⁷. Они выставляли 8000 всадников; бронзового или железного оружия у них, по обычаю, нет, кроме кинжалов. Вместо этого у них только плетеные из ремней арканы⁴⁸. С этими-то арканами они и идут в бой. Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы с петлей и затем тащат к себе, кого они поймают — коня или человека. Люди, пойманные в аркан, погибают. В битве сагарты стояли возле персов» (VII, 85).

Важно отметить одну этнографическую черту: как зикертийцы, так и сагарты являлись конными воинами. Для зикертийцев это известно по надписям Саргона (см. Ann. 34, а также «Письмо Ашшуру», 79 сл.), а для сагарты — по Геродоту (VII, 85) и по надписи Дария (Dag. Pers.). Развитие коневодства и всадничества в тот период — еще одно доказательство ираноязычности сагартыев⁴⁹.

Важны данные о сагартях у Птолемея (VI, 2, 6), судя по которым их следует помещать в Северном Загросе⁵⁰, по-видимому, в северо-западных областях Мидии⁵¹. Эта локализация подкрепляется свидетельством Стефана Византийского о том, что сагарты обитают в зоне Каспийского моря⁵².

Длительное пребывание в мидийской среде не могло не отразиться на сагартыях. Кстати, в сагартыйской ономастике отмечаются некоторые северо-западноиранские черты, что, видимо, могло быть следствием мидийского влияния⁵³. Интересно, что сагартыйский вождь Чиссантахма, восставший против Дария I, объявил себя царем в Асагарте и утверждал, что он происходит из рода Киаксара.

также Levine L. D. Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros. Toronto — London, 1974, p. 106 f.

⁴⁶ Грантовский. Сагарты..., с. 248 сл.; он же. Ранняя история..., с. 272.

⁴⁷ Наименование пактиев (живших в XIII сатрапии, рядом с армянами), как полагают, сохранилось в нынешнем Бохтан (по Восточному Тигру); см. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, с. 394. Ср., впрочем, Marquart. Untersuchungen..., II, S. 175 f.). Известно также курдское племя бохту (см. Адонц. Ук. соч., с. 394).

⁴⁸ Применение арканов не было известно у соседей сагартыев, но известно у сарматов, а позднее — у тюркоязычных племен (Herrmann A. Sagartioi. — RE, 1920, II, Sp. 1737).

⁴⁹ См. Грантовский. Ранняя история..., с. 279.

⁵⁰ Ср. Marquart. Untersuchungen..., I, S. 231.

⁵¹ Грантовский. Сагарты..., с. 246.

⁵² Steph. Byz. Ethnicon..., I, B., 1849, p. 549.

⁵³ Ср. Грантовский. Ранняя история..., с. 273.

В интересующих нас областях сагартии засвидетельствованы на протяжении, по крайней мере, двух с лишним веков. По-видимому, к началу V в. до н. э. сагартии смешались с мидянами и другими соседними народами и утратили свое наименование. Следы сагартиев в топонимии районов их расселения сохранялись еще долго. О них говорят античные авторы — Геродот, Птолемей и Стефан Византийский. Некоторые ученые имя зикертийского вождя Metatti связывают с известным в античной традиции именем мидийского царя Medidus⁵⁴, которое должно было звучать как Mai-bāta-⁵⁵ или Vidāti-⁵⁶.

Вклад зикерту-сагартийцев в мидийскую этнику Южного Азербайджана не вызывает сомнения. О наличии в античное время в областях, расположенных юго-западнее Каспия, племен персидского происхождения свидетельствуют данные Ктесия⁵⁷ и Страбона, которые подтверждаются и сведениями раннесредневекового армянского автора Фавстоса Бузанда (V, 14). В частности, Страбон, сообщая об анариаках, утверждает, что их «теперь называют парсиями» (XI, VII, 1). Армянский автор рядом с Пайтакараном упоминает страну (народ) Parsk'. Анариаков (аниараков), кроме Страбона, знают Полибий (V, 44, 9) и другие античные авторы⁵⁸. В переводе это наименование означает «неарийцы», и, возможно, анариаки действительно не были иранцами, хотя мы хорошо знаем, что враждовавшие друг с другом арийские племена своих родичей нередко называли «неарийцами»⁵⁹.

Что касается парсиев Страбона, то они, почти несомненно, были племенами персидского происхождения⁶⁰. Данные Страбона могут также свидетельствовать и о том, что парсии, ассимилировавшие анариаков, передали им и свое этническое наименование — явление довольно обычное в этнических процессах. При всех, однако, условиях сам факт существования наименования «анариаки» (которое никак не могло быть самонаименованием) совершенно бесспорно говорит о том, что рядом с анариаками жили преимущественно или даже исключительно ираноязычные племена⁶¹, так как это наименование по форме своей несомненно иранское (ан- здесь — частица отрицания).

Иранское происхождение ортокорибантиев, которые были известны во времена Атропата, очевидно, под названием сакесин, не вызывает никакого сомнения. Они являются потомками некогда вторгшихся в Переднюю Азию, в частности в Азербайджан, скифо-сакских племен. Ортокорибантии, по словам Геродота, входили в Мидийскую сатрапию (III, 92) и обитали в ту пору, очевидно, на территории Азербайджана⁶².

Кадусии были одной из наиболее крупных и сильнейших племенных групп Атропатены, на которых в значительной степени зиждилась военная мощь Атропата и Атропатидов. Наиболее ранние сведения о них имеются у Ктесия Книдского и Ксенофонта. Кадусии обитали на довольно обшир-

⁵⁴ Он же. Сагартии..., с. 247.

⁵⁵ Herzfeld E. — AMI, IX, S. 171.

⁵⁶ Грантовский. Сагартии..., с. 247.

⁵⁷ Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias. — Philologus, 1893, Suppl. VI, 2, S. 558 f., 642 f.

⁵⁸ Tomaschek. Anariakai. — RE, Bd I, Stuttgart, 1894, Sp. 2063, s. v.; Andreas. Aniarakai. — Ibid., Sp. 2195, s. v.

⁵⁹ См. Грантовский. Ранняя история..., с. 373.

⁶⁰ Там же, с. 169 сл.

⁶¹ Там же, с. 373.

⁶² Дьяконов. История Мидии, с. 249; Алиев. История Мидии, с. 230.

ной территории, начиная от юго-западной части Каспийского моря ⁶³ вплоть до матиенских и армянских земель ⁶⁴. В качестве соседей кадусиев античные авторы упоминают мидян, матиенов, албан, кардухов, анарианов, каспиев, (а)мардов, саков, тапиров, гиркан и др. ⁶⁵ Кадусии, которые, почти несомненно, входили в состав народов XI сатрапии (см. ниже), составляли 20 тысяч пелтастов (легковооруженных пехотинцев) и 4 тысячи всадников ⁶⁶. Они, по словам Страбона, «превосходные метатели дротиков; в гористых местах сражаются вместо всадников» (XI, XIII, 4). Военственные горные племена кадусиев смогли сохранить свою независимость не только во времена мидийской монархии, но, очевидно, и в ахеменидский период, хотя Ктесий утверждает, что они покорились Киру. Поверить этому трудно уже только потому, что много позднее, даже во времена Дария III, кадусии считались не подданными персидского царя, а союзниками мидийского сатрапа Атропата (Arr., Anab. III, 8, 4). Основой упомянутого этнонима был, по-видимому, ka^d/t u/iš- (ср. упоминаемую армянскими авторами форму katiš-k^c). Кадусии (или какая-то часть их) античными авторами именовались гелами ⁶⁷ и легами (Ptol., VI, 4, 2).

Возможно, в раннеантичный период кадусии скрывались под наименованием «каспиев» ⁶⁸, бывшим, как кажется, общим обозначением племен Юго-Западного Прикаспия ⁶⁹. Необходимо отметить, что в более позднее время «земля кадусиев» и «земля каспиев» — это понятия равнозначные ⁷⁰. Вот почему можно считать, что кадусии входили в XI сатрапию. Возможно также, что этноним «кадусии» являлся общим наименованием нескольких племен, в том числе гелов и легов ⁷¹. О живучести кадусийского этноса свидетельствует и факт упоминания их в раннесредневековой армянской литературе под наименованием katišk^c. Итак, собственно кадусии фигурируют в источниках на протяжении приблизительно десяти веков, и сейчас еще живут их потомки — гилянцы.

Этнонимы «пантимат» и «дарейт» выглядят иранскими.

Название париканиев, обитавших, судя по всему, и в Южном Азербайджане ⁷², определенно связано с иранск. Parikā- ⁷³. В Авесте — это женское божество (ср. позднее «пери») ⁷⁴. В том, что имя божества отложилось в названии племени, нет ничего удивительного; нам известен ряд случаев, когда имена божеств древнемидийского пантеона отражались в на-

⁶³ Ptol., VI, 2,5; Pomp. Mela, I, 13; Arr., Anab. III, 19,7; Plin., HN, VI, 36; Strabo, XI, VIII, 8.

⁶⁴ Curt., IV, 12; Strabo, XI, VIII, 8.

⁶⁵ Кроме источников, указанных в прим. 63, см. Polyb., V, 44, 9; Diod., II, 2; Dion., Perieg. 734—732.

⁶⁶ Xen., Сугор. VI, 3, 24.

⁶⁷ Plin., HN, IV, 48. См. также Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, с. 153; Geiger W. Kleine Dialekte und Dialektengruppen. II. Die Kaspische Dialekte. — ClPh, 1898—1901, I, 2, S. 347.

⁶⁸ Дьяконов. История Мидии, с. 447 сл., прим. 5.

⁶⁹ Tarn W. W. Alexander the Great. II. Cambr., 1950, p. 13.

⁷⁰ То, что прежде обозначалось как «земля кадусиев», у Плиния (HN, VI, 18) называется также «землей каспиев».

⁷¹ См. Алиев. История Мидии, с. 104, прим. 10. С этнонимом gel- этимологически связано название местности Gēlān (Gēlān; -ān- от древнеиранск. āna). Гелы (гилянцы), являвшиеся, несомненно, потомками кадусиев, говорят на одном из иранских языков, а все известные нам кадусийские имена по происхождению иранские (см. Грантовский. Ранняя история..., с. 374).

⁷² См. Дьяконов. История Мидии, с. 338.

⁷³ См. Грантовский. Ранняя история..., с. 281.

⁷⁴ См. там же.

званиях мидийских племен ⁷⁵. У нас, однако, нет никаких оснований считать, что это — название, данное пришлыми иранцами местным неираноязычным племенам региона ⁷⁶. Иранцы не могли называть именем своего божества чуждые им племена. Поэтому есть все основания полагать, что парикании были не только носителями иранского этнонима, но и являлись иранцами по своему происхождению.

Марды, жившие в различных районах Иранского нагорья, Средней Азии ⁷⁷ и в Армении ⁷⁸, были бродячими племенами со славой разбойников. Название их поначалу было бранным прозвищем (иранск. *magāba* — «убийца») ⁷⁹. (А)марды, в частности, жили и в Мидии ⁸⁰, в районе реки Кызыл узен, которая в древности называлась Амард. В тех случаях, когда имеются дополнительные сведения об этнической принадлежности групп мардов, обитавших в тех или иных районах Передней и Средней Азии, мы определенно знаем, что это иранцы ⁸¹. Это мнение еще более подкрепляется наличием параллельных форм «мард» и «амард», объясняемых именно из иранских языков ⁸². Какие-то группы мардов из областей Южного Азербайджана перекочевали в Армению ⁸³. Роль и значение мардов в древней и раннесредневековой истории Армении были велики ⁸⁴. О (а)мардах сообщают Геродот, Ктесий, Ксенофонт, Страбон, Плутарх, Плиний, Помпоний Мела, Арриан. О них говорят раннесредневековые армянские авторы ⁸⁵. Итак, марды как реальный этнос упоминаются в наших источниках на протяжении более чем одного тысячелетия.

Важное место в этнической номенклатуре (и не только!) Атропатены, по-видимому, занимали маги ⁸⁶ — одно из мидийских племен ⁸⁷, носители религиозной мысли мидийского народа ⁸⁸. Маги были жрецами — служителями культа огня, проповедниками зороастрийского вероучения и хранителями древних традиций, священных книг Авесты. Что маги ⁸⁹ были одним из мидийских племен, с несомненностью вытекает не только из данных античных авторов, в частности — Геродота (I, 101), но и древнеперсидских источников. Теперь, после обнаружения новых материалов ⁹⁰ нам известно, что мага Гаумату называли «мидянином» ⁹¹. Хотя маги по происхождению своему и были одним из мидийских племен, однако этим

⁷⁵ На это указано в работе: *Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran*. Lpz, 1938.

⁷⁶ Так считал В. Ге́йгер (см. *Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882, S. 81—82); см. также *Дьяконов*. История Мидии, с. 338.

⁷⁷ *Geiger*. Op. cit.

⁷⁸ *Варданян Б. М.* Марды в Васпуракане. — ИФЖ, 1971, № 3.

⁷⁹ См. *Geiger*. Op. cit., S. 203.

⁸⁰ *Dillemann L. Haute Mésopotamie orientale et pays adjacents. (These...)*. P., 1962—*Inst. Franç. d'Aréol. de Beyrouth. Bibl. Archéol. et Hist. LXXII*, p. 95 suiv.

⁸¹ *Грантовский*. Ранняя история..., с. 74, прим. 7.

⁸² Там же, с. 74—75.

⁸³ См. *Адонц*. Армения..., с. 57 сл.

⁸⁴ См. *Варданян*. Ук. соч.

⁸⁵ См. *Адонц*. Армения..., passim; *Варданян*. Ук. соч.

⁸⁶ См. *Messina G. Der Ursprung der Magier und die Zarathustrische Religion*. B., 1930, S. 71 f.; *Widengren G. Die Religionen Irans*. Stuttgart, 1965, S. 249, 260; *Gall H. von. Persische und medische Stämme*. — AMI, 1972, N. F., 5, S. 281.

⁸⁷ Это со всей очевидностью явствует из Геродота (I, 101).

⁸⁸ См. *Струве В. В.* Родина зороастризма. — Советское востоковедение, 1948, V, с. 31.

⁸⁹ О магах см. также *Clemen C. Magoi*. — RE, XXVII, Sp. 512; *Bidez J., Cumon F.* Les mages hellénisés. Zoroastre, Ostanès et Hystaspe. I—II. P., 1938.

⁹⁰ Речь идет о недавно опубликованной копии вавилонской версии Бехистунской надписи; см. *Voigtlander E. N. von. Corpus Inscriptionum Iranicarum*. I, II. L., 1978.

⁹¹ В упомянутой копии, стк. 15, сказано: «мидиец (по имени) Гаумата, маг».

словом нередко назывались и просто жрецы, независимо от их этнической принадлежности. Например, известно, что среди магов были и персы⁹². По сведениям Страбона (XV, III, 15), маги были и в Каппадокии. Сказанное, однако, имело место позднее, а поначалу маги — это племенное обозначение. У нас нет никаких оснований полагать, что маги — это не этническое определение, а название жреческого сословия⁹³. Трудно переоценить значение магов в духовной и вообще культурной, а возможно, экономической и даже политической жизни Мидии и позднее — Атропатены.

Итак, значительная часть не смешавшихся с мидянами племен Атропатены была ираноязычной. Трудно сказать, почему названные выше, так сказать, «автономные» племена не были ассимилированы мидянами. По-видимому, однозначного ответа здесь быть не может. Можно, однако, полагать, что маги не смешались с общей массой мидян благодаря своему особому положению, освященному Зороастровой религией. Другие племена, в частности кадусии, смогли сохраниться как самостоятельные этнические единицы благодаря своей мощи, военной силе, обитанию в труднодоступных горных районах и т. д. Вспомним, что кадусиев по существу не могли покорить ни в эпоху мидийского владычества, ни в ахеменидское время; план их покорения Александром Македонским также остался неосуществленным. Правителям Атропатены приходилось, конечно, считаться с кадусиями.

Еще в эпоху Маннейского царства на территории Южного Азербайджана имелся значительный ираноязычный элемент⁹⁴, однако в то время там сохранялись и даже преобладали местные этнические элементы.

Со времени мидийского завоевания этноязыковая картина края начинает резко меняться. По форме и характеру расселение мидийских этнических групп на территории Южного Азербайджана в эпоху завоевания его мидянами, очевидно, следует отличать от иммиграции ираноязычных племен, имевшей место, по-видимому, в самом конце II и начале I тыс. до н. э. вследствие перемещения огромных масс населения, значительные группы которого вселились в области Манны. Расселение же здесь мидян, видимо, представляло собой, так сказать, микромиграцию — переселение (в течение более или менее длительного периода времени) относительно небольшими группами, возможно даже отдельными семьями, с чем мы нередко сталкиваемся в истории⁹⁵. Такого рода примером может служить заселение русскими Сибири.

Говоря о расселении мидян в областях Манны, мы не должны забывать о том, что при переселении группы (или групп) людей на новые места обитания не только сами мигранты, но и их потомки обычно, за редкими исключениями, сохраняют свои прежние отличительные этнические свойства⁹⁶. Особенно прочно сохраняются особенности культуры и психики⁹⁷ — общность (имеется в виду общность с этносом, от которого «оторвались» те или иные его группы) мировоззрений, культурных и религиозных традиций и связанных с ними ритуалов, а также общность языка, а через все это — представление о принадлежности к одному целому (т. е.

⁹² См. *Diog. Laert.*, Pr. I, 1 sq.; *Plin.*, NH, XXX, 2 sq.

⁹³ Г. Мессина (op. cit., S. 15 f.) вопреки очевидности считает, что маги — это не мидийское племя, а персидское жреческое сословие.

⁹⁴ См. *Грантовский*. Ук. соч.

⁹⁵ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 36.

⁹⁶ Там же, с. 35.

⁹⁷ Там же, с. 37.

к тому самому целому, от которого отделилась та или иная часть этноса, этнической общности), т. е. этническое самосознание, являющееся неотъемлемым компонентом этноса⁹⁸. Правда, нам известны случаи, когда иммигранты, вселявшиеся в иноплеменную среду, теряют свои этнические свойства, перестают быть частью «материнского этноса», растворяются в новой местной этнической среде, ассимилируются ею (вспомним судьбу арабов, поселившихся в Азербайджане). Мы знаем даже случаи, когда этническим завоевателей становился самоназванием покоренного населения, а сами иммигранты все же растворялись в местной субстратной среде. Наглядным примером сказанного может служить, например, судьба этнонима «болгары» и самих носителей этого этнонима — протоболгар (булгар). Тюркоязычные завоеватели булгары передали местному славянскому населению Балкан свой этноним, но почти бесследно растворились в этой среде⁹⁹. Мы хорошо знаем, что с мидянами, поселившимися в Атропатене, этого не случилось. В пользу сказанного свидетельствует ряд неоспоримых данных, о которых пойдет речь ниже.

Рост общественного и культурного уровня аборигенов земель, расположенных к югу от Аракса, по-видимому, вел к необходимости использования общепонятного для всего населения Южного Азербайджана языка, какого в ту пору на интересующей нас территории не было, а существовали различные языки, носители которых друг друга не понимали. Некоторое исключение следует сделать для части территории Манны, где были заметны признаки этнической консолидации, и где, возможно, выработался в какой-то мере общепонятный язык. Однако после падения Маннейского государства этот процесс сошел на нет.

Как отмечалось выше, завоевание Манны мидянами сыграло решающую роль в этнических судьбах края. С этого времени иранизация этноязыкового облика значительной части населения Манны должна была усиливаться. Следует указать, что политическое господство той или иной народности, в том числе установленное в результате завоевания, в значительной мере предопределяло направленность этнических процессов при формировании многих народностей¹⁰⁰.

Мидийское господство в Манне, несомненно, должно было усилить и действительно усилило восприятие иранских наречий северо-западной (т. е. мидийской) группы в качестве языка взаимного общения в Южном Азербайджане. Этот иранский язык (точнее, близкородственные наречия северо-западных иранцев) был языком широко распространенным и притом, как свидетельствуют данные античных авторов и ономастический материал, более или менее единообразным на обширнейших пространствах, начиная от Аракса и Урмии и кончая современной Туркменией¹⁰¹, — вспомним сообщение Страбона (XV, II, 8) о том, что насельники Мидии, Бактрии и Согдианы «одноязычны до малого», т. е. по существу одноязычны, или упоминание античного автора о родстве мидийского и парфянского языков (Just., XI, 2, 3), что подтверждается исследованиями ученых¹⁰², и т. д.

⁹⁸ Бромлей. Очерки..., с. 173 сл.

⁹⁹ Там же, с. 281.

¹⁰⁰ См. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2.

¹⁰¹ См. Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 35.

¹⁰² Herzfeld E. Medisch und Parthis. — AMI, 1935, VII.

Конечно, местные языки Южного Азербайджана не могли ни в коей мере выдержать конкуренцию с говорами мидийского языка.

Язык как средство передачи культурных ценностей и традиций имеет огромное значение для развития культуры в самом широком смысле. Из всех компонентов культуры наиболее отчетливо выраженными этническими функциями обладает, конечно, язык, являющийся основным признаком этноса ¹⁰³. Смена языка обычно сопровождается изменениями и других основных черт культуры этноса, этнической общности — в быту, военном деле, социальной структуре, политических институтах, религии и т. д. Говоря иначе, смена языка обычно (во втором или третьем поколении) влечет за собой утрату этнического самосознания, смену этнической принадлежности ¹⁰⁴.

Благодаря интенсивно протекавшим ассимиляционным процессам уже, по-видимому, в предахеменидское время маннейские племена начинают постепенно сливаться с мидянами. О деэтнизации населения Манна говорит утрата самого хоронима (названия страны) «Манна» и этнонима «манней». В последний раз Манна упоминается в начале VI в. до н. э.

Длительное пребывание южноазербайджанских земель в составе Мидийской державы, затем — Мидийской сатрапии, широкое расселение здесь мидийских этнических элементов и сопутствующие этому обстоятельства, несомненно, способствовали еще большей ассимиляции местных племен мидянами, чем постепенно закладывались основы нового этноса в регионе — этноса, который являл собою уже не маннеев, а был ново-мидийским атропатенским этносом, каковым он и воспринимался окружавшим его миром.

От маннеев в античное время по существу не осталось и следа. Поэтому совсем не удивительно, что ни надписи Дария I, ни Геродот не знают ни Манна, ни маннеев. Мало того, есть весьма веские основания считать, что при Дарии I прежние манней назывались уже мидянами ¹⁰⁵. Почти несомненно вскоре после мидийского завоевания Манна начинает восприниматься внешним миром как составная часть Мидии, как Малая Мидия. Смешиваясь с местным населением, мидяне физически вливались в состав аборигенов региона, привносили много своего в социальную и культурную жизнь их, меняя этнический облик края, как бы срastались с завоеванной ими страной, которая постепенно становилась их новой родиной.

Мы хорошо знаем, что Мидия Атропатена (Атропатийская Мидия, Малая Мидия, Атропатия) в глазах окружавших народов представлялась частью Большой Мидии, а население ее — мидянами. Большинство наших источников Атропатену действительно считает частью Мидии (в частности, такой осведомленный автор, как Страбон) или называет просто «Мидией» (например Тацит), что, по-видимому, и было официальным названием страны ¹⁰⁶. Так назывался этот край и много позднее. Мидянами называли население Южного Азербайджана персидские официальные документы (надпись Дария I), античные (Страбон, Плиний, Юстин и многие другие) и древнеармянские авторы.

¹⁰³ Эта точка зрения не вызывает сомнения у лингвистов. Значительная часть этнографов также придерживается этого положения; см., например, *Бромлей*. Этнос..., с. 53 сл.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ См. *Kent R. G. Old Persian Grammar. Text. Lexicon.* New Haven, 1950, p. 142; *Godard A. Le Trésor de Ziwiyé (Kourdistan).* Haarlem, 1950, p. 125 suiv.

¹⁰⁶ См. *Дьяконов*. История Мидии, с. 452.

Сведения о существовании мидийского населения в зоне Южного Азербайджана и смежных районов в I тыс. н. э. имеются в сирийских, древнеармянских, арабских и других источниках, а также в топонимии края. Источники эти населения интересующего нас региона называют именно «мидянами», точнее, терминами, производными от этого этнонима: арм. *mag-*, перс. *maǰ-*. Встречающееся у арабов название *Maḥ* восходит к среднемидийско-атропатенской форме названия Мидии.

Следует подчеркнуть, что термины «Мидия» и «Атропатена», а также «мидянин» и «атропатенец», как и их производные, на протяжении веков часто употреблялись как взаимозаменяемые. Весьма наглядно прослеживается это в эпоху раннего средневековья по армянским источникам. Особенно интересен пример с известным Ростемом, которого армянский автор VII в. Себеос называет то полководцем *ašxarḥ maḡas'a* (страны мидян), то князем *Atrpatkan'a* (т. е. Атропатены). У Ал-Мас'уди тот же Ростем, погибший в битве с арабами, назван *ал-азари*¹⁰⁷, т. е. «азерийцем», что в конечном счете то же самое, что и «азербайджанец».

О том, что местные племена Манны, возможно, в пределахмихридское и уже, во всяком случае, в ахеменидское время восприняли говоры мидийского языка, утратили свое этническое самосознание и перестали быть этническими общностями, постепенно превратившись в мидян, свидетельствует не только то, что в ахеменидский период эти племена именовались мидянами, но и то обстоятельство, что, согласно целому ряду независимых данных, мидийский язык в ту пору действительно был распространен на территории Южного Азербайджана.

Сам по себе факт наименования населения Южного Азербайджана мидянами хотя и очень важен, но не может иметь бесспорной доказательной силы в деле определения его этноязыковой принадлежности. Название страны (хороним) и наименование народа (этноним) не всегда могут свидетельствовать о языке самого народа. Если исходить только из названия страны или народа, тогда французов следовало бы считать германцами, ибо «франк» (откуда «француз» и «Франция») — это название германских племен, а современных, например, болгар (от этнонима тюркоязычных племен «булгар») и азербайджанцев — соответственно тюрками и иранцами. Известно, например, что германское племя баваров получило это название от наименования занятой ими области, населенной кельтским племенем бойев. Название немецкого государства «Пруссия» и его населения — «пруссав» восходит к имени истребленного в XII—XIII вв. немцами балтийского племени пруссов. Примеры такого рода многочисленны.

Хотя письменные памятники мидийско-атропатенского языка эпохи античности до сих пор и не обнаружены (нам известна всего лишь одна арамейская по языку надпись послеахеменидского периода из Саин-келе около Зенджана, что позволяет полагать, что в Атропатене, как и в соседних странах, использовалась письменность арамейского происхождения), тем не менее мы с полным основанием можем утверждать, что так называемый среднемидийский язык¹⁰⁸ Атропатены был, несомненно, иранским¹⁰⁹, причем языком широко распространенным. Об этом со всей

¹⁰⁷ См. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 51, прим. 120.

¹⁰⁸ *Периханян А. Г.* Арамейская надпись из Зангезура. — ИФЖ, 1965, № 4; так же он называется в исследованиях В. Ленца, В. Б. Хеннинга и др.

¹⁰⁹ Вывод о том, что атропатенский язык относится к иранской группе, был сделан в науке давно. См., в частности: История Азербайджана Т. I. Баку, 1958, с. 49; СИЭ. Т. I. М., 1961, с. 229.

определенностью свидетельствуют не только относительно хорошо известная этнолингвистическая ситуация на территории Азербайджана эпохи раннего средневековья, которая может быть спроецирована в глубь веков, но и немало других данных.

Арабские авторы в числе языков и диалектов, распространенных в Южном Азербайджане в эпоху раннего средневековья, называют аэри (*ābarī*), пехлевийский (*fahlawī* < *pahlavī*) и персидский (*luṣat-i furs*). О языке аэри как о языке значительной части населения Южного Азербайджана говорит Ал-Мас'уди ¹¹⁰. О нем сообщают Ибн Хаукаль, Йа'кут, Баладзури и другие арабские авторы ¹¹¹. Мукаддаси определяет аэри как особый «персидский», но трудный для понимания язык, отдельные слова которого похожи на хорасанские ¹¹².

Для Мукаддаси, так же как и для ряда других авторов IX—X вв., определение *luṣat al-furs* («персидский язык») означало просто принадлежность к иранской группе языков. Что азербайский язык не совпадал с персидским, вытекает из слов самого арабского автора, утверждавшего, что язык этот «нехорош», что он труден для понимания (с позиций знающего персидский) и т. д. ¹¹³. В данном случае использование определения «персидский» для азербайского языка у Мукаддаси подобно употреблению у ряда других арабских авторов, в частности у Ибн ал-Мукаффа, термина *fahlavī* («пехлевийский») для обозначения языка Исфакхана, Рея, Хамадана, Нехавенда и Азербайджана ¹¹⁴. Термином *fahlawīyūat* обозначали стихотворения, написанные на местных диалектах, прежде всего — мидийских по происхождению ¹¹⁵.

Из всего того, что мы знаем о языке аэри, который, очевидно, можно называть и «азербайджанским» (определение *luṣat-i ādarbāyjan* встречается уже у Ал-Беруни ¹¹⁶), следует заключить, что: во-первых, еще в эпоху арабских авторов в Азербайджане говорили на аэри; во-вторых, это был бесспорно иранский язык, ибо он у арабских авторов приводится в одном ряду с «дари» и «пехлеви» или же вместе с «фарси» противопоставляется кавказским языкам; в-третьих, аэри — это не персидский язык ¹¹⁷.

Анализ материалов азербайского языка авторитетными учеными позволяет утверждать, что язык этот относился к северо-западной группе иранских языков и он, несомненно, был близок талышскому ¹¹⁸, сохранившему те же основные особенности фонетики, которые были свойственны еще мидийскому языку ¹¹⁹. Есть немало оснований думать, что диалекты, близкие к аэри и современному талышскому, еще в эпоху раннего средневековья были широко распространены на территории Южного

¹¹⁰ См. Касумова С. Ю. Южный Азербайджан в III—VII вв. Баку, 1983, с. 44.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Между прочим, Йа'кут говорит, что аэри непонятен ни для кого, кроме самих носителей этого языка; см. Миллер В. Б. К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области. — Уч. зап. Ин-та народов Востока СССР. I. М., 1930, с. 203.

¹¹⁴ Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960, с. 138. См. также Касумова. Ук. соч., с. 43.

¹¹⁵ См. Henning W. B. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik. I. IV. Iranistik. I. Linguistik.* Leiden — Köln, 1958, S. 95.

¹¹⁶ Беруни Абу Рейхан. Избранные произведения. IV. Ташкент, 1974, с. 46 сл. См. также Касумова. Ук. соч., с. 45.

¹¹⁷ См. Миллер. Ук. соч., с. 203.

¹¹⁸ Там же, с. 217 сл.

¹¹⁹ См. Миллер В. Б. Талышский язык. М., 1953, с. 53 сл.

Азербайджана ¹²⁰. Интересно, что, по словам Йа'кута, язык жителей Мугана был близок к языку Гиляна и Табаристана ¹²¹.

Сохранившиеся островками иранские диалекты Южного Азербайджана — харзани, халхали, карингани и другие — обнаруживают значительные связи с иранскими диалектами Северо-Западного и Центрального Ирана ¹²². Ряд авторитетных ученых считают иранские диалекты, распространенные в эпоху раннего средневековья и поныне на территории Южного Азербайджана, остатками языков, бытовавших в этом регионе в древности. По их мнению, сохранившиеся ныне иранские диалекты Северо-Западного и Центрального Ирана являются реликтами некогда мощного массива ¹²³.

Чрезвычайно важно отметить, что иранские диалекты, как засвидетельствованные в Южном Азербайджане в эпоху раннего средневековья, так и ныне сохранившиеся на этой территории (и те и другие относятся к северо-западной иранской группе), отличаются теми же особенностями, которые характеризуют мидийский язык ¹²⁴. Поэтому можно полагать, что они являются потомками мидийского языка или, вероятнее, его диалектов.

Иранские диалекты, засвидетельствованные на территории Азербайджана, не могли появиться здесь ни в новое время, ни в средние века — это истина, бесспорная для специалистов. Материалы об этих диалектах, собранные и обобщенные в первую очередь русскими и советскими учеными, а также рядом зарубежных исследователей, не оставляют сомнения в том, что на интересующей нас территории задолго до эпохи средневековья были широко распространены иранские языки и диалекты. Причем особо следует отметить, что языки и диалекты северо-западной группы, как показывают данные сравнительного языкознания, разошлись с языками персидской группы, по крайней мере, до начала античной поры.

Следовательно, положение о том, что иранские языки и диалекты северо-западной группы были широко распространены на территории Южного Азербайджана уже в эпоху древности, не должно вызывать никакого сомнения. Столь же несомненно то, что господствующим языком региона мог быть только мидийский с его диалектами. Об этом свидетельствует ряд хорошо известных факторов: широкое расселение на интересующих нас территориях мидийских этнических элементов еще в эпоху античности, обозначение населения страны этнонимом «мидяне», а самой страны — «Мидией», распространение здесь в раннем средневековье языка и диалектов, а в новое время — диалектов, относящихся к мидийской группе, а также и другие совершенно бесспорные данные. Это прежде всего данные древнеармянского языка ¹²⁵.

В древнеармянском языке, наряду с парфянскими и среднеперсидскими, имеется определенное количество заимствований из так называемого среднемидийского, или мидийско-атропатенского (= атропатенского) языка, что позволяет нам в общем виде представить себе этот язык, письменные памятники которого, к сожалению, до нас не дошли. Мидизмы обна-

¹²⁰ См. Дьяконов. История Мидии, с. 92; Миллер. К вопросу об языке...; Касумова. Ук. соч., с. 46.

¹²¹ См. Schwarz. Op. cit., S. 1086 f.

¹²² Henning W. B. The Ancient Language of Azerbaijan. — In: Transaction of the Philological Society. L., 1955; Herzfeld E. — AMI, 1934, VII, S. 10 f.

¹²³ Ibid., S. 16 f.

¹²⁴ Миллер. Талышский язык, с. 53 сл.; Дьяконов. История Мидии, с. 92, 381 сл.

¹²⁵ См. Периханян. Ук. соч., с. 109 сл.

руживаются в самых ранних, относящихся ко II в. до н. э. арамейских надписях Армении ¹²⁶. Само имя армянского царя Зареха (греч. Зариадрий) в одной из надписей передано в среднемидийской форме — Zarehr ¹²⁷. Сын этого Зариадрия Арташес (греч. Артаксий) был тесно связан с мидийским (атропатенским) кругом ¹²⁸.

К мидийским заимствованиям в древнеармянском относятся: p'ar-k' «слава» (от среднемид. *farr; др. мид. farnah < общеиранск. *hvarnah-; будучи производным от названия неба-солнца, оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили «небо-солнце» ¹²⁹), ašxarh «страна» (от среднемид. *axšahr), maṛan «хранилище» (из среднемид. *maṛtān; др. мид. marzāna), zrah- (zreh-) «панцырь» (из среднемид. *zrah') и др. ¹³⁰ К среднемидийским заимствованиям в армянском относятся и такие слова, как, например, vasp «для, ради», kari «очень», ganj, ginj, brinj и другие ¹³¹.

Ряд иранских заимствований в армянском содержат формы с переходом -d > -h, чуждые парфянскому и среднеперсидскому и принадлежащие, несомненно, среднемидийскому ¹³². Возможно, заимствования с переходом -d(-δ-) > r (в частности māda «мидяне», передающееся в армянском как mar-) также относятся к какому-то среднемидийскому диалекту, причем не обязательно к парфянскому ¹³³. Следы влияния среднемидийского заметны не только в армянском, но и в других языках ¹³⁴. По мнению исследователей, язык, на котором составлена одна из версий армазской билингвы, обнаруженной в Мцхете (Грузия) и относящейся ко II в. н. э., следует считать близким к среднемидийскому ¹³⁵.

Все это свидетельствует о широком распространении, культурном значении и многовековом влиянии мидийско-атропатенского (среднемидийского) языка, имевшего богатую письменную традицию, на языки соседей Атропатены. Почти несомненно, что именно этот атропатенский язык назван «мидийским» в одной из рукописей XV в., написанной армянскими буквами, но на персидском языке. В этой рукописи содержится текст молитвы на семи языках, в том числе на «мидийском», который принадлежал к северо-западной (мидийской) группе иранских языков ¹³⁶.

Как отмечалось выше, расселение мидийских элементов на территории Манной после ее завоевания мидянами, несомненно, должно было сопровождаться интенсивными этническими процессами. Нам трудно ввиду отсутствия соответствующих материалов более или менее полно обрисовать эти процессы. Однако, вне всякого сомнения, взаимодействие не связанных родством этносов на территории Манной той поры должно было иметь сложный характер. Нам известны лишь конечные результаты этих процессов, завершившихся на этой территории победой мидийского языка и мидийского этноса.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же, с. 110.

¹²⁸ Там же, с. 109 сл.

¹²⁹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958, с. 421 сл.

¹³⁰ Периханян. Ук. соч., с. 113, 116, 122.

¹³¹ Там же, с. 127. См. также статью В. Хеннинга: Asia Mayor, 1969, X, 2, S. 195 f.

¹³² См. Периханян. Ук. соч., с. 116 сл.

¹³³ Ср. там же, с. 115 сл.

¹³⁴ По-видимому, и в среднеперсидском, а также в иранском языке на территории древней Грузии.

¹³⁵ Henning. Mitteliranisch..., S. 39.

¹³⁶ Ibid., S. 228.

Языковая ассимиляция, являющаяся, как правило, непременным этапом этнической ¹³⁷, как известно, влекла за собою изменения и других основных черт культуры насельников этих областей вплоть до полной утраты этнического самосознания ассимилируемого этноса и слияния его с этносом победителей. Процессы эти шли не одно столетие. Однако нет никакого сомнения в том, что политически господствующим, социально и этнокультурно ведущим (независимо от того, чья культура — местных племен или пришлых — была выше) в Атропатенском царстве был мидийский этнический элемент, к тому времени в основном уже ассимилировавший местные племенные группы. Внешне этот процесс выражался в том, что Мидия Атропатена, как отмечалось выше, в глазах окружающих народов представлялась частью Большой Мидии, а население ее — мидянами. В ходе длительного взаимодействия местных этнических элементов, а также осевших в прежние века в зоне Южного Азербайджана различных ираноязычных племен и пришлых групп мидийского населения постепенно складывался новый этнос. Этому в огромной степени должно было способствовать возникшее в последней четверти IV в. до н. э. государство. Государство, как известно, выступает важным фактором этнических процессов с момента своего возникновения, часто предопределяя их направленность при формировании народностей ¹³⁸.

В эллинистическую пору именно Малая Мидия, окончательно обособившаяся от Большой Мидии и ставшая самостоятельной областью, в которой благодаря длительному процессу концентрации мидийского этноса завершается процесс интеграции части его и возникает новая народность, в новых условиях, когда в собственно Мидии все мидийское почти полностью ассимилировалось, становится по существу единственной Мидией, где продолжают старомидийские традиции.

Сложившаяся новая этническая общность, по-видимому, мало чем отличалась от прежней и в этнокультурном отношении, в области социальных институтов и т. д. была не очень тесно связана с местной средой предшествующих эпох. Независимо от того, что этот этнос генетически, в соматическом отношении, в каких-то других своих проявлениях и чертах в значительной степени был связан с местной средой, сложившаяся общность была не кутийско-луллубейско-хурритско-маннейской, а мидийско-атропатенской.

Следует, однако, иметь в виду, что ассимилированные этносы, как правило, в какой-то мере передают пришедшим им на смену не только историко-культурное, но и биогенетическое наследие ¹³⁹. Так было и в случае, интересующем нас. Нельзя не отметить, что подавляющее большинство сложившихся в древности ираноязычных народностей состояло из потомков деэтнизированного и ассимилированного автохтонного населения плато. Они не только усвоили материальную культуру и хозяйственные достижения аборигенов, но в определенной мере унаследовали также и их антропологические типы ¹⁴⁰. В этом смысле в большинстве своем этносы бесследно не исчезают из всемирно-исторического процесса ¹⁴¹. Но при всех обстоятельствах не следует забывать о том, что атропатенский комплекс, судя по всему тому, что мы о нем знаем, это не есть старое в новом обличии, это не сосуществование старого и нового, не какой-то симбиоз

¹³⁷ Бромлей. Очерки..., с. 242.

¹³⁸ Там же, с. 228.

¹³⁹ Там же, с. 283.

¹⁴⁰ История Ирана. М., 1977, С. 38.

¹⁴¹ Бромлей. Очерки..., с. 283.

прежних и новых элементов, а качественно нечто новое. Это новый сплав, новый этнос, новая культура и религия, социально-политические институты и т. д. Словом, это новый мир, сформировавшийся в эллинистическое время.

Итак, в эллинистическую пору на территории Южного Азербайджана появляется новая этническая общность со своим языком, самоназванием (этнонимом), почти несомненно — этническим самосознанием и другими неотъемлемыми компонентами этноса.

У нас нет абсолютно никаких оснований полагать, что атропатенский этнос явился следствием насильственной ассимиляции местных племен Южного Азербайджана. Можно не сомневаться в том, что этнические процессы, протекавшие в интересующем нас регионе в античное время, являли собою естественную ассимиляцию, всегда имеющую, как указывал В. И. Ленин¹⁴², прогрессивное значение. Естественная ассимиляция, как известно, возникает при непосредственном контакте этнически разнородных групп населения и обусловлена потребностями упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни, распространением этнически смешанных браков и т. д.¹⁴³ Интересно отметить, что общенародные языки — койнэ в Армении и Иберии (Восточной Грузии) возникают именно в то же время, что и в Атропатене¹⁴⁴.

Давая общую характеристику атропатенского феномена, чрезвычайно важно отметить, что именно в атропатенский период было положено начало самого понятия «Азербайджан», а также связанных с ним явлений и обстоятельств этнокультурного, социального и политического характера. Перефразировав применительно к нашему случаю знаменитые слова «Повести временных лет», мы с полным основанием можем сказать, что от Атарпатакана¹⁴⁵ «... есть пошла Азербайджанская земля». Именно отсюда пошла собственно древнеазербайджанская государственность и древнеазербайджанская, точнее — атропатенская, мидийская народность. Да и сам хороним «Азербайджан» в основе своей восходит к тому времени и является закономерно измененной формой древнего *Ātarpātakāna.

Формы этого названия с гласным -а- во втором слове, хорошо засвидетельствованные в эпоху раннего средневековья — Adarbigana (в византийских источниках), Adarbadagani (древнегруз.), Ādarbādkān, Ādarbādgān, Ādarbāygān, Ādarbāyjan, Azarbādegān и др., — не могут восходить к среднеперсидским формам с гласным -u- в соответствующем слове — Āturpātakān. Полагают, что форма *Ātarpātakāna восходит к мидийским диалектам¹⁴⁶. Название *Ātarpātakāna образовано (по нормам иранских языков) от имени Ātarpāta и суффикса -akān(a) и означает «Атарпатовская (принадлежащая Атарпату)». Эта точка зрения, в истинности которой никто из серьезных ученых никогда не сомневался¹⁴⁷, хорошо согласуется с утверждением Страбона о том, что Атропатийская Мидия (XI, XIII, 1; в других случаях — Атропатена: XI, XIII, 3; XI, XIV, 1; XI, XIV, 3; XI, XIV, 15) «свое имя... получила от военачальника Атропата», ср., например, парфянск. Friyapātīkān «Фрияпатовская (принадлежащая Фрияпату)», последняя от Friyapata, буквально «защищенной любовью

¹⁴² Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.

¹⁴³ Бромлей. Очерки..., с. 238 сл.

¹⁴⁴ История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 420.

¹⁴⁵ Об этой форме см. ниже.

¹⁴⁶ Так считает В. А. Лившиц (письменное сообщение).

¹⁴⁷ Начиная от Т. Нельдеке и кончая крупными современными иранистами.

(к божеству?)» или, армянск. *Anahtakan* = «Анаитовская (принадлежащая Анаите)»,

С названиями стран, образованными от имени исторических лиц, мы встречаемся и в более поздние времена, ср. Лотарингия — от имени короля Лотаря II; Османская империя (официальное название султанской Турции) — от имени основателя династии Османа (османами называлось и тюркоязычное население империи); Узбекистан — от имени Узбека и т. д.

Наличие различных форм названия «Азербайджан», которые приводились выше, объясняется существованием различных форм самого имени **Ātrpāta* — *Ātərepāta* (в Авесте), *Ātarpāta* (Ha-tar-ba-ad-da; в эламских документах середины I тыс. до н. э.), *Ātropāt* (имеется и вариант *Ātropātāk* в парфянских документах из Нисы), *Āturpāt* (в сасанидскую эпоху; в более позднее время *Ādurhād*) и т. д. Это имя, широко засвидетельствованное в иранском мире, означает «охраняемый божеством Огня», но никак не «глава (господин) (бога) Огня». Последняя форма, кстати, нигде не засвидетельствованная (в иранском «глава Огня» — это *āturšpati*)¹⁴⁸, должна была выглядеть как **ātarpati*, а не *ātarpāta*.

Итак, название Азербайджан через посредство ряда засвидетельствованных в источниках промежуточных форм, являвшихся закономерными фонетическими вариантами одного и того же наименования, восходит к форме **Ātarpātākāna* и означает просто «Атарпатовская (= принадлежащая Атарпату)», а вовсе не «страна огней», как это часто утверждается в нашей популярной и даже специальной литературе. Иранским был не только хороним, но, как было показано выше, и язык Атропатены. Иранским был язык зороастрийской религии и почти несомненно — социально-экономическая, политическая и культурная терминология, о чем вполне определенно свидетельствует ситуация в сасанидский период.

В заключение мы еще раз со всей определенностью должны сказать, что появившийся уже в античную пору атропатенский этнос — это не просто какие-то группы прежнего населения Южного Азербайджана, начавшие говорить на диалектах (средне)мидийского языка. Это, как уже отмечалось, был новый этнос, появившийся в результате ассимиляции местных племен региона.

Таковых примеров в истории великое множество¹⁴⁹. Например, можно сослаться на процессы обрусения отдельных финно-угорских племен, в частности веси, муромы, мери и др. Ни один серьезный исследователь не станет утверждать, что нынешнее население северо-восточных областей Руси, где еще в исторический период, каких-нибудь тысячу лет тому назад, жили упомянутые племена, — это соматически, антропологически финно-угры, перешедшие на славянский, русский язык. Племена эти, как мы хорошо знаем, обрусели по мере продвижения славян в Поволжье и в зону Приладожья и Белозерья¹⁵⁰. Ныне население это в этническом отношении вполне русское.

Анатолийского турка, хотя он, несомненно, и является в определенной мере (во всяком случае антропологически) потомком древнего населения

¹⁴⁸ Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Новые находки документов в Старой Нисе. — Переднеазиатский сборник. II. М., 1966, с. 152.

¹⁴⁹ Процессы этнической ассимиляции детально рассмотрены Ю. В. Бромлеем в его «Этносе и этнографии» и «Очерках теории этноса».

¹⁵⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, 94; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, 28.

Малой Азии, вовсе нельзя считать малоазиатским автохтоном, перешедшим на турецкую речь. Это представитель новой этнической общности — турецкой, которая возникла в XV—XVI вв. вследствие ассимиляции местного населения тюркоязычными племенами. Араб Египта в соматическом, антропологическом отношении — это в общем древний египтянин. Однако современный египтянин это не просто древний египтянин, перешедший на арабскую речь. В этническом отношении это араб, объединенный с арабами других территорий общностью языка, культуры, психологического склада¹⁵¹ и т. д. Все это можно отнести к англичанам, французам, испанцам, румынам, казахам, узбекам, туркменам и многим другим народам.

Сказанное вовсе не означает, что мы вычеркиваем из числа предков азербайджанского народа группы хурритов, кутиев, луллубеев, маннеев и другие племена, обитавшие в зоне Южного Азербайджана и на прилегающих территориях в более раннее время. Упомянутые племена и народы — это предтечи, наша предыстория, от которых мы, конечно, не собираемся отказываться, ибо и англичане, как известно, не начинают свою историю с высадки англо-саксов на берега Альбиона, а французы — со времен романизации Галлии. И арабы Египта вовсе не думают, что их история начинается с того дня, когда границы страны пересекли арабские всадники с развевающимися на копьях зелеными вымпелами — символами их новой религии.

Все племена и народы, обитавшие на земле Азербайджана, сыграли свою, причем важную роль в этнических процессах, протекавших на интересующей нас территории. Все они вливались в этнические общности, формировавшиеся здесь в разные эпохи, а в конечном счете — в этническую общность, возникшую в последние века до н. э., в формировании которой решающая роль принадлежала мидянам.

На протяжении значительно более чем тысячелетнего периода (со времени завоевания Южного Азербайджана мидянами) история края — это история мидян (уже смешавшихся с аборигенами края) в новых условиях, это история новомидийского государства (на протяжении более 300 лет) и т. д. Таким образом, история Атропатены — это продолжение истории части мидян, но уже, так сказать, новых мидян в условиях Южного Азербайджана.

Вот почему мы с полным основанием в числе предков азербайджанского народа называем не только древнейших насельников края, но и пришлых ираноязычных мидян, вся предшествующая история которых становится и нашей историей, историей нашего народа. Через мидян мы приобщаемся к индоиранскому, шире — индоевропейскому миру, обретаем родство с иранцами, индусами, германцами, славянами и другими народами. Именно через мидян мы становимся наследниками и иранской культуры, имея право на этот богатый мир, на эпос, Авесту, Зороастрово учение и на многое другое.

¹⁵¹ *Луцкий Б. В.* Арабы. — СИЭ, I, с. 689. Я признателен Э. А. Грантовскому, обратившему мое внимание на процессы обрусения отдельных финно-угорских племен, а также на этнические процессы в Малой Азии и Египте.

Л. М. Глушкина

НОТНОΙ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ АФИНСКОГО ПОЛИСА IV в. до н. э.

По словам известного исследователя древнегреческого права Паоли, вопрос о nothoi является темной областью аттического права¹. И действительно, свидетельства источников о характере этой группы и ее положении в структуре афинского полиса неясны и противоречивы. Расходятся и мнения исследователей. Одни считают, что к nothoi относились только дети афинского гражданина и ксены, другие — что в эту группу включались и внебрачные дети афинских родителей. Особое внимание уделяется в связи с этим закону Перикла о гражданских правах 451/450 г. до н. э.²

Значение вопроса о nothoi определяется тем, что они были составной частью населения афинского полиса и его социальной структуры, а их положение связано как с имущественными отношениями, так и с проблемой гражданских прав.

Существование категории nothoi в Афинах засвидетельствовано с ранних пор³. Она представлена и в других греческих полисах⁴. Nothoi упоминаются уже в «Илиаде»⁵. Среди них три сына и дочь Приама, сыновья эти участвуют в боях с ахейцами наравне с законными детьми царя⁶, муж дочери прибыл в Трою для помощи в войне, живет в доме Приама, который относится к нему, как к родному сыну (XIII, 172—176). Из остальных nothoi один, сын Оилея, командует воинами Филоктета, оставленного на Лемносе (II, 727), а о другом, сыне Антенора, говорится, что его воспитала наравне с собственными детьми жена Антенора Феано в угоду супругу (V, 70). Из этих примеров как будто вытекает, что nothoi могли включаться в состав семьи, если на то была воля их отца. Кем были их

¹ Paoli U. E. Studi di diritto Attico. Firenze. 1930, p. 272 sgg.

² См. Busolt-Swoboda S. Griechische Staatskunde. Bd. I—II. München, 1920—1926, S. 223, 940—943; Latte K. Nothoi. — RE, XXXIII Hlbd 1936, Sp. 1066—1074; Berneker H. Nothoi. — Kleine Pauly, 1979, Bd. 4, S. 165 f.; Harrison A. R. W. The Law of Athens. The family and property. Oxf., 1968, p. 61—68; Humphreys S. C. The Nothoi of Kynosargos. — JHS, 1974, XCIV, p. 88—95; Vatin C. Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. P., 1970.

³ См. Dem., XXIII, 214; XLIII, 51; Aristoph., Av. 1660 sqq.; cp. Busolt-Swoboda. Op. cit., S. 940.

⁴ См., например, Dem., XXIII, 213 (Орей на Эвбее); Isocr., III, 42 (Кипр); SGDI, 3624, l. 9—11 (cp. Hannic J.-M. Droit de cité et mariages mixtes dans la Grèce classique. — Ant. Cl. XLV, № 2, p. 133—148; Vatin. Op. cit., p. 120 suiv.

⁵ II, 727; IV, 499; V, 70; XI, 102, 490; XIII, 172—173.

⁶ Так, один из них стоит на колеснице рядом с законным отцом, причем nothos правит конями, а сводный брат его ведет бой (XI, 102—104); тут же сообщается, что некогда Ахилл захватил их обоих, пасших овец, но отпустил за выкуп.

матери — рабыни или свободные наложницы, мы не знаем, о них в «Илиаде» ничего не говорится.

Несмотря на признание их отцом, *nothoi* все же стояли на более низкой ступени общественной лестницы, чем законные дети. Об этом говорит само выделение их в терминологии и противопоставление *vóthos* — *γνήριος* ⁷.

В «Одиссее» слово *nothos* не встречается, но и там можно найти примеры, подобные тем, которые мы видим в «Илиаде». Например, упоминается сын Менелая, матью которого была рабыня. Отец выбирает ему в Спарте невесту, т. е. признает его и заботится о его судьбе (IV, 10—12) ⁸. Одиссей в рассказе о своих вымышленных приключениях говорит, что он родом с Крита, сын богатого мужа от купленной им наложницы (*ὠνήτη παλλακίς*). Отец чтит его наравне с законными сыновьями. После смерти отца сыновья по жребии разделили между собой имущество, а ему дали небольшую часть ⁹ и помещение для жилья. Тем не менее он женился на девушке из богатой семьи, которая оценила его доблесть (XIV, 199—212). Таким образом, и в «Одиссее» положение внебрачных детей определяется волей отца и они получают даже какую-то часть наследства, правда, меньшую, чем законные сыновья.

Nothoi, известные нам из афинских источников, тоже противопоставляются *παῖδες γνήσιοι* как детям законным. Однако в Афинах, как, впрочем, и в других греческих полисах классического периода, вопрос с *nothoi* гораздо сложнее, чем то, с чем мы встречались в гомеровских поэмах. Общее здесь то, что *nothoi* — внебрачные дети. Но поскольку уже существовала определившаяся полисная структура, опиравшаяся не на обычаи, а на законы, понятие «законный» получило другой характер. «Законные» дети рождались в признанной законами семье, главой которой по-прежнему был муж и отец. Но если раньше положение внебрачного сына, независимо от того, кем была его мать, определялось исключительно волей отца, то теперь имел значение и статус матери и обязательные для всех государственные законы. При этом прослеживается известная эволюция. Так, до середины V в. до н. э. в Афинах гражданином считался человек, отцом которого был афинянин, даже если мать его была чужеземкой ¹⁰. Что касается детей рабыни от господина, то от воли отца зависело, будут ли они рабами, или получат свободу. В последнем случае обычно освобождалась и мать. Но при этом они гражданами не становились, и положение их как вольноотпущенников близко было к положению метеков ¹¹.

Как уже было сказано, постоянное противопоставление *vóthoi* *παῖδες γνήσιοι* достаточно четко определяет первых как незаконных детей ¹².

⁷ Разумеется, когда мы говорим о гомеровском обществе, еще не знавшем письменных законов и четко оформленной государственной организации, понятия «законный сын», «законная жена» следует воспринимать в плане обычного права. О характере гомеровского города и о семье у Гомера см. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 55—58, 74—75; Lacey W. K. The Family in Classical Greece. L., 1972, p. 33—50, esp. 41—42.

⁸ Так как она названа дочерью Алектора, то явно принадлежит к семье свободного человека.

⁹ По-видимому, земельный участок.

¹⁰ Браки с чужеземками (ксенами) были обычны в среде афинской знати. Вспомним брак Алкмеонида Мегакла с дочерью Клизфена Сикийского (*Herod.*, VI, 126, 130). Матерью Кимона была Гегесипила, дочь фракийского царя Олора (*Plut.*, *Cimon.* 4).

¹¹ См. Глускина Л. М. О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э. — ВДИ, 1965, № 1, с. 51—61; она же. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 13, 45—47.

¹² Правда, законным детям *παῖδες γνήσιοι* противопоставляются и усыновленные — *παῖδες ποιητοί*. Здесь подчеркивается, что первые — кровные дети (*τῆ φύσει*).

Но возникает вопрос, при каких условиях дети считались незаконными: зависело ли это только от статуса родителей (прежде всего матери), или и от того, был ли брак соответствующим образом оформлен. То, что в Афинах IV в. до н. э. при проверке гражданских списков требовалось для подтверждения своих прав доказать, что мать не только ἀστή (афинянка), но и ἐγγυητή и γαμετή¹³, позволяет сделать вывод о значении, придававшимся правильному оформлению брака¹⁴.

Как уже было сказано, в вопросе о nothoi кардинальные перемены в Афинах произошли в 451/0 г. до н. э. С этого времени дети афинского гражданина и ксены причислялись к nothoi. Правда, во время Пелопоннесской войны действие закона было ослаблено и в 403 г. до н. э. потребовалось его возобновление, но уже без обратной силы¹⁵. Проводившиеся в IV в. до н. э. проверки гражданских списков по демам¹⁶ показывают, что и в последующий период закон неоднократно нарушался.

О наследственных правах nothoi в законе Перикла, насколько нам известно, специально не говорилось. Но уже раньше в законе, приписывавшемся Солону, незаконные дети (как бы они ни определялись) не участвовали в разделе отцовского имущества. При отсутствии παῖδες γνήσιοι наследство получали ближайшие родственники¹⁷. Впоследствии законы о гражданских правах и о наследовании имущества в источниках выступают во взаимосвязи. Но следует иметь в виду, что после середины V в. до н. э. критерий отнесения к nothoi был иным, чем до этого¹⁸.

Приводимый у Плутарха (Them. I) в биографии Фемистокла рассказ, будто тот, будучи nothos из-за матери-чужеземки (νόθος δὲ πρὸς μητρὸς), мальчиком вынужден был заниматься в гимнасии Киносарге, посвященной

Заметим, что противопоставление γνήσιος — νόθος применяется и в другом смысле: например, относительно литературных произведений оно означает соответственно «подлинное» или лишь приписываемые данному автору.

¹³ См., например, *Dem.*, LVII, 37—40, 43, 69. О том, какие требования предъявлялись при проверках в более раннее время, которые проводились и в VI, и в V в. до н. э. (*Arist.*, *Ath. Pol.* 13, 5; 26,4; *Plut.*, *Per.* 37; *Harp.*, s. v. διαφύφισις), мы точно не осведомлены, но совершенно очевидно, что коренные изменения произошли после закона Перикла о гражданских правах 451 г. до н. э.

¹⁴ См. *Lys.* I, 31; *Isae.*, III, 28; ср. *Plato*, *Leg.* VI, 774e; VIII, 841d; *Poll.*, III, 21.

¹⁵ *Dem.*, LVII, 30; *Ath.*, XIII, 577b (со ссылкой на Каристию): Ἀριστοφῶν δὲ ὁ ῥήτωρ ὁ τὸν νόμον εἰσενεγκὼν ἐπ' Εὐκλείδου ἀρχοντος, ὃς ἂν μὴ ἐξ ἀστέως γένηται νόθον εἶναι. Ср. *Schol. Aesch.* I, 39, где этот закон (со ссылкой на Евмела) приписывается Никомену.

¹⁶ *Arist.*, *Ath. Pol.* 42,1; *Schol. Aristoph.*, *Vesp.* 718; *Hyperid.*, fr. 2 (Sauppe); *Dem.* LVII, 65, 92; *Isae.*, XII, hypoth.; *Aesch.*, I, 99. Ср. *Busolt-Swoboda*. *Op. cit.*, S. 948—949; *Kahrstedt U. von Staatsangehörige in Athen*. Stuttgart — Berlin, 1934, S. 86—87; *Thompson W. E.* An oratorical fragment P. Oxy. 2538. — *Riv. di Fil.*, 1968, v. 96, serie 3, f. 2, p. 149 sgg.

¹⁷ См. *Plut.*, *Solo*, 21; *Dem.*, XLIII, 51: νόθος δὲ μὴδὲ νόθη μὴ εἶναι ἀγχίστεσαν μηθ' ἱερῶν μηθ' ὀσίων; LVII, 53: ἐξ ἧν δὲ δήπου τοῦτοις εἰ νόθος ἢ ξένος ἦν ἐχὼ κληρονομίους εἶναι τῶν ἐμῶν πάντων. *Isae.*, VI, 47; *Aristoph.*, *Av.* 1649—1668; ср. *Latte*. *Op. cit.*, Sp. 1070. По предположению Латте nothoi при отсутствии законных детей имели какое-то право наследования в числе ближайших родственников (ἐγγυητάτω γένους). Но этому противоречит формулировка закона и упоминание побочных родственников в противовес прямым потомкам.

¹⁸ Этим критерием мог быть брак, не оформленный по правилам, мать — pallake или рабыня. Заслуживает внимания, что Аристотель, излагая в Афинской Политии (42.1) порядок записи в дем юноши, достигшего 18-летнего возраста, включает в число задаваемых ему вопросов сперва εἰ ἐλεύθερός ἐστι (свободен ли он), а затем уже — родился ли он в соответствии с законами (γένονε κατὰ τοὺς νόμους); ἐλεύθερος может иногда употребляться и как синоним гражданина, но в данном контексте выбор термина скорее всего не случаен.

Гераклу, по всеобщему мнению, является поздним вымыслом¹⁹. Но абсолютно достоверна связь *nothoi* с этим гимнасием. Демосфен в речи против Аристократа (XXIII, 213), возражая против особых привилегий Харидему, уже удостоенному афинского гражданства, указывает, в частности, что у себя на родине, в Орее, Харидем, сын матери-гражданки и неизвестного отца, был отнесен к *nothoi* и добавляет: «подобно тому как некогда *nothoi* (причислялись) к Киносаргу» (...καθάπερ ποτ' ἐνθάδε εἰς Κυνόσαργες οἱ νόθοι). У Афиня, ссылающегося на Полемона, упоминается стела в святилище Геракла в Киносарге с текстом псефизмы Алкивиада (очевидно, 420-е годы до н. э.), где предписывается, чтобы жрец совершал ежемесячные жертвоприношения с помощниками (μετὰ τῶν παρισίων) из числа *nothoi* и их детей. Слова κατὰ τὰ πατρία свидетельствуют о древности этого порядка²⁰. Хамфриз в специальной статье, посвященной афинским *nothoi* в Киносарге, считает, что к ним относились только дети от смешанных браков²¹. В Киносарге регистрировалась особая категория *nothoi*, у которых матери были ксенами. Возможно, что они представляли собой фиас Геракла, в состав которого входили *nothoi*, лишенные доступа во фратрии и демы. Членство было добровольным²². Во времена Демосфена они, по мнению автора, не отличались от метеков, и *nothoi* было самоназванием, которым они выделяли себя из этой группы. В Киносарг все *nothoi*, очевидно, обязаны были делать взносы на культ Геракла.

Лексикографы связь *nothoi* с Киносаргом объясняют тем, что Геракл сам был *nothos* на Олимпе, поскольку матерью его была смертная женщина. Этот сюжет обыгрывается в «Птицах» Аристофана²³. В определении же *nothoi* лексикографы расходятся: одни говорят, что это те, у которых оба родителя неграждане, другие — что один из родителей (не уточнено, отец или мать) — гражданин²⁴.

Из приведенных данных не выясняется окончательно, кто такие *nothoi* в Афинах. Они явно не имеют гражданских прав, в какой-то период приписаны к гимнасию в Киносарге, участвуют в культовых обрядах в святилище Геракла. В свидетельствах о Киносарге для нас важно то, что обнаруживается место какой-то регистрации, своеобразного учета *nothoi*. Как иначе можно было бы подобрать участников культа в Киносарге? Заметим, что уклоняющихся от этой функции ждет кара (εἰσαχέτω καὶ

¹⁹ Ср. Лурье С. Я. Плутарх. Избранные биографии. Пер. под ред. С. Я. Лурье. М., 1941, с. 355, прим. 1; Latte. Op. cit., Sp. 1070; Busolt-Swoboda. Op. cit., S. 942, not. 6.

²⁰ См. Ath., VI, 234 e. Далее приводится ряд примеров участия параситов в священных обрядах. Среди них весьма почтенные люди, в том числе представители рода Кериков. Смысл всего пассажа показать, что в прежние времена обозначение παρσίτης не имело оскорбительного смысла. Во второй половине IV в. до н. э. засвидетельствованы παρσίται в культе Афины Паллениды. Это богатые и влиятельные афиняне. См. Davies J. K. Athenian Propertied Families 600—300 B. C. Oxf., 1971, p. 290, 409, 511—512; Stanton G. R. Some Attic Inscriptions — BSA, 1984, p. 292.

²¹ Humphreys. Op. cit., p. 88 ff.

²² Плутарх, рассуждая о том, как следует называть любовную страсть, говорит — уж не Эротом ли, женственным и незаконорожденным, который, как к Киносаргу, причисляется к женской половине (Plut., Erot. 9, Mor. 750 F — ... νόθον ὡς περ εἰς Κυνόσαργες συντελοῦντα εἰς τὴν γυναικωνίτιν).

²³ См. Aristoph., Av. 1648—1666 u schol.

²⁴ Suda s. v. νόθοι... μήτε πρὸς πατρός μήτε πρὸς μητρός πολιταί; Bekker, Anect. Lae. Pht. 274, 21... οἱ νόθοι ἐκ τοῦ ἑτέρου μέρους ἴσται. Это определение не подходит к Афинам, где учитывалось только гражданство отца. Но оно соответствует порядку, который согласно Демосфену (XXIII, 213), существовал в Орее.

περὶ τούτων εἰς τὸ δικαστήριον). Nothoi стоят вне политической структуры афинского полиса. Они входят в семейный круг афинян, не будучи его полноправными членами.

О nothoi — членах семьи — свидетельствует приведенная у Псевдо-Плутарха псефизма (X orat. vit. Mor. 834 B), где после падения «400» за предательство осуждаются Антифонт и Архептолен. Они преданы казни, запрещено их погребение в Афинах и афинских владениях, всех прав лишены и они, и их потомки — как γυῖνοι, так и νόθοι. Таким образом, на nothoi распространяется кара, постигшая их отцов. Их принадлежность к семье должна быть где-то зафиксирована.

Далеко не всегда в источниках прямо указывается, что данное лицо — nothoi. Так, например, таковым обычно считают Гермогена, сына богача Гиппоника и брата Каллия ²⁵. По свидетельству Платона и Ксенофонта Гермоген принадлежит к ближайшему окружению Сократа ²⁶. Мнение, что Гермоген — nothos, основывается на том, что он в отличие от своего весьма богатого брата настолько беден, что нуждается в помощи своих друзей ²⁷. О матери Гермогена ничего не известно. В 90-е годы IV в. до н. э. он, очевидно, пользовался гражданскими правами, если правильно отождествление его с Гермогеном, участвовавшим в афинском посольстве к Тирибазу ²⁸.

Нам представляется, что имеющиеся свидетельства о Гермогене не дают оснований считать его nothos. Возможно, отец почему-либо лишил его наследства. Такая практика в Афинах существовала ²⁹.

С середины V в. до н. э. к nothoi бесспорно относились дети афинянина и ксены. Сын Перикла и Аспазии, которому по просьбе отца, потерявшего во время чумы сыновей от первого брака, даровали гражданские права, именуется у Плутарха νόθος, а закон 451/450 г. до н. э. — τὸν περὶ τῶν νόθων νόμον (Plut., Per. 37, 2—5). Как уже было сказано, Аристофан, проецируя на Олимп афинские порядки, называет Геракла νόθος, так как его мать — смертная женщина, которая не принадлежала к полису Олимпа.

Нет однозначного ответа на вопрос о внебрачных детях афинских родителей. По мнению Латте, эти дети получали гражданские права, но не имели доступа во фратрию, хотя он допускает, что при известной автономии фратрий после Клизфена некоторые из них могли проявлять в этом вопросе гибкость. Латте полагает, что в аттическом праве сохранился лишь этот один вид nothoi, детей афинянина и ксены он из этой категории исключает ³⁰. Но этому противоречат свидетельства источников о сыне

²⁵ См. Swoboda H. Hipponikos (3).— RE, 1913, VIII, Sp. 1969; Humphreys. Op. cit., p. 93.

²⁶ См. Plato, Cratyl. 3840, 391 b—c; Phaed., 59b; Xen., Mem., 1, 2, 48; II, 10, 2—6; IV, 8, 4—10; Symp., III, 14; IV, 46—49; VIII, 3—4. Cp. Natorp P. Hermogenes (21).— RE, 1913, VIII, Sp. 865.

²⁷ Xen., Mem. II, 10, 2—6. Cp. Plato, Cratyl. 391 b—c — ἐπειδὴ δὲ οὐκ ἐγκρατὴς εἰ τῶν πατρῶν — «поскольку ты не располагаешь отцовским имуществом». По мнению А. Ф. Лосева (Платон. Сочинения. Т. I. М., 1968, с. 605), Гермоген получил половину состояния отца, но растратил ее. Это не соответствует образу Гермогена, выступающему у Платона и Ксенофонта как образец добродетели.

²⁸ Cp. Xen., Hell. IV, 8, 13. По мнению Сили (Sealey R. Callistratos of Aphidna and his contemporaries.— Historia, 1956, V, p. 178—203), Гермоген получил права в последние годы Пелопонесской войны, до 403 г. до н. э. Cp. Davies. Op. cit., p. 209.

²⁹ L—S—J — s. v. ἀποκηρύσσω, ἀποκηρύξις, ἀποκηρυκτός; Dem., XXXIX, 39; Plut., Them. 2; cp. Plato, Leg. XI, 928—929.

³⁰ См. Latte. Op. cit., Sp. 1069—1071.

Перикла и Аристофана о Геракле. Комедиограф бесспорно отражает афинские порядки.

В отличие от Латте Диллер считает, что *nothoi* включали не только детей ксены, но и детей афинянки, если они были рождены ею вне брака. Положение последних было лучшим, так как они становились гражданами³¹. Он не ставит вопроса, какие для этого требовались условия. Заметим, что в источниках, когда говорится о правах *nothoi* или об отсутствии их, никогда не различаются две группы.

Хамфриз в упоминавшейся выше статье об афинских *nothoi* в Киносарге относит к ним только детей от смешанных браков. Вопрос о различии в положении *nothoi*, матери которых — ксены, и детей афинянки и гражданина при неоформленном браке недавно подробно рассмотрел Лотце³². Он вслед за Харрисоном пытается наметить эволюцию в статусе этой группы и полагает, что во время постановки «Птиц» Аристофана (414 г. до н. э.) у внебрачных детей афинянки были большие права, чем у детей ксены, и первые не именовались *nothoi*. В период Декелийской войны из-за больших людских потерь положение *nothoi* относительно гражданских прав улучшилось, но после 403 г. опять наступили перемены к худшему³³. И все же *nothoi* всегда оставались составной частью полиса, несмотря на двусмысленность и неясность их положения.

Предложенный перечень суждений о *nothoi* далеко не исчерпывает многочисленных нюансов в трактовке этого вопроса. Он еще далеко не решен.

Попытаемся рассмотреть положение *nothoi* в IV в. до н. э., для которого мы располагаем конкретными примерами, приводимыми в источниках. Следует различать два момента — гражданские права и право наследования. Первостепенными источниками являются судебные речи афинских ораторов. В силу самого характера этих источников материал в них излагается весьма пристрастно, факты освещаются в выгодном для говорящего свете. И тем не менее из них можно много извлечь по интересующему нас вопросу, перед нами реальная жизнь, конкретные человеческие отношения.

Рассмотрим прежде всего положение внебрачных детей афинских родителей. С этим мы сталкиваемся в 39-й и 40-й речах Демосфена и 3-й речи Исея. В упомянутых речах Демосфена («Против Беота по поводу имени» и «Против Беота о приданом») отражена тяжба двух сводных братьев, сыновей состоятельного афинянина Мантия. Мантифей, сын от законного брака, оспаривает право другого сына от связи его отца с афинянкой Плангон носить одинаковое с ним имя — Мантифей — и отвергает его претензию на якобы принесенное его матерью в дом Мантия приданое. Дело изображается таким образом, что Мантий даже после смерти законной жены

³¹ См. *Diller A. Race mixture among the Greeks before Alexander* (Illinois Studies in Language and Literature, v. 20, № 1—2). Urbana, 1937, p. 92; cp. *Harrison. Op. cit.*, p. 5, 62—63, 66, 68; *Kahrstedt. Op. cit.*, p. 68.

³² *Lotze D. Zwischen Politen und Metöken. Passivbürger in klassischen Athen?* — *Klio*, 1981, 63, № 1, S. 159—178.

³³ Об этом, кроме закона Никомена и Аристофонта, свидетельствует, в частности, декрет Феозотида, предлагавший лишить незаконных детей афинских граждан государственного пособия, выдававшегося сиротам, отцы которых погибли на войне или в борьбе против олигархии. Об этом декрете мы знаем из частично сохранившейся на папирусе и камне речи Лисия против Феозотида (*The Hiber Papyri. Pt. I. Ed. B. P. Grenfell and A. S. Kunt. L., 1906, № 14, p. 49—55*) и из найденной в 1970 г. на афинской Агоре стелы с частично сохранившимся текстом декрета (*Stroud R. S. Greek Inscriptions. Theozotides and the Athenian Orphans.* — *Hesperia*, 1971, XL, p. 280—301).

отказывался принять Плангон в свой дом и признать двух ее сыновей — Беота и Памфила своими детьми. Заметим, что оба они носили имена, принятые в семье Плангон³⁴. Уже достигший совершеннолетия Беот и его мать настаивали на узаконении Мантием обоих братьев. После долгих споров Плангон согласилась, получив 30 мин, отказаться от своих претензий с тем, что детей усыновят ее братья. Она договорилась с Мантием, что он официально предложит ей клятвенно подтвердить его отцовство, а она этого вызова не примет, что будет равнозначно отказу от каких-либо претензий к нему. Однако Плангон своего слова не сдержала, приняла вызов и объявила Мантия отцом своих сыновей. После этого Мантий был вынужден признать их. Он вводит сыновей в свою фратрию под именами Беота и Памфила и вскоре умирает, до записи их в дем³⁵. Беот сделал это уже сам, но внес себя в списки под именем Мантифея. Он заявлял, что как старший сын имеет право носить имя деда по отцу. Таким образом, в семье оказались два одноименных брата.

Беот как будто бы нарушил волю отца, записавшего его во фратрию под первоначальным именем. Мантифей возбудил против него судебное дело, мотивируя свой поступок неудобствами подобной ситуации для него лично и полиса в целом. Следует ряд забавных примеров, демонстрирующих, какая возникнет путаница, если выберут на должность, привлекут к литургии или возложат какую-нибудь другую обязанность на Мантифея, сына Мантия из дема Форики. Если это будет выгодно, то каждый из двоих заявит, что это касается его, если же — неприятно, каждый попытается сказать, что это к нему не относится (*Dem.*, XXXIX, 7—11, 14—16, 19; XL, 34—35).

Сколь бы убедительными ни представлялись доводы оратора в 39-ой речи, мы узнаем из следующей, 40-й речи, что он проиграл дело и Беот сохранил присвоенное им имя Мантифея. Исход спора о приданом нам неизвестен. Из речи выясняется, что законный сын Мантия поровну разделит отцовское имущество со своими сводными братьями. Он говорит, что сделал это, повинаясь решению отца, хотя и вынужденному, признать Беота и Памфила своими детьми. Отсюда следует, что после этого признания внебрачные дети получили такие же права на наследство, как законный сын (*Dem.*, XXXIX, 20, 34; XL, 2, 13, 36).

Если верить версии, представленной в речах относительно детей Плангон, при матери-афинянке достаточно было признания ее детей отцом, чтобы они получили все наследственные и политические права. Более того, судя по некоторым высказываниям оратора, даже при отказе отца их признать они могли оказаться полноправными гражданами в случае их усыновления братьями матери (*Dem.*, XXXIX, 32; XL, 10). Получается, что практика не укладывалась в строгие рамки закона. Чтобы разрешить это несоответствие, некоторые исследователи высказали предположение,

³⁴ Памфил — имя ее отца, Беот — имя ее брата. О том, какое значение придавалось увековечению памяти деда, отца и других представителей старшего поколения путем сохранения их имен в семье, говорят многочисленные свидетельства. Старшему сыну обычно давали имя деда со стороны отца, следующему сыну — имя деда по матери. См. *Dem.*, XLIII, 74; XXXIX, 27. В «Облаках» Аристофана порицается жена Стрепсиады, которая заставила мужа назвать сына, как ей хотелось (*Aristoph.*, *Nub.* v. 46—55, 60—74). Отец, разумеется, мог назвать детей в соответствии со своими политическими симпатиями (*Herod.*, III, 55; *Plut.*, *Cim.* 16; *Plut.*, *Them.* 32) или знаменательными событиями в своей жизни.

³⁵ Памфил, по-видимому, был еще несовершеннолетним, так как о его записи в дем нет речи.

что Плангон была законной женой Мантия еще до его женитьбы на будущей матери Мантифея. Или непосредственно перед новым браком, или еще до этого он разошелся с ней ³⁶.

Однако, если принять эту версию, в пользу которой говорит то, что старший сын Плангон претендует на приданое, якобы принесенное в дом Мантия его матерью, то возникает ряд других вопросов. Как быть с младшим сыном Плангон, который явно родился уже после вступления Мантия во второй брак ³⁷, а получил те же права, что и Беот? Почему при разводе с Плангон Мантий не вернул ее приданое? Почему Мантий назвал старшего сына Плангон Беотом, по имени ее брата, в то время как принято было давать старшему сыну имя деда по отцу (то есть Мантифея). Недаром Беот столь упорно добивается своего права носить другое имя. Семья Плангон была состоятельной, но отец ее Памфил оказался государственным должником и после конфискации его имущества вырученных при продаже денег не хватило даже для уплаты долга. Возможно, эти обстоятельства осложнили отношения между двумя семьями. Но как бы то ни было, Памфил уж во всяком случае родился вне брака. Мы видим из обеих речей, какую роль сыграло давление на Мантия со стороны матери детей — афинянки и, вероятно, ее родичей. Неоднократно подчеркивается, что Мантия заставили признать детей вопреки его воле (XXXIX, 20; XL, 54 — ἀναγκασθεῖς). В пользу правдивости этого заявления говорит тот факт, что Мантий после смерти жены не ввел в свой дом ни Плангон, ни ее детей (XL, 11). Но сам Беот оказался достаточно деятельным и добился поддержки в деде Мантия и дикастерии.

В качестве параллели можно привести скандальную историю, сообщаемую Андокидом в речи «О мистериях» ³⁸. Богатый и знатный афинянин Каллий, сын Гиппоника, сперва отказался признать своего сына, рожденного Хрисиллой, матерью его первой жены, уже после того как она покинула его дом ³⁹. На признании ребенка настаивали родственники его матери. Позднее Каллий передумал, принял мальчика в свой дом и внес в список рода Кериков, к которому принадлежал. Согласно закону Кериков достаточно было клятвенное подтверждение Каллием своего отцовства ⁴⁰.

И в этом случае, как и в истории с детьми Плангон, вопрос в конечном счете решился волеизъявлением отца. Заметим, что и здесь мать ребенка

³⁶ См. Lotze. Op. cit., p. 174—175; Lacey. Op. cit., p. 143—144; Humphreys. Op. cit., p. 89. Правильным представляется мнение Paoli (op. cit., p. 276 sg.), что Плангон была не женой, а сожительницей Мантия.

³⁷ Любопытно возражение Мантифея Беоту, утверждавшему, что он старше и потому вправе носить имя деда по отцу. Мантифей заявляет, что никто не знает точного счета лет, — «я скажу, что мне больше лет, а он — что ему» (Dem., XXXIX, 27—29: ... τὸν πρὶν τὸν ἐτῶν ἀριθμὸν οὐδεὶς οἶδεν ὅμῳ).

³⁸ См. And., I, 124—128. Перевод речи и комментарии к ней см. в кн.: Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. Л., 1964, с. 20—48, 124—127.

³⁹ Кошунственный характер этого сожительства подчеркивается у Андокида ссылкой на то, что Каллий как представитель рода Кериков выполнял жреческие функции в элевсинском культе Деметры и Коры — матери и дочери (And., I, 124).

⁴⁰ And., I, 127. Заметим, что, как и в случае с Беотом, которого Мантий ввел во фратрию уже совершеннолетним, Каллий вводит сына Хрисиллы к Керикам, когда тот уже был взрослым (καὶ τὸν παῖδα ἤδη μέγαν ὄντα εἰσάγει εἰς Κήρυκας). Упоминание о законе Кериков (κατὰ τὸν νόμον ὃς ἐστὶν αὐτοῖς) интересно тем, что позволяет предположить существование неодинаковых (хотя бы в деталях) правил включения новых членов в различные родовые группы. Впрочем, то же мы видим и во фратриях. См., например, декрет фратрии Демонтионидов — Syll. ³, 921.

была афинянкой ⁴¹. Брак Каллия с Хрисиллой вряд ли был оформлен, хотя такое предположение в литературе высказывалось ⁴².

О еще одном случае сообщается в III речи Исея «О наследстве Пирра». Афинянин Пирр усыновил сына своей сестры Эндия, и тот в соответствии с афинскими законами унаследовал все его имущество. Когда по прошествии 20 лет Эндий умер, не оставив законного наследника, появился претендент, выступавший от лица дочери Пирра Филы, ее муж — Калликл. О том, что Фила — дочь Пирра, спора не было. Но родичи Эндия утверждали, что она рождена вне законного брака и поэтому не имеет права на наследство. Как выясняется из речи, Эндий выдал ее замуж с приданым в 3000 драхм. При состоянии Пирра, оцененном в три таланта, это считалось недостаточным, и оратор приводит это в качестве довода, что она незаконная дочь. Таким детям отец мог выделить из своего состояния денежную сумму, так называемую *νοθεῖα*, которая по определению лексикографов не должна была превышать 500 или 1000 драхм ⁴³.

Хотя мать Филы — афинянка, ее поведение и в доме Пирра и вне его изображается оратором как типичное для гетеры. Нет речи о принесенном ею приданом и оформлении брака. О том, что Фила не законная дочь, а *νόθη*, свидетельствует отсутствие с ее стороны претензий на наследство Пирра после его смерти и сам факт усыновления им племянника, что не допускалось при наличии законных детей ⁴⁴. Правда, если была только дочь — эпиклера, то усыновление могло произойти при условии женитьбы на ней усыновленного ⁴⁵. В данном случае этого не произошло. Правда, на это можно было бы возразить, что усыновление Эндия произошло до рождения Филы. Однако остальные доводы противной стороны представляются убедительными.

В интересующем нас аспекте внимания безусловно заслуживает то, что Фила, внебрачная дочь афинских родителей, была выдана замуж по всем правилам за афинского гражданина, дети ее в дальнейшем могли ссылаться на то, что их мать *ἀστή*, *ἐγγυητή* и *γαμέτη* и пользоваться всеми правами. Итак, и в этом случае решающую роль в вопросе о гражданских (не о наследственных) правах играло не оформление брака матери Филы с Пирром, а ее афинское происхождение.

Иная ситуация предстает перед нами в VI речи Исея «О наследстве Филоктемона». Престарелый афинянин Евктемон, попавший под влияние своей вольноотпущенницы Алки, пытается ввести во фратрию ее сына, представляя себя его отцом. Но ввиду протестов семьи Евктемона, у которого кстати были законные дети, фратеры отклонили мальчика (*Isae.*, VI, 21—24). По настоянию Евктемона, грозившего вступить в новый брак и произвести новых детей, права которых будут бесспорны, семья пошла

⁴¹ Процесс о мистериях происходил в 399 г. до н. э. Поскольку о сыне Каллия говорится в связи с тем, что отец хотел женить его на эпиклере (*And.*, I, 121), он уже взрослый человек, и, таким образом, события, связанные с его признанием и введением в род, относятся еще к V в. до н. э. Речь Демосфена против Беота датируется 40-ми годами IV в. до н. э. Ситуация за истекший период существенно не изменилась.

⁴² См. *Lacey*. *Op. cit.*, p. 152—153.

⁴³ См. *Harpoer.*, s. v. *νοθεῖα*... ἥν δὲ μέχρι χιλίων δραχμῶν; *Suda*, s. v. *ἐπικληρος*... νόμος δὲ ἥν Ἀττικὸς τοῖς νόθοις μέχρι ε' μύων καταλιμπάνειν; *Poll.*, III, 2; *Schol. Aristoph. Av.* v. 1656.

⁴⁴ См. *Isae.*, II, 14; III, 42; VI, 9; *Dem.*, XLI, 3; ср. *Gernet L.* La loi de Solon sur le «testament». — *Droit et Société dans la Grèce ancienne*. P., 1955, p. 120—131; *Lacey*. *Op. cit.*, p. 24—25.

⁴⁵ См., например, *Dem.*, XLI, 3 — Афинянин Полиевкт, имевший двух дочерей, усыновил Леократа, брата своей жены, и выдал за него младшую дочь.

на уступки. Мальчика ввели во фратрию на условии предоставления ему одному земельного участка. Надо учесть, что Евктемон был очень богат.

Здесь мы видим, что вопрос о легитимации *υῖθος* даже весьма сомнительного происхождения ⁴⁶ является делом семьи и фратрии. О гражданских правах нет речи, к тому же мальчик несовершеннолетний. На этой стадии нет признаков государственного вмешательства, так как если бы были соответствующие законы, оратор не преминул бы на них сослаться. После смерти Евктемона, который пережил своих законных сыновей, появились претенденты на наследство, выступавшие от имени этого мальчика и его брата и заявившие, будто их усыновили покойные сыновья Евктемона.

История чрезвычайно запутана. Исследователи, опираясь на одно место речи (*Isae.*, VI, 13—15), высказывают гипотезу, что оба мальчика родились в законном браке Евктемона с бывшей на его попечении дочерью его покойного друга Каллиппой ⁴⁷. Однако у Исея ни о каком браке с ней не говорится, а вся история представляется вымышленной — и по хронологическим соображениям ⁴⁸, и потому, что она не подтверждается свидетельскими показаниями ни родственников, ни домашних рабов. Но если допустить, что оратор намеренно искажает факты и Каллиппа действительно была женой Евктемона, то у его детей от первого брака не было бы никаких законных оснований протестовать против внесения их сводного брата в списки фратрии. Между тем, как мы видели, этот протест имел место. Противоречило бы закону и ограничение его прав на имущество отца одним земельным участком (*Isae.*, VI, 25). Все законные дети должны были получить равные доли. Перед нами явно *υῖθος*, мать которого к тому же не была афинянкой и даже происхождение отца сомнительно. И все же по настоянию Евктемона, объявившего его своим сыном, он был введен во фратрию и получил земельный участок ⁴⁹.

О том, насколько произвольным могло быть поведение афинян в этом вопросе, свидетельствуют факты, приведенные в LIX речи демосфеновского корпуса (ее обычно приписывают Аполлодору). Афинянин Стефан, приняв в свой дом бывшую рабыню и гетеру по имени Неэра и ее детей, воспитывал их как своих. Он выдает старшую дочь Неэры Фано за небогатого афинянина Фрастора с приданым в 30 мин. Фрастор, недовольный, по словам оратора, поведением Фано и узнав, что она дочь Неэры, а Стефан не является ее отцом, выгнал ее, беременную, из дома и отказался вернуть приданое, которого требовал Стефан. Так как последнему грозила суровая кара за то, что он выдал дочь ксены за свою, он договорился с Фрастором, что они откажутся от взаимных обвинений (*Dem.*, LIX, 50—54). Спустя некоторое время Фрастор заболел и нуждался в уходе. Так как с родными он был в ссоре, а Неэра и ее дочь приходили и ухаживали за ним, он помирился с Фано, признал своим родившегося у нее

⁴⁶ Если верить оратору (*Isae.*, VI, 19—20), отцом детей Алки был вольноотпущенник Дион, который признавал и воспитывал их пока не оказался вынужденным покинуть Афины, опасаясь наказания за какой-то проступок.

⁴⁷ См. *Davies. Op. cit.*, p. 563—566; *Lacey. Op. cit.*, p. 143.

⁴⁸ По словам оратора (*Isae.*, VI, 14), с момента отъезда отца Каллиппы в Сицилию, когда он оставил свою дочь на попечении Евктемона, прошло 52 года, а старшему из приписываемых ей сыновей к моменту процесса было не более 20 лет. Таким образом, она родила его в возрасте 30 с лишним лет, когда ей полагалось не под опекой находиться, а быть выданной замуж в соответствии с афинскими законами.

⁴⁹ Дата процесса, для которого была написана VI речь Исея, может быть легко определена. В § 14 упоминается архонт Аримнест (416/415 г. до н. э.) и говорится, что с тех пор прошло 52 года. Таким образом, процесс происходил в 364/363 г. до н. э.

за это время сына и взял его в свой дом (Dem., LIX, 55—57). Однако когда Фрастор пытался ввести мальчика во фратрию, члены рода Бритидов, к которому он сам принадлежал (Dem., LIX, 59: εἰσῆγεν... εἰς τοὺς φράτερας τὸν παῖδα... καὶ εἰς τοὺς Βρυτίδας ὧν καὶ αὐτός ἐστι... γεννήτης), воспротивились этому и мальчик не был внесен в списки. Фрастор возбудил против них иск за то, что они не вписали во фратрию его сына, но вынужден был отступить, когда геннеты потребовали, чтобы он поклялся, что действительно считает мальчика своим сыном от афинянки, выданной за него замуж в соответствии с законами (Dem., LIX, 60: οἶόν ἐξ ἀστῆς ῥωμαῖκός καὶ ἐγγυητὴς κατὰ τὸν νόμον).

По афинским законам Стефану за то, что он выдал замуж ксену под видом своей дочери, грозили атимия и конфискация имущества, причем одна треть его доставалась обвинителю (Dem., LIX, 52). Но для этого должен был найтись желающий возбудить против него дело. Как было сказано, Фрастор от этого отказался, и все обошлось тем, что Фано вернулась домой, а он затем женился на подлинной афинянке (Dem., LIX, 58). О дальнейшей судьбе ребенка мы, к сожалению, ничего не знаем. Оратора это не интересует. Заметим лишь, что не будь Фрастор Бритидом, возможно, ему удалось бы ввести сына во фратрию. Более того, спустя некоторое время Стефан снова выдает замуж Фано за бедняка-афинянина, который был избран архонтом-басилеем (Dem., LIX, 72). В качестве его жены Фано активно участвовала в священных обрядах и таинствах, требовавших особой чистоты и закрытых для непричастных к ним афинян. Тем более недопустимо было приобщение к ним ксены (Dem., LIX, 73—79). Когда выяснилось, что Фано — не дочь Стефана, а дочь Неэры, разразился скандал, завершившийся, как и в первом случае, разводом (Dem., LIX, 80—81, 83). Не будь второй муж Фано архонтом-басилеем, все могло бы обойтись. Заслуживает внимания тот факт, что каждый раз, когда говорится о происхождении Фано, подчеркивается, что она не дочь Стефана, а дочь Неэры. Создается впечатление, что если бы ее отцом был афинский гражданин Стефан, то отношение к Фано и ее ребенку было бы несколько иным, хотя в той же речи приводится закон, карающий афинянина за брак с ксеной (§ 16)⁵⁰.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы. Положение *nothoi* в Афинах определялось тем, к какой из двух групп они принадлежали, — дети афинянина и ксены или внебрачные дети двух афинских родителей. В обоих случаях место *nothos* в семье определялось прежде всего волей отца, который мог признать или отвергнуть их. Признанный отцом сын ксены получал долю в наследственном имуществе, размер которой зависел от воли отца или его законных наследников. При благоприятных условиях он мог быть введен и во фратрию. Но гражданские права он по закону мог получить только декретом народного собрания. Что собой представляла эта группа *nothoi*. Они не были ни

⁵⁰ Насколько нам известно, закон Перикла не запрещал брака с ксеной, а только лишал гражданских прав родившихся в этом браке детей. Запрет же таких браков относится уже к IV в. до н. э. Ср. *Harrison. Op. cit.*, p. 25 f.; *Lacey. Op. cit.*; *Lotze. Op. cit.*, p. 169. В то же время IV в. до н. э., от которого сохранилось больше свидетельств о частной жизни, изобилует примерами обхода этого запрета. По-видимому, многочисленные факты незаконного проникновения в гражданские списки по демам в большой степени затрагивали не метеков и ксенов, а *nothoi*. Их отцы были афинскими гражданами, сами они были урожденными афинянами. Они не считались и не могли себя чувствовать метеками. Можно понять, что они любыми способами стремились этого добиться и надо думать, что в ряде случаев им это удавалось.

метеками, ни ксенами, но не были и афинскими гражданами. По остроумному выражению Лотце, перефразировавшего известную формулу Поллукса (III, 83) μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δοῦλων, они, занимая промежуточное положение между гражданами и негражданами, могут быть определены формулой μεταξὺ πολιτῶν καὶ μετοίκων⁵¹. Являясь непременной составной частью населения Афин, nothoi, естественно, стремились добиться гражданских прав. В отличие от метеков, они могли рассчитывать на содействие своих афинских отцов. Проникновение их в списки граждан по демам облегчалось в ряде случаев широко распространенными в IV в. до н.э. злоупотреблениями демархов и других членов дема. Ярким примером этого являются факты, приведенные в LVII речи Демосфена, и сам процесс, для которого она была написана⁵². Жизненная практика ломала законы, противоречившие нормальным социальным отношениям и интересам полиса в целом. Всяческие ухищрения претендентов на родство с тем или иным афинянином облегчалось тем, что при отсутствии признаваемых государством и регистрируемых в официальных органах власти частно-правовых документов условия для осуществления законов о семье и браке, гражданских и наследственных правах были весьма шаткими. Даже во фратриях, куда отец представлял признанного им сына, существовали разные правила этой процедуры⁵³.

Сложное и противоречивое положение νόθοι в Афинах, особенно в IV в. до н.э., отражает усиливающийся разрыв между полисом как государственным организмом и составляющими его частным ячейками — семьей, в какой-то мере — фратрией. Интересы отдельных граждан (отцов νόθων) противопоставляются здесь основополагающим законам полиса.

Аристотель в «Политике» (III, 3, 5, 1278a 26—34) указывает, что в некоторых полисах гражданами считались дети матери — гражданки, независимо от отца, а во многих — гражданство получали и nothoi. По его мнению, это происходит при недостаточном количестве граждан. Напротив, при их избытии исключают постепенно детей, у которых только мать — гражданка, а в конечном счете приходят к требованию гражданской принадлежности обоих родителей. В другом месте Аристотель связывает предоставление прав незаконным детям (nothoi) и тем, у которых только один из родителей — гражданин, со стремлением усилить демократию (VI, 2, 9, 1319b 6—10). Афины здесь не упоминаются и, вероятно, прямо не подразумеваются, но это общая тенденция эпохи, которая получила свое дальнейшее развитие в период эллинизма⁵⁴.

Что же касается внебрачных детей, у которых оба родителя были афинянами, то их социальное и правовое положение целиком зависело от воли отца. В случае его признания они (во всяком случае в IV в. до н.э.) получали и право наследования отцовского имущества наравне с законными детьми, и гражданские права. Правда, при проверках гражданских списков требовалось, чтобы брак родителей был должным образом оформ-

⁵¹ Lotze. Op. cit., p. 178.

⁵² См. Dem., LVII, 2, 26, 49, 55, 59—60; XIII, 23—24; ср. And., I, 149; Isocr., VIII, 88—89; Hyper., III, 3; Харпокр., s. v. Ἀγασικλῆς; Ath., VI, 263 с. По словам Исея (XII, 2), дело доходит до того, что некоторые афиняне из-за бедности усыновляют ксенов в надежде получить какую-нибудь выгоду, когда те благодаря им станут гражданами. Тем более к этому могли прибегать состоятельные афиняне, желавшие дать права своим nothoi.

⁵³ См. And., I, 126—127; Isae., VII, 16; Dem., XL, 11; LIX, 59—60; Syll.³, 921. Ср. Latte. Op. cit., Sp. 1063.

⁵⁴ Ср. Hannic. Op. cit., p. 147.

лен, но, как мы видим из источников, эту формальность могла заменить официально выраженная воля отца.

Рассмотрение вопроса о положении *nothoi* в Афинах классического периода показывает, насколько сложной была социальная структура полиса. Наряду с четко очерченными понятиями граждан, метеков и ксенов существовали промежуточные категории. Неопределенность их статуса в значительной мере определялась примитивным характером права, недостаточной авторитетностью письменных документов при фиксации социального и правового статуса. Реальная жизнь преодолевала связанные с этим трудности и диктовала свои законы, нередко не совпадавшие с официальными установлениями. Это противоречие проявлялось обычно в случаях конфликтных ситуаций, но при их отсутствии оно могло быть сглажено живой социальной практикой.

В эллинистических Афинах, как и в других полисах, положение *nothoi* меняется⁵⁵. Но это требует особого рассмотрения.

⁵⁵ Cp. *Vatin. Op. cit.*, p. 124—126.

LES *NOTHOI* DANS LA STRUCTURE SOCIALE DE LA *POLIS* ATHÉNIENNE AU IVe S. AV. N. È.

L. M. Gluskina

La question des *nothoi* athéniens est compliquée et embrouillée et nombre de ses aspects sont réfractaires à toute réponse définitive. Des deux groupes de *nothoi* — les enfants d'un Athénien et d'une *xenē* et les enfants illégitimes d'un Athénien et d'une Athénienne —, la situation du premier se laisse mieux définir. Jusqu'au milieu du Ve s. av. n. è. les enfants d'une *xenē* et d'un père-citoyen jouissaient des droits politiques, puis ils en furent privés. Au IVe s. av. n. è., les mariages mixtes furent totalement interdits. Néanmoins, en dépit de la loi, ces *nothoi* pénètrent constamment dans les listes des citoyens des *dèmes*. Leurs droits héréditaires, bien que formellement limités, furent déterminés en définitive par la volonté du père. Sans être ni des *météques*, ni des *xènes*, ces *nothoi* étaient un élément permanent de la population athénienne et leur pénétration dans les rangs des citoyens, bien que contraire à la loi, étendait et renforçait la structure sociale de la polis athénienne.

La condition des enfants illégitimes de parents athéniens était meilleure. Ils entraient facilement dans la communauté des citoyens sans se heurter à une résistance particulière, ils pouvaient obtenir aussi bien les droits politiques que les droits d'héritiers. Pour cela, il leur suffisait d'être légalement reconnus par leur père et admis au sein de la phratrie. Nos sources ne répondent pas avec clarté à la question: de quelles restrictions étaient-ils frappés, après cette reconnaissance, pour avoir une mère seulement *ἀστὴρ*, mais ni *ἐγγυσητὴρ*, ni *γαμετὴρ*? En tout cas, on ne connaît pas un seul exemple de privation ainsi motivée de la citoyenneté. Les discours des orateurs athéniens du IVe s. av. n. è. montrent que la pratique en matière de *nothoi* ne cadrait pas avec les dispositions législatives conservatrices et dépassées par les rapports réels en vigueur dans l'Etat athénien.

З. А. Покровская

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛУКРЕЦИЯ *

История эстетической мысли уходит в глубокую древность, однако сам термин «эстетика», как известно, лишь в XVIII в. ввел в научный обиход предшественник И. Канта, родоначальник немецкой идеалистической эстетики Александр Готтлиб Баумгартен (1714—1762 гг.). В его учении термин «эстетика», восходящий к греческому прилагательному αἰσθητικός — «чувствующий; чувственный; чувственно воспринимающий», стал означать «учение о прекрасном», воспринимаемом чувствами.

С тех пор термин «эстетика» стал употребляться не только по отношению к современным явлениям, но и ретроспективно по отношению к античности¹, которая дала нам и само это слово, и многие понятия, составившие сущность той части философии, которая в Новое время получила это название. Так что слово αἰσθητική, реально существовавшее в древности, и понятие Нового времени «эстетика», получившееся из сочетания αἰσθητική τέχνη, а значит, в потенции уже имевшееся у древних мыслителей, мы вполне можем применить к античности, и это не будет таким уж непростительным анахронизмом².

1. Приятное физически — эстетически прекрасное

Эстетическое наслаждение как специфическое переживание, порожденное восприятием прекрасного в природе, жизни человека, искусстве, проявляется в чувстве удовольствия, бескорыстной радости, в эмоционально-духовном подъеме. Прекрасное в античности всегда соотносилось с мерой, соразмерностью, пропорциональностью, гармонией частей, един-

* Публикуемая статья — последняя работа Зори Алексеевны Покровской (27.IX.1921—7.I.1985), одного из ведущих советских специалистов по творчеству Лукреция и эллинистическо-римской эстетике. Изучению этих проблем З. А. Покровская посвятила всю жизнь, унаследовав от своего учителя Ф. А. Петровского тонкое понимание поэзии Лукреция, внимательнейшее отношение к античным текстам, умение глубоко их осмыслить. Читателям ВДИ известны многие работы З. А. Покровской, опубликованные как в журнале, так и в других изданиях. Тяжелая болезнь помешала Зоре Алексеевне подвести итоги своих исследований в специальной монографии, оставшейся незавершенной. 35 лет жизни З. А. Покровская отдала работе в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореза, принимала активнейшее участие в подготовке двух учебников латинского языка и многочисленных учебных пособий. В своей педагогической деятельности З. А. Покровская отличалась исключительной доброжелательностью по отношению к товарищам, постоянной готовностью поделиться опытом, прийти на помощь. В то же время она охотно прислушивалась ко всем замечаниям, касающимся ее собственной научной и преподавательской работы. Члены редколлегии и сотрудники редакции ВДИ, товарищи З. А. Покровской по кафедре классических языков МГПИИЯ им. М. Тореза хранят память о ней как о талантливом ученом и сердечном, отзывчивом человеке.

¹ Покровская З. А. Эпикурейцы и литературная критика. — В кн.: Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 247.

² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 5. Ранний эллинизм. М., 1979, с. 203.

ством в многообразии. Прекрасное связывалось с радостью жизни, расцветом природы, весной, солнцем. «Смех, улыбка, — утверждает О. М. Фрейденберг, — семантизируются как новое сияние солнца. Улыбка неба — это рождение космоса, от его улыбки ликует земля»³. Некоторые считают, что античная эстетика вообще родилась на световой основе сенсорных ощущений зрения⁴.

Чувственное начало отчетливо прослеживается в эстетических воззрениях Лукреция, которые, как и у Эпикура, носят вместе с тем духовный характер. На основании эпикуровского индуктивного метода исследования иногда определяют эстетику Лукреция как «аналогическую дедукцию»⁵.

Согласно теории Эпикура—Лукреция, от всех предметов идет постоянное истечение так называемых образов-подобий (*εἰδωλα* — *simulacra*), разнообразие форм которых при соприкосновении с нашими органами чувств вызывает разные ощущения (*omnia... bona sensibus et mala tactu dissimili inter se pugnant perfecta figura* — II, 408—409; *variis formis variantis edere tactus* — II, 816). Все приятное чувству имеет некую изначальную гладкость (*omnis... sensus quae mulcent... haud sine principali aliquo levore* — II, 422—423). Оно состоит из гладких и округлых частиц (*e levibus atque rutundis esse ea, quae sensus iucunde tangere possunt* — II, 402—403). Напротив, все неприятное чувству содержит в себе нечто шершавое (*molesta atque aspera... non aliquo sine materiali squalore* — II, 424—425). Так, все горькое и неприятное состоит из крючковых и переплетенных между собой частиц (*quae amara atque aspera... haec magis hamatis atque inter se nexa* — II, 404—405)⁶, которые разрывают и раздирают своим проникновением пути к нашим чувствам (*vias rescindere nostris sensibus introituque suo pergrumpere corpus* — II, 406—407). Итак, в зависимости от формы одни *simulacra* могут ранить и колоть наши чувства (*laedere, compungere* — II, 429, 432), а другие — щекотать и ласкать (*titillare, iuvare* — II, 429, 437), где первое слово соответствует эпикуровскому *τρυγαλίζειν* (*Cic.*, *De fin.* I, 11; *Tusc.* III, 20, 47; *ND*, I, 40, 113).

Большая часть второй книги посвящена описанию движения форм и свойств атомов, но эта сугубо научная часть эпикуровской философии строится Лукрецием в основном на примерах и притом так, что отвлеченная физика соприкасается с конкретной эстетикой. Теоретические положения Лукреций перемежает здесь наглядными примерами — образцами приятного и неприятного для всех пяти наших чувств.

Рассмотрим эти примеры.

1. *Осязание*. По-разному уязвляет нас горячий огонь и ледяной иней (*calidos ignis gelidamque pruina dissimili... modo compungere* — II, 431—432), как указывает нам осязание, т. е. телесное чувство (*tactus enim... corporis est sensus* — II, 434—435). Примером приятного служит ощущение физической любви (*iuvat egrediens genitalis per Veneris res* — II, 437), а неприятного — боль от удара (*laedit... ex offensus* — II, 436—438).

³ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра (Период античной литературы). Л., 1936, с. 100—101.

⁴ Perpeet W. Antike Ästhetik. Freiburg — München, 1961, S. 557.

⁵ Lacy Ph. and E. Philodemus: On Methods of Inference. A Study in Ancient Empiricism. Philadelphia, 1941, p. 170.

⁶ Рассуждая о формах атома, Лукреций использует теорию Демокрита: *Ista enim flagitia Democriti... esse corpuscula quaedam... partim angulata vel hamata, curvata quaedam et quasi adunca* (*Cic.*, *ND*, I, 24, 66).

2. *Вкус*. Молоко и мед приводятся как эталоны приятного на вкус (*mellis lactisque liquores iucundo sensu linguae tractentur in ore* — II, 398—399; *mellis sapor* — II, 504). Напротив, противен вкус полыни и дикого тысячелистника (*taetra absinthii natura ferique centauri foedo pertorquent ora sapore* — II, 400—401). Пример этот выдержан в выразительном созвучии, где сочетание *-or-* напоминает звучание слова *os*, *oris* «рот», а обилие звука «o» создает зримую картину сведенного горечью рта.

3. *Обоняние*. Приятен свежий запах киликийского шафрана, которым окроплена сцена (*cum scaena scoso Cilicio perfusa recens est* — II, 416). Также приятны благовония с баснословного острова Панхеи, воскуряемые на алтаре (*araque Panchaeos exhalat... odores* — II, 417), и аромат мирры (*odor smyrnae* — II, 504). Приятен аромат нектара, составленного из сочетания душистой жидкости майорана, отвара мирры и цветка нарда (*amaracini blandum stactaeque liquorem et nardi florem, nectar qui naribus halat* — II, 847—848). Отвратителен запах сжигаемых трупов (*cum taetra cadavera torrunt* — II, 415); неприятные запахи издают резкая панацея, горькая полынь, тяжкий чернобыльник, терпкий тысячелистник (*suo de corpore odorem expirant acrem panaces, absinthia taetra, habrotonique graves et tristia centaurea* — IV, 123—125).

4. *Слух*. Неприятен приводящий в дрожь пронзительно-резкий скрежет пилы (*serrae stridentis acerbum horrorem* — II, 410—411). Употребленный семь раз (!) звук *r* в сочетании с глухими звуками *s*, *t*, *h* создает выразительный звуковой фон. Ласкают слух искусные напевы, пробуждаемые в струнах беглыми пальцами музыкантов (*musaea mele, per chordas organici quae mobilibus digitis expergefata figurant* — II, 412—413). Приятен звук кифары и лиры (*citharae liquidum carmen chordasque loquentis auribus* — IV, 981—982). Прекрасны напевы струн, как и песни лебеда (*cyanea mele Phoebeaque daedala chordis carmina* — II, 505—506).

5. *Зрение*. Красивые цвета ласкают глаз (*bonos... colores... oculos qui pascere possunt* — II, 418—419), а те, что колют глаза, заставляя слезиться, отвратительны на вид, резки и неприятны (*qui compungunt aciem lacrimareque cogunt... foeda specie diri? turpesque* — II, 420—421). В качестве примера красивой окраски Лукреций приводит «варварские» одежды (*barbaricae vestes* — II, 500). Издатели поэмы, комментируя эти слова, указывают, что Лукреций имеет в виду «фригийские»⁷ или «восточные»⁸ ткани. Нам представляется, что Лукреций говорит здесь о славившихся в древности вавилонских тканях, упоминаемых им дважды в IV книге (*Babylonica magnifico splendore* — IV, 1029; *Babylonica* — IV, 1123), а секрет их красоты составляли разноцветные тканые рисунки, как мы узнаем из соображения Плиния Старшего (*colores diversos picturae intexere Babylon maxime celebravit et nomen imposuit* — HN, VIII, 196). Красив и яркий мелибейский пурпур, окрашенный цветом фессалийских раковин (*Meliboea fulgens purpura Thessalico concharum tacta colore* — II, 500—501), а также золотистые хвосты павлинов, полные сияющей прелестью (*aurea pavonum ridenti imbuta lepore* — II, 502).

В приведенных примерах имеются следующие определения приятного — неприятного для восприятия пятью органами чувств: 1. *tactus* «осознание»:

⁷ *diri* — конъектура Лахмана вместо рукописного *di*.

⁸ T. Lucretii Cari De rerum natura. Ed. by Merrill W. A. New York — Cincinnati — Chicago, 1907, p. 433.

⁹ Titi Lucretii Cari De rerum natura. Ed. by Bailey C. V. II. Oxf., 1947, p. 885.

iuvat — laedit, 2. sapor «вкус»: iucundus — foedus, taeter; 3. odor «запах»: recens, Panchaeus, blandus — taeter, acer, gravis, tristis; 4. sonor «звук»: musaeus, cygneus, daedalus — acerbus, turpis; 5. color «цвет»: bonus, fulgens, fidens — turpis, foedus. Перечень прилагательных foedus, taeter, turpis, acer, acerbus, gravis, употребленных Лукрецием для обозначения «неприятного», в общем довольно обычен и не содержит ничего особо примечательного (глагол laedit несколько эмоциональнее других). Напротив, слова, определяющие «приятное», за исключением самых общих bonus и iucundus, содержат нечто большее, чем простое определение.

Так, в примерах вкусовых ощущений сами вещества «молоко» и «мед» (lact, mel) являются исконными продуктами питания человека, ставшими почти сказочными примерами сладости и обилия ¹⁰. К тому же мед у римлян имел еще культовое значение: на пирах, как сообщает Варрон, для di penates подавались mel и sal. Таким образом, предки становились как бы участниками пира ¹¹. Мед и полынь (mel, absinthum) были обычными символами сладости и горечи не только в прямом значении, но и в самых различных метафорах.

Молоко в поэме «О природе вещей» не раз встречается в примерах рисующих природное изобилие. Такова картина процветающей земли: жирные овцы пасутся на тучном пастбище, молоко каплет с их разбухшего вымени (candens lacteus umor uberibus manat distentis — I, 258—259), рядом резвятся ягнята, опьяневшие от цельного молока (nova proles lasciva... ludit lacte mero mentis percussa novellas — I, 259—261). В выразительном образе lact meum сочетаются представление о цельном, неразбавленном молоке, которым питаются ягнята на пастбище (дома хозяева обычно разбавляют его водой), и метафорическое внутреннее сравнение lact meum — vinum meum; поэтому оно и ударяет ягням в голову. Каждое существо в природе безошибочно находит свою мать, устремляясь к ее вымени (ad sua ubera lactis — II, 369—370); при зарождении первых живых существ на новой земле всюду тек молочный сок, подобный сладкому молоку роженца (suum... consimilen lactis, ... femina... cum reperit, dulci repletur lacte — V, 812—814 и др.).

От реальной, простой, естественной пищи у кочевников-скотоводов (например, германцы в описании Цезаря в основном питаются молоком и мясом ¹²) молоко переходит в сказочный идеал чего-то недостижимого, вкусного, отраженный в поговорочном словосочетании «птичье молоко» у Аристофана (γάλα ὀρνίθων — Aves, 733) или «куриное молоко» у Петрония (lact gallinaceum — Sat. 38) ¹³.

Что касается меда как эталона высшей сладости, то уже у Гомера этот образ употреблен переносно: «с языка текли речи слаще меда» (μέλιτος γλῶκίον — Il. I, 249). Интересный пример встречается у Аристофана в «Птицах»:

Фриних, как пчелка, амвросию звуков собрал,
Он, словно ношу, из рощ и лесов приносил
Песни свои золотые (748—750).

¹⁰ Например, Квинтилиан о стиле Тита Ливия: lactea ubertas (Inst. or. I, 32). Ср. русское поговорочно-сказочное выражение «молочные реки, кисельные берега».

¹¹ Varro, R. r. III, 16, 5; Ovid., Fast. I, 337.

¹² Цезарь о германцах: lacte atque pecore vivunt; victus in lacte, caseo, carne consistit (BG, IV, 1; VI, 22). Цицерон о римской усадьбе: villa abundat lacte, caseo, melle (De sen. 15, 56).

¹³ Ср. русскую пословицу: «говорят, что кур доят».

Аналогичный образ мы находим и у Платона: «поэты, как пчелы, несут нам от источников медоносных из садов муз свои песни» (ἀπὸ κρητῶν μελιρρίτων τὰ μέλη — Ion, 534a) ¹⁴. С этими двумя примерами явно перекликается и Лукреций:

...tuisque ex, inclute, chartis,
Floriferis ut apes in saltibus omnia libant,
Omnia nos itidem depascimur aurea dicta
...и мы из писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам цветоносным
Всюду собирающих мед, поглощаем слова золотые

(III, 11—12. Пер. Ф. А. Петровского)

Позднее Помпоний Мела в географическом описании Индии отмечает ее плодородие в сказочной картине медоточащих деревьев (mella frondibus defluant — Mela, 3, 7, 61).

Уже в хрестоматийном примере свежести (resens) шафрана, в традиционном аромате мирры (odor smyrnae) и в сказочных панхейских благовониях (Panchaeus odor) есть нечто более высокое, чем простое физическое ощущение. Благовония и ароматы в виде жидкости, мази или сухого порошка имели широкое применение в древности как духи, притирания, умачения ¹⁵, курения, гигиенические и медикаментозные вещества, а также как средство для бальзамирования, на что указывает Лукреций, перечисляя различные способы погребения умерших (in melle situm suffocari — III, 891) ¹⁶. Кроме таких практических целей, в благовониях ценилась драгоценная в прямом и переносном значении изысканность запаха. Все это свидетельствует о сложном искусстве древней фармакологии и парфюмерии.

Слова cysneus, daedalus, musaeus, определяющие приятные звуковые впечатления, даже без особого объяснения обращают на себя внимание своей необычностью и значительностью. Сам лебедь (cysnus) и его песня (cysnea mele — II, 505; cysni sanos — IV, 181, 910) являются фольклорно-сказочным примером прекрасного, вошедшим в пословицы ¹⁷. Лебедь, как известно, считался священной птицей Аполлона ¹⁸, что видно уже из гомеровского гимна XXI:

Феб! Воспевает и лебедь твоя, под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка
(Пер. В. Вересаева)

Также у Аристофана в его причудливой комедии-сказке «Птицы» хор поет личичную песню о лебеде:

В клике лебеди белой...
И в легком шелесте крыла
Мы слышим: Феб, тебе хвала... (769—771)

¹⁴ Огромное число подобных примеров в греческой литературе см. в кн.: Roscher W. Nectar and Ambrosia. Studien zur griechischen Mythologie und Kulturgeschichte. III. Lpz, 1883, S. 36—46, 69—72.

¹⁵ unguentum regale — Seneca, Med. 463.

¹⁶ См. прим. Ф. А. Петровского. — В кн.: Лукреций. О природе вещей. Т. II. М., 1947, с. 377.

¹⁷ Otto A. Die sprichwörterliche Redensarten der Römer. Lpz, 1890, S. 104, 195.

¹⁸ О связи Аполлона с лебедем см. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. с. 276 сл.

Лукреций считает лебедя выше всех сравнений ¹⁹: «разве может с ним состязаться ласточка» (*quid enim contendat hirundo cysnis* — III, 6—7). Черный лебедь (*nigros cysnos* — II, 824), эта поговорочная *avis rara*, помогает поэту объяснить тезис об отсутствии цвета у первоначал. Положение о разнообразии первоначал Лукреций иллюстрирует звуковой картиной рокота трубы и нежно-жалобной песни лебеда.

*Cum tuba depresso graviter sub murmure mugit
Et reboat raucum retro cita barbara bombum,
Et validis cysni torrentibus ex Heliconis,
Cum liquidam tollunt lugubri voce querellam* (IV, 543—546).

Лукреций с помощью звукописи, большим мастером которой он был, создает здесь контрастное звучание; в первых двух стихах комбинация звуков *b-m-g* (7—7—10) передает громкий трубный голос, а два последних стиха воспроизводят воображаемое нежное, тихо льющееся пение лебеда, основанное на семикратном повторении звука *l*: *li-li-li-ollu-lu-la*. Поэт довольно точно имитирует звучание трубы, а пение лебеда передает звуками, отвечающими его сказочно прекрасному образу, закрепленному традицией (реальный клик лебеда резок и маломузыкален). Но именно этой переальностью подчеркивается не физическое значение, а особый, эстетический смысл слова *cysneus* ²⁰. Лукреций часто использует в поэме фонетику, неоднократно обращается к звуковой инструментровке. Так, рассказывая историю цивилизации на земле, он замечает, что сравнительно недавно органисты (музыканты) изобрели мелодические звучания (*modo organicos melicos pererege sonores* — V, 334) ²¹. Даже спустя много дней после посещения театра поэт мысленно видит стройные телодвижения танцующих и слышит нежный напев говорливых струн кифары (IV, 980—983). Поэт не может быть равнодушным к тому, что стойки музыкальный термин «гармония» перенесли в психологию, науку о душе, и требует возратить его музыкантам (*redde harmoniai nomen, ad organicos alti delatum Heliconi* — III, 131—132). И наконец, появление искусства на земле Лукреций объясняет, начиная с происхождения музыки, путем подражания птичьим голосам (V, 1379—1411).

Слово *daedalus* — «художественно сделанный» — характеризует в поэме искусные напевы Фебовой лиры (*Phoebeaque daedala chordis carmina* — II, 505—506). Этим же словом поэт определяет совершенное искусство ваения в сочетании «прекрасные статуи» (*daedala signa polita* — V, 1451) ²².

¹⁹ Схрейверс называет «эстетической вершиной» (*summa*) мед, песнь лебеда, игры, музыку и поэзию (*Schrijvers P. Horror ac divina voluptas. Amsterdam, 1970, p. 192—215*).

²⁰ Ф. де Соссюр оставил огромное рукописное наследство — 99 неизданных тетрадей по ведийской, древнегреческой и древнеримской поэзии (в том числе и по Лукрецию), содержащих записи об анаграммах, т. е. о намеренном использовании в стихотворном произведении ключевого слова, записанного расчлененным образом. См.: Холодович А. А. Де Соссюр Ф. Жизнь и труды. — В кн.: *Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1977, с. 667; Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976, с. 262.

²¹ Лукреций считает, что природа мпра — нова, доказательством чему служит продолжающееся умножение и совершенствование художеств (*etiam... nunc artes exproliuntur, nunc etiam augescunt* — V, 332—333); наряду с искусствами совершенствуются судостроение и другие производства (V, 333—334). Такое сближение напоминает Гомера, который в слове «демпург» объединяет врача, плотника, гадателя, аэда (Od. XVII, 381—385).

²² Слово *daedalus* употребляется в поэме кроме двух отмеченных выше случаев еще три раза, но уже в активном значении, применительно к земле, природе вещей и к языку; *daedala tellus* «земля-искусница» — I, 7, 228; *tellus ispa parit naturaque daedala rerum* — V, 234; *voces... articulatur verborum daedala lingua* — IV, 549—551.

Нарочитая поэтичность прилагательного *daedalus*, заимствованного из греческого *δαίδαλος*, подчеркивает его эстетический, а не физический смысл в применении к музыке.

В синонимическом значении к *daedalus* употребляется прилагательное *musaeus* «мусический, созданный музами, искусный, художественный». Это слово находим в определении «искусные напевы», которые музыканты пробуждают пальцами (*ac musaea mele, per chordas organici quae mobilibus digitis expergefata figurant* — II, 412—413), где греческое *μέλος* в сочетании *μούσαια μέλη* созвучно латинскому *mel*, а все выражение равноценно словам *daedala carmina*. Прилагательное же *musaeus* имеет такое же особенное, специфически искусствovedческое, эстетическое значение, как и *daedalus*. Поэтому оно и встречается у Лукреция в его знаменитом поэтическом кредо (I, 933—947 = IV, 8—22), которое строится в значительной степени на метафоре вкусовых символов меда и полыни. Трудные научные истины (*obscura*), кажущиеся непосвященным неприятными и отпугивающими (I, 943—945 = IV, 18—20), поэт уподобляет горькой полыни (*absinthia taetra, amarum absinthi laticem* — I, 936, 940—941 = IV, 11, 15—16). Чтобы облегчить усвоение трудных истин, Лукреций прибегает к помощи поэзии, сравнивая ее с медом (*mellis dulci flavoque liquore, ... suaviloquenti carmine Pierio... quasi musaeo dulci ... melle* — I, 938—947 = IV, 13—22), которым старается подсластить суровую философию и сделать ее съедобной на вкус взрослых детей²³.

Таким образом, определения прекрасного звучания музыки (*cusneus, daedalus, musaeus*) и поэзии (*musaeus, Pierius*) равнозначны словам «искусно-сладкий» и «приятнозвучный» (*dulcis u suaviloquens*), т. е. сладостный в высшем, духовном, эстетическом значении.

Символично, что прилагательное *musaeus* относится как к музыке, так и к стихам, напоминая нам о большом значении звучащего слова в античности, где поэзия была рассчитана на оро-акустическое восприятие²⁴, при котором музыка стиха приобретала особое значение²⁵. Отсюда становится понятным внимание Лукреция к звуковой оболочке слова, к звукописи и звучанию стиха, что находит блестящее подтверждение в звуковой близости сочетания греческих слов *μούσαια μέλη* «божественные напевы, мусические мелодии» с латинскими *musaea dulcia mella* «мусический сладкий мед». В таком определении поэзии отчетливо проявляется сенсорный характер эстетики, когда к красоте и искусству относятся как к чему-то съедобному²⁶.

Лукреций является первым из дошедших до нас римских авторов, у которого мы находим теорию цвета и ее преломление в практическом обозначении почти всех известных в древности хроматических оттенков. Он настойчиво утверждает одно из основных материалистических поло-

²³ Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. — В кн.: Новое в современной классической филологии. М., 1979, с. 42.

²⁴ Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика. — В кн.: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972, с. 7; Утченко С. Л. О некоторых особенностях античной культуры. — ВДИ, 1977, № 1, с. 6—12.

²⁵ В Новое время была обоснована близость музыки и поэзии. В. Арнаудов в своем фундаментальном исследовании «Психология литературного творчества» (М., 1970, с. 420—450) приводит многочисленные свидетельства поэтов и критиков о близости и значении музыки для поэзии.

²⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. I. М., с. 87, 90.

жений теории цвета: только освещенные предметы имеют окраску (*nequeunt sine luce colores esse* — II, 795—796) ²⁷.

Разберем несколько примеров. Хвост павлина меняет цвет в зависимости от интенсивности освещения (*larga cum luce repleta est... mutat... colores* — II, 806—807), а его золотистое оперение насыщено сияющей красотой (*aurea... ridenti imbuta lepore* — II, 502) ²⁸. В зависимости от прямого или косого падения света (*recta aut obliqua*) меняется окраска перьев на шейке голубя: то отликает красным золоченая бронза (*in sole... claro rubro pуроро*), то к синему цвету примешиваются зеленые изумруды (*inter caeruleum viridis miscere zmaragdos* — II, 800—805). Цветом фессалийских раковин отликает мелибейский сверкающий пурпур (*Meliboeaque fulgens purpura Thessalico concharum tacta colore* — II, 500—604). Блещат ясным цветом золотые слитки, привлекая внимание сверкающей ровной красотой (*concreta... claro ... splendere colore... nitido... levique lepore* — V, 1257—1259). Картина процветающего земледелия рисуется в голубизне оливковых деревьев и в разноцветной окраске плодов (*olearum caerulea... vario distincta lepore ... pomis ... dulcibus ornant* — V, 1373—1377).

В картине цветных театральных навесов, которые натягивались сбоку, как экран, поэт наиболее полно рисует цветовую гамму. Трепещут желтые, красные, фиолетовые полотнища в театре (*lutea rursaque vela et ferrugina ... intenta theatris* — IV, 75—76). Они отбрасывают цветной отблеск на сцену и на наряды сидящих в амфитеатре сенаторов и матрон (*concessum scaenae ... et ... scaenae speciem, patrum matrumque decorem... suo fluitare colore* — IV, 78—80), и чем теснее здание театра, тем ярче цветной отсвет (*tam magis haec ... perfusa lepore... corrident correpta luce diei* — IV, 82—83) ^{29—30}.

Не раз в поэме Лукреций показывает себя незаурядным колористом, обладающим тонким и изысканным чувством цвета, которое проявляется в образах столь обычного для нас, но до него не встречающегося в римской поэзии розового солнца и розовой утренней зари (*rosea sol alte lampade lucens* — V, 610; *roseam Matuta ... auroram differt* — V, 656—657; *rosea face sol* — V, 976; ср. гомеровское *ροδοδάκτυλος*); в образах голубых олив (*olearum caerulea* — V, 1373—1374) — обычно поэты отмечают их седину (Ovid., *Trist.* IV, 6, 11; *Met.* VI, 81; *Iuv.* XIV, 144; *Sil. It.* XIII, 64; *Stat., Th.* III, 466 и др.); снега из белых роз, которыми осыпают Кибелу (*ninguntque rosarum floribus* — II, 627—628); в живой картине моря, пестреющего разноцветными парусами, символами процветающего мореплавания (*mare florebat purpibus velivolis* — V, 1442); в цветовых сочетаниях красок золотой и алой зари с полутонами серовато-белого тумана и сверканием алмазной росы в свете лучистого солнца:

*Aurea cum primum gemmantis rore per herbas
Matutina rubent radiati lumina solis
Exhalantque lacus nebulam fluviique perennes
Ipsaque ut interdum tellus fumare videtur* (V, 461—464).

²⁷ Нам это положение представляется бесспорным, а между тем в древности не все разделяли такое мнение эпикурейцев (Servius. *Ad Aem.* VI, 272). Подробно вопросы цвета разобраны в статье: Покровская З. А. Обозначение цвета у Лукреция. — *ААASH*, 1973, т. 21, с. 205—214.

²⁸ Согласно теории стоиков, многих животных природа сотворила только ради их красоты; для доказательства этого Хрисипп приводит в качестве образца павлиний хвост (SVF, v. II, fr. 1113).

^{29—30} Покровская. Обозначение цвета..., с. 213.

В образцах «приятного» для зрения Лукреций дает картины разнообразных цветовых оттенков, в которых обращает на себя внимание сочетание таких понятий, как свет (*lux, sol*) — спокойно сияющий (*clarus, ridens, corridere*) или ярко сверкающий (*nitidus, fulgens, splendere, lucens, radiatus*), цвет (*color*) — красота (*lepos*), в которых объединяются онтологическое и эстетическое значения.

Примеры, приводимые Лукрецием, показывают их неединичность, традиционность и символичность: молоко — мед — полынь, свежесть запаха шафрана, пахучесть мирры или фольклорная сказочность запаха и звука (*pancheus, cysneus, daedalus, musaeus*), а также сияющая красота цвета.

Примечательно, что примеры приятного запаха, звука и цвета объединены картиной театра, близкого поэтическому существу Лукреция. А количество иллюстраций нарастает в такой сенсорной последовательности: минимальное — на совсем не связанное с духовностью осязание («телесное чувство»), малое — на чувство вкуса, увеличивающееся — на обоняние, большое — на слуховое восприятие и максимальное — на зрение³¹, так как чувства слуха и зрения важны для художника, музыканта и поэта, творчество которых проявляется в области искусств и соприкасается с понятием «прекрасного».

Итак, разобранные нами иллюстрации различных ощущений выявляют неслучайность подбора примеров-образцов, каждый из которых показывает, что «приятное» для одного из пяти органов чувств (*sensus iucunde tangere, bona sensibus, sensus quae mulcet* — II, 403, 408, 422) переходит, как правило, в другое качество — в «прекрасное», доставляющее нам духовное удовольствие (*haec animos ...mulcebant atque iuvabant* — V, 1390). Так из материалистической теории чувственных восприятий, подобранных по определенной шкале прекрасного, рождаются категории лукрецианской эстетики³².

II. Прекрасное в природе

Мы уже коснулись понятия «прекрасное» в природе у Лукреция, которое он связывает с цветом и светом. Поэтому в поэме часто встречаются картины рассвета, утренней зари, когда Аврора все окропляет новыми лучами (*аuroга novo... spargit lumine* — II, 144) и восшедшее солнце одевает все своим светом (*soleat sol ortus... convestire sua perfundens omnia luce* — II, 147—148; ср. IV, 404—407, 710—711; V, 461—464, 656—657, 976).

Эстетический взгляд Лукреция радуется расцвету в природе, когда после обильных дождей наливаются злаки, зеленеют, растут и отягощаются плодами деревья, леса оглашаются птичьим пением и «города расцветают детьми». Все это нарисовано в основном с помощью глаголов, выражающих рост и процветание (*surgunt, virescunt, crescunt, gravantur, florere, canere* —

³¹ Подобное сенсорное обоснование прекрасного встречается и у Цицерона, который наибольшее значение как эстетическому критерию отводит зрению и слуху и меньшее — остальным чувствам (*iudicium oculorum, aurium, narium, gustandi, tangendi*), считая, что искусства (и ремесла) были изобретены для восприятия этими чувствами и для наслаждения многим (*ad quos sensus capiendos et perfruendos plures... artes repertae sunt* — ND, II, 58, 145—146).

³² Это можно встретить уже у Гомера: прекрасное у него материально (см. Лосев, История античной эстетики. Т. I, с. 217).

I, 252—256). Прекрасна живая природа в картине стада на тучном пастбище, маящем свежей травой с каплями алмазной росы (I, 257—261), когда сытые ягнята игриво резвятся (II, 317—320) и всякое живое существо «вакханствует», торжествуя радость жизни (*animal ...omne ...bacchatur* — V, 823—824).

Но не менее привлекательны для поэта динамизм бури, где обилие глаголов передает стремительность и силу ветра (*verberat, ruit, differt, percurrens, sternit, vexat, perfurit, saevit* — I, 271—276), стихия разлива от мощного ливня, показанная с помощью определений силы воды (*mollis, abundanti, largis, altis, magnus, validi, subitam, grandia* — I, 281—289), картина разрушительного кораблекрушения, где разбросанные детали судов предупреждают человека не доверять обманчивой улыбке спокойного моря (*subdola cum rident placidi, pellacia ponti* — II, 552—559), облака, меняющие свои очертания и являющие то огромных гигантов, то страшных чудовищ, то мрачный лик Ужаса (*Gigantum ora, belua, atrae, Formidinis ora* — IV, 133—140, 168—175).

Прекрасен вид предгрозового неба, когда черная туча, «набитая тьмой, беременная молниями и бурями, наполненная огнями и ветрами, наводит страх и заставляет искать убежища» (VI, 256—261); картина грозы привлекает внимание мощными разрядами молний и грома с последующим проливным дождем, когда весь эфир превращается в ливень, грозящий новым потопом (*gravis imber et uber, in imbrem vertier aether, praecipitans ad diluvium revocare* — VI, 290—292).

Помимо разобратных примеров, нарисованных в реальных тонах, где главную эстетическую ценность составляет обилие свето-цветовых картин, образов процветающей природы, описания действий стихий, полных мощного движения, следует остановиться еще на облике самой природы (*natura, regum natura*).

Как известно, Лукреций во многих вопросах яростно борется со стоической философией³³; тем более удивительно, что при общем отрицательном отношении к философии стоиков он использует их характеристику природы. В отличие от эпикуровской «неискусной» (*ἄτελούς*) природы³⁴ Лукреций рисует образ творческой природы в духе стоической философии, на что исследователи, кажется, не обращали внимания. Для создания поэтического образа природы Лукреций наделяет ее эпитетами «искусная», «созидательница», «усовершенствовательница», «родительница», «правительница» (*daedala, creatrix, perfica, feta, gubernans* — I, 629; II, 1116—1117; V, 77, 234, 1362).

Природа управляет буйным ростом вещей (*hilario adauctu*), доводит их до вершины роста (*ad extremum crescendi finem, alescendi summum*

³³ Так, например, утверждения стоиков, что космос создан на потребу человека и что руки даны ему природой как прислужницы для многих искусств-ремесел (*Cic., ND, II, 62, 157; 60, 150*), Лукреций считает противоречащими истинному положению вещей (*perversa praepostera sunt ratione* — IV, 8). Напротив, нужда в чем-то порождает необходимый предмет или орган, поэтому не могли быть нам даны руки как служанки (*esse manusque datas utraque ex parte ministras* — IV, 830). Обращают на себя внимание здесь и далее буквальные совпадения у Лукреция и у Цицерона, излагавшего 10 лет спустя после смерти поэта теорию стоиков. Стоическая философия имела в Риме многих сторонников и прекрасно была известна Лукрецию. Одинаковые выражения объясняются либо тем, что Цицерон использовал удачные находки поэта, либо прекрасным знанием источника обоими великими римлянами и точным переводом его, либо, наконец, прочно бытовавшими в Риме стоическими терминами и понятиями.

³⁴ Боровский Я. М. О термине *natura* у Лукреция. — Уч. зап. ЛГУ, серия филол. наук, 1952, вып. 18(№ 161), с. 233.

casumen, robor adultum), а затем обуздывает их развитие (refrenat) и совсем сокрушает их силы (frangit — II, 1116—1132). Природа дает образец всякого творения (specimen creandi — V, 186) и конкретный пример сева и посадки растений (specimen sationis et insitionis — V, 1361), она выступает в роли учителя пения и музыки (Zephyri ...sibila... agrestis docuere — V, 1382—1383).

Природа в поэме часто сближается, а иногда идентифицируется с образом Земли, искусной, всеродящей, плодородной (daedala tellus, alma mater terra, feta, omniparens — I, 7, 228; II, 706, 983). Для создания ее образа Лукреций использует миф о супружестве Урана и Геи, воплощая его в союзе отца Эфира и матери Земли:

Postremo pereunt imbres, ubi eos pater aether
In gremium matris terrae praecipitavit (I, 250—251).

В другом месте он снова повторяет эту версию (II, 981—983), добавляя, что Эфир держит в жадных объятиях Космос (avidо complexu quem tenet aether — II, 1066). Тот же образ встречается и у Цицерона, только субъект и объект действия меняются местами (mundus omnia complexu coerces et continet — ND II, 22, 58). От брака Неба и Земли рождается все живое, и Земля предоставляет им питание, обеспечивая сладкую жизнь (dulcem vitam) и возможность растить потомство, поэтому земля заслуженно носит имя матери (merito maternum nomen adepta est — II, 997—998; ср. I, 251—256).

Иногда Земля делит свои функции с Венерой, которая с помощью любви производит на свет живые существа, а Земля выполняет роль кормилицы и воспитательницы (in lumina vitae reducit Venus, aut reductum daedala tellus... alit atque auget — I, 227—229). Весной, когда все охвачено обаянием Венеры, земля стелет влюбленным цветочный ковер (suavis daedala tellus summittit flores — I, 7—8). Цветущая природа (или земля) выступает в поэме также в образе богини Флоры (Flora mater — V, 739). Лукреций подтверждает античное понимание Земли как единого ложа всех рождений и смертей ³⁵:

Omniparens eadem rerum commune sepulcrum,
Ergo terra tibi libatur et aucta recrescit (V, 259—260).

Лукреций рисует и красоту небесного свода (caeli clarum purumque colorem) с движущимися на нем звездами (palantia sidera) и луной, с блеском солнца (solis praeclara luce nitorem) — все это создает неповторимо удивительную картину (species miranda — II, 1030—1039). Само описание очень напоминает описание Аристотеля (fragm. 12 Rose), на которого ссылается и которого переводит Цицерон (ND II, 95, 37). Продолжая развивать мысль о красоте неба, великий оратор восклицает: Quo spectaculo nihil potest admirabilius esse, nihil pulchrius. Подобным образом за 10 лет до него восхитился и Лукреций: Quid magis his rebus poterat mirabile dici?... Nil ut opinor (II, 1035—1036).

Такое восприятие природы проявляется и в его множественной терминологии, в той группе обозначений атомов, где они представлены как основа мира и, следовательно, как бы «родовые тела», «семена вещей», «зачатки» всего сущего (semina rerum, corpora genitalia materialia, materies rerum, materies genitalis). Лукреций поясняет эти названия по аналогии:

³⁵ Лосев. История античной эстетики. Т. I, с. 138.

как все живое (*omne genus*) рождается из семени (*semine*), так и все вещи (*rebus*) — из «родовых тел», поэтому *materies* есть как бы *mater* всего сущего. Значение материи как творческой силы сближает термин *materies* с персонификацией *rerum natura creatrix* (см. I, 159—214, особ. I, 167—171). Образ *rerum natura creatrix* вполне гармонирует с картинами природы, которые рассыпаны по всей поэме. В сущности обилие света и цвета, ливневой влаги, действия грозных стихий, сытости и неги животных — все это проявление неистощимой творческой силы природы, что составляет эстетическую сущность понимания Лукрецием прекрасного в ней.

Но тем самым римский мыслитель вступает в противоречие с эпикуровским восприятием «неискусной» (*ἄτεχνος*) природы. Лукрецианское понимание вполне соответствует стоическому. Зенон-стоик в изложении Цицерона определял природу как творческий огонь (*naturam definit ignem artificiosum, ad gignendum progredientem via*), а самым главным свойством творчества (искусства) считал способность творить и рождать (*artis maxime proprium esse creare et gignere*). Природа не просто искусная (творческая), она сама — художник (*natura non artificiosa solum, sed plane artifex*). Природа — советчик и учитель искусств (*consultrix et magister artium* — ND II, 22, 58).

Проникновение в эпикуровскую доктрину взглядов других философских школ встречается не только у Лукреция. Так, у самого Эпикура есть явные следы теории Аристотеля, о чем пишет Биньоне³⁶, у Филодема в его поэтической теории имеются черты стоического учения³⁷. Однако стоическое восприятие природы Лукрецием носит принципиально более глубокий характер. Самое главное расхождение между Эпикуром и Лукрецием состоит в том, что первый отвергал поэзию, а второй был великим поэтом, которому в высшей степени было близко и присуще творчество, поэтому понятие творческой природы он воспринимал как вполне естественное для поэта. Но образ Природы в поэме имеет и другие стороны. В конце третьей книги она персонифицируется в роли грозного судьи несчастного человека, не желающего уходить из жизни, как с пиршества:

*Quid tibi tanto operest, mortalis, quod nimis aegris
Luctibus indulges? Quid mortem congemis ac fles?* (III, 933—934).

Природа убеждает человека не бояться смерти и спокойно принять ее:

*Quid respondemus, nisi iustam intendere litem
Naturam et veram verbis exponere causam?* (III, 950—951).

Человек никак не хочет подчиниться Природе, и тогда она прикрикивает на него, как на непослушного ребенка:

Aufer abhinc lactimas, baratre, et compesce querellas (III, 954).

Тогда поэт присоединяется к доводам Природы (*iure increpet inciletque* — III, 963), приводя в подкрепление, как *ultima ratio*, пословицу:

Vitaque mancipio nulli datur, omnibus usu (III, 971).

³⁶ Bignone E. L'Aristotele perduto e la formazione filosofica di Epicuro. Firenze, 1936.

³⁷ Тахо-Годи А. А. Эпикурец Филодем и стоическая оценка поэзии. — ВФ, 1969, с. 407—412.

Неизбежность естественного закона, пронизывающая две речи Природы (III, 931—949, 954—962), представляет собой образное воплощение одного из основных положений эпикуровской физики.

Наконец, Природа предстает идеальным эпикурейцам свободной (*libera natura*) от надменных хозяев (*dominis privata superbis*), довольствующейся своими силами (*ipsa sua per se sponte omnia agere*), лишенной власти богов (*dis expers* — II, 1090—1092), т. е. Природа обладает безмятежностью, самодовлением и безбожием.

III. Основные понятия лукрецианской эстетики (*lepos, sal, requies, otium, voluptas*)

У Плиния Старшего есть интересное толкование слова *sal*³⁸, в котором, как в фокусе, собрано значение почти всех перечисленных понятий. *Sales*, пишет он, как ни одно другое слово, означает и «духовные наслаждения», и «всякую красоту жизни», и «высшую радость», и «отдохновение от трудов».

У более ранних авторов эти слова имеют в основном такой же смысл. Так, *lepos, sal, facetia* употребляются как синонимы для характеристики красоты женщины и стихов — у Катутла (*mica salis* — 86; *versus... habent salem ac leporem* — 16,7; ср. 128), речи и ума — у Цицерона (*sel dicendi* — *Ad Quint. fr. I, 2, 2*; *Caesar leporem quendam et salem est consecutus* — *De or. 2, 33, 93*; *sale et facetiis Caesar vicit omnes* — *De off. I, 37*; *Caesaris... specimen humanitatis, salis, suavitatis, leporis* — *Tusc. 5, 19, 55*).

Из существительных, которыми Плиний поясняет значение слова *sales*, Лукреций не употребляет слова *hilaritas*, а однокоренное прилагательное *hilaris* встречается у него в значении радостно-буйного роста живой природы (*hilaro grandescere adauctu* — II, 1122).

1. У Лукреция слово *sal* определяет изящество и обаяние женщины (*tota — merum sal* — IV, 1162).

2. Слово *lepos*, как мы уже видели, Лукреций связывает с природной красотой цвета и света (*color — lux — lepos*). Кроме того, слово *lepos* определяет прелесть и красоту Венеры: весной все живое, плененное ее обаянием, страстно следует за ней (*capta lepore te sequitur cupide* — I, 14), а также означает наслаждение в любви (*medio de fonte leporum* — IV, 1133) и вкусовое удовольствие от прекрасных плодов земли (*varios lepores* — III, 1006). Слово *lepos* (в plur.) означает еще изящные искусства в понимании художников, поэтов и ученых (*repertores doctrinarum et leporum, Heliconiadum comites* — III, 1036—1037), где *lepores* сближается по значению со словом *deliciae*, под которым Лукреций разумеет искусства музыки, поэзии, живописи и скульптуры, противопоставляя их понятию *praemia* «удобства жизни» (*navigia, agri cultura, leges — praemia; delicias vitae — carmina, picturas et daedala signa* — V, 1448—1451). В сочетании *musaeo lepore* «мусическая прелесть» существительное *lepos* становится одним из главных понятий поэтического искусства, выражая его высший критерий, так же как в словосочетании *aeternum leporem* (I, 28), означающем вечную красоту поэзии. Итак, слово *lepos* означает удовольствие, наслаждение или их объект: красоту природы, женщины, высшую красоту искусства, поэзии, т. е. эстетическое понятие «совершенства», которое доставляет нам духовное наслаждение (*voluptates animi*).

³⁸ *Sal adeo necessarium elementum est, ut transierit ad voluptatem animi. Nam ita sales appellantur omnisque vitae lepos et summa hilaritas laborumque requies non alio magis vocabulo constat* — HN, 37, 7, 41.

3. Слово *otium*, одно из самых частотных в языке современников Лукреция — Катутла и особенно Цицерона, встречается в поэме «О природе вещей» всего один раз в знаменательном словосочетании *otia dia* «божественный досуг». Редкое прилагательное *dius*, трижды встречающееся в тексте поэмы, в слове Феста связывается с понятием «пространство под небом» (*dium, quo sub caelo est extra tectum* — Fest, p. 65, 20 L). Бели в комментариях своего издания считает, что именно такое значение имеет слово *dius* в выражении *pastorum otia dia* (v. II, p. 597). Между тем это слово в поэме дважды оказывается связанным с Венерой, без которой ничто приятное и милое не родится на божественные берега света (*nec sine te quicquam dias in luminis oras exoritur, neque fit laetum neque amabile quicquam* — I, 22—23); сама божественная страсть влечет и соблазняет с помощью объятий Венеры продолжать свой род (*ipsaque deducit dux vitae dia voluptas et res per Veneris blanditur saecula proagent* — II, 172—173). В обоих случаях прилагательное *dius* связано с рождением потомства и имеет значение приятного, божественно-сладостного. Это подкрепляется еще присутствием в контексте слов *amabile*, *laetum*, *blanditur*. Что же касается знаменитого сочетания *dux vitae dia voluptas*, то это, с одной стороны, метафора Венеры, а с другой — опозитизированный тезис Эпикура: «Удовольствие есть первое прирожденное благо» (К Мен., 129). Выражение *otia dia* встречается в описании происхождения искусства, где древние поселяне-пастухи в час божественного досуга наслаждаются нежными напевами свирели (*dulcis... querellas tibia quas fundit* — V, 1384—1385) в приятной природной обстановке, когда улыбается погода (*tempestas ridebat*) и весна разукрасила цветами зеленые травы (*pingebant viridantis floribus herbas* — V, 1395 сл.). В этой картине слово *ridere* и цветовой образ *pingere floribus* имеют, как мы отметили выше, значение эстетического термина. Все это услаждало и тешило души (*animos... mulcebant atque iuvabant* — V, 1390), а участники этого непритязательного праздника получали плоды наслаждения (*capunt dulcedinis fructum* — V, 1410). Таким образом, слово *otium* в сочетании *otia dia* оказывается причастным духовным наслаждениям (*voluptates animi*).

4. Слово *requies*, так же как и его синоним *otium*, встречается в поэме всего один раз. Во вступлении к шестой книге поэмы Лукреций обращается к искусной музе Каллиопе, называя ее «отдохновением и усладой людей и богов», и просит помочь ему достигнуть последней намеченной цели и привести его к высшей славе:

*Calliope, requies hominum divumque voluptas,
Te duce, ut insigni capiam cum laude coronam* (VI, 94—95).

Подобно тому как «сельская муза» (*Musa agrestis* — V, 1398), символизирующая творчество простых поселян, услаждает их души (*animos mulcebant*) в часы «божественного досуга» (*otia dia*), так и муза Каллиопа, олицетворяющая высокую эпическую поэзию, приносит высшее духовное наслаждение — *requies hominum divumque voluptas*. Gen. pluralis в этом словосочетании можно понять как определение — «человеческий покой и божественное удовольствие», т. е. *divum* (gen.pl.) здесь может равняться по значению прилагательному *dius*. Поэзия как одно из искусств заполняет «божественный» досуг людей, являясь для них высшим («божественным») удовольствием.

5. Здесь мы вступаем уже в сферу значений слова *voluptas*, кардинального в эпикурейской философии. Поэма Лукреция начинается торжест-

венным гимном, обращенным к Венере: *Aeneadum genetrix hominum, divumque voluptas, Alma Venus* — «мать энеадов, улада людей и богов, благая Венера» (I, 1—2) ³⁹. При почти полном сходстве формулы обращения к Венере и Каллиоппе разница в значении весьма существенна: *Venus* — родительница (*genetrix*), *Calliope* — отдохновение (*requies*). Контекст помогает нам уточнить значение слов *hominum divumque voluptas* ⁴⁰. По отношению к Каллиоппе это означает высшее духовное удовольствие, по отношению к Венере, богине любви и красоты, олицетворяющей связь природы с человеком, это означает прежде всего физическое наслаждение, напоминая известное олицетворение *dux vitae dia voluptas* (II, 172).

Сама Венера предстает в этом вступительном гимне воплощением вечно живой прелести (*lepore* — I, 14), источником и покровительницей земной любви (*omnibus incutiens blandum... amorum* — I, 19). В последующих стихах намечается переход от значения физической красоты и радости, которые воплощает в себе и дарит людям Венера, к красоте духовной: Венера одна управляет природой вещей (*rerum naturam sola gubernas* — I, 21), и без нее нет ничего радостного и приятного (*neque... laetum neque amabile quicquam* — I, 23). Прилагательные *laetum*, *amabile* в таком отрывке весьма уместны, так как они имеют более обобщенное значение, чем существительные *laetitia* и *amor*.

Лукреций обращается к Венере, теперь уже как к правительнице природы вещей, с просьбой быть союзницей при написании поэмы о природе вещей:

*Te sociam studeo scribentis versibus esse
Quos ego de rerum natura pangere conor* (I, 24—25).

Таким образом, Венера в роли покровительницы *rerum natura* становится Музой Лукреция, и ее как покровительницу философской поэмы о природе вещей Лукреций просит придать его словам вечную прелесть, т. е. высшую художественную красоту (*aeternum da dictis, diva, leporem* — I, 28).

Картина любовного свидания Венеры и Марса, рисуемая дальше, имеет глубокий мифологический подтекст. Ведь известно, что от союза этой божественной пары рождается Гармония, и поэт, помня о власти Венеры над Марсом, молит ее испросить у возлюбленного в момент свидания столь желанный для римлян и столь необходимый для поэта мир (*suavis ex ore loquellas funde, petens placidam Romanis... pacem* — I, 39—40), ведь поэт не может спокойно работать в беспокойные для родины дни (*neque nos agere hoc patriai tempore iniquo possumus aequo animo* — I, 41—42). Так гармония любви приносит спокойный мир (*placidam pacem*) — залог прекрасных художественных творений (*aeternum leporem*), т. е. эстетика ставится здесь в прямую зависимость от социально-этических причин.

Из многих проблем Вступления ⁴¹ нам хочется отметить удивительно меткий выбор поэтом образа Венеры как центрального в прологе ко всей

³⁹ Образ Венеры, прародительницы римлян, впервые встречающийся у Лукреция, очень многозначен; об этом см. комментарии в изданиях поэмы, особенно Munro, Bailey, и в специальных исследованиях, например: *Kenney E. Lucretius. Greece and Rome. — New Surveys in the Classics. Oxf., 1977, № 11, p. 17.*

⁴⁰ Подобное выражение есть у Энния: *leges divumque hominumque* (*Aen.*, 249 V.). смоделированное по гомеровскому клише *ἄνδρῶν τε θεῶν τε*.

⁴¹ Полнее всего суммирована многопроблемность пролога в статье: *Amory A. Obscura de re lucida carmina. — In: Science and Poetry in De rer. nat. I. C. S., 1969, 21, p. 143—168.*

поэме. В Венере сфокусированы все основные принципы лукрецианской физики, этики и эстетики. Венера — воплощение природы, особенно животворящей (*genitabilis*)⁴², единственная ее правительница (*sola regum naturam gubernas*). Муза поэта, автора философской поэмы, Венера-*voluptas* — олицетворение кардинального понятия эпикуровской философии⁴³: это физическая любовь и красота — *amor blandus* и эстетическая красота, духовное наслаждение — *lepos aeternus*.

Как в прологе, так и во всей поэме, слово *voluptas* (удовольствие, наслаждение, улада) употребляется в физическом и духовном значении.

Сочетание *blanda voluptas* обычно означает нежные любовные утехы, но иногда встречается в значении просто приятного чувства (II, 966; V, 178), *iucunda voluptas* (II, 3).

Sperata voluptas suavis amicitiae (I, 140—141) — ожидаемое удовольствие от сладкой дружбы с Меммием, адресатом поэмы. С этим можно сравнить выражения, в которых имеется скрытое значение удовольствия: *amorem Musarum «любовь к поэзии»* (I, 924—925), *vitaе amorem «любовь к жизни»* (V, 179), *novitatis amorem «любовь к новому»* (V, 173), *propter amorem te imitari aveo «ради почтительной любви подражать тебе (Эпикуру)»* (III, 5—6).

Nova voluptas — новое удовольствие, его нельзя добыть, как долго ни живи (*neс nova vivendo procuditur ulla voluptas* — III, 1081).

Vera voluptas — истинное удовольствие: его обычно не знают люди, так как заняты пустыми заботами о наживе, не понимая предела накопления богатства, до которого длится истинное удовольствие (*non cognovit, quae sit habendi finis et omnino quoad crescat vera voluptas* — V, 1432—1433). *Pura voluptas* — чистое удовольствие (IV, 1075), которое испытывают в любви здравомыслящие люди (*sani* — IV, 1075) в отличие от ослепленных страстью (*cupidine caeci* — IV, 1153).

Истинным удовольствием является *voluptas liquida puraque* — «чистое и прозрачное удовольствие» (III, 40), не замутненное страхами и страстями, лишенное страданий тела и души, — это главное понятие эпикурейской этики (*Ad Men.* 128, 132).

LES OPINIONS ESTHÉTIQUES DE LUCRÈCE

Z. A. Pokrovskaja

L'auteur étudie les principes fondamentaux de l'esthétique de Lucrèce. Dans sa définition de l'esthétiquement beau, Lucrèce part des perceptions sensuelles qui séparent l'agréable du désagréable au moyen du toucher, de l'olfaction, du goût, de la vue et de l'ouïe. Les concepts dont se sert le poète, bien qu'ils appartiennent à la réalité quotidienne, sont d'ordinaires liés à des images folkloriques métaphoriques, ce qui permet de passer de leur signification concrète à une signification abstraite et conceptuelle. Les

⁴² *genitabilis* — только здесь, в других местах поэмы *genitalis*.

⁴³ На идентификации *Venus* и *voluptas* настаивает П. Бойанс (*Boyané P. Lucrèce et l'épicurisme*. P., 1963, p. 66.). Поэтическая красота стоит на службе философии: богиня *Venus* — эпикуровская *voluptas* (*Sellar W. The Roman Poets of the Republic*. Oxf., 1905, p. 389). Та же мысль в кн.: *Müller G. Die Darstellung der Kinetik bei Lukrez.* В., 1959, S. 12; *Schrijvers.* Op. cit., p. 247; *Kenney.* Op. cit., p. 13. Утверждая подобную мысль, В. Татаркевич впадает в крайность, приписывая Лукрецию вымышленные слова *ars ancilla philosophiae* (*Татаркевич В. Античная эстетика.* М.: Искусство, 1977, с. 173).

Э. И. Соломоник

ДВА АНТИЧНЫХ ПИСЬМА ИЗ КРЫМА

В 1984 г. при раскопках жилых кварталов Керкинитиды (руководитель экспедиции — сотрудник Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР В. А. Кутайсов) в зольнике, под улицей X, в слое с материалом конца V в. до н. э., был найден небольшой фрагмент фасосской амфоры (9,5 × 7 см) с полностью сохранившейся восьмистрочной надписью, четко вырезанной тонким острием. Левый нижний угол отбит еще до нанесения надписи, из-за чего начало двух последних строк немного сдвинуто вправо, в то время как начало остальных строк выдержано почти точно по вертикали. Немного стерт конец пятой строки; от последнего слова шестой строки осталась лишь буква Θ , а от трех следующих букв — две верхние горизонтальные черточки и вертикаль между ними (видимо, от буквы Γ) (рис. 1, 2 см. вкл. стр. 33).

Надпись состоит из 122 букв, составляющих 28 слов, и, таким образом, является пока самым большим текстом, дошедшим до нас из района Северо-Западного Крыма.

Высота букв колеблется от 0,4 до 0,6 см. Первая буква крупнее остальных (как заглавная от имени); в начале второго имени буква $\mathcal{N}$ меньше по размеру и лишь несколько приподнята над строкой, так как резчик, видимо, боялся, что не уместит целиком все слово до конца строки. Судя же по остальным строкам, он строго держался правила — не делать переносов, хотя в ряде случаев на черепке оставалось свободное место ¹.

1. ΑΠΑΤΟΡΙΟΣ ΝΕΟΜΗΝΙΩ
ΤΟΣΤΑΡΙΧΟΣ ΕΣΘΙΚΟΝ
ΣΥΝΚΟΜΙΣΟΝ ΚΑΙ ΣΦΗΚΙΣΑ
ΚΑΙ ΣΑΓΗΜΗΔΕΣ ΑΤΕΡ
5. ΕΜΕΟΚΑΙ ΓΩΝ ΒΟΩΝ
ΑΝΑΚΩΣ ΕΧΕΚΑΙΟΊ-
ΤΕΛΗΓΙΝΩΣ ΚΕ
8. ΕΣΤΟ ΣΚΥΘΑΣ

Уже при первом знакомстве с надписью стало очевидным, что перед нами редкая находка — текст послания, письма, причем на ионийском диалекте ².

¹ Ср. *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань. — ВДИ, 1971, № 4, с. 75. Видимо, эта особенность характерна для писем раннего времени.

² Приношу глубокую благодарность Н. С. Гринбауму и Ю. Г. Виноградову за ценные советы при обсуждении текста надписи и подготовке его к печати.

Предлагаем следующую транскрипцию надписи.

1. Ἀπαθῆριος Νεομηνίωι.
Τὸς παρίχῳς ἐς οἶκον
συνχόμισον καὶ σφην' ἵστα·
καὶ σ' ἄγῃ μὴδ' ἔς ἄτερ
5. ἐμ' ἐο' καὶ γ' ὧν ζῶων
ἀναχῶς ἔχε καὶ ο...
τελ' ἡ γ' ἰνωσκε
8. ἐς τὸ(ς) Σκ' θας.

Датировка надписи определяется прежде всего археологическим контекстом, шрифтом этого и еще нескольких граффити, также найденных на городище в слое V в. до н.э., и аналогиями из других районов античного мира, особенно правомерными для раннего времени. Однако при этом следует всегда помнить указание Л. Джеффери³ о том, что о шрифте граффити надо судить по особому стандарту, так как их могли выполнять и писцы-специалисты, и едва грамотные люди.

В этой надписи нет архаических форм букв, характерных и для шрифта развитого V в. до н.э. (например, Β с остроугольными петлями, Θ с перекрестием, Ρ и Υ, сходных с соответствующими латинскими буквами, Σ без нижней гасы, Φ с вертикалью, не выходящей из круга, Χ в виде креста и др.)⁴; но еще не наблюдается признаков, отличающих письмо IV в. до н.э. с изменением пропорций и форм ряда букв. В целом шрифт этой надписи наиболее близок к ионийскому письму V в. до н.э. и к упорядоченному аттическому шрифту конца V или рубежа V — IV вв. до н.э.⁵, известному и в Ионии и получившему широкое распространение по всему античному миру.

Прежде чем перейти к рассмотрению новой находки, следует кратко остановиться на некоторых особенностях надписей, относящихся к категории писем, в частности вырезанных на керамике. Обращаясь к вопросам эпистолографии, сразу сталкиваешься с таким парадоксом. С одной стороны, известно широкое использование писем в античном мире (а еще раньше — в странах древнего Востока), о чем мы знаем уже из произведений Гомера, Фукидида, Ксенофонта и других авторов; служебная и частная переписка еще больше возросли в эпоху эллинизма, когда расширились границы государств и увеличались политические, торговые и культурные связи между ними. С другой стороны, до нас дошло крайне мало писем по сравнению с иными категориями надписей.

Чем можно объяснить этот факт? Главным образом, видимо, недолговечностью материала для письма, а также тем, что частные письма не хранили и часто уничтожали за ненадобностью. В основном их писали на складывающихся деревянных дощечках (πίναξ), покрытых воском⁶,

³ Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1961, p. 64.

⁴ Ср. Guarducci M. Epigrafia greca. I. Roma, 1967, tab. II; Mattingly H. B. Formal Dating Criteria for Fifth Century Attic Inscriptions. — Acta of the Fifth Intern. Congress... Oxf., 1971, p. 27—33; Lang M. Graffiti and dipinti. — The Athenian Agora, 1976, XXI, p. 4; Kirchner I. Imagines inscriptionum Atticarum. B., 1935, Taf. 12 (остраконы первой половины V в. до н.э.).

⁵ Jeffery. Op. cit., p. 325; Guarducci. Op. cit., p. 368; Kirchner. Op. cit., № 39 (408/7 г. до н.э.); № 41 (399/8 г. до н.э.). Ср. Книпович Т. Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. — НЭ, 1966, вып. VI, табл. IX, 1.

⁶ Такие дощечки еще более широко использовались для обучения детей грамоте, хозяйственных записей, черновиков, различных документов и пр. Их часто скрепляли по две, три и больше (отсюда названия: диптих, триптих и полиптих). См. Борузович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976, с. 19—22.

и папирусе (βιβλίον), а примерно с III в. н.э. — и на пергамене⁷. Кроме того, использовали для письма обломки керамических сосудов и свинцовые пластинки, но, вероятно, в меньшей степени, так как эти материалы тяжеловаты для пересылки на далекие расстояния, а керамика еще и ломка.

До нас дошли сотни писем на обрывках папируса из Египта, в песках которого он хорошо сохраняется. Египет поставлял изготовленные из папируса свитки (харту) в страны Средиземноморья, откуда они распространялись по всей античной ойкумене. Судя по сообщению Геродота, ионяне в его время уже писали на папирусе, хотя раньше использовали кожи⁸. Греки предпочитали папирус всякому другому писчему материалу, хотя стоил он довольно дорого. На основе одной афинской надписи и речи Демосфена против Дионисодора известно, что в V в. до н.э. стандартный свиток папируса стоил в Афинах одну драхму и два обولا, а в IV в. — одну драхму⁹. При всех достоинствах папируса он имел один существенный для нас недостаток: почти везде сгнивал в земле, бесследно погибая для науки.

Папирус был основным материалом, на котором писали постановления Совета и Народного собрания, договоры и другие государственные документы, которые депонировали в архив при храме того или иного божества. Такие архивы известны в Афинах, Милете и других городах¹⁰. В недавно найденной на Паросе 90-строчной надписи II в. до н.э. подробно говорится об организации архивного дела, хранении и выдаче для ознакомления документов государственного и частного-правового характера; во избежание злоупотреблений было предписано снимать копии со всех документов, которые хранили отдельно от оригиналов в другом архиве¹¹. Для нашей цели важно отметить прямое указание в надписи с Пароса, что писали все эти документы для архива на папирусе (βιβλία)¹². Несомненно, подобные архивы были и в городах Причерноморья. О существовании государственного архива в Тире мы узнаем из одного почетного декрета города, где говорится о выдаче документа отцу чествуемого лица (видимо, погибшего) и передаче копии с него в архив¹³.

Среди товаров, поступающих из Греции в Понт, Ксенофонт (Anab. VII, 5, 14) как очевидец называет множество книг (βιβλοι γεγραμμένοι), однако эти папирусные свитки так же полностью погибли, как и архивные документы и многочисленные письма. Не могли сохраниться и деревянные дощечки, на которых писали по восковой поверхности. Мало дошло до нас писем на свинцовых пластинках, хотя это прочный материал, но ценный и удобный при вторичном использовании для разных хозяйственных нужд¹⁴.

Можно также назвать очень немного экземпляров писем на керамике. Так, например, на Афинской агоре обнаружено лишь несколько подоб-

⁷ Dziatzko K. Brief. — RE, 1899, III, Sp. 837; Kössling R. Brief. Lexikon der Antike. Lpz. 1971, S. 97; Сметанин В. А. Эпистография. Свердловск, 1971, с. 7.

⁸ Herod., V, 58; Борузович. Ук. соч., с. 34.

⁹ Борузович. Ук. соч., с. 45.

¹⁰ Müller W., Wachtel K. Archiv. — Lexikon der Antike. Lpz, 1971, S. 57, s. v. Подробнее см.: Posner E. Archives in the ancient World. Cambr., 1972.

¹¹ Lambrinoudakis W., Wörle M. Ein hellenistisches Reformgesetz über das öffentliche Urkundenwesen von Paros. — Chiron, 1983, Bd 13, S. 283—368.

¹² Ibid., S. 358.

¹³ IOSPE, I², 2, 17 sqq.

¹⁴ См. Виноградов. Ук. соч., с. 95. В сводке автора названо пять писем VI — III вв. до н.э. на свинце (включая новое), из которых одно найдено в Аттике, а четыре — в Ольвии и Березани (с. 78 сл.).

ных надписей¹⁵: одна вырезана на целой амфоре, другие — на черепках. Некоторые сохранились крайне фрагментарно, другие просты и кратки и являются скорее не письмами, а записками хозяйственно-бытового характера. На амфоре V в. до н. э., видимо посланной вместе с ее содержимым в дар девушке, отправитель назначает ей свидание: «Эвмелис, приходи как можно быстрее. Аркесим». Недавно издано письмо из Египта конца II — начала I в. до н. э. по поводу использования виноградногo пресса, а в 1971 г. — небольшое письмо из Галльской Ольвии¹⁶. В 1963 г. в Ольвии был найден фрагмент письма или записки III в. до н. э. с упоминанием навклеров¹⁷, а в 1971 г. на городище Беляус в Крыму обнаружена амфора II в. до н. э. с надписью, похожей по содержанию на приведенную выше на амфоре с Афинской агоры¹⁸. Но вернемся к письму, найденному в Керкинитиде.

В малоазийской Ионии впервые образуется в VII—VI вв. греческий литературный язык, в формировании которого определенную роль сыграли и разговорная речь¹⁹. В свою очередь, литература должна была в какой-то мере отразиться и на частной переписке. Новое письмо написано вполне грамотно, однако синтаксис его весьма беден, разнородные по содержанию части соединены многократно повторяющимся союзом *καί*, внося однообразие и затрудняя выделение отдельных смысловых узлов.

Письмо представляет собой деловое распоряжение, направленное неким Апатурием Невмению. Поэтому все глаголы поставлены в повелительном наклонении (отправь, следи, узнай). Наблюдается обычный для античных писем переход от формулы обращения в третьем лице к дальнейшему изложению в первом лице (см. сткк. 4—5 — «без меня»)²⁰. В краткой формуле обращения стоят лишь имена отправителя и адресата: первое в именительном, а второе в дательном падеже, причем глагол «говорит», «пишет» лишь подразумевается²¹.

¹⁵ Lang. Op. cit., p. 8 f.

¹⁶ Daniel R. W. A New Ptolemaic Ostrakon. — ZPE, 1983, 52, p. 272; Coupry J. Apports d'Olbia de Provence à l'épigraphie grecque d'Occident. — Acta of the Fifth Intern. Congress..., 1971, p. 145, Tab. 15 (= Guarducci. Op. cit., III, p. 320).

¹⁷ Шебалин Н. В. К ольвийским государственным древностям (По материалам граффити). В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 296—299.

¹⁸ Дашевская О. Д., Миллин Б. Ю. Синопская амфора с надписью Майдата. — КСИА, 1975, 143, с. 50—53; Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984, № 456.

¹⁹ Гринбаум Н. С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984, с. 55.

²⁰ Koskenniemi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr. Helsinki, 1956, S. 156 f. Употребление третьего лица автор объясняет происхождением писем от древнейшего способа передачи сообщений, когда письмо заменяла устная передача. Позже смысл этого был утерян, а форма прескрипта сохранялась свыше 700 лет.

²¹ Известно, что с IV в. до н. э. появляется более пространная формула обращения: *ὁ θεῖα τῷ θεῖνι χαίρειν*, которая сохраняется до IV в. н. э. В заключительной части письма стали посыпать прощальный привет с добрыми пожеланиями типа: *εὐτόχῃ, ἔρροτῳ* и др. (Dziatzko. Op. cit., Sp. 839; Koskenniemi. Op. cit., S. 130—133; Сметанин. Ук. соч., с. 29, 32. Тексты этих формул в письмах Антигона, Филиппа, Лисимаха, Селевка и др. см. в кн.: Larfeld W. Griechische Epigraphik. München, 1914, S. 429 f.). Ср. отсутствие формулы с *χαίρειν* также в березанском письме: Виноградов. Ук. соч., с. 84. Эти формулы писем получили в античном мире столь широкое распространение, что их усваивали уже дети в период школьного обучения грамоте. Ярким примером может служить один оксиринхский папирус II—III вв. н. э., содержащий письмо мальчика к отцу, которое начинается словами: *Θεῶν Θεῶνι τῷ πατρί χαίρειν*, а заканчивается пожеланием здравствовать (Р. Оху. 119). Это любопытное по содержа-

Остановимся на чертах ионийского диалекта, которые прослеживаются на протяжении всего письма, не оставляя сомнения в том, что оно написано ионийцем.

Стк. 1. Ἀπατόριος (=Ἀπατοῖριος — в такой форме это имя встречается в лапидарных надписях Ольвии, Боспора и Аполлонии V в. до н. э.²², среди граффити — на керамике того же времени с Березани²³, а также на свинцовой пластинке из Ольвии²⁴. Здесь и далее характерная для ионийцев замена дифтонга *οο* на *ο*. В эллинистический и римский периоды употреблялась общегреческая форма Ἀπατοῖριος, засвидетельствованная в Афинах, на Делосе, в Византии и Смирне, а также в городах Северного и Западного Причерноморья²⁵.

Νεομήριος (=Νεομήριος=Νοομήριος); *εο* вместо дифтонга *εο* (без слияния) встречается в этом имени в нескольких боспорских надписях IV в. до н. э.²⁶ В других формах имя Нумений известно на Боспоре с III в. до н. э., а также в Ольвии, Одессе и других центрах²⁷.

Стк. 2. τὸς τὰρίχως В вин. пад. мн.ч. в артикле и существительных на -ος пишется *ο* = *οο*. Ср. τὸς πολέμιος и др.²⁸ Употребление этого слова в мужском роде также характерно для ионийцев²⁹.

Предлог ἐς=εἰς, получивший широкое распространение в греческом языке.

Стк. 3. ἴσα=ῖσα

Стк. 4. μηδέες=μηδεῖς См. эту форму на сосуде с Березани VI в. до н. э.³⁰ Ионийское *ε̄* = *ει* ср. в словах μέζων и δέκνυμι³¹.

Стк. 5. ἐμέο=ἐμοῦ

γῶν=γούν. Ср. ῶν=οῶν.³²

Стк. 6. По остаткам букв можно дополнить и читать ὅτις=ὅστις (с соблюдением ионийской псилозы — ὅτις) (?). Возможны другие дополнения.

нию письмо использовано даже в книжке для детей (Лурье С. Я. Письмо греческого мальчика. Л., 1958). Кстати, А. Б. Ковельман (ВДИ, 1985, № 3, с. 150 сл.), отмечая в этом письме литературный прием снпжения и сплошной иронии, не учитывает в полной мере возраст отправителя и его детскую психологию; мальчик непосредственно изливает свои мысли и чувства, хотя мог в какой-то мере подражать эпистолярной манере взрослых.

²² IOSPE, I², 208; КБН, 153, 1234; IGB, I, 432, 434.

²³ Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 2, с. 90; Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. — Л., 1953, № 78 (ΑΠΑΤΟΡΙΝΣ).

²⁴ Шкорпил В. В. Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии. — ИАК, 1908, 27, с. 69.

²⁵ PB; IOSPE, I², 76 (Ольвия); КБН и IGB, I. Указатели.

²⁶ КБН, 163, 210, 211, 1056, 1064; с. 804, § 9, 2; IOSPE, I², 470. Ср. имя Εὐμεριος=Εὐμεριος в березанском письме (Виноградов. Ук. соч., с. 80).

²⁷ КБН, Указатель; Шкорпил. Ук. соч., с. 70; IOSPE, I², 80, 137, 147, 175, 201; НО, 24 (Ольвия); IOSPE, I², 403 (Херсонес); IGB, Указатель.

²⁸ Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909, S. 347; Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, с. 27; Казанский Н. Н. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983, с. 8.

²⁹ В словаре Liddel — Scott, s. v. отмечен м. р. этого слова в Ионии, в частности у Геродота, а ср. р. преимущественно в Аттике.

³⁰ Яйленко В. П. Несколько ольвийских и березанских граффити. — КСИА, 1979, 159, с. 53.

³¹ Buck C. D. Introduction to the study of the greek dialects. Boston, 1928, § 182.

³² Thumb. Op. cit., S. 358.

Стк. 7. γινώσκω=γῖγνώσκω. Эта форма, встречающаяся в Ионии ок. 400 г., перешла в койнэ, а оттуда — в другие диалекты ³³.

Стк. 8. ἐς τοῖς ср. в стк. 2, только здесь при столкновении двух Σ автор опустил одно из них ³⁴.

Итак, в языке письма наблюдаются не отдельные ионизмы, как в лапидарных надписях Ольвии и Боспора, а чисто ионийский диалект, как в упомянутом выше письме на свинцовой пластинке с Березани раннего времени.

Отдельно следует рассмотреть семантику некоторых слов и выражений, так как частные письма — документы особого рода, труднее всего поддающиеся однозначному переводу и толкованию. Это вытекает из самой природы частного письма и его языка, наиболее близкого к разговорному, где многое без объяснений понятно отправителю и адресату, но для нас часто остается загадкой. Ведь по определению Артемона (в пересказе Деметрия), письмо — это одна из сторон диалога ³⁵, по которой мы стремимся понять смысл и значение всей переписки. Недостаточно разработан и методика изучения писем, и поэтому многие проблемы эпистографии еще ждут своего разрешения ³⁶.

Стк. 3. Форма σὺνχρίμιτον — повелит. наклонение аориста 2 л. ед.ч., означает: «отправь, сvedi, доставь».

Серьезные затруднения вызывает конец строки: ΣΦΗΚΙΣΑ. Скорее всего перед нами два слова: σφήκ' ἴσα. Обычное значение слова σφήξ (оса) не подходит к данному контексту. Словари дают близкое по звучанию слово σφηκίσκος (острые колья для стропил, кровельный брус), отмеченное в словаре Liddell-Scott и в редкой форме σφήξ, которую, возможно, следует рассматривать как сокращенный terminus technicus, к тому же употребляемый в ед.ч. Ср. также слово σφήξ в словаре Passow (Keil — шпонка, клин). Здесь не исключено и слово неизвестного значения (так называемый гапакс), относящееся к какому-то продукту, посланному вместе с соленой рыбой. С большими натяжками (пропуск буквы и форма ср.р. мн.ч.) можно также читать слово σφηκίσ(κ)α, предполагая некий разговорный термин (наподобие употребляемого до сих пор на юге слова «фрукта»). Наконец, здесь могло стоять редкое имя Σφήξ (или прозвище «оса»), которое неплохо согласуется по смыслу со следующим словом ἴσα.

Стк. 4. ΣΑΓΗ можно читать по разному: σ'ἄγγη (от σα или σε), καὶ σ'ἄγγη или сущ. σαγή (тюк, поклажа, сбуру, военное снаряжение, обмундирование и др. Падежное окончание могло здесь отпасть перед следующим Μ). Однако первое, пожалуй, предпочтительнее по контексту.

При чтении слова ΜΗΔΕΣ как μηδέες в сткк. 4—5 будет не хватать глагола и его придется подразумевать: «никто (пусть не посылает) без (кроме) меня».

ἄτερ — вдали от, без (с род. пад.); ἄτερ ἐμέο — без (кроме) меня, без моей помощи.

³³ Ibid., S. 352. Ср. Bechtel F. Die ionischen Inschriften. B., 1905, S. 771 f., № 5784 (из Крыма) — γῖνεσται.

³⁴ Ср. также возможное здесь чтение conj. ἐστῶ. См. Шаптрэн. Ук. соч., с. 265.

³⁵ Деметрий. О стиле, IV, 223. — В кн.: Античные риторика. М., 1978, с. 273 (пер. Н. А. Старостиной и О. В. Смыки); Sykutris J. Epistolographie. — RE, 1931, Supplbd V, Sp. 192. Примеров же двусторонней переписки известно немного. Это в первую очередь переписка Плиния с Траяном и Цицерона с его друзьями.

³⁶ Hout M. van den. Studies in early greek letter-writing. — Mnemosyne. Lugduni Batavorum, 1949, v. 2, p. 153.

Стк. 7. ΤΕΛΗ можно понимать как существительное мн.ч. или как conj. 3 л. τελέω(ι) от глагола τελέω с опущенной или слитой с η конечной иотой. Слова τέλος, τέλη имеют много значений, в том числе: подать, срок уплаты и др. (о чем и мог справляться Апатурий).

Глагол τελέω тоже полисемантический и используется в разных конструкциях. Он означает: платить (налог, дань), доставлять, отправлять и др. Платить кому, куда (ἐς с вин.пад.), ср. в обороте: платить в казну³⁷. По аналогии получится: «узнай, кто (будет или должен) платить скифам» или «столько же платить скифам» (ὅς ἴσ[α]). Привлечение других аналогий привело к иным результатам. Ср. у Фукидида (IV, 78) выражение: ἐτέλεσε ἐς Φάρσαλον («отправил в Фарсал вестника») или почти идентичный нашему текст у Лукиана (Тох. 52): τριταῖος ἐτέλεσεν ἐκ Μαχλίων ἐς Σκύθας («на третий день прискакал из (страны) Махлиев в Скифию»³⁸). Соответственно выражение: ὅτις τελέῃ γίνωσκε ἐς τὸ(ς) Σκύθας могло обозначать: «узнай, кто отправится или совершит путь в Скифию (или страну скифов)».

Таким образом, весь текст письма с учетом рассмотренных вариантов можно перевести так: «Апатурий Невмению. Соленую рыбу свежи домой, равно и кровельные брусья (или другой товар); и пусть никто не занимается твоими делами, кроме меня; и, конечно, тщательно следи за волами; и узнай, кто отправится в Скифию (или будет платить дань скифам)».

Первый и весьма важный вопрос: откуда и куда было послано это письмо? Наиболее логично предположить, что адресат находился в Керкинитиде, на месте находки документа, хотя известны случаи, когда археологи находили неотправленные письма.

Апатурия и Невмения, видимо, связывали торговые дела. Скорее всего, у них была и общая первоначальная родина — один из ионийских городов, куда они, вероятно, отправляли товары из Крыма через Керкинитиду. Таковым мог быть Милет, основавший ряд колоний в Северном Причерноморье, однако неизвестно, был ли Невмений переселенцем, постоянно проживавшим в Керкинитиде (что, пожалуй, более вероятно), или находился там временно для проведения порученных торговых операций. Еще труднее определить, где проживал или находился в момент отправки письма Апатурий (эти моменты могут не совпадать). Если Апатурий имел отношение к уплате податей скифам или др., то он был не заезжим купцом, а тоже местным поселенцем.

Скажем несколько слов об именах корреспондентов, хотя выше уже говорилось об их ионийской огласовке и широком распространении, в частности в греческих городах Северного и Западного Причерноморья. В ионийских центрах, а также в городах, населенных ионийцами, ежегодно 3—4 дня справляли праздник Ἀπατοῦρια, когда в списки фратрий записывали новорожденных детей и совершали жертвоприношения³⁹. На азиатской стороне Боспора, в Фанагории и в поселении Апатур около Гермонассы, были святилища Афродиты Апатуры, связанной с этим праздником (больше нигде эта эпиклеса Афродиты не встречается)⁴⁰.

³⁷ Ср. подобное выражение в одном из папирусов II в. до н. э. (Р. Теб. 5. 174).

³⁸ Перевод В. В. Латышева в SC. В переводе под ред. Ф. Зелинского и Б. Богаевского этот отрывок выглядит так: «...в три дня для совершил весь путь от махлийцев к скифам». См. Лукиан. Т. II. М., 1920, с. 239. Ср. также близкое выражение у Лукиана (Тим. 20): τελεῖν ἐπὶ τὸ τέρμα — «достигнуть места назначения».

³⁹ Тоерфер J. Apaturia. — RE, 1894, I, Sp. 2672—2680.

⁴⁰ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. — Л., 1949, с. 211 сл.; Тохтасьев С. Р. Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании. — ВДИ, 1986, № 2,

От названия религиозного праздника происходит и имя Апатурий, которое, таким образом, можно считать ионийским теофорным именем.

Имя Невмений (Нумений) тоже относится к теофорным, так как происходит от названия праздника в честь рождения Аполлона, который отмечался ежегодно в день новолуния. Поэтому и сам праздник назывался *Νομηνία* (ион. *Νεομηνία*), т. е. новолуние⁴¹. Ребенка, родившегося в этот день, часто нарекали Нумением.

Среди перечисленных в надписи товаров на первом месте названа соленая рыба (*τάρχος*). Судя по нескольким свидетельствам древних авторов, уже с ранней поры (примерно с V—IV вв. до н. э.) из Понта в Грецию вывозили соленую рыбу, особенно из городов Боспора⁴². Крупным экспортером рыбы была также Ольвия. Еще Геродот (IV, 58, 3) отмечал, что в Борисфене водятся огромные бескостные рыбы под названием антакаи, которых доставляют для засаливания. По заключению специалистов, это рыбы из семейства осетровых, вероятно осетры, севрюги и белуги⁴³. Не случайно на монетах Пантикапея IV в. до н. э. наряду с хлебным колосом встречается изображение осетра⁴⁴. Изображение рыбы засвидетельствовано теперь и на ранних литых монетах Керкинитиды⁴⁵. Кроме дорогих осетровых вывозили из Северного Причерноморья и другие сорта соленой рыбы: тунца, пеламиду, кефаль, скумбрию, бычков, сельдь, анчоус и султанку⁴⁶. Новая надпись и особенно монеты позволяют включить в число продавцов и экспортеров соленой рыбы из Понта еще один центр Крыма — древнюю Керкинитиду.

Размещение милетских поселений вдоль западного и частично северного берегов Понта указывает на то, что кроме южного пути с глубокой древности был известен и этот путь, который, по предположению В. Д. Блаватского, высказанному еще в 1954 г., вел к устью Днепра, а возможно, и к Крымскому полуострову⁴⁷. Раскопки М. А. Наливкиной, впервые обнаружившей ранний слой Керкинитиды, показали, что уже с конца VI в. до н. э. город поддерживал торговые связи с ионийскими островами и с материковой Грецией⁴⁸. Систематические раскопки последних лет дали большой новый материал на эту тему, в том числе сотни амфорных клейм, монет и граффити, которые готовятся к публикации.

с. 138—145. О культе Афродиты Апатуры см. также: Яйленко В. П. Заметки по греческой лексике и ономастике. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 219; Токмасьев С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос. — ВДИ, 1983, № 2, с. 111—117.

⁴¹ Nilsson M. P. Die Entstehung und religiöse Bedeutung des griechischen Kalenders. Lund, 1962, S. 38, 40 f.

⁴² Dem. XXXV, 31, 34; Strabo, VII, 4, 6; Polyb., IV, 38, 4; Diog. Laert., VII, 1, 9. См. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N. Y., 1959, p. 126—128. Автор отмечает, что греки выбирали места для поселений на Черном море в районах наилучшего лова рыбы, например при основании Аполлонии, Истрии, Одесса (p. 127).

⁴³ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, с. 282 сл., прим. 361.

⁴⁴ Блаватский В. Д. Архаический Боспор. — МИА, 1954, 33, с. 33.

⁴⁵ Золотарев М. И. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI—V вв. до н. э. — ВДИ, 1986, № 2, с. 88—97 (монеты имеют форму рыбы типа осетровых, для которых и сейчас Керкинитский залив является естественным питомником); Кутайсов В. А. К нумизматике Керкинитиды V в. до н. э. — Там же, с. 94—97 (новый тип монет с изображением дельфина или рыбы).

⁴⁶ Бондарь Н. Н. Торговые отношения Ольвии со Скифией VI—V вв. до н. э. — СА, 1955, XXIII, с. 76. См. также Семенов-Зусер С. А. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947.

⁴⁷ Блаватский. Ук. соч., с. 11, 15.

⁴⁸ Наливкина М. А. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма. В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 185.

Если понимать под σφίξ деревянные брусья для стропил, то можно напомнить, например, что кроме соленой рыбы важную статью экспорта из Колхиды в Грецию составлял лес (Strabo, XI, 2, 17). Это могло относиться и к другим районам Понта. Современная Евпатория расположена в степной части Крыма, но в древности окружающий ландшафт был иным. Еще в конце прошлого века леса занимали в Крыму свыше 334 тыс. га⁴⁹. Специальные палеоботанические исследования выявили лесостепные участки в Северо-Западном Крыму, от Тарханкута до Сак, с разнообразными древесными породами — это прежде всего дуб и вяз, а также клен, тополь, ясень, ольха, лещина и др.⁵⁰ Из них дуб, вяз и ясень подходят по своим качествам для стропил. Следовательно, лес мог поступать с соседней территории и экспортироваться наряду с соленой рыбой морским путем из Керкинитиды в Грецию.

Далее в письме (сткк. 5—6) Апатурий требует тщательной заботы о волах — быках, видимо, используемых в качестве транспортного средства как на территории Керкинитиды и ее округи, так и для поездок в Скифию⁵¹. Но не надо забывать, что греки уже в ранний период вывозили из Понта скот, который покупали у местных кочевых племен⁵², а также кожи, шерсть и другие продукты животноводства⁵³.

Особый интерес представляют последние строки письма, хотя бы уже потому, что это самое раннее упоминание о скифах в надписях Северного Причерноморья и при этом наиболее близкое по времени скифскому рассказу Геродота, свидетельствам Гекатея, Гиппократы, Фукидида, аттических трагиков и Пиндара. Заметим попутно, что у Софокла была недошедшая до нас трагедия «Скифы», действие которой, вероятно, происходило в Скифии⁵⁴, подобно тому как события «Ифигении в Тавриде» развивались в Крыму.

По одному из вариантов чтения Апатурий просит Невмения узнать, кто отправится в Скифию. Видимо, Невмению была ясна причина такого запроса, скорее всего связанного с возможной отправкой товаров в Скифию. Ведь уже с VII в. до н. э. можно говорить о регулярном торговом обмене (в основном натуральном) греков со скифами, особенно активизировавшемся после появления Ольвии, Пантикапея и других греческих колоний⁵⁵. Далека ли был этот путь? В какую часть Скифии он шел? На эти вопросы надпись не дает нам прямого ответа.

Причерноморская Скифия занимала огромные просторы. По описанию Геродота (IV, 101), она напоминала квадрат, каждая сторона которого

⁴⁹ Маслов Е. П. Крым. Экономико-географическая характеристика. М., 1954, с. 34.

⁵⁰ Шеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. М., 1978, с. 24 сл.

⁵¹ Ведь существовали же в VI—V вв. до н. э. торговые пути с Боспора в Приднестровье через азово-черноморские степи, по которым провозились в Скифию боспорские товары. См. Онайко Н. А. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднестровья и Побужья в IV—II вв. до н. э. — ВДИ, 1970, № 1, с. 118.

⁵² Polyb., IV, 38, 4; Блаватский. Ук. соч., с. 34.

⁵³ Дет., XXXV, 34; Гайдукевич. Ук. соч., с. 83; Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982, с. 48.

⁵⁴ Скржинская М. В. Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла. — ВДИ, 1985, № 2, с. 145—147.

⁵⁵ Граков Ук. соч., с. 51; Бондарь. Ук. соч., с. 58—80; Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — САИ Д1—27. М., 1966; она же. Экономические связи..., с. 112—120; Голубцова Е. С., Гошелевко Г. А. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье. — XV Международный конгресс исторических наук. Материалы. М., 1980, с. 3—5.

равнялась 20 дням пути (4 тыс. стадий), т. е. примерно 700 км, простираясь от Дона до Дуная и от Черного моря до зоны лесов ⁵⁶. В эту территорию входил и Крым, в степной части которого кочевали царские скифы (Негод., IV, 19—20), Археологические раскопки открыли в Северо-Западном Крыму целый ряд скифских курганов и впускных погребений конца VI—IV вв. до н. э. Они оставлены скифами-кочевниками, занимавшимися в основном скотоводством ⁵⁷. Тем же временем датируются несколько скифских каменных изваяний воинов из окрестностей Керкинитиды, хранящихся в Евпаторийском музее. Оседлые поселения скифов появляются в этом районе значительно позже, примерно к середине II в. до н. э. ⁵⁸

Следовательно, уже на раннем этапе своего существования Керкинитиды могла вести торговый обмен с соседними скифами-кочевниками; а кочевые общества, как известно, успешно осуществляли посредническую межрегиональную торговую функцию ⁵⁹, далеко распространяя греческие товары.

По сообщению Страбона (XI, 2, 3), Танаис стал местом торговли греческих приезжих купцов с кочевниками, где они продавали вино и одежду, а покупали шкуры и рабов. Возможно, сходная роль принадлежала в V в. до н. э. Керкинитиде — единственному тогда крупному центру Западного Крыма. Однако на этом побережье, видимо, было еще несколько более мелких ионийских стоянок и поселений. Одно из них, возможно, находилось совсем недалеко от Керкинитиды, на «Чайке», где под крепостными сооружениями IV в. до н. э. были открыты остатки здания V в. до н. э. ⁶⁰ На основе находки небольшого количества керамики VI—V вв. до н. э. давно высказывалось предположение об ионийском поселении или эмпории, предшествующем основанию Херсонеса ⁶¹. До сих пор продолжают споры об одном раннем греческом поселении уже вне Крыма, в районе р. Каланчак (древний Гипакирис?), идентифицируемом с Керкинитидой Геродота или Каркиной, упоминаемой Помпонием Мелой, Плинием и Птолемеем ⁶², однако подтвердить это археологическим путем пока не удалось.

В одном из докладов Я. В. Доманский проследил тесное переплетение исторических судеб Ольвии и Скифии, некий баланс между положением

⁵⁶ Археологія Української РСР. Т. II. Киев, 1974, с. 35.

⁵⁷ Дашевская О. Д. О скифах Северо-Западного Крыма в период греческой колонизации. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо (16—22 мая 1979). Тбилиси, 1981, с. 218—227.

⁵⁸ Яценко И. В. Исследования сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории. — КСИИ, 1970, 124, с. 36; Дашевская О. Д. Скифы на Северо-Западном побережье Крыма в свете новых открытий. — МИА, 1971, 177, с. 153.

⁵⁹ Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? — Археологія, 1947, т. 1, с. 23—37; Ольдерогге Д. А., Поплинский Ю. К. Рец. на кн.: Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии Л., 1982. — ВДИ, 1984, № 4, с. 156.

⁶⁰ Яценко И. В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории. — В кн.: Путешествие в древность. М., 1983, с. 187. Правда, А. Н. Щеглов (ук. соч., с. 37) сомневается в правильности этой ранней датировки.

⁶¹ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, с. 45, 49 (ссылки на работы М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева и В. Д. Блаватского).

⁶² См. Доватур, Каллистов, Шишова. Ук. соч., прим. 371, 372; Рыбаков Б. А. Геродотовы Скифия, М., 1979, с. 75; Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии. — СЭ, 1983, № 1, с. 57; Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985, с. 99 сл.

греческого полиса и варварской Скифии⁶³. Такое положение верно и по отношению к другим греческим городам Причерноморья, в том числе и Керкинитиде.

Письмо со всей очевидностью свидетельствует о контактах греков со скифами в конце V в. до н. э., позволяя наряду с Ольвией и Боспором выделить Керкинитиду как еще один важный центр таких торговых связей. Но следует ли ограничивать эти контакты только Крымом и только торговым сотрудничеством приезжих купцов или они простирались на какие-то более глубокие взаимоотношения античного города со Скифией? Текст как будто дает некоторый намек в пользу второго решения. Сама постановка вопроса в письме — «узнай, кто отправится в Скифию» — предполагает скорее не чисто торговое предприятие, а лишь присоединение к какому-то лицу или лицам (вероятно, официальным), собирающимся с определенным поручением в Скифию. Еще убедительнее это выглядит в вариантах чтения, связанных с уплатой подати скифам и др.

Если наши рассуждения верны, то остается реконструировать по аналогиям, как могли складываться связи и отношения Керкинитиды со скифами. Начнем издалека, ибо модус взаимоотношений греков и варваров имел многовековую историю и в конечном итоге определялся соотношением сил в каждый исторический период, когда мир сменялся войной, и в сочинениях греческих историков, философов и поэтов даже модифицировалось само понятие «варвары»⁶⁴. По сообщению Геродота (III, 90; VI, 42), греческие города западного побережья Малой Азии (Ионии) со времен Дария I платили Персии определенную дань (*phoros*). Об уплате дани с ионийских городов сообщают также Фукидид (VIII, 5, 5), Ксенофонт (*Anab.* I, 1, 8), называющий ее *dasmos*, и другие авторы, причем сведения Ксенофонта принадлежат участнику похода Кира Младшего против Артаксеркса и точно датируются концом V в. до н. э.

Краткое, но важное сообщение о фракийцах и скифах в V в. до н. э. содержится во II книге Фукидида (II, 97). Он пишет, что варвары и эллинские города платили дань (*phoros*) могущественному фракийскому царству одрисов, а кроме того, должны были подносить царю и знати подарки (*delta*) — золото, серебро, ткани и разную домашнюю утварь; далее в той же главе Фукидид отмечает, что по военной силе и численности войска царство одрисов уступает царству скифов. Хотя вообще в Причерноморье обитало много разных племен, ведущей политической силой являлись скифы⁶⁵. Сообщение Страбона (VII, 4, 6), видимо восходящее к источникам IV в. до н. э., содержит ценные сведения о взаимоотношениях внутри скифского общества: скифы-кочевники, занимавшие степную часть Крыма, подчинили себе скифов-земледельцев и взымали с них дань (*phoros*). На той же основе строились отношения варваров с Боспором, резко обострившиеся во II в. до н. э., когда они потребовали увеличения дани (Strabo, VII, 4, 4; ср. Luc., *Tox.* 44, 55), и с Ольвией, которая чеканила монету с именами скифских царей и, судя по декрету в честь Протогена конца III в. до н. э. (IOSPE, I², 32), постоянно посылала деньги и доро-

⁶³ Доманский Я. В. Из истории отношений Ольвии со Скифией. — В кн.: Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов. Парутино, 1985, с. 24 сл. Ср. высказывание Л. А. Ельницкого, что «оба мира не могли обойтись один без другого....» (Скифия: евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 210).

⁶⁴ Jüthner J. Hellenen und Barbaren. Lpz, 1923.

⁶⁵ Голубцова, Кошеленко. Ук. соч., с. 1.

гие дары царю Сайтафарну⁶⁶. Прямых сведений о какой-либо форме подчинения Херсонеса скифам у нас нет, но косвенно об этом свидетельствуют слова декрета в честь Диофанта конца II в. до н. э. (IOSPE, I², 352, v. 15), когда после решительной победы войск Митридата над скифами «благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров» (τὰς τῶν βαρβάρων ἐπικρατείας). На этот вопрос обратил внимание Л. А. Ельницкий в 1964 г. в связи с группой клейм и загадочным термином ΣΑΣΤΗΡ в херсонесской присяге. Ссылаясь на отмеченную М. Фасмером близость этого слова древнеиранскому *sāstar* (повелитель, управитель), Ельницкий пришел к выводу, что оно относится к скифскому управителю херсонесской территории, исходя из реальной возможности «военного и политического скифского контроля над херсонесской областью»⁶⁷.

Обратившись к материалам V в. до н. э. и привлекая разные виды источников, Ю. Г. Виноградов⁶⁸ пришел к выводу, что Ольвия под натиском варваров еще тогда отдала себя под протекторат скифских правителей. На конференции ВДИ в 1984 г. он расширил эту тему в докладе «Варварский протекторат над греческими полисами Причерноморья», рассмотрев характер и формы зависимости греческих полисов от варваров в V—II вв. до н. э.⁶⁹ Быть может, термин «скифский протекторат» не везде отвечает исторической действительности (насколько она нам известна из отрывочных данных наших источников)⁷⁰, однако изучение сложных и противоречивых отношений греков и варваров весьма плодотворно и актуально.

Возвращаясь после этого небольшого экскурса к ранней Керкинитиде, мы вправе предположить, что ее взаимоотношения со скифами строились по той же привычной схеме с уплатой податей, взаимными соглашениями и обязательствами.

В заключение следует отметить еще один важный момент. Язык ранних граффити, среди которых и найденное в 1984 г. посвящение Артемиде Эфесской, является убедительным письменным свидетельством в пользу высказывавшегося только в виде гипотезы мнения об основании Керкинитиды ионийцами. Если считать, что наши корреспонденты (или один из них) были уже жителями Керкинитиды, то письмо дает дополнительный материал по этому вопросу. Вместе с археологическим материалом, монетами и другими данными это открывает новую страницу в истории греческой колонизации Крыма и всего Северного Причерноморья.

Второе греческое письмо значительно меньше по размеру и беднее по содержанию, а потому скорее может быть названо запиской, наподобие тех, которые приведены выше из находок на Афинской агоре. Оно

⁶⁶ Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 107 сл., 113 сл.

⁶⁷ Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья. — ВДИ, 1964, № 1, с. 113—116. Хотя объяснение термина ΣΑΣΤΗΡ до сих пор не нашло убедительного однозначного толкования, мысль о какой-то зависимости Херсонеса от скифов вполне справедлива и соответствует исторической ситуации.

⁶⁸ Виноградов Ю. Г. Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье..., с. 138.

⁶⁹ Информацию о конференции см. ВДИ, 1985, № 2, с. 209.

⁷⁰ См. обсуждение указанного доклада. — Там же, с. 210; рец.: Шелов-Коведяев Ф. В. Рец. на кн.: Juri G. Vinogradov. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt. am Schwarzen Meer (Xenia, Ht 1. Konstanz, 1981). — ВДИ, 1984, № 3, с. 185.

Рис. 3. Граффито из Херсонеса. IV в. до н. э.
Прорись

еще одно слово. Высота букв 0,5—0,6 см; высота К и Е в начале строк 0,9 см (рис. 3).

Надпись расположена в четыре строки и состоит из 27 букв. Верхняя строка идет вдоль края черепка, под нижней остается большое свободное пространство, что указывает на полную сохранность надписи (если не считать указанные повреждения в правом нижнем углу). Первые буквы всех строк расположены столбиком одна под другой; слова в строках (кроме первой) заканчиваются без переносов. Для шрифта надписи характерны укороченная правая вертикаль у Π и Ν, расставленные боковые гасы у Μ и Σ (но нижняя черта у Σ несколько спрямлена), широкие воротца у Ω, овальная форма Ο. Все эти особенности укладываются в рамки IV в. до н. э.⁷¹

Возможны два варианта чтения текста в зависимости от толкования слова ΕΡΑΤΑΙ.

1. Κοτύτι-	1. Κοτύτι-
ωμ πίρνας	ωμ πίρνας
ἐράται τὰς	Ἐράται τὰς
4. νέας [---]	4. νέας [---]

Перевод: Котитион любит новую девицу (ее имя?) или Котитион (доставит) Эрате новых девиц...

В первом случае читается глагол — сказуемое от ἐράω (med.) или даже от ἐράμαι и зависимые от него слова в Gen. в дор. форме. В пользу же того, что слово ΕΡΑΤΑΙ могло быть именем собственным в дат. падеже, свидетельствует выделение его с прописной буквы, как и имени Котитион (выс. 0,9 см).

В этом послании, написанном от третьего лица, нет также принятой формулы обращения с χαίρειν, ставшей обязательной с IV в. до н. э., и не очень грамотно построено все предложение (прилагательное νέας далеко отстоит от существительного). В конце мог находиться глагол-сказуемое (но он мог быть и опущен), указание количества девиц или женское имя.

⁷¹ Kirchner. Op. cit., Taf. 25 (363/2 г. до н. э.); Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. — НЭ, 1962, вып. III, табл. II, 2; IOSPE, I², 406, 409 и др.

Написание Κοττίων конечным Μ вместо Ν следует объяснить ассимиляцией, переходом Ν в Μ перед Π, отражающим, вероятно, произношение в живой речи. Обычно такая замена наблюдается в артиклях и предложениях перед Β, Μ, Π⁷².

Имя Κοττίων не засвидетельствовано в антропонимии Греции, но оно несколько раз встречается в агонистическом каталоге из Горгиппии III в. до н. э.⁷³ и на херсонесских керамических клеймах того же времени⁷⁴, причем в указанной статье Б. Ю. Михлина их датировка уточнена как начало III в., а в последней статье В. И. Каца — как 70—60-е годы III в.; наконец, недавняя находка этих клейм на усадьбе около Евпаторийского маяка позволила передатировать их концом IV — началом III в. до н. э.⁷⁵

По происхождению негреческое имя Котитион связано с близким ему именем Κότις (это его модификация с помощью суффикса), а последнее, известное на Боспоре и у одрисов как династическое, имело широкое распространение в различных вариантах во Фракии и Малой Азии. Л. Згуста считает его фракийским⁷⁶, а Г. Михайлов — фракийским или малоазийским, поскольку в Вифинии жили фракийцы, а на всей территории Фракии — малоазийцы⁷⁷.

Женское имя Ἐράτα редкое. В словаре Pape-Benseler названа лишь некая дельфинянка. Видимо, оно происходит от ἐράω (любить), ἐρατός (милый) и вполне подходит для женщин известной профессии, которые обычно носили подобные «говорящие» имена.

Слово πόρνη (дор. πόρνα) не оставляет сомнений в том, что в записке говорится об определенном рода девицах. В первом варианте трудно определить, кто кому сообщает о новом увлечении Котитиона, но важно, что девица названа πόρνα. По второму варианту чтения Котитион извещает хозяйку частного заведения Эрату о приобретении и доставке ей этого живого товара.

Письма касаются всех сторон бытия, и потому их тематика разнообразна, как сама жизнь. Если первое из рассмотренных нами деловых писем можно определить как письмо-распоряжение, то второе носит бытовой характер, но также содержит определенную информацию. Вспомним, что выдающийся писатель и знаток эпистолярного жанра Цицерон, оставивший нам около 800 писем, более всего ценил в них информативность, считая главной задачей всякого письма — сообщить адресату то, чего он не знает⁷⁸. Рассматриваемая информация по-своему интересна,

⁷² Ср. τὸν μῆνα и ἐν Πειραιεῖ (Syll. 1883, № 371 и 374. 6); *Bechtel F.* Die ionischen Inschriften. В., 1905, № 5493 (из Мплета); τὸν πατέρα (IOSPE, I², 482); τὸν προξένον (IGB, I², 37bis, v. 16; см. также v. 10); КБН, с. 810, § 5, прим. 6.

⁷³ КБН, 1137.

⁷⁴ См. *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 1974, вып. XI, с. 122; *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм. — ВДИ, 1979, 2, с. 152; *Кац В. И.* Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом. — ВДИ, 1979, 3, с. 133; *он же.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм. — ВДИ, 1985, № 1, с. 109.

⁷⁵ *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. — ВДИ, 1985, № 2, с. 75.

⁷⁶ *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, § 565; *idem.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, § 710.

⁷⁷ *Mihailov G.* Population et onomastique d'Asie Mineure en Thrace. — *Pulpudeva*, 2. Sofia, 1978, p. 73, 78—79.

⁷⁸ *Briefe des Altertums.* Zürich, Stuttgart, 1965, S. 14, Fussnote 7 (со ссылкой на сообщение Квинтилиана).

внося немаловажную черту в картину быта Херсонеса эллинистической поры.

Гетеры в античной рабовладельческой Греции делились на две категории (высшую и низшую), которые отличались по своим правам и положению в обществе. Многие гетеры (греч. *ἑταῖρα*, соответствует лат. *amīsa* — «подруга») были свободными женщинами ⁷⁹, обучались поэзии, музыке, искусству в специальных школах, которые находились в Коринфе, Абидосе, Милете и других городах. Женщины второй категории (*πόρνοι*) в большинстве случаев были рабынями по рождению; некоторые же были украдены пиратами, а затем проданы или отданы родителями из-за крайней нужды ⁸⁰. В соответствии с социальным положением они могли селиться в Афинах только в районе Пирея, не имели права посещать вместе с женами и гетерами храмы и различные празднества. Дети этих женщин были лишены гражданских прав. Кроме указанных категорий существовали еще гieroдулы при храмах Афродиты ⁸¹, способствовавшие обогащению храмов. Страбон (VIII, 6, 20), например, указывает, что святилище Афродиты в Коринфе имело свыше тысячи таких храмовых рабынь. В другом месте (XII, 3, 36) Страбон упоминает о большом количестве продажных женщин в гор. Комане в Понте, многие из которых были также посвящены Афродите.

Еще при Солоне в Афинах появились публичные дома, которые назывались *πορνεῖα*, *οἰκήματα*, *ἐργαστήρια* и др. Кроме того, существовали частные заведения, которые, как правило, содержали чужеземцев, метеки и вольноотпущенники ⁸². Об одном из них читаем в речи, приписываемой Демосфену, против Неэры ⁸³. Некая Никарета, вольноотпущенница Харисия, с детства воспитала семь девочек и подготовила их к своей профессии; она назвала их дочерьми, чтобы получить за них большую мзду как за свободных. Содержательницей подобного заведения (их называли *πορνοβοσκής*) могла быть и Эрата из Херсонеса.

О существовании публичных домов в Херсонесе в первые века н. э., когда в городе размещалась вексиляция римских legionеров и моряков, давно известно из переписки городских властей с наместником Нижней

⁷⁹ Однако Геродот (II, 134 сл.) рассказывает о гетере фракиянке Родопис, которая была рабыней, выкупленной на свободу братом поэтессы Сафо. Кстати, у Геродота впервые в греческой литературе встречается термин «гетера», получивший затем широкое распространение.

⁸⁰ Navarre O. *Meretrices*. — In: *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. Ed. par Daremberg et Saglio. T. III, 2. P., 1904, p. 1825.

⁸¹ Schneider K. *Hetairai*. — RE, 1913, VIII, 2, Sp. 1340.

⁸² Navarre. Op. cit., 1825. О содержателе такого заведения на Косе см. мимнаб Герода «Сводник» (III в. до н. э.); русск. пер. в кн.: Менаандр, Герод. М., 1984, с. 215 — 218. Ср. термины: *χαριτωπέποι* и *οἰκήμα* в надписи конца II в. н. э. из Херсонеса. — IOSPE, I², 705.

⁸³ Dem., LIX, 18—19. См. Доватур А. И. Рабство в Аттике VI—V веков до н. э. Л., 1980, с. 74 (в книгу вкралась опечатка: указана речь IX вместо LIX). В ряде своих комедий Аристофан упоминает *πορνεῖα* и называет имена известных гетер. В комедии «Ахарияне» (425 г. до н. э.), написанной во время Пелопоннесской войны и призывающей к миру, в качестве повода к войне приводится никчемный спор о подобных девицах (сткк. 524—529). В сцене торга на рынке мегарец выдает своих спрятанных в мешок дочек за поросят и после удачной сделки получает за них связку чеснока и мерку соли (стк. 813). Дальнейшая же судьба несчастных ясна была зрителям без слов, и потому, может быть, не случайно отец просит девочек изображать поросят, намекая на другой смысл слова *χοῖρος* (*pudenda muliebria*). См. Аристофан. Пер. и комм. Адр. Пиотровского. Т. I. Л., 1934, с. 536, комментарий к стк. 767 сл. Подобную игру мы видим и в эклоге «Ахариян», построенном на контрасте, где слово *συμβολή* в строках 1210 сл. употреблено в разных смыслах: Ламах говорит о военной стычке, а Дикееполь — о веселой пирушке (точнее, о складчине).

Мезии и императором в конце II в. н. э. по поводу проституционной подати (περὶ τοῦ τέλου τοῦ πορνικοῦ)⁸⁴. Заметим попутно, что эта важная служебная переписка была по решению властей вырезана на мраморной плите и выставлена в общественном месте для общего обозрения.

Во фрагменте другой греческой надписи В. В. Латышев предполагал один из декретов, упомянутых в «Переписке». Дополнение строк 9—12 позволило ему установить, что существовали публичный дом и частные притоны, а также сборщики налогов с этих заведений⁸⁵. Конец стк. 14 можно дополнить так: περὶ δὲ τῶν ὄρων ἐν τοῖς τῆς πόλεως... (о границах внутри города). В конце стк. 15 на камне не альфа, а остатки следующей буквы, вероятно от угловатой омеги, что позволяет дополнить глагольную форму от συγχωρέω (позволять, предоставлять). По общему контексту там, видимо, говорилось о разрешении этим девицам селиться в определенных кварталах города⁸⁶. Подобные ограничения были и в других городах, в частности, как указывалось выше, в Афинах, а также в Помпеях.

В. В. Латышев в комментарии к сильно фрагментированной надписи IOSPE, I², 405 писал, что это остатки письма или эдикта императора или наместника провинции по поводу установления в городе границ, в пределах которых, быть может, должна была размещаться римская вексилляция. Однако не исключено, что эта надпись близка по содержанию двум предыдущим. В стк. 4, как и в надписи IOSPE, I², 705, говорится об указании им (девицам?) заранее границ внутри города; в стк. 5 во избежание тавтологии последнее слово, пожалуй, лучше дополнить как τὸ [τέλος] и всю строку понимать в смысле установления для них своей властью (ἐξ αὐθεντείας) определенного налога (подати). На эстампаже четче, чем на старом фото, различаются буквы 8 стк.⁸⁷. Кроме того, к той же плите относится, видимо, второй фрагмент IOSPE, I², 695 и фрагмент из архива ГХМ. В нижних строках можно прочесть и дополнить следующие слова: πλῆθος, [στρατιῶται, ὁ μισθός], [πάντων. Упоминание воинов (легионеров?) и платы также вполне соответствует общему содержанию надписи, датируемой по шрифту концом II в. н. э.

В Херсонесе не обнаружены древние притоны, однако находки нескольких светильников с эротическими сюжетами позволяют предполагать, что они украшали в основном подобные заведения. Ведь светильник был обычным символом и аксессуаром любовного обихода у женщин⁸⁸.

В заключительной части статьи кратко коснемся некоторых общих вопросов, связанных с письмами как особой категорией надписей, которая еще недостаточно изучена. Современный человек при слове «частные письма» ждет излияний чувств и мыслей корреспондентов и потому невольно испытывает разочарование, знакомясь с подлинными греческими посланиями, которые отличаются лаконичностью и носят, как правило, сугубо деловой характер. Послания родных и солдат были также очень

⁸⁴ IOSPE, I², 404; Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983, с. 20—27.

⁸⁵ IOSPE, I², 705. Ср. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 48 сл.

⁸⁶ По мнению М. И. Ростовцева (ИАК, 60, с. 65), о том же говорилось в IOSPE, I², 404, стк. 29, где рядом упомянуты какие-то места (города) и подать.

⁸⁷ От плиты сохранился лишь небольшой нижний правый угол. Фото издано в IOSPE, эстампаж см. в архиве ГХМ, д. 16, № 327.

⁸⁸ Чистякова Н. А. — В сб.: Eirene, 1970, VIII, с. 43.

кратки⁸⁹. Только в литературных письмах римской эпохи (часто предназначенных для публикации) проступают индивидуальные черты их автора, его политические и философские взгляды, литературные вкусы, отношения с людьми и пр. Яркими примерами служат письма Цицерона, касающиеся самых разных вопросов бытия, письма Сенеки, обращенные к юному поколению с изложением моральных проблем, переписка Плиния с императором Траяном, наконец, поэтические письма в сочинениях Катулла, Горация и Овидия⁹⁰.

Частные и литературные письма были тесно связаны между собой, оказывая в процессе развития влияние друг на друга. Некоторые авторы выделяют в особую группу письма, встречающиеся в сочинениях древних историков, в основном Геродота и Фукидида, и дискутируют вопрос об их принадлежности⁹¹.

Получив благодаря новым материалам более полное представление об античных архивах (см. выше), мы вправе предполагать их широкое использование древними авторами, а ведь там хранились наряду с декретами, договорами, законами и пр. также письма видных государственных деятелей и полководцев. Поэтому некоторые из писем заслуживают не меньшего доверия, чем другие виды письменных источников, приведенных в сочинениях античных историков дословно или в пересказе.

Стремясь понять и прокомментировать два греческих письма из Крыма, мы не сомневаемся, что они вызовут еще много вопросов и предположений, но хотим напомнить в этой связи слова из классического труда по греческой эпиграфике Вильгельма Ларфельда. Он отмечал особую трудность работы над письмами и сравнивал в этом случае эпиграфиста с естествоиспытателем, который по одной кости реконструирует животное или по листу — растение. Обстоятельства, известные и понятные корреспондентам, мы часто можем восстановить лишь в общих чертах в соответствии с нашими представлениями об античной культуре⁹². Однако по мере накопления материала и его изучения наши знания растут, позволяя все глубже понимать историю античного мира.

DEUX LETTRES ANTIQUES PROVENANT DE CRIMÉE

E. I. Solomonik

L'auteur publie deux trouvailles rares faites en Crimée: des graffiti sur fragments de céramique des Ve et IVe ss. av. n. è. appartenant à la catégorie des lettres.

La lettre de Kerkinitis fut trouvée en 1984 et comporte huit lignes d'un texte intégralement conservé en dialecte ionien. Un certain Apaturios s'y adresse à un Numenios auquel il confie un certain nombre de missions concernant l'expédition de poisson salé et d'autres marchandises. Ainsi, ce nouveau document témoigne de l'existence de rapports commerciaux de la Kerkinitis de la fin du Ve s. av. n. è., sans doute

⁸⁹ Koskenniemi. Op. cit., S. 104—112.

⁹⁰ Письма эти неоднократно издавались в подлиннике и в переводе на различные языки. Они собраны вместе и изданы в немецком переводе в книге Рюдигера с предисловием и краткой характеристикой каждого автора: Briefe des Altertums. Hrsg. von H. Rüdiger. 2. Aufl. Zürich, Stuttgart, 1965. О стиле писем Платона, Исократы, Цицерона и др. см. сб. ст.: Античная эпистолография. М., 1967.

⁹¹ Sykutris. Op. cit., Sp. 208 f.; Hout van den. Op. cit., p. 28, 41; Briefe des Altertums, S. 10.

⁹² Larfeld. Op. cit., S. 178.

К ВОПРОСУ ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ «СЕРЕБРА» В ХЕТТСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ТЕКСТАХ

Сразу же после опубликования первых хеттских клинописных текстов из Богазкейского архива стало известно, что при обозначении «серебра» хеттские писцы использовали не хеттское слово в слоговом написании, а как правило, шумерограмму KÛ.BABBAR «серебро» (аккад. *kaspu*), явно скрывавшую хетто-лувийское или хаттское (протохеттское), а возможно, и хурритское (*ušḫu*) слова, означающие «серебро». Попытки исследователей с точностью определить хеттское или другое звуковое соответствие названия интересующего нас металла оказались тщетными, если не принять во внимание предположение Г. Хоффнера, согласно которому таким хеттским словом, возможно, было *ḥarki-* «белый (металл)»¹, исходя из аналогий в других языках, где обычно серебру давали название по его белому цвету².

Вместе с тем исследователи с самого же начала обратили внимание на тот бесспорный факт, что названия столицы хеттов URUḤattuša и URUḤatti в хеттских текстах обычно писали с помощью указанной выше шумерограммы KÛ.BABBAR «серебро» в форме URUKÛ.BABBAR (с детерминативом URU«город»), часто имеющей фонетические компоненты, например, URUKÛ.BABBAR-ša или URUKÛ.BABBAR-ti, т. е. URUḤattuša и URUḤatti соответственно. Предположительно считая эти названия столицы хаттскими по происхождению, некоторые исследователи заключали, что слово *ḥattu(š)-, *ḥatt- по-хаттски обозначало именно «серебро»³. Однако слово *ḥatt- в этом значении в Богазкейском архиве не обнаружено и поныне, вышеприведенные ребусные написания названий столицы хеттов остаются загадкой⁴. Почему писцы употребляли шумерограмму

¹ Hoffner H. A. An English-Hittite Glossary. — RHA, 1967, v. XXV, fasc. 80, p. 80, not. 154; *idem*. A Hittite Text in Epic Style about Merchants. — JCS, 1968 — 1969, v. XXII, № 2, p. 41. Г. А. Хоффнер обращает внимание на тот факт, что, исходя из DINGIR^{LIM}-aš KÛ.BABBAR-i «серебро божества» (КВо I 42 IV 9), написание с фонетическим компонентом KÛ. BABBAR-i является формой не дательного (локативного), а именительного падежа среднего рода. Следовательно, хеттское слово для «серебра» в данном случае являлось словом с основой на -i-, т. е., возможно, *ḥarki-*.

² Предположение Г. Хоффнера уже поддерживается рядом исследователей. См., например, Tischler J. Hethitisch-deutsches Wörterverzeichnis. Innsbruck, 1982, S. 120; Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983, с. 105; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II Тбилиси, 1984, с. 713 и другие работы, в которых хеттское слово *ḥarki-* переводится как «серебро».

³ Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952 (далее — HW¹), S. 67, 281, 316 (здесь же литература).

⁴ HW¹, S. 316; Laroche E. Études de linguistique anatolienne. — RHA, 1966, t. XXIV, fasc. 79, p. 175; Hoffner. An English-Hittite Glossary, p. 80, not. 154.

для «серебра» при написании названия хеттской столицы? На каком же языке слово с корнем **ḥatt-* обозначало интересующий нас металл ⁵?

Если в хеттских текстах не сохранилось силлабическое написание хеттского слова для «серебра», то в них зафиксированы, как известно, разные падежные окончания указанного слова с помощью некоторых фонетических комплексов, следовавших за шумерограммой KÜ.BABBAR. Они и выявляют весьма любопытную картину: судя по этим комплексам, которым до сих пор не уделялось должного внимания исследователей, в текстах сохранились окончания основ не менее трех различных слов для «серебра», исключая аккадское слово для обозначения этого металла (*kasput*). Поэтому можно предположить, что под шумерограммой KÜ.BABBAR скрываются различные слова, обозначающие «серебро» — хеттское, лувийское или хаттское, а возможно и хурритское ⁶.

Исходя из написаний KÜ.BABBAR-an-za (именительный падеж ед. ч.)⁷ и KÜ.BABBAR-an-ti (дательный падеж. ед. ч.)⁸, становится бесспорным, что скрывающееся в идеограмме слово для «серебра» имеет основу на -nt-, т. е. KÜ.BABBAR-ant-⁹. Как известно, слова с основой на -nt- являются хеттскими (или лувийскими) по происхождению. Правда, формы -anza и -anti — окончания именительного и дательного падежей (ед. ч.) собственного имени человека, которого звали «Серебро» в одном мифологическом рассказе хурритского происхождения¹⁰, однако данная персонификация серебра¹¹ не меняет того обстоятельства, что в хеттском переводе хурритского ритуала человек по имени «Серебро» был обозначен хеттским словом, имевшем основу на -nt- (по-хурритски имя того же человека было бы «Ушху» — «Серебро») ¹². Если верно предположение Г. Хоффнера, что в основе хеттского названия «серебра» *ḥarkī-*, возможно, лежал семантический признак белизны, то, согласно написанию KÜ.BABBAR-ant-, не исключена возможность восстановления слова **ḥarkant-* (**ḥarkijant-*) для «серебра». В таком случае указанную форму можно будет сравнить с некоторыми индоевропейскими словами, обозначающими «серебро», в первую очередь с лат. *argentum* и др.¹³

Судя по написанию KÜ.BABBAR-ni¹⁴, слово, скрывающееся под этим написанием, в дательном падеже ед. ч. оканчивалось на -ni. Это

⁵ По своему фонетическому составу и по семантике слово **ḥatt-* напоминает египетское *ḥd* «серебро», однако маловероятно, что именно оно легло в основу названия URU *Ḥattuša* или URU *Ḥatti*, которое считается хаттским по происхождению. Вероятнее всего, слово **ḥatt-* все же было хаттским. Не исключено, что оно обозначало «белый (металл)».

⁶ Как известно, в хеттских текстах нередки случаи, когда та или иная шумерограмма скрывает соответствующее хеттское или лувийское слово, которое определяется по фонетическому комплексу, следовавшему за идеограммой. Например, написание LU-aš «человек» подразумевает хеттское слово *antuḥšaš*, а LU-iš — лувийское слово *zitiš*. Ср. также IR-aš и IR-iš «раб; слуга; несвободный», скрывающие хеттское и, видимо, лувийское слова с тем же значением.

⁷ KUB XVII 4 2, 8; XXXIII 115 IV 2; XXXVI 19 9.

⁸ KUB XXXVI 18 II 7.

⁹ Подобно словам *ispant-* «ночь», *udneant-* «страна», *ḥummant-* «все, каждый, целиком» и т. д. (см. HE, I, S, 53, § 77 (81)), которые в именительном падеже ед. ч. имеют окончание -anza, а в дательном падеже — -anti.

¹⁰ Laroche E. Mythe de l'«Argent». — RHA, 1968, t. XXVI, fasc. 82, p. 177—182.

¹¹ WM, I Abt., Lief. 2, S. 196.

¹² Маловероятно, что в указанном рассказе имеется хеттская суффиксация (-ant-) у слова нехеттского происхождения, как это предполагает Э. Ларош (Études..., p. 175).

¹³ О названиях «серебра» в разных индоевропейских языках см. Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., с. 713.

¹⁴ KBo V 2 IV 61.

означает, что данное слово имело основу на -a-¹⁵ либо -n-¹⁶, или -r/n-гетероклитического типа¹⁷, абстрактные слова на -atar, -tar, -eššar, -war, -mar и т. д.¹⁸ Как известно, только такие слова могли иметь в дательном падеже ед. ч. указанное выше окончание. Возможно, это было слово лувийского происхождения или же, как полагает Э. Ларош, хурритское слово ušhu (в дательном падеже *ušhuni)¹⁹.

Засвидетельствованные в текстах формы KÜ.BABBAR-iaš (родит. п. ед. ч.)²⁰, KÜ.BABBAR-i (дат. п. ед. ч.)²¹ и KÜ.BABBAR-ia (также дат. п. ед. ч.)²² допускают возможность, как уже отмечалось, наличия и слова для «серебра» с основой на -i-. В родительном падеже ед. ч. оно оканчивалось на -iaš (а иногда и на -aš)²³, а в дательном падеже ед. ч. — на -i или -ia (-ai). Это слово типа halki-, huwaši-, šalli-, šurpi- и т. д.²⁴ Такое хеттское слово с полным правом можно восстановить, согласно предположению Г. Хоффнера, как *harki- (см. прим. 1), тем более что в одном написании слова KÜ.BABBAR-i²⁵ он видит окончание именительного падежа среднего рода (вместо дательного падежа). Однако, основываясь на предположении Г. Хоффнера, согласно которому серебро в хеттском получило свое название по белому цвету этого металла, нам кажется более вероятным отдать предпочтение реконструированной выше форме *harkant- (*harkiant-) «серебро», хотя можно допустить и параллельное употребление *harki-.

Таким образом, если верны вышеприведенные предположения, идеографическое написание KÜ.BABBAR подразумевает существование различных слов, обозначающих «серебро», вероятнее всего, разного происхождения. Предполагаем, что к их числу принадлежит еще одно слово явно не хеттского происхождения. К такому выводу нас приводит анализ данных одного архаического хеттского ритуала, к рассмотрению которого и приступаем ниже.

В заключительной части этого ритуала с участием богини Солнца и бога Грозы — KBo XXI 22 (CTH 820, 4)²⁶, содержащего пожелания долгих лет жизни лабарне-царю и тавананне-царице (сткк. 18—20), приводится следующий пассаж: ⁴¹ISKUR-aš wa-at-ta-ru i-an-zi nu-wa wa-at-ta-ru ma-a-aḥ-ḥa-an i-ia-an ⁴²ku-un-na-ni-ta-at ú-e-da-an ar-zi-li-ta-at

¹⁵ Подобно словам aguna-, appa-, araḥzena-, kunna- и т. д.: HE, § 64 (69), 65 (70). В винительном падеже ед. ч. оно имело окончание -an: KÜ. BABBAR-an (KUB XXXV 52 8).

¹⁶ См. такие слова, как šaḥḥan, laman, tekan и т. д.: HE, § 78 (82).

¹⁷ Подобно словам uttar, ešhar, lammar и т. д.: HE, § 82 (86).

¹⁸ HE, § 83 (87), 84 (88), 85, 86, (89, 90), 88 (92 a).

¹⁹ Laroche. Etudes..., p. 175. Относительно ušhu см. также Меликишвили Г. А. О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках. — ВДИ 1968, № 4, с. 126 сл.; Diakonoff I. M. Hurrish und Urartäisch. München, 1971, S. 167. В этих работах предполагается связь хурритского слова ušhu «серебро» с грузинским wercxl- «серебро».

²⁰ KUB XXXII 128 II 4—7.

²¹ KUB VIII 35 Vs. 14; XVII 4, 3; XXXVI 19 11', 12'; IBoT II 121 Rs. 16.

²² KBo V 2 IV 55; HW¹, S. 281.

²³ KU. BABBAR-aš: KBo X 31 II 13, IV 32 и др.

²⁴ HE, § 66 (71), 71 (75) и т. д.

²⁵ KBo I 42 IV 9.

²⁶ Транслитерацию текста и итальянский перевод с комментариями см. Archi A. Auguri per il labarna. — StMed, 1979, p. 45 ff. Фрагменты текста KBo XXI 22 рассмотрены в монографии: Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М. 1982. с. 106 сл.

ḥa-ni-iš-ša-a-an ⁴³AN.BAR-at iš-ki-ja-an...²⁷ — «⁴¹Источник бога Грозы они делают и (говорят): „Как только источник (будет) сделан, ⁴²медью он (будет) построен, (с помощью) arzili- он (будет) оштукатурен, ⁴³железом он (будет) помазан...“»²⁸.

Единственное слово из этого отрывка, значение которого неизвестно, это слово, написанное в форме arzilitat, где выделяется основа arzil- или arzili- (или же arzila-), к которой присоединены окончание инструментального падежа -it и личное местоимение -at «он, она, оно». В других хеттских текстах данное слово, имеющее основу на -l или на -i (или же на -a), не встречается. Это и вызывает известные трудности при установлении его значения, что можно сделать, в первую очередь, с учетом контекста приведенного выше отрывка из ритуала.

Исходя именно из контекста интересующего нас отрывка, А. Камменхубер предполагает, что arzila/i- обозначает какой-то материал для штукатурки²⁹. По всей вероятности, такое предположение основывается на том факте, что, согласно самому тексту, интересующее нас слово употреблено именно в связи с глаголом ḥaneš(š)-, ḥaniš(š)- «штукатурить»³⁰. Такого же мнения придерживается и И. Тишлер в «Указателе хеттско-немецких слов», где интересующее нас слово определено как материал для штукатурки, глина или ил (тина)³¹. Согласно Я. Зигеловой, слово arzil- (arzili/a-) обозначает, вероятно, какой-то строительный раствор³², а Ф. Хаас рассматривает его как обозначение какого-то камня, отождествляя его со словом arzallu, засвидетельствованным в аккадском «Materia magica»³³.

Иначе определяет значение интересующего нас слова А. Арки, который переводит его как «бронза» (с вопросительным знаком)³⁴. Соответствующие

²⁷ Транслитерацию и немецкий перевод этих строк см. также HW², Lief. 5 (1980), S. 366; Siegelova J. Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im Hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z. — Annals of the Naprstek Museum, Prague, 1984, v. 12, S. 84. Транслитерацию с английским переводом см. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Ed. by H. G. Güterbock and H. A. Hoffner. V. III, fasc. 2, p. 106 (Chicago, 1982).

²⁸ Хеттское слово kunnan- (=kuwannan-) «медь» (стк. 42) А. Камменхубер не переводит (HW², Lief. 5, S. 366), несмотря на то, что значение этого хеттского слова у исследователей не вызывает сомнений. Из последней литературы см., например: Tischler. Op. cit., S. 120. В шумерограмме AN. BAR-at подразумевается хеттская форма ḥaralkit, т. е. ḥaralkit «железом» + at «он» (источник бога Грозы). Относительно соответствия AN.BAR-it и ḥaralkit ср. параллельные фрагменты KUB XXIX 1 III 40 и HT 38 II 12.

²⁹ HW², Lief. 5, S. 365.

³⁰ Согласно данным хеттских текстов, для штукатурки стен отдельных построек обычно использовали глину (wilan-): ne-e-u-it ú-i-la-ni-it ḥa-ni-iš-ša-an-du «новой глиной пусть оштукатурят»; см. Schuler E. Hethitische Dienstabweisungen. Graz, 1957, S. 45, 55. Для штукатурки употребляли также материал purut- «известка, раствор; глина»: HW¹, S. 174.

³¹ Tischler. Op. cit., S. 8, 120.

³² Siegelova. Op. cit., S. 84.

³³ Haas V. Hethitische Berggötter und hurritische Steindämonen. Mainz am Rhein, 1982, S. 181. Однако такое отождествление нам кажется маловероятным. Связь arzil- со словом arzallu (вариант arazallu), обозначающим какие-то растение, камень, орудие (труда) или драгоценную вещь (AD I, part 2, 1968, p. 324 ff.; ANW I, 1965, S. 73), по всей вероятности, исключают и А. Камменхубер, И. Тишлер, Я. Зигелова, Г. Г. Гютербок и Г. Хоффнер, не ссылаясь на это аккадское слово. В тех случаях, когда arzallu обозначает какой-то камень, это слово в аккадских текстах, как правило, пишется вместе с идеограммой NA₄ «камень», которая в хеттском тексте отсутствует перед arzil-. Таким образом, интересующее нас аккадское слово имеет близкое хеттскому слову звучание, но не значение.

³⁴ Archi. Op. cit., p. 47.

аргументы в пользу своего предположения, что в тексте имеется в виду металл, им не приведены.

Исходя из контекста отрывка, вслед за А. Арки и нам кажется более правдоподобным, что слово *argil-i/a-* (далее — *argil-*) является названием металла, хотя не бронзы, для обозначения которой употреблялось, как это отмечается в литературе, хеттское слово *ḫaḡašu-*³⁵. Самое веское доказательство этого, как мы полагаем, — появление *argil-* рядом с такими металлами, как медь (*kuṣṣan-*) и железо (*AN.BAR = ḫaralki-*). Поэтому вряд ли оно обозначает и какой-либо строительный камень (тем более раствор), так как при нем отсутствует идеограмма *NA₄* «камень». По всей вероятности, в интересующем нас отрывке перечислены исключительно металлы.

Такому предположению отнюдь не должна противоречить засвидетельствованная в отрывке связь между существительным *argil-* и глаголом *ḫaneš(š)-*, *ḫaniš(š)-* «штукатурить», на основании чего утверждается, что интересующее нас слово обозначает материал для штукатурки. Ведь в рассматриваемом нами отрывке медь выступает как строительный материал (ср. слова стк. 42: «медью он (будет) построен»), хотя этот металл вовсе таковым не является. Согласно этому же отрывку, железо употребляется как материал для помазания (ср. слова стк. 43: «железом он (будет) помазан»), несмотря на то, что этот металл совершенно непригоден для такой цели³⁶. В свете вышесказанного не вызывает сомнений, что в приведенном выше отрывке из древнейшего хеттского ритуала металлам — меди и железу — придается магическая сила при строительстве источника для бога Грозы. Следовательно, не должно вызвать недоумения, что *argil-*, т. е., как мы стараемся доказать ниже, определенному металлу, также придана магическая сила, выражающаяся в том, что он мог быть использован как материал для штукатурки.

Если в вышеприведенном отрывке действительно перечислены исключительно металлы, то естественно поставит вопрос: какой именно металл обозначает слово *argil-*? Ясно, что оно не будет обозначением ни одного из металлов, хеттские или хаттские названия которых уже установлены, т. е. меди (хетт. *kuwanna-*, *kuṣṣan-*, возможно, хатт. *šinitī*), железа (хатт. и хетт. *ḫaralki-*), бронзы (хетт. *ḫaḡašu-*), олова (хетт. *dankui-*), свинца (хетт. *šūlija-*, *šulai-*)³⁷. Оно не будет хеттским названием и для «серебра», если верно предположение Г. Хоффнера о том, что таким хеттским словом, возможно, было *ḫarki-*, или если правдоподобно наше предположение о реконструкции такого слова в форме **ḫarkant-* (см. выше), хотя такие слова в значении «серебро» документально пока не засвидетельствованы. Оно не может быть и хаттским словом для «серебра», несмотря на то, что слово **ḫattu-*, **ḫatt-* в значении «серебро» в хеттских или хаттских текстах пока не установлено. Однако оно может быть хетт-

³⁵ Laroche. *Études...*, p. 181; Hoffner. *A Hittite Text...*, p. 29; Tischler. *Op. cit.*, S. 120.

³⁶ В хеттском строительном тексте KUB XXIX 1 III 39—40 медь и железо употреблены в «обычном» значении — для отделявания ритуального очага: ³⁹*DINGIR·MES-wa KI·NE da-a-ir nu-wa-ra-an* [ku-u]n-na-ni-it ⁴⁰*ḫu-u-ra-i-ir na-an AN·BAR-it sa-an* [-ni-i]-ir «³⁹Боги очаг установили и они его [ме]дью ⁴⁰украшили, и его железом пок[рыли]». См. Siegelova. *Op. cit.*, S. 85; Тапишвили И. М. Хеттский ритуал установления очага (KUB XXIX 1 III 37—IV 29). — Археологические изыскания, Тбилиси, 1985 (на груз. яз.), с. 144.

³⁷ Относительно этих названий металлов см. упомянутые выше работы Г. Хоффнера, И. Тишлера, Э. Лароша, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

ским или хаттским словом для «золота»³⁸, хаттским названием «бронзы», «олова», «свинца» и т. д., т. е. таким словом для металлов, названия которых нам не известны. Допустима и другая возможность. Ниже мы постараемся доказать, что слово *arzil-* (неясного происхождения) может быть названием для серебра.

При установлении значения *arzil-* обращает наше внимание прежде всего его фонетическое сходство с рядом названий для «серебра» в картвельских и северокавказских языках. Основу слова *arzil-* можно сопоставить в первую очередь с общекартвельской основой **werɣxl-* «серебро», т. е. с грузинской основой *werɣxl-* и в особенности мегрельской основой *waɣɣxl-* «серебро»³⁹, если в картвельских основах начальное **w*, а также **x* имеют позднее, вторичное происхождение (вследствие заимствования из какого-то языка). В таком случае фонетический состав интересующих нас слов станет явно близким. Однако можно допустить, что имел место обратный процесс, т. е. отсутствие в слове *arzil-* начального **w*, а также **x* картвельских основ можно объяснить как результат потери этих последних элементов вследствие заимствования из картвельских языков. В данном случае первоначальным источником слова *arzil-* будут картвельские языки.

В связи с *arzil-* довольно интересны материальные параллели из северокавказских, в частности нахско-дагестанских и абхазских языков. Так, в даргинском слово *агс* (в русской транскрипции *арц*), а в лакском *агси* (*арцу*), в табасаранском и агульском (а также годоберинском и ботлихском) соответственно *агс* и *агсу*, в арчинском *агси*, в андийском *агси* обозначают «серебро»⁴⁰. С данной основой можно связать и абхазское *а-газнэ* и аварское *вагас* «серебро»⁴¹. В таком же случае первоначальным источником слова *arzil-* могут стать северокавказские языки. Приведенные слова из северокавказских языков, в конце основы не имеющие *-l* (в отличие от общекартвельской основы, сохранившей *-l*), в научной литературе рассмотрены как аналоги индоевропейского **Hark'-* «серебро», к которому может восходить и корень **arz-* интересующего нас слова. В свете новых данных о генетических связях северокавказских языков с хаттским⁴² вышеприведенные сравнения не исключают и связи с хаттским миром, тем более что, судя по фонетическому составу, *arzil-* выявляет связь с хаттской лексикой, в частности, со словами с суффиксом *-il*: *-gazzil* «земля» (в составе сложного слова *ištarazzil* «черная земля»), *bikaššil*, *pipizil* «буря, ливень», *wazaril* и др.⁴³

Наше предположение относительно *arzil-* «серебро» полностью подтвердится лишь в том случае, если в дальнейшем в хеттских текстах будет

³⁸ Как предполагают, золото низкого качества обозначалось словом *kurupšeni*.

³⁹ Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, с. 51; Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 1964, с. 83; Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., с. 713.

⁴⁰ Шагиров А. Я. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А—Н. М., 1977, с. 156; Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., с. 713, прим. 2; Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде.— В кн.: Древняя Анатолия. М., 1985, с. 83 сл.

⁴¹ Шагиров. Ук. соч., с. 156. Ср. также армянское *агсат* «серебро» и т. д.

⁴² Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским.— В кн.: Древняя Анатолия, с. 26 сл.

⁴³ Иванов. История ..., с. 118, 129 сл., 138.

обнаружено слоговое написание этого слова параллельно с идеограммой KÜ.BABBAR или же если идеограмма KÜ.BABBAR будет обнаружена с фонетическим комплементом -l типа *KÜ.BABBAR-li-it ⁴⁴ «серебром» (инструментальный падеж ед. ч.) или KÜ.BABBAR-li ⁴⁵ «серебру» (дат. п. ед. ч.) и т. д. ⁴⁶

Г. Г. Гиоргадзе

⁴⁴ В хеттских текстах сохранилась форма KÜ. BABBAR-it (KBo XXIII 52 II 11 = HW², Lief. 5, S. 327), однако она не выясняет конечного корневого согласного для слова «серебро».

⁴⁵ Склонение подобного слова с конечным корневым согласным -l-(karūili-) см. НЕ, § 71 (75).

⁴⁶ Выдвинутое нами предположение подтверждается и следующим соображением, на что любезно обратили наше внимание Т. В. Гамкрелидзе и М. К. Андроникашвили. Дело в том, что корень *arzi- слова arzil- (в данном случае -l можно выделить из этого слова как суффикс) можно связать с хеттским словом ḥarki- «белый» (при потере ларингальной фонемы ḥ в слове *arzi-), т. е. *arzi- и ḥarki- можно рассматривать как одно и то же слово, оформленное согласно законам языков satəm и centum соответственно. В данном случае значение слова *arzi- «белый» и, следовательно, arzil- «серебро» станет бесспорным. Что касается слова *ḥattu(š)-, *ḥatt-, то оно по-прежнему может рассматриваться как хаттское слово, обозначающее «серебро».

LE MOT SIGNIFIANT «ARGENT» SELON LES TEXTES CUNEIFORMES HITTITES

G. Giorgadze

Si nous partons des graphies KÜ. BABBAR-an-za et KÜ. BABBAR-an-ti (nomin. et dat. du sing.), il devient évident que le mot signifiant «argent» qui se cache dessous avait une base en -nt- : KÜ. BABBAR-ant-. Si on prend en considération l'hypothèse de G. Hoffner selon laquelle le mot «argent» aurait été formé, en hittite également, à partir de la notion de la blancheur (hitt. ḥarki-) de ce métal, en ce cas on peut reconstruire le mot hittite pour «argent» comme *ḥarkant-.

A en juger par la graphie KÜ. BABBAR-ni (dat. du sing.), le mot pour «argent» sous-entendu ici avait des bases en -a-, -n-, -r/-n etc. Quant aux formes, attestées dans les textes hittites, de KÜ-BABBAR-ḫaš (gén. du sing.), KÜ. BABBAR-i (dat. du sing.), elles rendent possible l'utilisation d'un mot à base en -i-. Ce mot pouvait avoir été tant ḥarki- «blanc» (le métal blanc) que, selon l'auteur de l'article, le mot arzi- (arzi-, arzila-).

Ce mot, qui n'est attesté qu'une fois (KBo XXII 22, 1.42) et à côté de noms de métaux (cuivre et fer), désignait sans doute également un métal (et non un matériau de plâtrage, un ciment ou de la pierre), en particulier l'argent. Le mot arzil- présente une ressemblance phonétique et sémantique avec les désignations de l'argent dans les langues kartvéliennes (cf. géorg. *wercxl-*, megr. *warčxil-*) et caucasiques, notamment dans les langues nakho-daguéstanaïses et abkhazes sous la forme *arc*, *arcu*, *ars*, *arsu*, *arsi*, *orsi* (sans le suffixe -l). Cf. l'armén. *arçat*.

Pour ce qui est du mot hattī pour «argent», l'hypothèse *ḥattu(š)-, *ḥatt- demeure valable.

СВОБОДА ВОЛИ И БОЖЕСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ

Уже в античности было подмечено, что гомеровские герои совершают важнейшие поступки по внушению богов. Отголоски споров по этому вопросу мы находим, в частности, у Плутарха (Vit. Coriol. 32), опиравшегося, очевидно, на какие-то философские источники¹, да и знаменитое уподобление Платоном в «Законах» людей марионеткам в руках божества (Leg. 644D—645B) едва ли было сделано без влияния соответствующих гомеровских сцен.

Чем же объясняется эта странная черта гомеровского эпоса?

С полной категоричностью Бруно Снелль приписывает гомеровским поэмам представление о неспособности человека к самостоятельным действиям², и в поддержку его идеи выступил ряд исследователей³, в том числе советских — В. Н. Ярхо и В. В. Иванов⁴.

Другие ученые вскоре указали на ряд случаев, где гомеровские герои принимают решения самостоятельно, взвесив соображения «за» и «против»: так, Одиссей (Il. XI, 404—410) и троянец Агенор (Il. XXI, 550—590) решаются не отступить и принять бой, в то время как Менелай принимает решение отойти, покинув на время тело Патрокла (Il. XVII, 90—113)⁵. В той или иной форме Снеллю возражали Гундерт, Ланиг, Швабль, Лески, Додс, Кульман, Шерер, Пламбок, Пирсон⁶. В итоге получается, что в гомеровских поэмах мы находим двойную мотивацию поведения людей — внутреннюю и внешнюю, обусловленную вмешательством богов, причем эта последняя, на наш взгляд, явно выступает на передний план.

Мысль о неспособности или нежелании автора (или авторов) гомеровских поэм изображать людей, самостоятельно принимающих решения, не подтверждается, но вопрос о корнях и смысле, так сказать, «божественной мотивации» ждет своего разрешения. Что касается корней этого «божественного руководства» людьми, наблюдаемого нами у Гомера, то прежде всего нужно отвергнуть идею, будто где-то в прошлом, незадолго до создания «Илиады» и «Одиссеи», такое внешнее объяснение поступков людей было единственно возможным (и объяснение Снелля правильно для этой эпохи), а гомеровские поэмы дают нам уже картину перехода

¹ Lesky A. Göttliche und menschliche Motivation im homerischen Epos.— In: Sitzungsberichte der Heidelberger Akad. der Wiss., 1961, 4. Abh., S. 18—22.

² Snell Br. Die Entdeckung des Geistes. 3. Aufl. Hamburg, 1955, S. 50 f., 106; cf. Aischylos und das Handeln im Drama.— Philologus, Supplbd. XX, 1, 1928.

³ Voigt Chr. Überlegung und Entscheidung. Studien zur Selbstauffassung des Menschen bei Homer. B., 1934; Fränkel H. Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums. N. Y., 1951, S. 92; Jürss Fr. Von Thales zu Demokrit (Frühe griechische Denker). Leipzig — Jena — Berlin, 1977, S. 31—32.

⁴ Ярхо В. Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека.— ВДИ, 1963, № 2, с. 46—64; Иванов В. В. Структура гомеровских текстов, описывающих психологические состояния.— В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 81—117.

⁵ Dodds E. R. The Greeks and the irrational. Berkeley — Los Angeles, 1951, p. 20, not. 31: «a reasoned decision taken after consideration of possible alternatives».

⁶ Gundert H. Charakter und Schicksal homerischer Helden.— Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, 1940, S. 225—237; Lanig K. Der handelnde Mensch in der Ilias. Diss. Erlangen, 1953; Schwabl H. Zur Selbständigkeit des Menschen bei Homer.— Wiener Studien, 1954, 67, S. 46; Lesky. Op. cit., Dodds. Op. cit.; Kullmann W. Das Wirken der Götter in der Ilias. B., 1956, S. 78—81, 106—116; Schaefer R. L'homme antique. P., 1958; Plambeck G. Erfassen — Gegenwärtigen — Innesein. Diss. Kiel, 1959, S. 7; Pearson L. Popular Ethics in Ancient Greece. Stanford, 1962, p. 208, not. 3.

к изображению обычных психологических мотивировок⁷. Это объяснение вызывает прежде всего целый ряд затруднений; прежде всего «Одиссея», более поздняя, чем «Илиада», демонстрирует не разрушение, а развитие «божественного аппарата»⁸.

Далее, рассмотрим, например, эпизод с Агенором и Ахиллом — яркий случай принятия самостоятельного решения после колебаний и притом человеком, находящимся под покровительством Аполлона, который лично его спасает и даже принимает его облик и дразнит Ахилла, гонящегося за ним. Никаких советов Аполлон ему не дает, и, казалось бы, перед нами образец нового духа, нового подхода к мотивации поступков. Но такой прямолинейный анализ гомеровских поэм на более древние и более новые слои и здесь встречает трудности: в II. XXI, 569 мы обнаруживаем следы, очевидно, крайне архаического представления о том, что у особо сильных могущественных людей может быть несколько душ⁹. Это, однако, частности, которые не решились бы дело. Гораздо важнее уже то, что слабые отзвуки человеческих конфликтов, дошедшие до нас в хозяйственной отчетности микенских дворцов, говорят о том, что и во II тыс. до н. э. в микенских государствах, как и повсюду в Передней Азии и в Египте, людей считали самостоятельно принимающими решения в нормальных ситуациях и отвечающими за них лично. Так, в табличке ТУ Ер 704 сама жрица Эрата оспаривает притязания да — то (очевидно, общины); а не ее божественный покровитель или покровительница.

Безусловно неприемлема недавняя попытка Джейнза постулировать для цивилизаций III—II тыс. до н. э. большую, чем сейчас, самостоятельность функционирования полушарий головного мозга и, как следствие этого, всеобщие слуховые галлюцинации, воспринимавшиеся как голоса богов и управлявшие поведением людей в частной и общественной жизни, так что, в частности, и гомеровский «божественный аппарат» является реликтом этой совсем непохожей на нашу психологии человека¹⁰. Этой идее противоречит уже поразительный континуитет в материальной культуре, государственном быте, искусстве и словесности древнего Египта и Месопотамии от III тыс. до н. э. до эпохи эллинизма, исключаяющий возможность коренной ломки определяющих поведение человека психофизиологических механизмов.

Наконец, обратимся к самим богам, как они изображены у Гомера. Они-то принимают решения всегда сами и руководствуются своими личными интересами и капризами¹¹. Аполлон решает поразить чумой ахейское войско, вняв молитве Хриса (II. I, 43 sqq.); Гера испугалась, что Ахилл набросится на Агамемнона, и послала Афину остановить Ахилла (II. I, 194—196). В гомеровской религии нет персонажей, которые могли бы управлять богами. Между тем история всех религий учит нас, что конкретные черты, которыми люди наделяют божества, всегда являются результатом перенесения в мир богов человеческих свойств и форм поведения. Это понимал применительно к греческой религии уже Ксенофан, и он же, говоря об аморальности гомеровских богов, разумеется, видел

⁷ Cf. *Cauer P.* Grundfragen der Homerkritik. Bd. I. Lpz, 1914, S. 401.

⁸ *Nilsson M. P.* Götter und Psychologie bei Homer. — Archiv für Religionswissenschaft, 1924, S. 363—390 (besonders S. 367 f.).

⁹ *Зайцев А. И.* *Ἰα φυχῆ*: II. XXI, 569. — ВДИ, 1976, № 1, с. 97—102.

¹⁰ *Jaynes J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston, 1976; Ср. *Иванов.* Структура гомеровских текстов..., с. 81—116; он же. Машинные комплексы и полушария мозга. — ВФ, 1979, № 7, с. 159 сл.

¹¹ *Cr. Voigt.* Op. cit., S. 82 f.

и то, как в мир богов у Гомера переносятся типично человеческие, сплошь и рядом не лучшие в нравственном смысле побуждения.

Без ощущения свободы воли человека греки не могли бы представить себе и действующих по собственному произволу богов. В действительности представление о руководстве богов людьми должно иметь свои психологические корни, и притом в явлениях так называемой диссоциации психических явлений¹², но не стойкой и повседневной, как считает Джейнз, а проявляющейся у отдельных индивидуумов в определенные моменты. Чувство утраты способности управлять собой, ощущение какой-то внешней силы, заставляющей поступать так, а не иначе, охватывает в определенных ситуациях не только больных, например страдающих синдромом Кандинского — Клерамбо¹³, но и здоровых людей. В те эпохи и у тех народов, где господствовала религия, такого рода ощущения могли возникать чаще, воспринимались как одержимость божеством или духом и могли институционализироваться, рассматриваться как что-то похвальное и полезное для общества. Очевидно, таков был в древнем мире упоминаемый Луканом (I, 256) *furor Teutonicus*¹⁴. Здесь в этих исключительных переживаниях можно видеть корни представления о том, что божество может руководить и управлять человеком¹⁵.

Но как используется это древнее представление в гомеровских поэмах? Заметим прежде всего, что советы богов у Гомера чаще всего соответствуют тому, что предпринял бы сам герой в данной ситуации в соответствии со своим характером, таким, каким его рисует поэт¹⁶, т. е. по обычным законам психологической мотивации в художественном произведении. Вполне определенный характер обнаруживают в «Илиаде» Гектор¹⁷ и Патрокл¹⁸. Гомер вполне последовательно рисует нам Ахилла на всем протяжении «Илиады» как импульсивную натуру, способную, однако, перебороть возникающие в нем порывы к насильственным действиям¹⁹. Ахилл сдерживает свой гнев, в частности в разговоре с Приамом (II. XXIV, 559—570). Храбрый Диомед, спокойно выслушивающий обидные речи Агамемнона (II. IV, 401—418), выступает рядом с Ахиллом в роли контрастной фигуры. Ахилл оспаривает сам собой и в I песне «Илиады», когда он удерживается от расправы с Агамемноном (188 sqq.), но здесь поэт, как и в других случаях, привносит дополнительную мотивировку поведения Ахилла — вмешательство Афины, удержавшей его, причем Афина уже как будто заранее знает, как поведет себя дальше Ахилл уже по собственной инициативе (II. I, 212—214).

¹² Nilsson. Op. cit., Bickel E. Homerischer Seelenglaube. Königsberg, 1885, S. 278 ff.; Kullmann. Op. cit., S. 88 f.; Dodds. Op. cit., p. 9 ff.

¹³ См. Ануфриев А. К. Психический автоматизм и синдром Кандинского — Клерамбо. — Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1979, № 9, с. 1397—1405.

¹⁴ М. П. Нильсон сопоставляет иступление Гектора, описанное в «Илиаде» (XV, 603—612), с состоянием древнескандинавского берсеркера (Nilsson. Op. cit., S. 366). Ср. Henry P. L. Furor Heroicus. — Zeitschrift für celtische Philologie, 1982, Bd 39, S. 235—242.

¹⁵ Kullmann. Op. cit., S. 108.

¹⁶ Ibid., S. 107—109.

¹⁷ Quaglia L. La figura di Ettore e l'etica nell'Iliade. — Atti Accad. Torino, XCIV, 1950—1960.

¹⁸ Scheliha, R. v. Patroklos. Basel, 1943.

¹⁹ О типе Ахилла см. Quaglia L. Le figure di Achille e l'etica dell'Iliade. — Atti Accad. Torino, 1960/1961, XCV; Lesky A. Serta philologica Aenipontana. Innsbruck, 1961, S. 19.

Каков же смысл в дополнительной «божественной мотивации» наряду с нормальной «от характера» ²⁰.

Хорошо известно, что забота и поддержка, которую оказывают боги Ахиллу, Одиссею, Диомеду и другим героям гомеровского эпоса, должны поднять их в глазах слушателей и над современными людьми, и над толпой простых людей — рядовых воинов героической эпохи. Я думаю, что и приписывание поступкам человека божественной мотивации, ставящее человека в непосредственную близость к высшим силам, входило в древнегреческом эпосе в систему приемов героической идеализации персонажей эпоса, и доводом в пользу этого является то, как в «Илиаде» изображается поведение Терсита (Il. II, 211—277): Терсит — рядовой воин — представлен отвратительным смутьяном и трусом, и когда он неожиданно обращается к грекам с призывом бросить осаду Трои и вернуться домой, поэт дает однозначно психологическую мотивировку его поступка, исходя из свойств его характера, проявлявшихся уже и ранее в его поведении. Никаких следов божественного внушения мы здесь не находим, и в этом аспекте Гомер ничуть не архаичнее не только Теофраста, но и, скажем, Шекспира с его Яго. Причина здесь очевидна: Терсит — не эпический герой, а эпизодический отрицательный персонаж, недостойный, с точки зрения поэта, божественного руководства. Аналогичным образом Гомер вкладывает в уста Агамемнону (Il. XIX, 26—94, 136—137) ссылки на вмешательство Зевса, Мойры, Эринии, Ате, лишивших его рассудка, в качестве попытки оправдать свое пагубное поведение ²¹, в то время как Мелантий и неверные рабыни Одиссея должны безоговорочно поплатиться за свои поступки, и вопрос об участии богов в их вине отнюдь не возникает (Od. XXII, 417—477).

Все это и заставляет нас предполагать, что божественное вмешательство служит, в духе общих законов поэтики гомеровского эпоса, для большего возвышения эпических героев, для создания пропасти между ними и простыми людьми, с одной стороны, и между людьми лучших времен и современниками поэта, его слушателями, — с другой.

А. И. Зайцев

²⁰ Впрочем, Гомер иногда явно использует божественное вмешательство для того, чтобы заставить события развиваться в соответствии с намеченным сюжетом даже вопреки характеру действующего лица. Так, в Il. V, 669—676 Одиссей, не вмешайся Афина, напал бы, как настоящий эпический герой, на предводителя ликийцев Сарпедона, а не на рядовых воинов (см. *Voigt. Op. cit.*, S. 57—59).

²¹ Важно, что и Ахилл готов принять это объяснение (Il. XIX, 270—273; cf. IX, 376).

LE LIBRE ARBITRE ET LE GUIDAGE DIVIN DANS L'ÉPOPEE HOMÉRIQUE

А. И. Зайцев

L'auteur des poèmes homériques avait une notion suffisamment nette de l'individualité humaine capable de prendre des décisions et agissant conformément à son caractère. Tel est son Thersite, tels sont ses dieux peints à l'image des hommes. Les suggestions divines qui incitent les héros homériques à agir sont un procédé artistique de la poésie épique ayant pour but de les élever audessus du commun des mortels, en les rapprochant des dieux.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АРМИЙ

(антиагма)

Из всех проблем эллинизма менее всего разработана история происхождения и развития эллинистических армий. Это парадоксально, если учесть решающую роль военных действий для этой эпохи. Небольшая литература по этой проблематике, имеющаяся в национальных историографиях, касается главным образом вопросов общего порядка: истории отдельных родов войск, использования военной техники, а также развития методов ведения войны¹. Значительное место уделяется проблеме наемничества: выясняются численность наемников в эллинистических армиях, жизнь и обязанности наемных солдат, их взаимоотношения с полководцами². В единичных специальных работах обращается особое внимание на этнический состав эллинистического войска³. Не является исключением и отечественная антиковедческая наука. Так, вышедший в конце 40-х годов интересный сборник статей по эллинистической технике уделил много внимания эллинистическим армиям: общей характеристике военного дела, вооружению пехоты и конницы, использованию слонов, устройству военных орудий, применению подкопов, фортификационной системе, военным арсеналам, технике связи и др.⁴ Однако вопрос о генезисе эллинистических армий не получил должного решения. Не поставлен он до сих пор даже и в специальной военной литературе. Мало того, большинство военных историков вообще исключает из предмета своего исследования военную историю эллинизма, создавая тем самым разрыв между греческим и римским военным искусством⁵. Пожалуй, единственным исключением является трехтомный труд Е. А. Разина по истории военного искусства⁶. В третьей главе I тома рассматривается военное дело в древней Македонии и эллинистических государствах. Однако и здесь дается главным образом обзор основных сражений. Для всех исследований по эллинистическим армиям характерно то, что эти армии рассматриваются как уже сложившиеся, без должного выяснения процесса их становления.

Основа эллинистических армий состояла из двух главных частей: македонской фаланги и местных, восточных формирований. Каждый из этих двух основных компонентов не был однороден ни в социальном, ни в военно-техническом отношении. Как фаланга, так и местные военные

¹ См. *Tarn W. The Hellenistic Military and Naval Developments*. N.Y., 1966; Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. I. М.—Л., 1936.

² *Grote K. Das griechische Söldnerwesen der hellenistischen Zeit*. Diss. Jena, 1913; *Spendel A. Untersuchungen zum Heerwesen der Diadochen*. Diss. Breslau, 1915; *Parke H. W. Mercenary Soldier from the Earliest Times to the Battle of Ipsus*. Oxf., 1933; *Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambr., 1935; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975; Самохина Г. С. Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства.—ВДИ, 1979, № 3, с. 146—155.

³ *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques*. P., 1949.

⁴ Эллинистическая техника. М.—Л., 1948, с. 269—337.

⁵ См. Бочаров К. Очерки военного искусства. М., 1936; Строев А. А. История военного искусства. Т. I—II. М., 1955; Очерки истории военного искусства. М., 1956; Мерино Ф. История военного искусства. М., 1966.

⁶ Разин Е. А. История военного искусства. Т. I—III. М., 1955—1967; т. I, с. 206—265.

формирования, прежде чем слиться, прошли свой сложный путь развития. Македонской фаланге, созданной Филиппом II и его сыном Александром, противостояли как враждебная ей сила различные местные формирования, большинство из которых во время восточных походов входило в армию Ахеменидов. Со времен битвы при Кунаксе Персия использовала также греческих наемников-гоплитов. Основу же персидского войска составляла конница, хорошо обученная и быстро передвигающаяся, но хуже экипированная, чем македонская⁷. Все это войско было разнородным не только по вооружению, тактике боя, но и в этническом отношении.

М. Лоней, автор специальной работы об эллинистических армиях, много внимания (особенно в IX главе) уделил этническим особенностям их военных подразделений⁸. Весь собранный им материал, однако, относится к более позднему времени, когда эллинистические армии уже сложились. В них входили иранцы и семиты, арабы, парфяне, жители Согдианы, Бактрии, Элама, Кармании, Дрангианы и других областей. Удельный вес этих народностей и этнических групп в эллинистических армиях был неодинаков и менялся в разное время в зависимости от накала борьбы и степени серьезности решения военных задач. Если этнический состав эллинистических армий Н. Лоней в общем удалось установить, то выяснить с достаточной определенностью их социальный состав источники не дают возможности. Но нас в данном случае интересует не этнический состав уже сложившихся армий, а их генезис, процесс их происхождения. Однако решить этот вопрос невозможно без выяснения социальной сущности антитагмы⁹.

Что такое антитагма и когда она возникла? Термин «антитагма» (*ἀντί-τάγμα*) встречается только у двух античных авторов: Диодора и Плутарха, в латинских текстах этого термина нет. Поскольку аналогов этого термина в латинском языке не было, Диодор и Плутарх не могли позаимствовать его из современных им произведений римских авторов; поэтому, очевидно, они пользовались греческим термином, взятым из источников, относившихся к эпохе эллинизма. Отсюда можно сделать предположение, что сам термин *ἀντί-τάγμα* мог возникнуть в эллинистическую эпоху, а это в свою очередь наводит на мысль и об исторически определенном характере самого явления. Как известно, *τάγμα* означает «военный строй», «отряд», «воинская часть». Приставка *ἀντί-* (*ἀντ-*) придает значение противоположности, противодействия, замены или замещения, враждебности, а также равенства или подобия. Название «антитагма», таким образом, означает войско, выставленное против кого-либо или взамен какого-либо войска, или подобное какому-либо войску. В широком смысле слова факты перестройки армий и слияния разных воинских частей, конечно, имели место в истории античного военного искусства, но специфической формой этого явления в эпоху эллинизма была антитагма, отражавшая изменения в социальной структуре армии. Возникновение соответствующего термина фиксирует эти изменения. Анти-

⁷ См. *Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B.C.* Oxf., 1959, p. 601.

⁸ *Launey*. Op. cit., p. 536—588.

⁹ Из современных исследователей об антитагме упоминают только М. Лоней (op. cit., p. 564) и несколько полнее П. Бриан (*Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumene de Cardia.* — *REA*, 1972, 74, p. 32—73). Другие историки вообще не упоминают об этом феномене организации эллинизма.

тагма как дефиниция известна преимущественно с эпохи Александра ¹⁰. Именно с этого времени в силу различных обстоятельств политического и военного характера делается попытка создания новых контингентов или отдельной армии, которые были бы в состоянии уравновесить военные силы или противопоставить целую армию той, которая существовала официально и становилась ненадежной опорой ¹¹.

Известно, что армия Александра сама по себе никогда не была однородной. С самого начала восточных походов она состояла не только из македонян и греков, но и из фракийцев, иллирийцев, пеонов и представителей других балканских племен и народностей, а также из наемников. Каждая из этих неоднородных частей имела свои цели и задачи в бою. До поры до времени Александру удавалось подчинять все разрозненные части своего войска единой воле, но по мере обострения социальных противоречий в армии ее этническая и — что более важно — социальная неоднородность стала ощущаться особенно остро. Это обстоятельство вынуждало к проведению реформ. Таких же реформ требовала сама военная обстановка, когда после победы Александра над персидским царем коренным образом изменилась цель походов с точки зрения и военной, и политической.

После разгрома армии Дария закончилась пора больших сражений. На смену им пришла малая война с особой, свойственной ей тактикой, которая требовала нового руководства войсками и другого войска вообще ¹². Особенно это стало очевидным в Средней Азии, когда македонская фаланга в условиях развернувшейся партизанской борьбы отличных конных отрядов бактрийцев и согдийцев не могла найти применения и оказалась лишней ¹³. Александр вынужден был разделить единую фалангу на отдельные колонны, предоставляя преимущественное место легким войскам и коннице ¹⁴. Последний раз фаланга была применена в битве при Гидаспе против слонов Пора ¹⁵. У. Тарн не без основания утверждал, что, если бы Александр не использовал в Средней Азии рассыпной строй, он, несомненно, разделил бы судьбу Карраха ¹⁶.

Необходимость существенных изменений в армии заставила Александра обратить особое внимание на создание новой, смешанной конницы ¹⁷. Выполнить эту задачу было невозможно без привлечения местных формирований. Начиная с 328 г. до н. э. Александр усиливал конницу, включая в свою армию бактрийскую, согдийскую, а вскоре и иранскую, скиф-

¹⁰ Хотя впервые термин «антиатагма» употреблен Диодором (XI, 67) в связи с деятельностью Гиерона I, но в том же смысле, который характерен для эллинистической эпохи, то это можно рассматривать как использование историком понятия, возникшего позже, для характеристики сходных явлений более раннего времени.

¹¹ У Диодора (XVII, 108, 3) есть указание на то, что Александр уже использовал антиатагму в Индии как противоядие македонской фаланге.

¹² Подробнее см. *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, с. 294.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 355—356.

¹⁴ *Altheim F.* Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. Tübingen, 1953, S. 73 f.

¹⁵ *Ibid.*, S. 73.

¹⁶ *Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambr., 1950, p. 69.

¹⁷ Как известно, Македония создала сильную конницу, которая стала ударным средством разгрома противника. В битве при Гранике конница сыграла решающую роль (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 9). В сражении при Гавгамелах, по определению Ф. Энгельса (там же, с. 16—17), македонская конница особенно отличилась. Однако при новых обстоятельствах появилась необходимость в существенных изменениях.

скую и дахейскую конницы в качестве особых вспомогательных частей¹⁸. Перед походом в Индию Александр сформировал новые подразделения и прежде всего легковооруженную конницу — так называемых гиппо-контистов (всадников, мечущих копье), которые, вероятно, как и гиппо-токсоты (всадники с луками), созданы были из местных элементов (Агг., III, 24, 1 sq.). Включение в армию последних привело к необходимости использования и восточного оружия, и восточных форм ведения войны. Так, в ходе восточной кампании македонская армия подверглась существенным изменениям, вследствие чего фаланга потеряла некоторые свои боевые качества и значение.

Войско, которое Александр привел в Индию, как числом, так и своим составом и организацией было совершенно другим, чем в первые четыре года азиатского похода. Оно оказалось весьма пестрым и состояло наряду с македонянами и греческими наемниками из представителей «варварских» народов с самым различным вооружением (Агг., Ind. 19, 15). Среди них были многие тысячи персов, бактрийцев и согдийцев, а также дахов и саков. Характерно, что в источниках точно определяется профессиональная специализация войска: так, финикийцы, египтяне, киприоты, малоазийские и островные греки упоминаются Аррианом (Ind. 18) — как моряки, воины Арахозии, Парапамиса, Бактрии, Согдианы и из страны дахов — как всадники (Агг., V, 3; 12, 2). Особенно значительным был набор персов в армию Александра¹⁹. Плутарх отмечает, что еще перед походом в Индию Александр распорядился отобрать 30 тыс. мальчиков, учить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием (Alex. XLVII).

Введение сильного восточного элемента в состав войска Александра ослабило его македонскую основу²⁰. Это обстоятельство, с одной стороны, вызвало необходимость внедрения военных новшеств²¹, с другой — тайло много политических противоречий. Особенно остро эти противоречия проявились в Индии на Гифасисе, когда македонский полководец натолкнулся на непреклонное сопротивление македонян, отказавшихся следовать дальше²². Это осложнение с большой наглядностью показало Александру его зависимость от македонской армии, которая перестала ему подчиняться. Поэтому он вынужден был искать себе новую военную опору. Нашел он ее в создании антитагмы из восточных контингентов, что дало ему возможность изменить соотношение сил в свою пользу: антитагма позволила дать понять македонянам, что отныне Александр мог обходиться без них.

Согласно Диодору (XVII, 108, 3), намерение создать антитагму появилось у Александра в Индии; поскольку македоняне отказались идти

¹⁸ Впервые упоминания о конных лучниках, состоявших из дахов, живших на северо-восточной персидской границе, встречаются при описании операции в Северной Индии (Tarn. Alexander the Great, p. 72).

¹⁹ Это было в соответствии с общей политикой Александра по отношению к побежденным персам (см. Launey. Op. cit., p. 563).

²⁰ Выводы о роли македонян в армии Александра, к которым приходит П. Бриан, не всегда бесспорны. В своих трудах он подчеркивает, что завоевания и политика Александра должны были поставить на место этнических противоречий социальные, сохранив, однако, около него привилегированное место для македонского элемента (Briant. Op. cit., p. 57 Suiv.). В действительности же македонский элемент постепенно утрачивал привилегированное положение, поскольку казался Александру ненадежным.

²¹ Подробнее см. Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского. — ВДИ, 1972, № 1, с. 182.

²² Он же. Восточная политика..., с. 264 сл.

к Гангу, часто протестовали на собраниях и издевались над тем, что его считают сыном Аммона, Александр по возвращении в Сузы организовал подразделение из молодых персов одного возраста, которое можно было противопоставить македонской фаланге. Этот противовес Диодор, по-видимому, следуя тексту своего источника, прямо называет антитагмой²³. Историк разъясняет, что это были 30 тысяч персидских юношей, отобранных по принципу красоты и силы по приказу царя. Они достаточно долго обучались в Сузах военному делу под руководством приставленных к ним учителей и воспитателей. В полном македонском вооружении эти молодые люди, к удовлетворению Александра, маневрировали перед городом, показывая царю свое умение и успехи в военном деле, и были им особо награждены (Diod., XVII, 108, 1—2). По словам Плутарха (Alex. LXXI), Александр радовался успехам тех юношей, которых он ранее приказал учить и воспитывать: возмужавшие, они проявили изумительную ловкость и легкость в военных упражнениях. Юстин указывает (XII, 12, 3—4) на намерение Александра вверить охрану своей особы не только македонянам, но и персам; с этой целью он отобрал себе тысячу молодых персов в телохранители. Кроме того, часть персидских вспомогательных отрядов, обучив по образцу македонского войска, он ввел в состав своего войска (Arr., VII, 8, 2; 11, 3; Diod., XVII, 110, 1—2).

Дальнейшее развитие антитагмы связано с другим кризисным состоянием македонской армии, которое она после Индии испытала в Описе. Поводом для него было объявление Александра о его намерении уволить солдат, негодных к военной службе по старости или увечьям, и отправить их на родину (Arr., VII, 8, 3; 10, 5). Увольнению подлежали около 10 тыс. македонских ветеранов, из которых 6 тыс. принадлежали к тяжелой пехоте, 3 тыс. — к гипаспистам («щитonosцам» — пехотным отрядам македонской армии, составлявшим царскую гвардию и входившим в фалангу), остальные находились на гарнизонной службе в Сузах и Вавилоне. Этот приказ полководца вызвал среди македонян бурю негодования²⁴. Разгневанный противодействием своих соотечественников, Александр решил проявить твердость.

Основные сведения о бунте в Описе представлены в сочинениях Арриана и Курция. Они свидетельствуют о том, что Александр настойчиво продолжал политику привлечения восточных элементов в свою армию. Он зачислил иноплеменных всадников в отряды «друзей», чем вызвал недовольство македонян (Arr., VII, 8, 2). На третий день, сообщает Арриан (VII, 11, 1), Александр собрал избранных персов, распределил между ними руководство над воинскими подразделениями и дал право целовать себя тем, кому он присвоил титул «родственников». Македоняне особенно взволновались, узнав, что у них отбирают командные посты в армии, что из персов будут созданы агема, отряд «серебряных щитов», «пешие друзья», конница «друзей» и даже царская конная агема (Arr., VII, 11, 3). Курций сообщает (X, 3, 5), что Александр был тверд в своем ре-

²³ Русский перевод здесь неточен. Конец фразы переводится так: «...он организовал этот полк из персов-однолеток, который можно было бы противопоставить македонской фаланге» (см. приложение к книге: Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962, с. 359). В этом переводе вообще исключено слово «антитагма», что меняет смысл всего абзаца. В тексте тейбнеровского издания слово «антитагма» существует с определенным значением противопоставления: διασπóρντων τοῦτο τὸ σύστημα κατεσκευάσεν ἐκ μιᾶς μὲν ἡλικίας τῶν περσῶν καὶ ὁ μοίας συνεστήκας, δυνάμενον δὲ ἀντίταγμα γενέσθαι τῇ Μακεδονικῇ φάλαγγι.

²⁴ Herm G. Die Diadochen: Alexanders Erben kämpfen um die Weltherrschaft. München, 1978, S. 28f.

шении, ругал своих солдат, даже предложил им всем уйти, говоря, что он останется с персами²⁵. На следующий день Александр вообще не принял македонян, а допустил к себе только солдат-азиатов. Он собрал сходку иноземных солдат, заперев македонян в лагере, и обратился к ним с речью, в которой назвал их своими воинами, а не наемниками; сказал, что, заставляя забыть об их иноземном происхождении, он дал им македонское оружие, объясняя это тем, что «в Азии и Европе единое царство» (Curt., X, 4, 13). Диодор подтверждает (XVII, 109, 3), что во время бунта при Описе Александр поставил начальниками персов, выдвинув их на первые места. Как сообщает Арриан (VII, 11, 9), македоняне в конце концов были вынуждены согласиться с Александром, в знак примирения было устроено пиршество, где все вместе «молились о ниспослании разных благ и о согласии и единении царств македонского и персидского».

Вернувшись в 323 г. в Вавилон, Александр застал Певкеста, который привел из Персии 20 тысяч персидских воинов, а также немало косеев и тапуров — самых воинственных племен из пограничных с Персией областей (Arr., VII, 23, 1). Это было как раз кстати, потому что в то время Александр собирался сформировать параллельно македонской фаланге новую армию, организованную по македонскому образцу, но с командирами-персами. Эта армия была полностью отделена от македонской, лагерь ее располагался за городом. О своих воинских успехах она обязана была докладывать только самому Александру. Кроме того, воинов, приведенных с побережья Филоксеном и Менандром, а также из Персии Певкестом Александр зачислил в македонские полки, распределив их с таким расчетом, чтобы каждое подразделение состояло из 12 персов и 4 македонян (в том числе 1 командир и 3 высокооплачиваемых воина) (Arr., VII, 23, 3—4).

Таким образом, Александр, с одной стороны, создал персидские подразделения, подобные македонским, а с другой — ввел персидский элемент в ряды македонян (Arr., VII, 6, 4, 23, 3). Реформы и военные преобразования, проведенные македонским полководцем в последний период его жизни, привели к вымыванию македонского ядра из армии. В результате этих мероприятий им по существу была создана новая фаланга, в которой лишь одна четвертая часть состояла из македонян, а остальные три четверти — из персов, вооруженных луками и дротиками (Arr., VII, 23, 4).

Создавая антитагму — своеобразное войско-противовес, Александр хотел принудить македонян согласиться остаться в Азии и сотрудничать с восточными народами. По его замыслу создание параллельной иранской фаланги было только этапом на пути организации новой ирано-македонской армии.

Более последовательно и целеустремленно проблему создания антитагмы решали диадохи, хотя они в своей политике вынуждены были провести ряд противоречивых мероприятий²⁶. Особенно ярко эта противоречивость выразилась в практике основания полисов: следуя Александру в его градостроительной политике, диадохи при этом решительно рвали

²⁵ Proinde fugientibus me pateant limites: facessite hinc ocus; ego cum Persis ab-euntium terga tutabor (Curt., X, 2, 27); ср. Plut., Alex. LXXI.

²⁶ Нельзя согласиться с мнением М. Лонея о великодушной политике Александра, которая не была продолжена его преемниками (Launey. Op. cit., p. 564). В действительности диадохи отвергли завоевательные планы своего полководца, намеченные им незадолго до смерти. Зато они восприняли основные аспекты экономической политики Александра, совершенствуя и видоизменяя ее (см. Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984, с. 134).

с традициями царя в отношении формирования гражданских коллективов населения новых городов: в отличие от Александра они формировали эти гражданские коллективы только из македонян и греков²⁷. Создание городов с греко-македонским элементом привело к отстранению местного населения от активной жизни и деятельности в таких городах. В то же время создание антитагмы неуклонно требовало привлечения в армию представителей местного населения, а это находилось в явном противоречии с политикой градостроительства диадохов²⁸. Последние не могли отказаться ни от того, ни от другого.

Диадохи, как только позволяли обстоятельства, включали в свои войска местных воинов, преимущественно персов, чтобы использовать все силы для достижения своих целей. Так, например, в 319 г. до н. э. сатрап Геллеспонгской Фригии Арридей, пытаясь захватить Кизик, имел под своим командованием 1000 македонян, 1000 наемников, 500 персидских воинов и лучников (Diod., XVIII, 51, 1). В 317 г. до н. э., когда Эвмен создал широкую коалицию Верхних сатрапий, которая должна была защищать династию Александра от честолюбивых поползновений Антигона Одноглазого, один из его союзников Певкест — сатрап Персиды — привел ему 10 000 персидских лучников и пращников и 3000 солдат, вооруженных по-македонски и, вероятно, набранных в основном в Персиде. В свою очередь в войсках Антигона было значительное число мидян. Сын Антигона Деметрий в 314 г. до н. э. в армии, которая находилась под его командованием в Сирии, имел в пехоте наряду с 10 000 наемников, 2000 македонян, 500 ликийцев и памфилийцев и 400 персидских лучников и пращников (Diod., XIX, 69, 1). Во время битвы при Газе в 312 г. до н. э. персидских стрелков было еще больше (Diod., XIX, 82, 3). Когда Селевк собирал свое обширное царство, Мидия и Персида стали основной территорией, где он производил вербовку. В битве при Ипсе в 301 г. до н. э. его армия (32 000 воинов) в основе своей состояла из азиатских контингентов (Diod., XX, 113, 4)²⁹.

Размывание македонской армии различными этническими образованиями создало почву для усиления недовольства македонян положением вещей и для укрепления антитагмы. Известно, что Эвмен, как упоминает Поллиен (4, 2—3), найдя македонскую пехоту взбалмошной и надменной, самонадеянной и дерзостной, в противовес ей создал конницу, которая выполняла функцию антитагмы. Покупая на собственные деньги лошадей,

²⁷ См. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1970, с. 222.

²⁸ Шофман. Распад империи..., с. 134 сл.

²⁹ Практика включения в армию различного типа воинских подразделений восточных племен и народностей продолжала существовать и в III в. до н.э. Так, армия Антиоха III в 217 г. до н.э. насчитывала 2000 лучников и пращников — агриан и персов. Объединенные с 1000 фракийцев, они принимали участие в битве при Рафии на левом фланге (Polyb., V, 79, 6; 82, 11). Кроме того, в этой армии были мидяне, киссеи, кадусии, карманийцы — общим числом 5000 человек под командованием мидянина Аспасия (Polyb., V, 79, 7; 82, 12; 85, 4). В битве при Магнесии Антиох III имел на своем правом крыле наряду с 1500 галатами и 3000 тяжелых всадников конницу агема (около 1000 человек), в основном составленную из мидян (Liv., XXXVII, 40, 6). Последние чаще всего упоминаются в коннице. В Мидии находились царские конные заводы Селевкидов, которые управлялись мидянами (Polyb., V, 44, 1; X, 27, 2), значительные подразделения египтян были в армии Птолемея. В ней, как и в армии Селевкидов, были также сирийцы, евреи, представители кочевых племен аравийской пустыни. В эллинистических армиях кроме представителей Малой Азии, Сирии и Палестины были многие другие азиаты. Среди них следует отметить кадусиев, живших около Каспия, парфян, эламитов, карманийцев и др. (см. Launey. Op. cit., p. 542—587).

он стал набирать в конницу местных жителей, умевших крепко держаться на коне. Они освобождались от податей и налогов, а также поощрялись многочисленными почестями и подарками. Упражнениями и маневрами за короткий срок Эвмен подготовил около 6300 превосходных конников (Plut., Eum. IV). Эта конница стала той силой, при помощи которой он намеревался преодолеть ненадежность своей македонской армии, проявленную в столкновениях с Неоптолемом, Кратером и Антипатром в 321 г. до н. э.

Насколько позволяют судить источники, иранских пехотинцев Эвмен не набирал, чтобы не внести раскола между македонскими и иранскими подразделениями³⁰. Как и другие диадохи, он проявил известную доброжелательность к «туземному населению» и освободил его от подати. По свидетельству Диодора, тенденция установления контакта с местным населением наблюдается у Птолемея в Египте начиная с 323 г. до н. э., у Селевка в Вавилонии — с 321 г. до н. э., у Певкеста в Персиде — с 325—324 гг. до н. э., у Алкеты в особых условиях Писидии — с 323 г. до н. э. Возвращение Селевка в Вавилонию в 312 г. до н. э. в значительной мере было осуществлено благодаря поддержке населения сатрапии, а эта поддержка была следствием его благосклонности к местным жителям. О том, как привержен к восточным обычаям Певкест, было уже хорошо известно при Александре: в своей сатрапии он опирался главным образом на иранскую армию. Алкета стал собирать свою армию в Писидии, где было много крепостей, которые без особого труда можно было защищать, поэтому он щедро одаривал своих подчиненных, в частности позволяя им оставлять себе половину добычи. Таким способом ему удалось набрать себе верную армию.

Каждый из диадохов хорошо понимал, что только созданием подобной армии можно закрепить за собой контролируемую территорию и даже расширить ее. Известно, что после 323 г. до н. э. и особенно после 321 г. до н. э. образовались территории, практически независимые от центральной власти (Египет, Фракия, Великая Фригия, Вавилония). Для некоторых диадохов они были только подходящим плацдармом для того, чтобы облегчить завоевание еще более обширных областей. Но для осуществления этих замыслов нужно было мощное и преданное войско. Основная македонская армия для этой цели не годилась, притом в 322 г. до н. э. она находилась под командованием Пердикки (а в Европе — Антипатра), а после 321 г. до н. э. перешла под начало Антигона. При таких обстоятельствах у других диадохов оказалось два выхода — или набирать наемников, или вербовать воинов из населения сатрапии. Прибегнуть к первому способу было гораздо труднее из-за недостатка финансовых средств у большинства сатрапов, за исключением Птолемея, который обладал богатой казной. Для других диадохов выход оставался в создании, наряду с ограниченными греко-македонскими контингентами, «туземной армии». Набор этих армий стоил гораздо дешевле, чем вербовка греческих наемников. Кроме того, сотрудничество между сатрапом и местным населением на этой почве позволяло ему располагать армией, наиболее преданной и бо-

³⁰ П. Бриан, специально рассмотревший этот вопрос, подчеркивает, что набор Эвменом туземных контингентов не может быть сопоставляем с созданием Александром ирано-македонской армии, поскольку первый вербовал только туземную конницу (и никогда — пехоту) и использовал ее в качестве отдельной войсковой единицы, не смешивая с македонской конницей (Briant. Op. cit., p. 59 suiv.). Кроме того, практика применения иранской конницы в качестве вспомогательных войск была свойственна и другим диадохам (ibid., p. 62—65).

более надежной. Раздача разных подарков солдатам делала их и, главным образом, командиров личными должниками диадохов. Кроме того, местные правители, чтобы сохранить свою самостоятельность или, во всяком случае, сберечь свое имущество, вынуждены были принять сторону того или иного диадоха, зависеть от него.

Создание таких местных армий было характерной чертой стремительного распада империи. Оно явилось дополнительным свидетельством непрочности социально-политической структуры, распад которой повсюду начался после смерти Александра и завершился в эпоху диадохов.

Политические причины, вызвавшие к жизни антитагму, лежали в самой армии, ее роли в конгломератном государстве. Армия была орудием борьбы диадохов как за сохранение империи, так и за ее раздел. Политическая борьба наследников Александра велась почти исключительно военными средствами: даже там, где противоборствующие стороны приходили к соглашению и пытались добиться своих целей мирным путем, решающим фактором дипломатии выступала военная мощь. Размах военных действий был исключительно велик; количество населения и материальных ресурсов, втянутых в вооруженную борьбу, было для того времени беспрецедентным.

В условиях политической неустойчивости вооруженные силы были наиболее стабильной формой организации и оказывали решающее влияние на исторические события не только как инструмент в руках честолюбивых людей, но и в меньшей степени как самостоятельная социальная сила, подчинявшая себе действия своих полководцев.

Известно, что во время восточных походов нити руководства сосредоточивались в руках Александра. Это было вызвано не столько его честолюбием, хотя он и был достаточно честолюбив, сколько самим характером формирования его государства: непрочностью объединения различных областей империи, многоукладностью экономики и многообразием политических форм, ненадежностью социальной базы власти. Исходя из этого, Александр выдвигал на ключевые посты лишь исполнителей своей воли: главным критерием продвижения по службе были безупречная преданность, беспрекословная исполнительность, личная отвага. Характерно, что наиболее способные и честолюбивые деятели либо назначались им на бесперспективные периферийные должности, как Антигон, либо находились под надежным контролем сослуживцев, как Мелеагр. Наиболее ответственные посты предоставлялись, как правило, хорошим командирам, но не людям, имеющим большие способности к политической деятельности: пользовавшиеся доверием Александра Кратер, Леоннат, Полиперхонт не проявили в ходе борьбы диадохов особых политических талантов. Это обстоятельство имело важные последствия для судеб конгломератного государства, аппарат которого еще полностью не сложился и поэтому не смог ни погасить честолюбия отдельных полководцев, ни обеспечить македонской верхушке «власти над миром». Сама Македония была слишком слаба и отдалена от восточных коммуникаций, чтобы оказать эффективное влияние на этот процесс. Поэтому с внезапной смертью Александра оказались разорванными многие нити, связывавшие воедино интересы разнородных социальных групп.

Не менее важны и причины военные³¹. В эпоху диадохов войны приобрели особый характер, связанный с тем, что здесь столкнулись более или менее однородные по своему вооружению, тактике и подготовке вой-

³¹ Шофман. Распад империи..., с. 195 сл.

ска. В этих условиях достижение поставленных политических целей зависело прежде всего от военного искусства, качественных сдвигов в составе и политической роли армии. Само военное искусство в это время переживает новый этап развития, связанный с резким изменением боевых качеств войск. Это вызывалось изменением социального состава воинов, увеличением числа наемников (в связи с разорением значительной части крестьянства, которое прежде составляло лучшую, активную и выносливую часть войска), а также усиливавшимся процессом растворения греко-македонского меньшинства среди многочисленных восточных народов. Наемные войска в погоне за славой и богатством менее всего были намерены слагать свои головы во имя интересов того или иного диадоха: война для них была лишь престижным и доходным ремеслом. Именно поэтому они часто предпочитали служить в коннице, где лучше оплачивался риск. Боеспособной пехоты в это время осталось совсем мало. Единственной частью войска, способной атаковать и сметать противника, была конница. Именно она решала исход боевых действий и поэтому стала признаваться реальной боевой силой.

Ф. Энгельс в известных своих статьях по военной истории и военному искусству обратил внимание на то, что при преемниках Александра его пехота, равно как и его конница, а также его тактика быстро пришли в полный упадок. Оба крыла боевого порядка формировались исключительно из конницы, а центр — из пехоты, но последняя была столь малонадежна, что ее прикрывали слонами. В Азии «...преобладающий азиатский элемент вскоре стал полностью господствовать...»³².

Подводя итог рассмотрению вопроса о возникновении эллинистических армий, с большой долей вероятности можно установить конкретные условия появления антитагмы. Она возникала и действовала главным образом в кризисных ситуациях, когда создавалось положение, при котором официально существовавшие военные силы становились неспособными решать поставленные временем задачи. То, что это именно так, могут засвидетельствовать и конфликтные ситуации III в. до н. э., когда также применялась антитагма. Плутарх в биографии Клеомена обращает внимание на то, что Клеомен, подготавливая военный переворот, решил использовать в первую очередь наемников, так как спартанская часть его армии слишком зависела от богачей и могла проявить нерешительность³³. После одной из побед над ахейцами Клеомен с отрядом наемников двинулся в Спарту и совершил государственный переворот. В борьбе с Аратом, Ахейским союзом и македонским царем Антигоном Клеомен, окруженный врагами и загнанный в пределы самой Лаконии, прибегнул к крайнему средству — призыву в армию илотов, тех, которые смогли откупиться за пять аттических мин. Собрав таким образом пятьсот талантов, он вооружил две тысячи человек специально для борьбы с отборными частями Антигона.

Таким образом, конкретный сюжет об антитагме дает возможность широкого выхода на разработку большой исторической и военной проблемы. Антитагма является своеобразным ключом для понимания существа и особенностей происхождения и функционирования эллинистических армий.

А. С. Шофман

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 356.

³³ διαχλίους δὲ προσαθροπλίσας Μακεδονικῶς ἀντίταγμα τοῖς παρ' Ἀντιγόνου λευκάσπισιν, ἔργον ἐπὶ νοῦν βάλλεται μέγα καὶ πᾶσιν ἀπροσδόκητον (Plut., Cleom. 23, 1).

SUR LE PROBLÈME DE LA GENÈSE DES ARMÉES HELLÉNISTIQUES (L'ANTITAGME)

A. S. Sofman

L'antitagme en tant que définition est apparu à l'époque d'Alexandre de Macédoine et s'est développé à l'époque des diadoques. C'est d'alors que datent les tentatives de créer de nouveaux contingents, voire une armée séparée, qui équilibreraient les forces militaires ou pourraient tenir tête à l'armée officielle, laquelle devenait un appui de moins en moins fiable.

L'antitagme est apparu et a agi essentiellement dans des situations de crise, quand les forces armées officielles devenaient incapables de mener à bien leur tâche. Ainsi, la résistance des soldats macédoniens aux projets de leur capitaine en Inde obligea Alexandre à introduire un élément militaire oriental considérable dans sa machine de guerre afin de contrebalancer son élément macédonien de base. Le développement ultérieur de l'antitagme est lié à une autre crise de l'armée macédonienne, celle d'Opis, quand il fallut constituer des unités perses capables de l'équilibrer. Les diadoques utilisèrent l'antitagme de façon plus suivie et délibérée.

Au IIIe s. av. n.é., Hiéron de Syracuse, s'étant disputé avec ses concitoyens, créa contre eux un antitagme de mercenaires. Cléomène marcha à la tête d'un détachement de mercenaires contre l'armée spartiate hésitante et effectua un coup d'Etat. Il fit également appel à un contrebalancier par rapport à l'armée régulière dans sa lutte contre les troupes d'élite d'Antigone.

L'étude de l'antitagme, de son origine et de sa nature, a une grande importance pour qui veut comprendre la genèse des armées hellénistiques.

ПРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

(По частным письмам II—IV вв.)

Поздняя античность часто представлялась историкам эрой грандиозного нравственного прогресса. Считалось, что идея природного неравенства людей сменяется идеей всеобщего равенства свободных и рабов, эллинов и варваров; презрение к физическому труду больше не властвует над умами — труд почитается как добродетель; непротивление злу и любовь вступают на место древнего талиона с его проповедью: око за око, зуб за зуб.

В философской, «научной» этике смена идей несомненно происходила: концепции Плотина отличаются от концепций Платона. Иное дело — обыденное, массовое сознание. Приниженное положение редко позволяло широким слоям подниматься до абстрактного мышления. Имея в виду обыденное сознание поздней античности, следует, на наш взгляд, говорить не о смене идей, а о смене типов морали. Неосознанные моральные чувства уступали место рефлексивной и нормативной этике. Мы уже пытались показать это в предыдущих статьях ¹.

¹ Ковельман А. Б. Риторика прошений и массовое сознание в римском Египте. — ВДИ, 1984, № 2, с. 170—184; он же. Греческое письмо в Египте как литературный факт. — ВДИ, 1985, № 3, с. 134—154.

Основным методом нам служил стилистический анализ. Анализ отдельных высказываний в источниках не всегда доказателен. В них можно найти фразы как подтверждающие концепцию, так и опровергающие ее. Достаточно шаткий инструмент и семантический анализ слов — в последнее время он подвергается справедливой критике. Действительно, из значения того или иного слова нельзя вывести моральную теорию. Например, как отмечалось в литературе, греческий термин *ἀγαθός* — «добрый» не несет в период архаики сугубо нравственной нагрузки, но на этом основании еще нельзя отрицать существование представлений о нравственной личности для целой эпохи — ведь были и другие слова ².

Перемена стиля, напротив, — объективный факт. Ее нельзя опровергнуть, можно лишь объяснить тем или иным образом. Во II в. н. э. деловой, функциональный стиль писем и прошений сменяется в Египте стилем риторическим. Риторические штампы, на наш взгляд, открывали для широких масс область абстрактного мышления. С их помощью моральные теории вторгались в обыденное сознание и формировались в нем. Теории приходили не на место других теорий, а на место моральных чувств: до II в. н. э. рассуждения на моральные темы почти отсутствуют в папирусах. Как нам кажется, аргументация «от умолчания» здесь допустима. Если в папирусах какого-либо периода не было рассуждений о любви и ненависти, то это, конечно, не дает оснований предполагать отсутствие любви и ненависти в жизни египтян того времени, но позволяет заключать лишь о том, что у них не было склонности предаваться рассуждениям, осмысливать что-либо, высказывать свое мнение и т. п. И тут наличие или отсутствие рассуждений в источниках само по себе может служить свидетельством. В эпоху второй софистики мораль делается самостоятельной темой в топики писем, прошений.

В предыдущих статьях мы пытались рассмотреть смену типов морали на отдельных категориях источников (прошения, письма, эдикты). Здесь мы хотели бы коснуться некоторых конкретных тем (труд, служение, природное равенство людей), которые со II в. н. э. отражаются в папирусах достаточно полно. Столь же полно их отсутствие до II в. н. э. (за редкими исключениями). Что означал данный факт для нравственного прогресса Римского Египта?

1. ЧЕЛОВЕК И СОСЛОВИЕ

Обратим внимание прежде всего на один незамеченный парадокс. Составляющие его факты общеизвестны. Первый из них — распространение идеи равенства, идеи «человека как такового». Второй — мощный взрыв этнической и сословной вражды. И все — в первых веках нашей эры.

Как отметил М. М. Бахтин, важнейшая черта тех веков — «обесценивание всех внешних положений человека в жизни, превращение их в роли, разыгрываемые на подмостках мирового театра по воле слепой судьбы (глубокое философское осознание этого у Эпиктета и Марка Аврелия, в литературном плане — у Лукиана и Апулея)» ³. По мнению П. С. Свенцицкой, это результат разрушения сословных перегородок и ослабления традиционных связей ⁴. Итальянский историк А. Грилли говорит о «на-

² *Lloyd-Jones H. The Justice of Zeus. Berkeley etc., 1971, p. 158; Dover K. J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotel. Oxf., 1974, p. XII, 2.*

³ *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972, с. 201 сл.*

⁴ *История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, П. С. Свенцицкой. Кн. 3. Упадок древних обществ, М., 1982, с. 6—7.*

циональной» стороне процесса. После Греко-Персидских войн варварами считались те, кто не обладал «греческой цивилизованностью», а потому стоял неизмеримо ниже эллинов. Лишь при эллинизме «наиболее просвещенные умы ученых» преодолели разрыв между греком и варваром. Идея о равенстве всех народов проложила себе путь ⁵.

Мы не будем приводить здесь бесчисленные высказывания историков о христианском понятии «равенства перед богом». Достаточно известны слова апостола Павла: «здесь нет различия между иудеем и еллином, потому, что один Господь у всех» (Rom. 10, 12), «нет уже иудея, ни язычника; ни раба, ни свободного» (Gal. 3, 28).

Однако не менее известно и другое — именно в римскую эпоху «эллины и иудеи», «эллины и египтяне» прониклись ненавистью друг к другу и начали считать друг друга существами низшего разряда. Презрение Аристотеля к варварам отражает реалии классического периода. Все три века эллинистического Египта не дают ни одного пренебрежительного высказывания египетских греков о египтянах, зато при римлянах письма наполняются такими высказываниями. Египтян обвиняют в тупости и бесчувственности, жестокости и бесчеловечности, некультурности и т. п. На это обратили внимание Н. Льюис ⁶ и Д. Барнс ⁷.

Тот и другой указывают на политику римлян как на причину ненависти. Римляне разделили сословия налоговыми и иными перегородками. Египтяне платили максимальный подушный налог, им запрещали покупать землю у катойков. Получить римское гражданство египтянин мог, лишь предварительно сделавшись александрийским гражданином. Жители метрополий (центров областей) находились в более выгодном положении. Далее шла целая гамма разрядов до александрийцев и римлян включительно. Межсословные браки были затруднены, о чем свидетельствует *Гномон идиос логос* (BGU, 1210). Каждая группа держалась за свои привилегии и обосновывала их неполноценностью низших сословий. Оба историка объясняют такую политику отношением римлян к египтянам. По мнению Д. Барнса, римляне не любили все восточное. По словам Н. Льюиса, после битвы при Акции римляне возненавидели Египет как олицетворение Востока. Получается порочный круг. Этническая вражда в Египте — результат римской политики, а сама римская политика — результат этнической вражды. Вряд ли такое объяснение можно считать удовлетворительным.

Главное же состоит в том, чтобы понять, почему этнические предрасудки распространяются одновременно с идеей равенства, с представлением о «человеке вообще». Взгляд, согласно которому идея природного равенства сменяет идею природного неравенства людей, кажется нам не совсем верным. Он основывается на трактатах стоиков, киников и т. п., а не на массовых источниках, и относится он не к массовому сознанию. Если же обратиться к массовому сознанию, то мы наблюдаем уже знакомую нам закономерность. Не одна концепция сменяет другую, но концепции (самые разные) сменяют отсутствие концепций. От одного уровня ментальность переходит к другому. Соответственно появляются сентенции, поучения — следы присутствия «идей», поддающихся исследованию и классификации.

⁵ Grilli A. L'approccio all' etnologia nell' antichità.— In: Conoscenze etniche e rapporti di convivenza nell' antichità/A cura di M. Sordi. Milano, 1979, p. 11—13.

⁶ Lewis N. Greco-Roman Egypt: Fact or fiction.— In: Congress XII, p. 10—11.

⁷ Barns J. W. Egyptians and Greeks. Bruxelles, 1978, p. 14—23.

Обратимся прежде всего к сентенциям, где фигурирует понятие «человек». Греко-латинский письмовник дает образцы утешительного послания при получении малого наследства: «Я узнал, что Лициний, твой искренний друг, умер, и печалюсь о том, что ты опечален, вспоминая о нем, но призываю тебя сохранять твердость духа, ибо завещания составляют люди (*ἄνθρωποι*), а утврждают — мойры»⁸; «Этот отказ (т. е. отказ адресата от наследства. — А. К.) неблагоприятен, ведь все мы люди, а люди — неравны»⁹; Семпроний отвечает брату Максиму: «Ты пишешь мне... что нелегко дать каждому человеку многое»¹⁰. Ветеран Юлий Аполинарий придерживается противоположного мнения. В прошении он пишет: «Подобаает ведь тебе, величайший из благодетелей, всем людям предоставлять должное, особенно же тем, кто по возрасту имеет налоговые льготы»¹¹. «Добродетельным людям положены от бога всяческие почести», — соглашается с Аполинарием Бесодор в письме Теофану¹² (письмо не христианское). Александр утешает своего друга по поводу смерти сына: «Нужно ведь выносить то, что свойственно людям (*τὸ ἀνθρώπινον*). Посему убегай скорби от падения человеческого и помни, что никто из людей не бессмертен, разве один бог»¹³ (письмо христианское). И у христиан, и у язычников весьма популярна мысль о том, что «всем суждено умереть»¹⁴, человеку свойственно скорбеть об умерших¹⁵ и т. п.

Сентенции о «человеке» сводятся практически к одной теме, теме «положенного»: всем людям положено умереть, всем положена награда за добродетель, всем начальство предоставит должное, однако невозможно каждому дать многое, ибо все мы, люди, не равны и событиями распоряжаются мойры. В сущности, здесь две враждебные концепции: одна — христианская концепция воздаяния, другая — языческая концепция судьбы. Но они мирно переплетаются и образуют сплав идей, неоднородность которого видна разве что профессионалам типа Иоанна Златоуста, противопоставлявшего одну концепцию другой. Так или иначе, тема «положенного» имеет отчетливый социальный привкус. Равны люди или не равны, воздаст всем начальство (а с ним вместе бог) по заслугам или не воздаст — таковы основные вопросы.

Перейдем от сентенций к наставлениям, указаниям, исповеданию собственных моральных чувств. Прежде всего человек предстает здесь как объект моральных обязательств. Автор одного из писем просит выслать масло: «Но смотри, не пренебреги, чтобы не казалось, что я обманываю людей (*τοὺς ἀνθρώπους*)»¹⁶. Другой просит уведомить о получении директив, «чтобы ты не беспокоил людей необходимостью писать тебе, чтобы ты не оказался в тягость людям»¹⁷. «Смотри, не согреши и не обмани людей, оказавших мне благодеяние»¹⁸, — беспокоится третий. «Блудный сын» торжественно заявляет матери: «Разве ты не знаешь, что я лучше ослепну, чем узнаю, что должен человеку хотя бы обол?»¹⁹.

⁸ P. Bon, 5, III—IV, 3—13, III—IV вв. н. э.

⁹ P. Bon, 5, III—IV, 14—26, III—IV вв. н. э.

¹⁰ P. Mich. 280, конец II в. н. э.

¹¹ BGU, 168 = M. Chr. 21, II в. н. э.

¹² P. Herm. Rees, 6, 21—22, IV в. н. э.

¹³ P. Naldini, 34, 11—17, III—IV вв. н. э.

¹⁴ SB, 11646, 10, III в. н. э.

¹⁵ P. Berol. inv. 8797, 11—12 (*Youtie H. C. Scriptiunculae. Pt. II. Amsterdam, 1973, p. 955—959*) = SB, 8979, 178—179 гг. н. э.

¹⁶ P. Oxy. 1665, 24—26, III в. н. э.

¹⁷ P. Oxy. 1677, 7—9, III в. н. э.

¹⁸ P. Oxy. 1773, 33—35, III в. н. э.

¹⁹ BGU, 846, 15—16, II в. н. э.

Человек и субъект моральных обязательств, он обладает добродетелями и пороками, мало того, только определенные нравственные достоинства дают основание считаться человеком. «Если ты хочешь знать мое мнение, теперь ты не должен считаться человеком»²⁰, — читаем мы в одном из теперешних упреками писем. Автор его как бы вторит словам Иоанна Златоуста: «Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно... Как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого?»²¹. Знаменитый проповедник строит «этическую» антропологию в противовес «онтологической» античной. У языческих философов, говорит он, есть такое определение человека: «животное разумное, смертное». Для христиан же человек только тот, кто, подобно Иову (Iob I, 1), «непорочен, справедлив, богобоязнен и удалялся от зла». Кто этими свойствами не обладает, тот не человек²². «Человек есть существо, но он может сделаться и ангелом и зверем»²³. И в папирусах все определения к слову «человек» неизменно носят морально-оценочный характер.

Христианские послания упоминают «людей безжалостных и безбожных»²⁴. Весьма ценится «надежный человек»²⁵. Наконец, мы встречаемся с «порядочным человеком». Сарапион пишет отцу: «Если у тебя случится нужда в хлебе, то его тебе даст тот, кто передаст это мое послание, Андромас — истинный друг порядочных людей» (σπουδαίων φίλος)²⁶. «Порядочные люди» предстают особой группой, выделяющейся среди всех прочих. Предыдущая эпоха знала деление общества на царских земледельцев и катойков, александрийцев и царских друзей, но не на «порядочных людей» и прочих. Человек выделяется из этноса и сословия, ценится по своей «порядочности», по качеству личному и моральному. Однако и в этом ключ к парадоксу, «порядочность» — явление сословное и этническое.

Птолемей, приказчик Аммона, оправдывая понесенные убытки, заверяет хозяина: «Я человек, прекрасно умеющий во всех обстоятельствах поступать так, чтобы почтенный (εὐσχημων) и вышестоящий (ὑπέρτερος) человек не потерпел ущерба»²⁷. И Птолемей, и Аммон относятся к определенным категориям людей. Один — почтенный, другой — умеющий служить почтенным. «Почтенный» — не случайное определение, а *terminus technicus*. В знаменитом эдикте Тиберия Юлия Александра противопоставлены «люди почтеннейшие» (τῶν τε... εὐσχημονεστάτων) и «те, кто возделывает хору»²⁸. Некого Исидора привлекали к литургии на том основании, что он «почтенный человек», сам же Исидор уверял, что он не таков, а является эргастериархом (управляющим мастерской) ткачей по льну, имеет много работников и поэтому как приносящий большую пользу казне должен быть освобожден от литургии²⁹.

В сущности «почтенные» и «почтеннейшие» греческих папирусов — эквивалент *honestiores* (более почтенные) римских законодательных па-

²⁰ Р. Оху. 2783, 14—15, III в. н. э.

²¹ *Joann Chrys.*, In Matt. homil. IV, 8. Пер.: Творения... Иоанна Златоуста, т. 7, кн. 1, СПб., 1901, с. 45.

²² *Joann Chrys.*, In Iob sermo, II, 2. См. также *idem*. Expositio in psalm. 150. I; In Genes. homil. XXIII, 4.

²³ *Joann Chrys.*, In acta apostolorum homil. XXXII, 3. Пер.: Творения..., т. 9, кн. 1, 293.

²⁴ Р. Tibiletti 22, 7—8 = Sel. Pap. 160, 330—340 гг. н. э.; Р. Tibiletti, 23, 12—13, 330—340 гг. н. э.

²⁵ *O. Florida*, 15, 7, II в. н. э.; Р. Alex. Giss. 38, 7, начало II в. н. э.

²⁶ Р. Mich. 213, 7—11, III в. н. э.

²⁷ Р. Yale, 83, 13—16, ок. 200 г. н. э.

²⁸ OGIS, 669, 6, 68 г. н. э.

²⁹ Р. Оху. 2340, 192 г. н. э.

мятников³⁰. Что же касается парного к *honestiores* термина *humiliores* (более низкие, смиренные), то ему в греческих папирусах, как мы пытались доказать (см. прим. 1), соответствовал термин *μέτριοι* (умеренные, бедные). Все это — не только названия сословий, но и моральные качества, и все это — определения к слову «человек».

В птолемеевскую эпоху сословная принадлежность обозначалась, как правило, существительными (*лаой* — туземцы и т. п.) или субстантивированными прилагательными (катоик, клерух — военные поселенцы). Теперь обозначение сословия делается определением к слову «человек», сословие — достоинство человека. Проявляются и «микрогруппы» — «порядочные люди», например. Это моральное понятие, но за ним стоит устойчивая социальная общность, основанная на равенстве этических понятий, образования и т. п.

Чтобы понять причины этого явления, обратимся к очень интересным наблюдениям Е. С. Богословского. Он отмечает особый характер сословий древнего Египта. Большая группа древнеегипетского населения считалась «послушными призыву», поскольку именно таково было их отношение к государству. По мнению Е. С. Богословского, «послушный призыву» — не социально-экономический термин, так как он прилагался и к рабам, и к рабовладельцам, и к вельможам, и к работавшим на них людям. «При достигнутой уже отвлеченности от конкретных профессий, должностных званий, от номинальной хозяйственной принадлежности социальное самосознание и мышление не дошло до классового самосознания и даже в греко-римском мире не пошло дальше отдельных (хотя и очень броских, заметных) элементов классового самосознания, наблюдаемых, главным образом, в среде господствующих классов»³¹.

Что общего между древнеегипетскими «послушными призыву» и птолемеевскими царскими земледельцами или клерухами? И древнеегипетские, и птолемеевские сословия определяются положением в царском хозяйстве. Царский земледelec арендует землю у государства, клерух получает ее в условное владение. Они вступают с государством в определенную связь. В роли «царского земледельца» может оказаться и вельможа, если он арендует царскую землю.

Иное дело — «умеренные» или «почтенные» римской эпохи. Не отношение к государству, не «служебное положение» сделали их таковыми, а богатство, происхождение, образование — качества сугубо личные. Лишь постепенное падение птолемеевских монополий и переход земли в частную собственность могли вызвать переворот. Прежде чем появилось «классовое самосознание», возникло «личное самосознание». Сначала человек почувствовал себя «человеком», индивидуумом (не принадлежностью царского хозяйства), а потом уже он заговорил о своей «умеренности» или «почтенности». Потом уже стал вопрос о равенстве и неравенстве, о воздаянии и судьбе.

Социальные термины рождались параллельно с распадом царского хозяйства и рождались в «морально-оценочном» облике. Принадлежность к сословию воспринималась как личная заслуга или личная вина. Социальный конфликт был осознан только «человеком», ибо ни «послушные при-

³⁰ Hohlwein N. L'Egypte romaine. Recueil des termes techniques relatifs aux institutions politiques et administratives de l'Egypte romaine suivi d'un choix de textes papyrologiques. Bruxelles, 1912, p. 44—46, 256.

³¹ Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (К социальной истории Египта XVI—XIV вв. до н. э.). М., 1979, с. 146.

зыву», ни «царские земледельцы» не могли противопоставить себя другим сословиям — такими их сделал царь.

Этнические конфликты также были осознаны только в «человеческом» обществе. Появляются термины «египетский человек», «римский человек», «александрийский человек». В письме Гереннии отцу Помпею речь идет о взыскании какой-то подати со всех «людей» — и римлян, и александрийцев, живущих в Арсиноитском номе ³². В прошении II в. н.э. сетует на обиду некий «человек римский, претерпевший такое от египтянина» ³³. На сцене появляется этническое деление. Тот факт, что египтянин (равно как и римлянин) признается человеком, нисколько не мешает презирать его. Напротив, именно общее понятие «человек» позволяет делить людей на презренных и других — почтенных.

Принадлежность к «туземцам» (*лаой*) в птолемеевское время не унижала (во всяком случае презрительных реплик в папирусах мы не встречаем) — это естественное состояние. Но принадлежность к «египетским людям» унижительна, ибо они в силу моральной и культурной отсталости не сделались метрополитами, александрийцами и римлянами. Ведь чтобы стать александрийцем, надо было пройти через гимнасий, а чтобы стать римлянином — поступить на службу. Перегородки между сословиями не исчезли (наоборот, они стали жестче). Но прежде все сословия были равны перед царем (Птолемеи даже особо говорили о своем покровительстве *лаой*). Теперь же они неравны, ибо определяются *личными* достоинствами своих членов, а не местом в царском хозяйстве. Мероприятия римлян по ужесточению сословных граней шли в рамках этой общей тенденции.

В результате возник еще один парадокс. В Египте, с одной стороны, появились «оценочные» названия сословий (почтенные, умеренные), с другой — оценочными сделались нейтральные термины (египтяне, эллины). Так, для Иоанна Златоуста и «иудеи», и «эллины» — слова с бранным смыслом, хотя сам он по происхождению грек. Иудеи и эллины виновны в том, что не принадлежат к третьей «нации» — христианам. Перейдя же в нее, они перестанут быть иудеями и эллинами. Неудивительно, что некий Евдаймон, сын Псойса и Тиатреус, в 194 г. н. э. просил разрешения называться Евдаймоном, сыном Герона и Дидимы ³⁴. Греческие имена родителей придали бы ему иное достоинство.

Этнос связан с этосом, национальность с моралью. Да и сама принадлежность к роду человеческому при таком способе мышления определяется моралью. «И варвара от не-варвара мы отличаем не по языку, не по происхождению, но по мыслям и душе. Тот преимущественно и есть человек, кто содержит правое учение веры и ведет любомудрую жизнь», — таков приговор Златоуста ³⁵.

Две противоположных идеи — идея равенства людей и идея их природного неравенства — возникли одновременно. Обе они отсутствовали в представлениях жителей птолемеевского Египта, ибо те попросту не были «людьми», но чиновниками и работниками царского хозяйства.

³² P. Mert. 63, 7—10, 57 г. н. э.

³³ SB, 11114, 11—12, 162 г. н. э.

³⁴ Sel. Pap. 301 = W. Chr. 52.

³⁵ Joann Chrys. Expositio in psalm. 143, 3. Пер.: Творения..., т. 5, кн. 2, с. 517.

Моральный прогресс первых веков нашей эры нередко измеряют разницей между христианской этикой и тем, что ей предшествовало. Ветхий Завет образует одну точку отсчета, классическая Греция — другую. Оправдание труда кажется самым бесспорным из моральных достижений христианства. Слишком велик контраст между «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» апостола Павла (2 Thess. 3, 10) и презрением Аристотеля (Pol. III, 3, 3) к «человеку, живущему на положении ремесленника или поденщика». Конфессиональная историография абсолютизировала этот разрыв³⁶, но с 30-х годов нашего века появились некоторые сомнения.

Выяснилось, что не все греки третировали труд. Как заметил Х. Болкенштейн, сами трудящиеся и мыслители, близкие к ним, относились к труду вполне уважительно. Даже те философы, которые принадлежали к высшим слоям общества, презирали лишь наемную работу, отличая от нее труд самостоятельного земледельца³⁷. Г. Фолькман также пишет о классовом характере отношения древних греков к труду. Изображения на чернофигурных вазах, эпитафии ремесленников, народная религия столь же исполнены уважения к ручной работе, сколь — строки Платона и Аристотеля презрения к ней. Подлинная новация христианства, считает он, — не уважение к труду, а понимание радости труда: из обязанности труд становится наслаждением, смыслообразующим элементом бытия³⁸.

В работах Е. М. Штаерман оправдание труда рассматривается как часть духовной революции, совершенной рабами и плебеями поздней античности. «Презрение к труду и человеку труда было одной из основ идеологии рабовладельцев»³⁹. Простые люди «и сами готовы были считать себя даже и в моральном отношении ниже благородных господ высшего рода». Лишь в первые века нашей эры они «начинают ставить себя выше богатых и знатных»⁴⁰. Их погребальные надписи знают достоинство работы⁴¹. Уважение к труду проникает и в средние слои, считавшие его прежде позором и несчастьем⁴².

Итак, уважение к труду, в том числе физическому, — отличительная черта эпохи. Такое мнение исследователей обосновывалось эпиграфическими и литературными свидетельствами. Нам представляется, что папирусы также должны быть учтены. Особенно интересны письма.

Начиная со II в. н. э. тема труда проникает в послания. Казалось бы, налицо переход от презрения к почитанию. Однако, если до II в. н. э. нет похвал труду, то нет и пренебрежения к нему. Напротив, со II в. н. э. мы сталкиваемся и с тем, и с другим: и с почитанием, и с презрением.

³⁶ *Глубоковский Н. Н.* Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу. Кн. II. СПб., 1910, с. 1085—1095; *Мухин Н. Ф.* Отношение христианства к рабству в Римской империи: церковно-историческое исследование. Киев, 1916, с. 1—5, 298—324.

³⁷ *Bolkenstein H.* Wohltätigkeit und Armenpflege im vorchristlichen Altertum. Ein Beitrag zum Problem «Moral und Gesellschaft». Utrecht, 1939, S. 192—199.

³⁸ *Volkman H.* Endoxos Duleia: Kleine Schriften zur Alten Geschichte. Zum 75 Geburtstag des Verfassers am 19. März 1975 hrsg. von H. Bellen. B.—N.Y., 1975, S. 317—319.

³⁹ *Штаерман Е. М.* Из истории идеологических течений II—III вв.—Еос, 1956, в. 48, fasc. I, S. 507.

⁴⁰ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции) М., 1961, с. 282.

⁴¹ Там же, с. 95—100.

⁴² *Штаерман.* Из истории..., с. 524. Об отношении отпущенников к труду см.: *Сергеенко М. Е.* Ремесленники древнего Рима. Очерки. Л., 1968, с. 76.

Что касается похвалы труду, то ее носителями делаются сентенция и поучение. Пока этих элементов письма не существовало, трудолюбие оставалось в сфере нравственных чувств. Теперь моральная норма становится объектом рассуждений, темой письма. Эмоции, существовавшие и прежде, осмысливаются и выражаются по-новому. Стремление к деятельности, например, знакомо уже письмам из архива архитектора Клеона (III в. до н. э.). Так, Поликрат просит Клеона, своего отца, представить его ко двору: «Ведь я часто писал тебе, умоляя помочь и рекомендовать меня, чтобы мне освободиться от нынешнего безделья»⁴³. Поликрат принадлежит к «духовной элите» птолемеевского царства, изысканность литературно и даже возвышенно, но никаких рассуждений о труде вообще и безделье вообще мы в его письме не найдем. Еще менее можно ожидать рассуждений и наставлений в письмах простых людей птолемеевской эпохи.

В римское время, особенно в пору второй софистики, простые люди предались «философствованию». Либо сами авторы писем, либо наемные писцы насытили письмо моральными максимами и тому подобным материалом. Сентенции и наставления в письмах касаются либо подчиненных (слуг, рабов и т. п.), либо друзей и родственников. Последняя группа особенно многочисленна. Христианка Тонис пишет своему единоверцу Гераклу: «Хочу, брат, чтобы ты знал, что 10 числа настоящего месяца *тота* я получила твоего сына здоровым и совершенно невредимым. Я позабочусь о нем, как о собственном сыне. Не премину и заставить его прилепиться к труду, ибо от этого божье...»⁴⁴. Далее, видимо, речь идет о божьем вознаграждении за труд. Но награда не настолько заманчива, чтобы избежать принуждения: юношу необходимо *заставить* трудиться. Солдат Афинодор знает нелюбовь сына к работе вообще и наемному труду в частности. «Пусть Лукий работает и живет из жалованья своего. И вы не упустите времени... Пусть Лукий не чванится (*μὴ στρηνιάτο*), но работает», — наставляет Афинодор жену⁴⁵. «Не позволяй ему чваниться (*στρηνιάτῃ*)». — читаем мы о каком-то Асклате, которому поручены хозяйственные дела⁴⁶. Столь же назидательно послание христианина Гераклида «сестре» Антиохии: «Да прилепится твое чадо к трудам своим. Я написал ему подобающие слова, чтобы заботился он о трудах своих, невзирая на различие времен года»⁴⁷.

Странное высокомерие, пренебрежение к труду, аристократическую изнеженность проявляют люди, далеко не самые богатые и знатные. Более того, пренебрежение распространяется на плоды труда. «Позаботься, господин брат, о том, чтобы собственную часть и чужую охранять и беречь, как брат и как труженик, и не терпеть других, не обращающих на это никакого внимания»⁴⁸. Оказывается есть люди, «не обращающие никакого внимания» на нажитое имущество.

Призывы к трудолюбию противостоят нерадению и беспечности (*ἀμέλεια*). Горнион уговаривает своего сына Гориона: «Трудись ревностнее и будешь счастлив. Не будь нерадив»⁴⁹. «Не будь нерадив в работах земледельца (*γευχα*)... ведь я знаю твою серьезность и разумность (*τὸ σπουδὸν καὶ*

⁴³ Ep. priv. gr. 3, 2—3, 252 г. до н. э.

⁴⁴ P. Oxy. 1493, 5—13, конец III — начало IV в. н. э.

⁴⁵ P. Meyer, 20, 21—24, первая половина III в. н. э.

⁴⁶ SB, 11148, 3, 12—13, вторая половина I в. н. э.

⁴⁷ P. Oxy. 1682, 11—15, IV в. н. э.

⁴⁸ P. Ams. I, 95, 12—18, III в. н. э.

⁴⁹ P. Med. 74 = SB 7999, 6—7, II в. н. э.

ἐπι<ει>χές)», — обращается сын к отцу⁵⁰. Более понятная ситуация — отец читает нравоучение сыновьям: «По просьбе моей (а я просил вас лично и теперь пишу настоятельно) прощайте друг другу и любите один другого. Насчет работ на винограднике, как я писал вам, не будьте нерадивы, покуда у вас хватает сил»⁵¹. Среди всех этих порицаний нерадения одиноко стоит прямая похвала трудолюбию некоего Патрона: «Патрон же, да минет его сглаз, ревностно трудится»⁵².

Когда письма касаются наемных работников, авторы также возмущаются нерадением, а не восхищаются трудолюбием. «Пошли (продукты) учителю моей дочери, чтобы он был трудолюбив с ней»⁵³. «Рабыню мою словами заставь быть трудолюбивой, если же Тамун родит, заставь ее быть трудолюбивой в отношении плода»⁵⁴. Даже при уходе за ребенком трудолюбие немислимо без принуждения. Управляющий пишет хозяину, что заплатил работникам «жалование их вплоть до сегодняшнего дня... Не только получили они положенное от меня, но и задаток, и неразумно бросили меня и пришли к тебе. Не показывая боязни, что они не будут исполнять твоих указаний. Они много могут лениться»⁵⁵. Исидор требует от своего брата Аврелия: «Не позволяй плотникам совершенно бездельничать»⁵⁶.

На том же противопоставлении трудолюбия и лени построена защита в суде. О ткачах говорится: «Ты и сам знаешь, господин, что они немало пользы приносят общественным делам... Но строители в столь неотложной нужде сочли справедливым видеть в этих людях только лентяев». О некоем Павле здесь же (в протоколе заседания суда) сказано как о «прилепившемся к изучению ремесла»⁵⁷. В споре по поводу регистрации земли адвокат превозносит трудолюбие своего клиента и его отца⁵⁸. Префект отвечает солдатам на их прошения, приказывая каждому идти на свое место и не лениться⁵⁹.

Итак, проповедь трудолюбия в письмах полемична. Полемика идет не с предрассудками высших классов, а с настроениями друзей, родных и слуг авторов писем. Настроения эти весьма прискорбны: лень, стыд перед жизнью на жаловании, пренебрежение к труду. Даже на собственное хозяйство «не обращают внимания», заботы о нем ставят ни во что.

Идет речь о «пережитках прошлого» или о чем-то новом, о порождении имперской эпохи? Выше мы уже писали: в птолемеевских и раннеримских письмах нет не только похвалы труду, но и высказываний обратного рода. Эпоха второй софистики дает образцы таких «обратных» высказываний.

Воин Аполлинарий делится радостью со своим отцом Сабинном: «В то время как другие целый день рубят камень и делают другие дела, я доныне не только не претерпел этого, но когда я попросил Клавдия Севера, консулярия, чтобы он сделал меня своим писарем, тот сказал: „Места сейчас нет, но пока что я сделаю тебя легионным писарем с надеждой

⁵⁰ P. Oxy. 1218, 2—5, III в. н. э.

⁵¹ SB, 7562, 12—26, 159 г. н. э.

⁵² P. Mil. Vogl. 24, 57—58, 117 г. н. э.

⁵³ P. Giss. 80, 11—12, начало II в. н. э.

⁵⁴ P. Oxy. 1069, 18—23, III в. н. э.

⁵⁵ P. Mert. 38, середина IV в. н. э.

⁵⁶ P. Oxy. 121, 25—26, III в. н. э.

⁵⁷ P. Ryl. 654, 5—9, IV в. н. э.

⁵⁸ SB, 10989, II, 325 г. н. э.

⁵⁹ DIP of GCN 297b, 20—22, 63 г. н. э.

на продвижение". И с этим назначением я отправился от консулярия легиона к корникулярию»⁶⁰. В другом письме того же Аполлинария читаем: «Благодарение Сарапису и Агатэ Тяхэ за то, что, когда все целый день изнуряются, обтесывая камень, я, как принципал, хожу вокруг, не делая ничего»⁶¹. Аполлинарий будто цитирует древнеегипетское поучение писцу: «Будь писцом, чтобы быть избавленным (от участи) воина, чтобы мог ты воскликнуть и (люди) также сказали бы: „вот я“, и чтобы был ты освобожден от мучений (физических работ)...»⁶². И это, возможно, не случайное совпадение.

С I в. н. э. началось использование легионеров для канцелярской работы. Солдаты-канцеляристы называют себя «принципалами» («первые», «главные») ⁶³. Когда все обтесывают камень, принципалы (и наш знакомый Аполлинарий в том числе) освобождены «от мучений физических работ». В армии открылось новое поприще для желающих избавиться от непосильного труда, и они с энтузиазмом вступили на него. Путь писца вообще традиционен для Египта. Многочисленные поучения фараоновских времен наставляли юношу: лишь писец свободен, богат и избавлен от физической работы. Занимайся прилежно и ты избежишь печальной участи ткача, гребца, земледельца и т. п.⁶⁴ Как только авторы писем II—IV вв. н. э. переходят от поучений и наставлений к собственным затаенным желаниям и мечтам, слова о карьере и ученье, а вовсе не рассуждения о труде, льются легко и открыто. Теренциан, служивший во флоте, писал своему отцу Тиберриану: «Если бог захочет, я надеюсь устроиться лучше и перевестись в когорту, но без денег здесь мало что выйдет, и даже рекомендательные письма ничего не будут стоить, если не помочь самому себе»⁶⁵. Вероятно, перевод Теренциана как-то связан с перспективой штабной службы. Во всяком случае, отец Теренциана Тиберриан является «спекулятором», т. е. младшим командиром с штабными и полицейскими функциями. Отцы способствуют продвижению сыновей. Так, некий Аммоний просит Сабина о переводе сына на новое место службы и на новый пост, «чтобы во всех отношениях ты стал не только защитником этого дела, но и благим кормчим, возвращающим сына отцу»⁶⁶.

По мнению А. Л. Смышляева, канцелярские работники выделились в замкнутую группу внутри армии. Возникла канцелярская элита. От неграмотной массы солдат ее отделяла резкая грань⁶⁷. Уже простые писари (либрании) считались *immunes*, т. е. «свободными от повинностей», освобожденными от тяжелой физической работы легионеров⁶⁸. Возродилась старая египетская антитеза: физический труд — труд писца. Карьера освобождала от труда, того самого, который так восхвалялся в сентенциях и поучениях.

Дело не ограничивается армией. Со II в. н. э. карьерная идеология пронизывает все египетское общество. Целый трактат о жизненном успехе

⁶⁰ P. Mich. 466, 20—32, 107 г. н. э.

⁶¹ P. Mich. 465, 13—17, 107 г. н. э.

⁶² P. Lansing, 10, 9. Цит. по книге: Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962, с. 161.

⁶³ Смышляев А. Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. — ВДИ, 1979, № 3, с. 64—65.

⁶⁴ Коростовцев. Ук. соч., с. 11—14, 32.

⁶⁵ P. Mich. 468, 35—41, начало II в. н. э.

⁶⁶ P. Mich. 485, 12—15, II в. н. э.

⁶⁷ Смышляев. Ук. соч., с. 78.

⁶⁸ Там же, с. 67.

и карьере представляет собой письмо Аммона матери ⁶⁹: «Иногда судьба благосклонна, иногда — тяжела. Теперь у нас тяжелые времена, но все повернется к лучшему». Мать должна укрепляться духом, помня: «Ничто не зависит от нас». У Гарпократиона, брата Аммона, были неприятности, но «опять судьба начала возвышать его, ибо он любезен вечным богам и, когда бы ни падал к скромному состоянию, вновь возносится к величию». Далее, правда, выясняется, что вечные боги содействуют Гарпократиону не просто так, но с помощью протекции: «У него через друзей есть грамоты от некоторых больших людей». Сам Аммон добивается жреческой должности (места пророка). В борьбе за место «пусть узнают свою судьбу те, кто враждебен богам».

Далее Аммон переходит к богатству, обнаруживая и здесь сочетание смирения с оптимизмом. «Сама судьба дает и отнимает, когда захочет. Осторожное или неосторожное отношение к наследству не определяет всю жизнь. Тот, кто не сберег его, не обязательно становится совершенно бедным на всю жизнь. Более того, многие, не получив никакого наследства, преуспевают, становятся очень богатыми». Сентенция, как обычно, завершается наставлением: «Будь же деятельна в заботе о доходах». «Узнай же, что Гермий прибыл в Рим и стал отпущенником Цезаря, чтобы получить должность», — радостно сообщается в другом письме ⁷⁰.

Рассуждения о карьере стали настолько же массовыми, насколько стандартными. Родилось даже стандартное пожелание *прохопт* (преуспевание, продвижение, карьера) в письмах. Архитектор Герод молится о щедрейшем процветании (*прохоптас*) стратега Апполония, о чем ему и сообщает ⁷¹. Слуга пишет господину: «Молюсь, чтобы увидеть тебя, господин, в большем успехе и в щедрейшем процветании» ⁷². В другом письме читаем: «Молюсь за твоё здоровье и продвижение» ⁷³. В армии *прохопт* особенно ценилась. Египтянин, попавший на службу в римский флот, крайне воодушевлен: «Умоляю тебя, господин мой отец, напиши мне письмо... чтобы я мог преклониться перед твоим писанием, ибо ты хорошо воспитал меня и поэтому я надеюсь быстро продвинуться, если того захотят боги» ⁷⁴. Автор письма воину молится, чтобы адресат «получил продвижение» ⁷⁵. Клемаций рассуждает: «Мы всегда молимся, чтобы все наши друзья достигли большего процветания» ⁷⁶. Наконец, отрывок из гороскопа гласит: «Быстро он продвигается (*прохоптес*) в воспитании и становится весьма деятельным» ⁷⁷.

Слово *прохопт* (и производные от него), кроме низменного делового плана, имело другой — философский и религиозный. Здесь оно означало не карьеру, а совершенствование, внутреннее развитие ⁷⁸. Самое удивительное — оба плана неразрывно связаны. Священник апа (абба) Миос упрощает полицейского чиновника Абиннея освободить брата жены от военной службы ⁷⁹. К месту вставлена евангельская цитата: «Глоток

⁶⁹ P. XV Congrès 22, первая половина IV в. н. э.

⁷⁰ P. Oxy. 3312, 10, II в. н. э.

⁷¹ P. Brem. 15, 31—34, 118 г. н. э.

⁷² Sel. Pap. 123 = P. Ryl. 233, 15—16, II в. н. э.

⁷³ SB, 8022, 14—15, III в. н. э.

⁷⁴ Sel. Pap. 112 = BGU 423, 17—18, II в. н. э.

⁷⁵ PSI, 1437, II—III вв. н. э.

⁷⁶ P. Abinn. 33, 3, середина IV в. н. э.

⁷⁷ P. Iandanae, 3, 4—6, II в. н. э.

⁷⁸ TWNT, Bd VI, S. 703—719; L.—S.—J, s.v.; *Sophocles*, s.v.

⁷⁹ P. Abinn. 19, середина IV в. н. э.

воды одному из малых сих не останется без награды»⁸⁰. Но другое обещание Миоса уже не столь прямо соотносится с Библией: «И бог воздаст тебе за милосердие твое и вознесет тебя к большому». В I Petr. 5, 6—7 читаем: «Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет (ὑψώσῃ) вас в свое время». Слово употреблено то же («возносить»), а нюансы иные: Петр говорит о вознесении на небеса, апа Миос — о вознесении «к большому», т. е. к более высокому чину, может быть даже ангельскому⁸¹. Поскольку должность досталась Абиннею ценой упорной и часто безуспешной борьбы, слова апы Миоса, вероятно, падали на увлажненную почву. Апа сулил рай и карьеру как эквивалент и предвкушение рая, как награду за покровительство «малым сим», за добродетель.

Полвека спустя близ египетского города Пелусия ученик Иоанна Златоуста Исидор Пелусиот писал некоему Авсонию: «Многие одну начальническую должность меняют на другую, и исправляющие должность свою хорошо, по справедливости — низшую на высшую... Но тебя с престолов доброго начальствования примут к себе небесные чины, которым соделался ты любезен как попечительный о боголюбивых нищих и всему предпочитающий справедливость»⁸². Всякое возвышение — вплоть до небесных чинов — воспринималось как карьера.

Иную связь двух планов совершенствования (духовного и карьерного) показывает приведенное выше письмо сына отцу: «Ты хорошо воспитал меня, и поэтому я надеюсь быстро продвинуться, если того захотят боги». Также и отрывок из гороскопа, уже упомянутый, связывает карьеру с воспитанием.

Зависимость карьеры от успехов в ученье была достаточно ясна еще жителю птолемеевского Египта. Во II в. до н.э. мать писала сыну: «Узнав, что ты изучаешь египетский, я порадовалась тебе и себе, ведь теперь, прибыв в город, ты будешь учить детей врача... и получишь пропитание на старость»⁸³. Наука доставляла место, но здесь речь идет о конкретном месте, а не о карьере вообще. Здесь нет сентенции, наставления, абстрактных рассуждений о пользе ученья и воспитания. Тем более нет в птолемеевскую эпоху мечты о сокровенном, высшем плане «продвижения» (προκοπή). Духовное продвижение не противопоставлялось светскому. Иное — во II—IV вв. Открылась и практическая польза наук, и их духовная самоценность. «Смотри, не ссорься ни с кем из людей в доме, но предавайся одним лишь своим книгам, любя знания, и получишь от книг пользу», — наставляет отец сына⁸⁴. Письмо Афродисия гласит: «Прежде всего приветствую тебя, и со мной — все домашние. Великий праздник для всех желающих получить воспитание, когда они сознают, что делают порученное им, а не желают предаваться презренным удовольствиям. Ибо те, кто прежде, к счастью, нес повинности мистериям муз, позже становятся их участниками»⁸⁵.

На наставления и сентенции юноши отвечают ободряюще: «Не волнуйся относительно наших занятий, отец. Мы пребываем в трудолюбии

⁸⁰ Ср. Math. 10, 42; 18, 6; Mark. 9, 41—42.

⁸¹ Ср. рекомендательное письмо византийской эпохи (527—565 гг.), где покровителю желают получить «намного большую награду от господ бога» (SB, 7438, 12—13).

⁸² *Isid., Pelus. I*, 165. Пер.: Творения святого отца Исидора Пелусиота. Ч. 1. М., 1859, с. 110.

⁸³ *Ep. priv. gr.* 59, II в. до н.э.

⁸⁴ *P. Oxy.* 531, 9—12, II в. н.э.

⁸⁵ *SB*, 7567, 1—10, III в. н.э.

и возвышаемся духом, нам хорошо»⁸⁶. Другой молодой человек тоже усердствует, но ему мешает нехватка учителей и дороговизна ученья. «По этому поводу мы пришли в расстройство, вынуждающее нас пренебрегать здоровьем»⁸⁷.

Итак, во II—IV вв. и возвышение духовное, и возвышение светское стали объектом массового морализирования. Одни рассуждали о преимуществах карьеры, другие — о чистых наслаждениях с музами. Одни писали об ученье как о средстве продвинуться в должности, другие — как о высшем удовольствии.

Но раз оба плана продвижения (духовный и светский) были осознаны, они могли быть и противопоставлены. Это противопоставление мы находим, правда, уже не в папирусах, а у Иоанна Златоуста. В письмах — заботы отцов о военно-писарской карьере детей, об их образовании, рассуждения о том, как воспитание способствует продвижению по службе. У проповедника — порицание всего этого. «О том, чтобы они (дети.— А. К.) получили внешнее образование и поступили на военную службу, мы стараемся, бросаем деньги, просим друзей и много ходим туда и сюда (ср. послание Антония Сабину с просьбой о переводе сына.— А. К.), а о том, чтобы они были в уважении у царя ангелов, не обращаем на это никакого внимания». «Не так полезно,— поучал тот же проповедник,— образовать сына, преподавая ему искусство и внешнее знание, посредством которых он станет приобретать деньги, как научить его искусству презирать деньги»⁸⁸.

Внутри «карьерной идеологии» была своя антитеза: заслуги — протекция. Исследователи спорят, что являлось двигателем карьеры в Римской империи: относительно безличные административные критерии (старшинство, квалификация, заслуги) или личное расположение начальства⁸⁹? Эта дискуссия представляется нам беспредметной: она смешивает реальность, далекую от совершенства, с идеологией. Конечно, протекция играла огромную роль в Римском Египте. Выше мы привели достаточно писем с подтверждением тому. Но протекция не могла служить официальным обоснованием карьеры. Известный Абинней испытывал многие горести при своем продвижении наверх. Его не утвердили комендантом крепости Дионисиады, поскольку появились конкуренты. Абинней обратился с жалобой на имя императоров Констанция II и Константа. Снисходительность (*clementia*) и доброта (*pietas*) императоров должны, по мнению Абиннея, распространяться прежде всего на тех воинов, которые, «усердно показывая свое послушание, сами кажутся заслуживающими ваших благодеяний»⁹⁰. Таков, конечно, Абинней: «Я был назначен поистине священным решением, учитывая мои вышеупомянутые труды (*laborum meum*)». Конкуренты же его — выдвинуты по протекции (*suffragium*, сткк. 12—13). Протекция клеймится и противопоставляется трудам, усердию, послушанию. Как бы комментарием к этому прошению звучит фраза из «Краткого изложения военного дела» Вегеция (IV—V вв.): «Вследствие небрежности крепкая сила этих легионов уже надломлена, когда награду,

⁸⁶ Sel. Pap. 137 = P. Oxy. 1296, 5—8, III в. н. э.

⁸⁷ P. Oxy. 2190, 37—38, конец I в. н. э.

⁸⁸ *Ioann Chrys.*, Homil. in quaedam loca N.T., Vidua eligatur...et de liberor. educat. 10. Пер.: Творения..., т. 3, кн. 1, с. 340; *idem*. Epist. ad Ephes. XXI, 2. Пер.: Творения..., т. 11, кн. 1. с. 136.

⁸⁹ Saller R. P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge etc., 1982, p. 79—111.

⁹⁰ P. Abinn. I, 3, 340—341 гг. н. э.

даваемую прежде за доблесть (*virtus*), стали получать благодаря интригам (*ambitio*), и войны стали по протекции (*per gratiam*) добиваться повышений, которые прежде они получали за труд (*per laborem*)»⁹¹.

Продвижение по заслугам было требованием широких слоев. Особенно популярно оно в христианской литературе. В мире египетского богослова Оригена все, вплоть до диавола, постепенно достигнут спасения, сольются с богом. Но пока этого не произошло, каждый занимает место по заслугам. «Не должно думать, — пишет Ориген, — что известному ангелу случайно поручается такая или иная должность... Нужно полагать, что они удостоились этих должностей не иначе, как каждый по своим заслугам, и получили их за усердие и добродетели, оказанные ими еще прежде создания этого мира». Мысль о раздаче этих должностей, так сказать, по знатности («потому, что ангелы сотворены такими по природе») богослов с возмущением отвергает («это повело бы к обвинению творца в несправедливости»). Бог, «нелицеприятнейший распорядитель», дает назначения «сообразно с заслугами и добродетелями и соответственно силе и способностям каждого»⁹².

У Иоанна Златоуста критика всех некорректных способов карьеры достигает апогея. «Внешняя власть не всегда может быть доказательством добродетели тех, которым она вверяется, напротив, часто свидетельствует об их порочности. Почему? Потому что для получения такой власти обыкновенно помогают и ходатайства друзей, и происки, и льстивые речи, и многие другие более постыдные способы. Но когда избирает и определяет Бог и когда его десница касается святой главы, тогда определение нелицеприятно, суд не подлежит подозрению, и несомненным одобрением рукополагаемого служит достоинство рукополагающего»⁹³. Однако и при духовной карьере отнюдь не всегда «определение нелицеприятно». Напротив. «Прежде я смеялся над мирскими начальниками за то, что при раздавании почестей они обращают внимание не на добродетель душевную, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей; но уже не стал считать это так странным, когда услышал, что такое неразумие проникло и в наши дела»⁹⁴, — писал Иоанн, имея в виду рукоположение священников. Сам Златоуст в молодости отверг предложение блестящей карьеры: из чтецов сразу в епископы. Не приняв епископский сан, он сделался диаконом, затем — пресвитером и только после того достиг высших степеней (епископ, а позже архиепископ).

Отношение к труду, учению, успеху есть в конечном счете отношение к цели и смыслу жизни. Изменилось ли понимание этой цели, этого смысла? Конечно, перемены во II в. н. э. — разительны. Но речь не идет о переоценке труда, протекции или ученья. Речь идет именно об их *оценке*, о сознательном, теоретическом, рефлексивном восприятии. Все антиномии, конфликты, порицания и поучения рождались именно из этого восприятия.

Для самого же восприятия характерна разорванность, раскол между мыслями и чувствами, идеологией и психологией. Мысли, выраженные в поучениях и сентенциях, прославляют труд, порицают протекцию, видят в науке нечто самоценное. Чувства же, изображаемые фразами от первого лица (эпистолярный рассказ, пожелания и т. п.), доносят до нас отвра-

⁹¹ Veget. II, 3. Пер. С. П. Кондратьева — ВДИ, 1940, № 1, с. 245—246.

⁹² Orig., De princ. I, 8, 1. Пер.: Ориген. О началах. Казань, 1899, с. 80—81.

⁹³ Ioann Chrys., Contra anomeos, VI, 2. Пер.: Творения..., т. 1, кн. 2, с. 539.

⁹⁴ Idem. De sacerdote, III, 15. Пер.: Творения..., т. 1, кн. 2, с. 429.

щение к труду самых широких слоев, жажду обогащения и карьеры, невиданную прежде, утилитарное отношение к учению и т. п.

Что касается подобных чувств, то объяснить их, казалось бы, несложно. Бюрократизация империи открывала широкие возможности для карьеры. Но в Египте при Птолемах бюрократия была не менее развита, возможности для карьеры были не меньше. Однако тогда люди делали карьеру молча: не рассуждали о ней, не осуждали и не превозносили. Отсутствовал при Птолемах разрыв между психологией и идеологией. В древнем Египте положение писца всегда казалось завидным, мечты о продвижении, ненависть к физическому труду — всегда были налицо. Но лишь во II—IV вв. увлечение карьерой сочеталось с оправданием труда. Идеология клонилась к похвале труду, психология — к бегству от него.

На первый план вышла похвала труду, апология жизни кроткой, земледельческой — в стороне от возвышения и богатства. Этому учили и философы, и богословы. Откровенное же прославление карьеры не отвечало официальной идеологии эпохи. Опыт фараоновского Египта не был повторен, хотя к тому складывались все предпосылки.

Объяснить это можно, вероятно, теми же причинами, что и появление идеи «человека вообще». В первых веках нашей эры царское хозяйство быстро разрушалось, возобладала частная собственность. Подданные оказались гражданами новых муниципиев. Выросло личное достоинство, способность самоутвердиться в стороне от карьеры и службы, отстоять себя в неудачах и унижениях. Человек что-то значил и помимо должности. И в таком качестве он должен был решать моральные проблемы, не стоявшие перед птолемеевскими клерухами и царскими земледельцами.

3. СЛУЖЕНИЕ, РАБСТВО, КОРЫСТЬ

Еще одно нравственное открытие поздней античности — любовное служение. Традиционная историография без колебаний приписывала это открытие христианству. Г.-В.-Ф. Гегель в работе «Дух христианства и его судьба», сравнивая христианство с иудаизмом, писал: «Заповедям, требовавшим лишь послушания господину, непосредственного рабства, послушания без радости, без готовности к любви, т. е. заповедям богослужения, Иисус противопоставлял прямо противоположное — склонность, более того, потребность человека»⁹⁵. Православный богослов Н. Ф. Мухин по тому же признаку отделял христианство от стоицизма: «В служении другим, презираемом античными людьми, христианство не только не видит никакого позора, оно видит здесь высшее проявление любви»⁹⁶.

Новейшая историография, сохраняя за христианством принципиальную новизну любовного служения, пытается найти его истоки и в античности, и в иудаизме. Й. Фогт отмечает, что уже Валерий Максим и Сенека позволяли рабам войти в моральный мир свободных людей. Пропуском могла служить верность, преданность господам. Но у язычников лишь некоторые доблестные дела рабов (спасение господ и т. п.) имели цену. Напротив, христианство выдвинуло идеал «счастливого раба», который не совершает ничего героического, но преданно выполняет обязанности. Прецеденты такого мышления И. Фогт обнаруживает в Ветхом Завете⁹⁷.

⁹⁵ Гегель Г. В. Ф. *Философия религии* в двух томах. Т. I. М., 1976, с. 102.

⁹⁶ Мухин. Ук. соч., с. 227.

⁹⁷ Vogt J. *Ancient Slavery and the Ideal of Man*. Cambr. Mass., 1975, p. 129 ff.

Г. Фолькман находит «славное служение» уже в эпоху эллинизма. Для «классического грека» — всякая наемная служба — позор. Но эллинизм сделал эллинов «служащими», чиновниками на жаловании у Птолемея и Селевкидов. Подходить к вельможе с мерками полисной морали было немислимо. Отсюда, по мнению Г. Фолькмана, родилось представление о всеобщей службе, всеобщем взаимном рабстве. Сам царь, а затем и император оказался слугой и даже рабом народа ⁹⁸.

Е. М. Штаерман воспринимает проблему служения в контексте классовой борьбы. Обострение всех противоречий рабовладельческого строя рождает у господ мысль, что «раба надо подчинить не только материально, но и морально». «Попытки морально подчинить себе рабов, естественно, сопровождались попытками идеализировать чувства, взаимосвязывающие их с господами» ⁹⁹.

Что могут дать греко-египетские письма для изучения столь хорошо изученного вопроса? Во-первых, риторика писем II—IV вв. антитетична (на то она и риторика). Наряду с тезисом дается антитезис, любовное служение противопоставляется другим феноменам. Эти феномены и следует выявить — не были ли они причиной морального новшества? Во-вторых, письма чаще всего говорят об отношениях свободных людей, а не рабов, о служении в свободной среде. Причина тому — не только особенность источника, но и особенности социального строя Египта — рабов здесь было мало, и наем и подряд свободного труда играли очень большую роль, особенно в римский период ¹⁰⁰.

Остановимся сначала на «рабском вопросе» в папирусах. Здесь все довольно традиционно — можно предполагать знакомство писцов с ходячими философскими фразами и риторическими сюжетами контroversий. Мы встречаемся с рабами, стойко выдерживающими пытку ради своей госпожи, — муж пытается их, чтобы они оговорили жену ¹⁰¹. Напрашиваются прямые аналогии с рассказами о преданных рабах из времен проскрипций ¹⁰². Письмо рабыни стратегу Аполлонию выдержано в стиле посланий влюбленных гетер: «Прежде всего приветствую тебя, господин, и молюсь всячески о твоём здоровье. Я чрезвычайно беспокоилась, повелитель, когда услышала, что ты болен, но — благодарение всем богам, которые сохранили тебя невредимым. Призываю тебя, господин, если ты согласен, пошли за нами, если же нет — мы умрем, не видя тебя ежедневно. Мы должны, если сможем, припасть и прийти и преклонить колени перед тобой. Ибо мы беспокоимся... Поэтому помирись с нами и пошли за нами» ¹⁰³. Совершенно иные, новые нотки звучат в письме раба-вскормленника Абиннею: «Господину моей души и могущественнейшему моему препозиту Абиннею от Палата привет! Прежде всего, молюсь ночью и днем о твоём здравии, чтобы невредимым и бодрым получил ты мое письмо. Приветствую детей твоих! Мне кажется необходимым, чтобы ты, если при-

⁹⁸ Volkmann. Op. cit., S. 1 ff.

⁹⁹ Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, с. 179—186.

¹⁰⁰ О структуре рабочей силы в римском Египте см.: Ковельман А. Б. Аренда в Южном Фаюме в середине I в. н.э. (По мичиганским регистрам). — ВДИ, 1974, № 2, с. 69—85; он же. Парамонарии — наемные работники греко-римского Египта (По мичиганским регистрам). — НАА, 1974, № 6, с. 134—140; он же. Рец. на кн.: Hengstl I. Private Arbeitsverhältnisse freier Personen in den hellenistischen Papyri bis Diokletias. Bonn, 1972. — ВДИ, 1975, № 1, с. 217—221.

¹⁰¹ P. Tebt. 903, IV в. н.э.

¹⁰² Штаерман, Трофимова. Ук. соч., с. 183—186.

¹⁰³ P. Giss. 17, 2—13, начало II в. н.э.

дешь, спал в моем доме. Бога ради, дай моей жене несколько овец, чтобы она своими руками обретала малую лепту (λεπτάρεον). Ведь ты знаешь, господин мой, что мне ничего не принадлежит... Я вновь твой раб и не отпаду от тебя, как прежде» ¹⁰⁴.

Здесь переживания верности и неверности выходят за пределы искусной риторической антитезы и достигают евангельской остроты. Раб вручает Абиннею свою душу, мечтает предоставить ему ночлег, просит милостыню и просит якобы совершенно бескорыстно (ему ничто не принадлежит)! И одновременно он — предатель, он «отпал» от господина. По мере того как служение делается любовным, фигура Иуды Искарота приобретает все большее значение. Даже апостол Петр трижды отрекается от учителя. Невиданно острое переживание предательства звучит в письме Диогена жене: «Не перестану писать о том зле, которое сделал и делает мне коварный Антиной, сумевший уговорить Сибитилла неразумно отпасть от меня и бросить меня на чужбине. Пусть же знает Сибитилл, что у него не только потребуют обратно то, что он украл у меня при бегстве, но и он будет изгнан. Смотри же... чтобы он не ограбил тебя больше. Антиной вообще не перехитрил меня, но хочет, как я догадываюсь, неразумно отпасть... И что бы он ни сделал, я не беспокоюсь из-за него. Ибо боги хранили меня и сохраняют до встречи с вами» ¹⁰⁵.

На этот раз речь идет о предательстве свободных людей, а не рабов (Сибитилл может быть «изгнан» и, следовательно, — не раб). Они не просто покидают хозяина, даже не просто грабят его. Они — апостаты, отступники. Их отступничество неразумно (ἀλόγως ἀποστῆναι). Таким же апостатом был, но более не будет раб Абиннея (οὐκ ἀποσταζομαί σου ὡς πρῶτον). Сибитилл «неразумно отпал» и «бросил» Диогена. В уже приводившемся выше письме управляющий жалуется хозяину на работников, которые, получив и жалованье, и задаток, «неразумно бросили меня и пришли к тебе». Работники — предатели, «апостаты» (к ним и применен соответствующий глагол ἀφίστημι — оставлять, отпадать).

Насколько «общим местом» делается тема предательства, видно из сравнения письма Диогена с вторым посланием Тимофею апостола Павла.

SB, 9534

II Tim.

1) Не перестану писать о том зле, которое сделал и делает мне коварный Антиной.

2) сумевший уговорить Сибитилла неразумно отпасть от меня и бросить меня на чужбине... Антиной вообще не перехитрил меня, но хочет, как я догадываюсь, неразумно отпасть...

3) И что бы он ни сделал, я не беспокоюсь из-за него. Ибо боги хранили меня и сохраняют до встречи с вами...

1) 4,14: Александр медник много сделал мне зла.

2) 1,15: Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фителл и Ермоген. 4,10: Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век...

3) 4,18: И избавит меня господь от всякого злого дела...

Собственно, гл. 4 послания к Тимофею (сткк. 14—18) и письмо Диогена построены по одной схеме: автору причинили много зла (1), его оставили на чужбине (2), но он надеется на помощь свыше (3).

Доселе невиданному переживанию предательства соответствуют невиданные до II в. н. э. изъявления преданности. «Если ты захочешь прийти и взять меня с собой, — приходи, и, если ты возьмешь меня, я последую за тобой, и, как я люблю тебя, бог полюбит меня», — читаем мы в христиан-

¹⁰⁴ P. Abinn. 36, 1—21, середина IV в. н. э.

¹⁰⁵ SB, 9534, 3—46, III в. н. э.

ском письме 133 г. н. э.¹⁰⁶ Аврелий Архелай рекомендует военному трибуну Юлию Домицию некого Теона, «моего друга»: «Ибо он — такой человек, что ты можешь его любить. Он оставил свой народ, свое имущество и дела и последовал за мной»¹⁰⁷. Если Сибитилл бросил хозяина на чужбине, то персонажи двух последних писем следуют на чужбину за тем, кого любят. Обычные рекомендательные письма не оценивают протекции столь высокой моральной мерой. Нарушение этой меры оказывается «предательством» — на манер государственного, «отступничеством» — на манер религиозного.

В службе ценится не результат, а мотив — любовь. Поскольку же обнаружить мотив гораздо труднее, чем результат, появляются сложные психологические построения. Некий Семпроний пишет Аполлинару. Из письма Юлия Сабина он узнал о словах Аполлинария, «что я не потому не занялся твоими делами, что не смог, но из-за отсутствия желания, как ты говоришь. И хотя я это понимаю, но все же оправдываюсь». Семпроний через посредника узнает чувства Аполлинария по поводу его (Семпрония) чувств, на что отвечает новыми эмоциями. Стилистический прием «чужой речи», вдобавок двойной (Сабин говорит, что ты сказал), оформляет сложную рефлексивную, выяснение своих и чужих мотивов¹⁰⁸.

Где причина такого острого переживания преданности и предательства? Где причина завышенных требований и неистовых обвинений? Мы уже касались истоков «любви к врагам», непротивления злу¹⁰⁹. Почвой, на которой выросла эта мораль, был распад традиционных отношений. «Близкие» — отец, братья, сестры — стали казаться врагами, любовь к ним — сверхдолжной заслугой, прощением врагу. На место обычного почтения сыновей к матери ставилась непомерная задача: «рабствовать госпоже нашей матери», причем делать это не «с трудом», но «зная сладость господ родителей». Необходимость «рабствовать» в условиях распада вековых связей, попытка рационально осознать и сформулировать то, что само собой подразумевалось прежде — вот цена новой высокой морали. Обычная служба хозяину, будь то служба раба, приказчика или управляющего, переставала казаться обычной. Она являлась в виде сверхдолжной заслуги, небывалого морального напряжения. Оставление ее превратилось в отступничество.

Что же вело к ослаблению традиции, разложению обыденного сознания? Прибегнем вновь к антитетическим возможностям писем. Если противоположностью любви и верности было предательство, то не менее важна и другая антитеза: любовь — корысть.

Некий Клемаций, родственник которого служил под началом Абиннея, предлагает препозиту взаимовыгодное дело. В преамбуле читаем: «Мы всегда молимся, чтобы все наши друзья достигли большего процветания, и мы как бы наслаждались их делами. Такова моя единственная цель, обратиться с письмом к твоей доброте, мой неподражаемый господин, и, чтобы ты не думал, что я делаю это из корысти»¹¹⁰. Клемаций отвергает корысть для себя, но заботится об обогащении Абиннея. Как можно бескорыстно печься о корысти, почему корысть не позволена Клемацию, но позволена Абиннею? Эта сложность осмыслена в другом письме.

¹⁰⁶ P. Naldini, 1 = P. Mich. 482, 14—17, 133 г.н.э.

¹⁰⁷ P. Оху. 32, 9—12. Ср. Math. 19, 27 = Mark 10, 28 = Luca 18, 28: «...вот мы оставили все и последовали за тобою».

¹⁰⁸ P. Mich. 486, 5—6, II в. н. э.

¹⁰⁹ Ковельман. Греческое письмо...

¹¹⁰ P. Abinn. 33, 3—6, середина IV в. н. э.

Паэсис пишет Абиннею, называя его патроном: «Ты знаешь мои намерения, каковы они. У меня есть намерения, и ты знаешь склонность мою, какова она. Свидетель бог, что не [своей] корысти ради борюсь, но ради тебя. Когда ты занят делами, я хочу, чтобы все тебе удавалось, но мы хотим, чтобы ты получил небольшую корысть, ибо это хорошо перед всеми и перед богом» ¹¹¹. Отказ клиента от собственной корысти вызывает у него размышления относительно права патрона на небольшую корысть.

Другие письма из архива Абиннея рисуют ту же идеальную картину не менее яркими красками. Абба Миос надеется, что его покровитель совершит «хорошее дело, во-первых: ради бога, во-вторых же, ради меня» ¹¹². «Мы знаем усердие твое и любовь твою к нам. Ради бога это делаешь, и я молюсь ему, чтобы он воздал тебе за любовь твою, ибо ради него делаешь... Ибо я знаю, что ты делаешь больше, чем я говорю тебе» ¹¹³. Абинней совершает добрые дела из любви к богу и аббе Миосу, а не из корысти. Награда ожидает его, но это награда от бога.

Мелас пишет Сарапиону и Сильвану, что послал им тело их брата Фибиона и оплатил доставку. Но они оставили тело без ухода. «И отсюда я узнал, что не ради покойного вы прибыли, но ради его пожитков» ¹¹⁴. «Я возлюбил вас не для того, чтобы ограбить», — сообщает некий вольноотпущенник, управляющий частного имения своему хозяину ¹¹⁵ (сравним упреки Сибитиллу, который бросил и «ограбил» хозяина). Напротив, Артемиды в письме Сократу ставит корысть на место любви и тому подобных материй. Она требует срочной присылки адвоката: «Чтобы он пришел быстро, знайте, что если я потерплю ущерб, то и вы понесете убытки; если же мы будем с корыстью (*καρτήσομεν*), то и вам перепадет» ¹¹⁶.

Супруги Аполлоний и Сарапиада по просьбе некоей Дионисии послали 1000 роз и 4000 нарциссов на свадьбу ее сына. Дионисия же обещала вернуть деньги, чем крайне обидела супругов, которые не преминули применить эпистолярный штамп «любовь — корысть»: «Мы хотим, чтобы ты не думала о нас дурно, как о скрягах, насмехаясь над нами и сообщая в письме, что послала деньги, в то время как мы относимся к детям (т. е. к жениху и невесте) как к родным, почитаем и любим их больше собственных и радуемся не меньше тебя и их отца» ¹¹⁷.

Итак, корысть — вот от чего открещиваются или что признают слуги, хозяева, партнеры. В любом случае о ней говорят много и серьезно. Именно корысти противостоит любовь, именно корыстное служение она должна заменить. Вспомним письма из предыдущего параграфа. Трудолюбие учителя обуславливается харчами. Работники не будут нерадивы, так как им выплачено жалованье. Наконец, в жалобе ткачей упоминается «корыстолюбие наемных работников» ¹¹⁸.

Предательство тоже рождается из корысти. Обличение корыстолюбия и обличение предательства невозможно разделить друг от друга. Сибитилл бросил Диогена на чужбине и ограбил его. Работники «неразумно бросили» управляющего, хотя получили жалование и задаток. Иоанн Златоуст в беседе «О предательстве Иуды» поучал прихожан: «Все это

¹¹¹ P. Abinn. 35, 3—11, середина IV в. н. э.

¹¹² P. Abinn. 19, 17—19, середина IV в. н. э.

¹¹³ P. Abinn. 6, 5—10, 20—21, середина IV в. н. э.

¹¹⁴ P. Lond. 77, p. 121—123, III—IV вв. н. э.

¹¹⁵ BGU, 1141 = P. Olsson, 9, 23 ff. 19 г. н. э.

¹¹⁶ P. Mich. 507, 10—14, II—III вв. н. э.

¹¹⁷ P. Oxy. 3313, 15—21, II в. н. э.

¹¹⁸ P. Oxy. 1414, 13, 270—275 гг. н. э.

зло причинило сребролюбие, корень зол — сребролюбие, которое омрачает наши души и попирает самые законы природы, лишает нас рассудка и не допускает помнить ни дружбы, ни родства, ни чего другого»¹¹⁹.

Мы приходим к несколько неожиданному заключению. Любовное служение призвано заменить не голое насилие господ над слугами, а власть традиции и обычая, подчинявшего низших высшим, детей — родителям. Родственники и друзья, господа и слуги очутились в новом урбанизованном мире. Царское хозяйство распадалось, развивалась частная собственность. В поисках комфорта верхушка деревни переехала в город, туда же устремились люди попроще, надеясь найти работу¹²⁰. Обратной стороной урбанизации стало запустение деревни. Но запустение — не застой. И сельская местность прониклась суетой торговли, предпринимательской аренды. Наемный труд в его экзотических местных формах (*парамонэ* и т. п.), рабство, несколько развившееся, — таковы реалии египетской деревни I в. н. э. (см. прим. 100).

Мир изменился, и «крутиное», обыденное мышление было потревожено в самой его сердцевине. Отношения слуги и господина, дочери и отца, дружеские связи — все подверглось анализу, все сделалось объектом моральной рефлексии. Процесс вторжения рефлексии в мораль был замечен и описан Гегелем, противопоставившим мораль нравственности, ибо мораль «соединяет с... нравственностью также рефлексию»¹²¹. Обычай, традиция господствуют в нравственности. Они не осмысляются и не оправдываются. Их оправдание — в самом их бытии. Мораль подвергает обычай критике и проверке. Критерий проверки — абстрактная норма. Начало моральной философии, по мнению Гегеля, положил Сократ. Однако учение Сократа «не единичное случайное явление, совершающееся в данном индивидууме, в Сократе... Мы видим, как во всеобщем сознании, в духе народа, которому он принадлежит, нравственности переходит в мораль. Здесь начинается рефлексия сознания в само себя...»¹²².

Можно найти немало сходных черт между пробуждением к рефлексии афинян в V в. до н. э. и моральным сознанием огромной империи II—IV вв. Конечно, отправная точка была иной. Греция переходила к рефлексии от архаики, Египет — от эллинизма и многих веков цивилизации. Но в обоих случаях рефлексия — признак кризиса общества. Более того, она — катализатор кризиса. В ее свете морально безразличные вещи включаются в сферу морали и распадаются на должное и сущее, причем разрыв между должным и сущим становится нетерпимым.

А. Б. Ковельман

¹¹⁹ *Ioann Chrys.*, De proditiōne Iudae homil. II, 3. Пер.: Творения..., т. 2, кн. 1, с. 430.

¹²⁰ *Bickermann E.* Рец. на кн.: *Bell H. I.* Juden und Griechen in römischen Alexandria. Lpz, 1926; *Schubart W.* Die Griechen in Ägypten. Lpz, 1937. — *Gnomon*, 1927, Bd III, S. 571—675; *Preaux C.* La stabilité de l'Égypte aux deux premiers siècles de notre ère. — *CE*, 1956, v. 31, p. 219—222; *Braunert H.* Die Binnenwanderung: Studien zur Sozialgeschichte in der Ptolemaer und Kaiserzeit. Bonn, 1964, S. 288; *Ковельман А. В.* К вопросу о причинах запустения Фаюма в III—VII вв. н. э. — В сб.: Общество и природа. Исторические этапы взаимодействия. М., 1981, с. 164—169.

¹²¹ *Гегель Г. Ф.* Соч. Т. 10. М. — Л., 1932, с. 37.

¹²² Там же, с. 53.

LE PROGRÈS MORAL EN ÉGYPTÉ ROMAINE (II—IV SS.).
LE PROBLÈME

A. B. Kovel'man

La conscience de masse des couches les plus larges de la population est considérée au moyen d'une analyse des papyrus. A notre avis, ceux-ci reflètent non l'apparition d'idées nouvelles venues remplacer les anciennes, mais celle d'un nouveau type de morale. Des sentiments moraux inconscients ont cédé la place à des idées et des doctrines abstraites. C'est ainsi que l'idée de l'égalité naturelle des hommes n'a pas remplacé celle de leur inégalité naturelle, l'apologie du travail n'a pas remplacé le mépris du travail. Toutes ces idées et notions sont apparues dans les esprits des gens ordinaires (des non-philosophes) simultanément (vers le IIe s. de n.è.) et sont entrées en conflit les unes avec les autres.

La pénétration de la pensée réflexive dans la morale commune fut favorisée par l'urbanisation de l'Égypte, la désagrégation des monopoles royaux, le développement de la propriété privée. Le substrat matériel des rapports traditionnels devint visible. Les relations de parenté, d'affaires etc. firent de ce fait l'objet d'une analyse poussée. Le service public ordinaire prit l'allure d'un exploit de service rendu par amour (comme la simple obéissance à ses parents) et la radiation, celle d'une trahison. La réflexion morale approfondit les conflits sociaux et permit à la masse d'en prendre conscience.

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ НА КАВКАЗЕ

Настоящая статья посвящена истории обращения абхазов в христианство. В ней продолжен анализ важной проблемы, затронутой в другой работе автора ¹.

История обращения абхазов пока еще не была предметом специального исследования, хотя в ряде работ затронуты некоторые ее аспекты ². Между тем вопрос о времени и условиях христианизации Абхазии, на наш взгляд, имеет важное значение не только для исследования истории и культуры

¹ *Аджинджал Е. К.* К вопросу о проникновении христианства в Абхазию. — Труды Абхазского Государственного музея, вып. 5. Сухуми, 1980, с. 152—165. Необходимо отметить, что история христианизации абхазов в равной степени относится и к абазинам, единоплеменному с абхазами народу, насчитывающему свыше 30 тысяч, ныне живущему в основном в Карачаево-Черкесской автономной области. В период христианизации абхазов они еще жили на побережье Черного моря и, видимо, составляли часть абхазов-абазгов — непосредственных их предков. См. об абазинах: *Алексеева Е. П.* О происхождении абазин и расселении их в средние века. — В кн.: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980, с. 14—59; *Данилова Е. Н.* Абзины (Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век). М., 1984.

² *Гарнава М. И.* Краткий очерк истории абхазской церкви. Сухум, 1917; *Гулиа Д. И.* История Абхазии. Тифлис, 1925; *Ашхацава С. М.* Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. В монографии З. В. Анчабадзе широко привлекаются материалы по истории христианства (см. особенно с. 23—27, 143—154); Очерки истории Абхазской АССР. Ч. I. Сухуми, 1960; *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1960. *Тоштанов К.* Studies in Christian Caucasian History. Washington, 1963; *Смир Г. В.* Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси, 1972, и др.

Абхазии и Кавказа в целом, но и для изучения истории ранневизантийской дипломатии и международных отношений того периода.

Византийский историк Прокопий Кесарийский, автор исторической хроники, касающейся истории обращения абазгов в христианство, писал³, что абазги (название одной из основных древнеабхазских народностей) были язычниками, но в царствование императора Юстиниана они приняли христианство. Сам император послал к ним одного из своих евнухов, родом абазга, Евфрата. Тогда же император воздвиг у абазгов храм Богородицы, назначив к ним священников, и добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни. В скором времени абазги, стремившиеся к независимости, низложили своих царей. Это дало возможность римским воинам, давно расселявшимся на тех территориях, присоединить эту страну к владениям Римской империи.

Очевидно, что в сочинении Прокопия речь идет о важном политическом акте: обращении абазгов в христианство и присоединении страны к владениям Римской империи. И эти события произошли почти одновременно, в период царствования Юстиниана (527—565 гг.). Нет сомнений в том, что этот акт явился одним из проявлений характерной внешнеполитической практики Византийской империи, разработка которой принадлежит самому Юстиниану⁴.

Цели этой дипломатии заключались в охране границ империи, в подавлении в зародыше попыток набегов соседей — «варваров», в предельном расширении или сохранении областей политической гегемонии империи, создании у ее границ полузависимых государств-федератов, лояльность которых по отношению к империи укреплялась в основном благодаря принятию христианства⁵. Все эти компоненты политической доктрины Юстиниана получали жизненную силу и реальное воплощение при проведении им внешнеполитических акций, особенно в период осложнения отношений с непримиримым врагом — Сасанидским Ираном. Автор отмечает особое значение Кавказского региона для безопасности империи, традиционно определявшейся элементарной геополитикой, а также тем, что у двух крайних пунктов перешейка, отделяющего Черное море от Каспийского, греко-римская цивилизация Средиземноморья нередко встречалась и сталкивалась с экспансией азиатских держав. Усилия имперской дипломатии в этом регионе, подчеркивает автор, были направлены как на достижение благоприятного равновесия сил на Кавказе, так и на создание оплота против нападения персов через Малую Азию на Константинополь⁶. Народы этого региона могли оказать реальную услугу империи в соответствии с их географическим положением и военными ресурсами. Так, по мнению Д. Оболенского, в частности, в VI в. на восточном побережье Черного моря абазги и зихи могли предоставить возможность византийскому флоту действовать у своего побережья и поддерживать левый

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950, кн. IV (VIII), 6—9.

⁴ Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.— In: Actes du XII Congrès international de Byzantines. Achride, t. I. Beograd, 1963, p. 53. С этой статьей профессора из Оксфорда Д. Оболенского мы впервые ознакомились благодаря обширному обзору члена-корр. АН СССР З. В. Удальцовой материалов XII Международного конгресса византистов в Охриде, состоявшегося в 1961 г. (см. ВВ, 1963, № 2). Статья Д. Оболенского, являющаяся важным исследованием по истории международных отношений Кавказа и Малой Азии в раннем средневековье, до сих пор не получила должного внимания со стороны кавказских медиевистов.

⁵ Obolensky. Op. cit., p. 47.

⁶ Ibid.

фланг северо-восточного фронта во время войн с персами. Южнее лазы охраняли подступы к северному побережью Малой Азии⁷. Использование империей местных военных сил имело место и раньше. Источники называют отдельное военное соединение абазгов, входившее в состав византийской армии и стоявшее в Египте в начале V в. (оно именовалось *ala prima Abasgorum* «Первое крыло абазгов»⁸). В то же время в Себастополисе (нынешний Сухуми) стояла военная часть: *prima cogors Claudia equitata* «Первая конная когорта Клаудия»⁹.

Наряду с этим необходимо отметить и экономическую заинтересованность империи в ресурсах Восточного Причерноморья. Корабельный лес, шерсть, пушнина, кожи, мед, воск, рабы — вот неполный перечень вывозимых Византией товаров из края¹⁰. С VI в. иранские купцы монополизировали торговлю китайским шелком. Византия в свою очередь стремилась обойти Иран и установить контакты прежде всего с согдийскими купцами — партнерами китайских поставщиков шелка. Для этого был выбран новый маршрут, который шел из Средней Азии по Северному Кавказу, через абхазский перевальный путь в Апсилию, к Черному морю, а затем в Трапезунд. Отсюда купцы добирались до Константинополя¹¹.

Важной причиной усиления военной и дипломатической активности Византии в Абхазии в VI в. было стремление Сасанидского Ирана выйти в берегам Черного моря для завоевания имперского пути к Константинополю¹². К тому времени Иран упразднил царства в восточной части Армении, Албании и Картли; границы Византии и Персии в этот период проходили по территории современной Грузии, по Лихскому хребту, разделявшему Картли и Лазику¹³. Лазику и Абхазия оказались на территории, подвластной Византии¹⁴. Армянское нагорье и Лазику, а также Абхазия имели тогда особое стратегическое значение. Не случайно в этот период византийцы ввели свои войска в Лазику, где ими была построена крепость Петра¹⁵. Но, по-видимому, в то время учитывалась важность стратегического положения и Абхазии. Поэтому Византия, как видно, предпочла именно здесь дипломатию войне¹⁶.

Дело в том, что отношение империи к народам периферии носило вполне конкретный характер: максимум внимания, формальная лояльность, регулярное субсидирование в обмен на право самоуправления, пре-

⁷ Ibid.

⁸ Георгики (сведения византийских писателей о Грузии). Т. I. Тбилиси, 1961, с. 171. Сведения о том, что в раннем средневековье существовало самостоятельное абхазское военное соединение, содержатся в письменном памятнике V в. н.э. Это военное соединение стояло на правой стороне Нила: Георгики. Т. I, с. 171 сл.

⁹ Георгики. Т. I, с. 175.

¹⁰ История Византии. Т. I. М., 1967, с. 117.

¹¹ Дьяков-Тарасов А. Н. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. — Новый Восток, 1930, т. 28, с. 148—156; Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. — ВВ, 1947, т. I (XXVII), с. 187; Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, 1967, № 2, с. 72; она же. Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л., 1972.

¹² История Византии. Т. I, с. 117.

¹³ История Византии. Т. I, с. 117.

¹⁴ Нужно отметить, что еще в IV—V вв. Иран упрочил свою власть в Иберии и тогда же Лазику оставалась в секторе Византии. См. История Византии. Т. I, с. 74. К. Туманов писал, что в тот период Абхазия, как и Лазику, были «соподчинены» (co-suzerain) Византийской империи (см. Туманов К. Chronology of the Kings of Abasgia. — Museon, 1956, № 69, p. 73).

¹⁵ История Византии. Т. I, с. 332.

¹⁶ Obolensky. Op. cit., p. 48.

доставление вождям и главам периферийных народов государственных чинов и служебных должностей¹⁷. При этом Византия прежде всего учитывала собственные имперские выгоды, в первую очередь во внешнеполитическом плане. Этим объясняется, на наш взгляд, повышенный интерес Юстиниана к абхазам в этот период. По сообщению византийских историков, Юстиниан запретил абазгским князьям оскотлять детей своих соплеменников и продавать их. Он открыл школу в Константинополе для абхазских детей, восстановил разрушенный город Себастопольс (ныне Сухуми), в большом количестве брал абхазов-евнухов на чиновничью службу в столице, в личную охрану набирал в основном абазгов¹⁸. По инициативе императора Юстиниана христианство объявляется официальной государственной религией в Абхазии, и для новообращенных абазгов был построен храм Богородицы. И наконец, для рукоположения нового абхазского клира были присланы из столицы епископы. Это было осуществлено по поручению императора одним из столичных чиновников, абазгом Евфратом¹⁹. Весь этот комплекс мер в отношении Абхазии и абхазов со стороны Византии нельзя объяснить иначе, как одним из проявлений ее внешнеполитического курса в Западном Закавказье — своеобразной экспансией без легионеров. В результате этого, как полагает автор, абазги оказались обращенными в христианство.

Однако вряд ли можно объяснить христианизацию абазгов лишь как результат стратегических планов Юстиниана на Кавказе. Уже задолго до этого периода абхазам уделялось внимание со стороны правящих кругов Византии, о чем говорят функционирование вышеупомянутой воинской кавалерийской единицы *ala prima Abasgorum*, присутствие абазгов при дворе императора²⁰. Обращение абазгов в христианство, конечно, было обусловлено комплексом факторов, среди которых, по-видимому, главным являлось стремление империи закрепить свои позиции в Западном Закавказье в противовес Ирану.

Идеологическая же направленность политики Византии исходила из идеи универсальности империи, которую византийцы считали единственным законным повелителем цивилизованного мира, а император считался верховным главой христианского мира и представителем бога на земле²¹. В Абхазии, как и всюду, осуществляется *Pax Romana Pax Christiana*, т. е. принимавшие православную веру тем самым становились «цивилизованными»²². Кроме шовинистической и гегемонистской морали, которой руководствовались византийцы, в данном случае необходимо отметить и то, что в какой-то степени и сама ситуация того периода обуславливала некоторые интегративные процессы, ибо, по выражению Ф. Энгельса, европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего врага — сарацин (в данном случае персов), а церковь с ее феодальным землевладением служила реальной связью между различными странами²³.

¹⁷ Ibid., p. 46. Необходимо отметить, что подобный подход осуществлялся в отношении всех периферийных государств, в частности кавказских. Однако, например, отношения Византии с Русью характеризовались полным отсутствием ее политической зависимости от Византийской империи (см. *Осипова К. А. Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук.* — ВВ, 1972, т. 33, с. 254).

¹⁸ *Прокопий из Кесарии. Война с готами*, кн. IV (VIII), 4—9; *Жузе Г. Грузия в 17 столетии в изображении антиохийского патриарха Макария*. Баку, 1927, с. 110 сл.

¹⁹ *Прокопий из Кесарии. Война с готами*, кн. IV (VIII), 3, 19.

²⁰ Георгиа. Т. I, с. 171.

²¹ *Obolensky*. Op. cit., p. 55.

²² Ibid.

²³ *Энгельс Ф. Юридический социализм.* — *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 21, с. 495.

Приведенные здесь факты внешнеполитических акций империи в отношении христианизации Абхазии исключительно важны, так как система международных отношений Кавказа, Малой Азии и Переднего Востока того периода во многом определяла политическую и идеологическую обстановку на Кавказе. В этой связи А. П. Новосельцев справедливо подчеркивает, что историю Ирана и Византии нельзя обойти при освещении истории народов Кавказа раннего средневековья ²⁴.

Тем не менее, на наш взгляд, нельзя не отметить и то, что сама Абхазия в этот период по своему экономическому, социальному и этническому развитию была, по-видимому, готова к восприятию нового универсального имперского культа в лице христианства. О значительном прогрессе в развитии материальной культуры местного населения того периода свидетельствуют многочисленные археологические материалы, выявленные, в основном, за последние годы. Это разнообразная керамическая посуда, различные по характеру украшения, вооружение и конское снаряжение, многочисленные монеты, орудия труда, предметы металлообработки и многое другое. Было выявлено также значительное количество оборонительных, гражданских и культовых сооружений того периода ²⁵. Эти археологические материалы, памятники архитектуры и художественной культуры отражают высокий уровень производительных сил и производственных отношений абхазских народностей начиная с позднеантичного периода. Они свидетельствуют также о теснейших связях региона с обширным культурным миром той эпохи. Экономическое, социально-политическое и этническое развитие, а также идеологическое состояние абхазов раннего периода в значительной мере было обусловлено их разносторонними контактами с развитыми народами тогдашнего цивилизованного мира, особенно с персидским и греческим миром ²⁶.

Состояние классовых отношений в Абхазии VI в. характеризует ряд письменных источников ²⁷. Они свидетельствуют, в частности, о наличии в абхазской среде классовых, а может быть, и раннефеодальных отношений, что создавало благоприятные предпосылки для восприятия ими христианской религии.

В литературе по истории Абхазии до сих пор отсутствуют работы, в которых была бы предпринята попытка определить дату крещения абхазов. Прокопий Кесарийский не дает точной даты этого события, хотя он относит его ко времени царствования императора Юстиниана. Судя по исторической ситуации того времени в интересующем нас регионе, можно предполагать, что официальное принятие новой религии абхазами могло произойти в конце 20-х или в 30-е гг. VI в. На наш взгляд, именно это время являлось наиболее выгодным в тактическом отношении моментом для осуществления христианизации. В самом деле, это был наиболее мир-

²⁴ Новосельцев А. П. Рец. на кн.: Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1979.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980, с. 262—265.

²⁵ Гунба М. М. Из истории хозяйства абхазов I века н.э.— Известия Абхазского Ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, т. IX. Тбилиси, 1980 (на абхазском языке, русск. резюме), с. 145—148.

²⁶ Аджинджал Е. К. Изображения Диониса на абхазском паласе XIX века.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1976, с. 125—128; он же. О некоторых элементах античной традиции в культуре абхазов.— В кн.: Всесоюзная сессия по итогам этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР, октябрь 1982. Тезисы докладов. Нальчик, 1982, с. 55.

²⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами, кн. IV (VIII), 9, 9—15.

ный период между первой (527 г.) и второй (540 г.) войнами Византии с Сасанидским Ираном, когда оба государства, упорядочивая свои внутренние дела, готовились к новой войне друг против друга. При этом они не упускали возможности привлечь на свою сторону периферийные страны и народы.

После 540 г. ситуация резко изменилась. Был нарушен «вечный мир», огромная армия персов во главе с шахом Хосровом I в 541 г. вторглась в Сирию. После ее опустошения военный театр был сразу же перенесен в стратегически важное для воюющих сторон Закавказье, а именно в Лазик, где Хосров овладел крепостью Петра, построенной императором Юстинианом. Иранцы не остановились в пределах Лазики. И на территории Абхазии они захватили Себастополис и Цибилеум ²⁸.

Таким образом, в период между 541 и 548 гг. из-за военных действий на Кавказе и в самой Абхазии у Византии не было подходящего момента для совершения обряда массового крещения, строительства храма для богослужения и т. п. ²⁹, так что крещение абхазов могло произойти между 527—541 г. ³⁰ Точнее, оно могло иметь место до 536 г., так как нам известно из источников, что к тому времени зихи и абазги уже исповедовали христианство, а первые даже имели епископа ³¹. Возможно, это произошло на следующий год после того, как гуннский князь Грод или Горда, правивший в Босфоре, на побережье Черного моря, в 528 г. принял крещение ³².

Наиболее достоверным нам представляется сообщение иерусалимского патриарха Досифея о том, что абазги были обращены в христианство в 529 г. ³³ Дело в том, что, согласно Прокопию, как отмечено выше, абазги были обращены в христианство в царствование Юстиниана. Последний, как известно, вступил на трон в 527 г. Однако в том же году началась тяжелая затяжная война Византии и Персии ³⁴, которая, как нам представляется, могла бы помешать акту крещения народа. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность предположить, что официальное принятие абазгами христианства произошло в 529 г. или между 528—534 гг. VI в. н. э. Видимо, в это время Византия на северном и северо-восточном побережье Черного моря в широких масштабах осуществляла христианизацию народов периферии, будущих федератов империи. Такая деятельность империи могла происходить и через посредство Херсонеса или Босфора. Херсонес, как известно, был важным центром миссионерской деятельности византийской церкви в Крыму. Он использовался также как наблюдательный пункт за тем, что происходило в областях к северу от Крыма и в районе Кавказа.

²⁸ История Византии. Т. I, с. 331 сл., 339.

²⁹ Агафий. О царствовании Юстиниана. Пер. с греч. М. В. Левченко. М.—Л., 1953, кн. 4, 20.

³⁰ К 548 г. абазги уже были обращены в христианство: о том, что абазги христианизированы, упоминали в том же году во время переговоров с римлянами мисимийские послы (см. Агафий. О царствовании Юстиниана, кн. 4, 20).

³¹ Фабр. Древний быт Эйоний, нынешнего полуострова Тамани. Одесса, 1861, с. 93; Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории Генуезских колоний на Западном Кавказе в VIII—XV вв.— Исторические записки АН СССР, 1938, т. III, с. 117.

³² ВВ, 1947, т. I (XXVI), с. 148; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980 (в греческом оригинале — с. 27, в переводе на русский — с. 51). В этом сочинении гуннский князь носит имя Горда, причем дата его крещения относится к 528 г.

³³ Brosset M. Histoire des Bagratides Géorgiens d'après les auteurs arméniens et grecs, jusqu'au commencement du XIe s. SPb., 1843, p. 56—57.

³⁴ Левченко М. В. История Византии. М., 1940, с. 70.

Естественно, здесь не может не возникнуть вопрос: когда же христианскую веру официально признали и другие абхазские этнические образования того периода — апсилы, мисимиане и другие? Как интерпретировать те многочисленные и интересные памятники христианской архитектуры и предметы культа, сохранившиеся до наших дней, или обнаруженные археологами на территории Абхазии, которые датируются временем до 30-х гг. VI в.?

В литературе уже высказывалось мнение о более ранней христианизации апсильов и мисимиан³⁵, хотя в исторических источниках отсутствуют подобные сведения. Сообщение Прокопия о том, что «апсилы с давних пор христиане», на наш взгляд, не дает полного основания для категорического утверждения об официальной христианизации апсильов до 30-х гг. VI в. Во-первых, не ясно, какой промежуток времени отделяет время Прокопия от «давних пор»? Во-вторых, часто повторяемые Прокопием «с давних пор» или «издревле», по всей вероятности, не несут у него определенной смысловой нагрузки. По крайней мере его сообщение в книге «История войн римлян с персами» о том, что абазги «издревле» христианам и римлянам дружественны³⁶, явно противоречит его же сообщению о принятии христианства абазгами в VI в., в царствование Юстиниана. Сообщение другого историка-хрониста Агафия Миринейского о том, что во время переговоров с римскими военачальниками мисимийские послы называли себя представителями народа, уже «с давних времен» подчиненного римлянам и одной с ним религии³⁷, по нашему мнению, тоже не говорит еще об официальном принятии христианства мисимианами. Естественно, что здесь речь идет о распространении христианства в Абхазии, по-видимому, в первую очередь под влиянием Питиунтской греческой епархии, функционировавшей здесь с IV в. н. э., о чем мы уже писали³⁸. К тому же мисимийские послы в тот момент могли заявить так из дипломатических соображений, чтобы выразить свою приверженность римлянам.

Однако, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в Абхазии благодаря археологическим раскопкам обнаружены интересные архитектурные памятники культового назначения, датируемые временем ранее VI в. Мы имеем в виду прежде всего древнюю базилику, в которой служил участник Первого вселенского собора в Никее епископ Стратофил, и трехнефную базилику с мозаикой (обе из Питиунта), церкви № 2, № 3 в горной Цебельде³⁹ и др.

В последнее время появилось несколько работ, посвященных раннехристианским памятникам Абхазии, среди которых следует отметить статьи В. А. Леквинадзе, Л. Г. Хрушковой, М. К. Хотелашвили и А. И. Якобсона и другие⁴⁰. Ни в одной из этих статей, в том числе в работе

³⁵ *Анчабадзе*. Из истории средневековой Абхазии, с. 23.

³⁶ *Прокопий Кесарийский*. История войн римлян с персами. СПб., 1876, с. 221.

³⁷ *Агафий*. О царствовании Юстиниана, кн. 4, 20.

³⁸ *Аджинджал*. К вопросу..., с. 162.

³⁹ Речь идет в основном об открытиях последнего времени в Пицунде и в горной Цебельде. Наиболее показательными для нашей темы памятниками культа являются баптистерии — сооружения или их части, специально предназначенные для крещения. См. *Chroushkova L.* Les baptistères paléochrétiens du littoral oriental de la Mer Noire. — *Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines*, v. XX, Beograd, 1981, p. 24; *Хрушкова Л. Г.* Три церкви в нагорной Абхазии. — ВВ, 1982, т. 43, с. 147—177.

⁴⁰ *Леквинадзе В. А.* О различиях и сходствах между Драндским храмом «типа Джварис». — В кн.: V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 351—352; *Хрушкова Л. Г.* О религиозных верованиях апсильов (IV—VIII вв.). — Известия Абхазского Ин-та

Л. Г. Хрушковой, специально посвященной христианству у апсиров ⁴¹, не утверждается, что официальное обращение в христианство апсиров или других раннеабхазских племен имело место до VI в.

С нашей точки зрения, упомянутые раннехристианские памятники появились в Абхазии как следствие деятельности духовенства, в основном Птиунтской епархии. К тому же, по мнению самой Л. Г. Хрушковой ⁴², исследовавшей цебельдинские церкви, последние сходны с птиунтскими, которые в свою очередь имеют аналогии с раннехристианскими памятниками Рима и Малой Азии. О влиянии христианских идей и их распространении среди местного населения может говорить, по-видимому, и сообщение Феодорита Киррского (V в.), который отмечал, что не понадобилось применения оружия для того, чтобы приучить абазгов к закону крестоношения. Это может говорить о влиянии христианства на абазгов и апсиров до его официального принятия (о котором имеется официальное сообщение у Прокопия Кесарийского) уже с IV в., когда здесь начала функционировать известная Птиунтская епархия ⁴³. Однако официальное крещение абхазов, видимо, произошло позднее — в конце 20-х или в 30-е гг. VI в. Позднеантичные источники, повествуя об обращении в христианство представителей некоторых народов Кавказского региона, в частности абазгов, придерживаются той же традиционной датировки, что церковные историки. Так, например, в *Acta Andrea* (333 г.) сказано: «Великий Андрей вместе с Мимоном прибыли в Аланскую страну и достигли города, называемого Фуста, сотворив там много чудес и знамений; многих наставив и просветив, они направились в Абасгию; придя в Себастополь Великий, возгласили слово о вере и познании божием, и многие из тех, кто слушал, обратились» ⁴⁴.

Выше уже было отмечено, что христианство проникло в кавказские края, в частности в Абхазию, раньше, чем оно было признано здесь в качестве государственной религии. Например, известно, что в 325 г. на территории Абхазии, а именно в Птиунте, уже существовала сильная христианская епархия, представитель которой принимал участие в Первом вселенском соборе и подписал его акты ⁴⁵. Естественно, христианство уже тогда могло проникнуть в среду всех абхазских этнических образований — абазгов, апсиров и т. д. Поэтому не удивительно распространение на территории Абхазии памятников христианского культа IV и V вв. н. э. ⁴⁶ Еще в XIX в. в исторической литературе было высказано мнение, согласно которому «абхазы — древние христиане, которые были обращены в эту религию еще в первые века нашей эры, но в силу каких-то исторических причин они отпали от новой религии» ⁴⁷. Было высказано также

языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, т. XII. Тбилиси, 1983, с. 76—87; *Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л.* Византийский храм в селе Дранда и найденные в нем раннесредневековые амфоры. — ВВ, 1984, т. 45, и др.

⁴¹ Хрушкова. О религиозных верованиях..., с. 76—87. Автор делает особый акцент на памятниках раннесредневекового христианского культа, в основном абжуйской части Абхазии, хотя известны древние памятники такого рода и в Бзыбской Абхазии.

⁴² Хрушкова. Три церкви..., с. 147.

⁴³ См. там же, с. 147 сл.

⁴⁴ Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa. Hrsg. von J. Ferluga, M. Hellmann, H. Ludat, K. Zernack. Redaktion A. A. Katsanakis. Wiesbaden, 1980, S. 208.

⁴⁵ *Аджинджапал*. К вопросу..., с. 78 сл.

⁴⁶ Хрушкова. О религиозных верованиях..., с. 78 сл.

⁴⁷ *Габрон Сабинин*. История грузинской церкви до конца VI века. СПб., 1877, с. 108.

мнение о том, что «из-за гонения местных царей в Абхазии после первых веков семена и зачатки христианства были истреблены повсеместно»⁴⁸. Наше предположение о причинах, заставивших отойти от христианства в конце первых веков н. э., мы уже высказывали в одной из наших статей⁴⁹. Несомненно, что абхазы очень рано были приобщены к христианству, и, видимо, прав был Н. Я. Марр, когда писал, что христианизированная часть абхазского народа несла с восточнохристианской культурой греческое просвещение⁵⁰.

В свете приведенных здесь свидетельств, по-видимому, можно говорить о VI в. как о вторичном периоде принятия христианства абхазами, подобно тому как это имело место у кавказских албанцев⁵¹. Вероятно, идеология христианства в какой-то мере соответствовала потребностям феодализирующих господствующих классов абхазского общества, которым она нужна была для того, чтобы держать в повиновении народные массы. Обращение абхазов в христианство было обусловлено, видимо, не только военной и клерикальной дипломатией Византии в период ее войн с Персией, но и отчасти закономерным развитием абхазских народностей в целом, особенно высших слоев.

Некоторые обстоятельства вынуждают нас обратить внимание на еще один вопрос. Речь идет о выяснении национальной принадлежности прихожан и духовенства в древнейшей Питиунтской епархии. Известно, что древний Питиунт, так же как и Диоскуриада, являлся греческой колонией на восточном побережье Черного моря⁵². Естественно, этот город вплоть до позднеантичного периода оставался в основном греческим⁵³. По-видимому, и к позднеантичному периоду греческие традиции в этом городе должны были сохраняться не только в архитектуре, но и в идеологии, искусстве, ремесле⁵⁴. В этом отношении, по всей вероятности, не составляла исключения и христианская епархия, функционировавшая в Питиунте. Исследователи указывали, что Питиунтская епархия была в то время одной из тех, которые были основаны греками на восточном побережье Черного моря для религиозных нужд, в первую очередь греческих колонистов⁵⁵. К тому же, как нам известно, в церковном отношении эта епархия тогда относилась к Полемоновскому Понту⁵⁶. Однако в последнее время некоторые ученые пытаются доказать, что культура древнего Питиунта была только местной. В качестве главного аргумента для доказательства этого тезиса были попытки использовать обнаруженную на пицундской мозаике греческую надпись. В. А. Леквинадзе в специальной статье убедительно доказал, что надпись на мозаике является

⁴⁸ Религиозные верования абхазцев.— Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 5. Тифлис, 1974, с. 2—3.

⁴⁹ *Аджинджал*. К вопросу..., с. 162.

⁵⁰ *Марр Н. Я.* О языке и истории абхазов. М.— Л., 1938, с. 126.

⁵¹ *Геюшев*. Христианство в Кавказской Албании, с. 2—3.

⁵² *Яйленко В. А.* Греческая колонизация VII—XI вв. н. э. М., 1982, с. 256.

⁵³ Акад. С. Каухчишвили писал, что Питиунт в IV в. в церковном отношении входил в епархию Полемоновского Понта. Позже, когда образовалась отдельная абхазская автокефальная епархия, Питиунтская кафедра входила в нее. См. Георгика. Т. I, с. 5.

⁵⁴ *Толордава В. А.* Эллинистические традиции в материальной культуре и обычаях древней Колхиды.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 98.

⁵⁵ *Кекелидзе К. К.* У истоков христианской Иберии. Этюды. Т. III. Тбилиси, 1955, с. 16—22.

⁵⁶ Георгика. Т. I, с. 5, 9.

поминальной и посвящена она одному из известных и популярных мучеников раннего Средневековья — Орентию и его братьям⁵⁷. Тем не менее Т. С. Каухчишвили склонна считать, что эта надпись — ктиторская и полное ее прочтение таково: «По молению Орели и всего его дома»⁵⁸ — автор восстанавливает отсутствующую, по ее мнению, в лакуне греческую букву Λ после ОРЕ и утверждает, что слово это необходимо читать как «Орел», т. е. «Орели», что созвучно с грузинскими именами типа Беврели, Натела, Ортиси⁵⁹. Я не считаю себя специалистом в области эпиграфики и не берусь оспаривать чтение текста, предложенное Т. С. Каухчишвили. Однако, по-моему, трудно опровергнуть мнение В. А. Левинадзе, поскольку его доводы и аргументация хорошо согласуются с тем обстоятельством, что строительство Питиунтской базилики с мозаикой было обусловлено использованием ее в качестве мартирия.

Вряд ли стоило подробно останавливаться на чтении надписи, если бы она не привлекалась в качестве аргумента для доказательства того, что в IV в. в Лазике христианство становится государственной религией⁶⁰. Допускается, что если мозаика с текстом посвящена грузину, стало быть, и остальные жители Питиунта, тоже грузины, вернее лазы, судя по трактовке мозаики, в IV в. приняли христианство как государственную религию. Это в свою очередь используется для доказательства одновременного принятия христианства в IV в. во всей Грузии, как в восточной ее части — Иберии, так и в западной — Лазике⁶¹.

Конечно, христианство в Западной Грузии (Лазике) могло быть объявлено государственной религией одновременно с Иберией в IV в. Однако мы убеждены, что совершенно недостаточно одного имени Орела (если даже оно и было выложено на мозаике) для доказательства такого тезиса и тем более для вывода о том, что древний Питиунт был грузинским городом. Сама Лазика, как известно, этнически и географически находилась в Западной Грузии, не захватывая Абхазии, тем более исторической Абазгии, на территории которой был расположен Питиунт. В частности, по мнению Т. С. Каухчишвили, Питиунт был в тот период значительным и известным центром Абазгии⁶². О том, что в западногрузинскую, вернее Лазскую, метрополию в раннее средневековье не входила территория Абазгии вместе со своим автокефальным архиепископством говорят константинопольские церковные нарративные документы, так называемые *Notitia episcopatum*⁶³. Прокопий Кесарийский также сообщает об обращении в христианство абазгов (отдельно от лазов) при императоре Юстиниане. Древнейшая же Питиунтская епархия была греческой: естественно, здесь и духовенство, и прихожане в основном были греками. Надпись на мозаике, как и сама мозаика, по типу, форме и содержанию относится к типичным памятникам греко-римского мира и исполнена в его традициях⁶⁴. И если к данной епархии были приобщены какие-то слои местного

⁵⁷ Левинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. — ВДИ, 1970, № 2, с. 174—198.

⁵⁸ Каухчишвили Т. С. Относительно греческой надписи Бичвинты. — В кн.: Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976, с. 83—84.

⁵⁹ Она же. Греческая надпись бичвинтской мозаики. — Великий Питиунт. 3. Тбилиси, 1973, с. 231—242.

⁶⁰ Ср. Ломоури Н. Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981, с. 287.

⁶¹ Там же.

⁶² Георгиа. Т. IV, ч. II, с. 129.

⁶³ Там же, с. 123—136.

⁶⁴ Левинадзе. О древнейшей базилике Питиунта..., с. 174—198. Как уже отмечалось, явно ошибочны указания Московского издания Русского православного цер-

населения, то, по нашему мнению, это должны были быть прежде всего абазги, ибо Питиунт был расположен на их территории ⁶⁵.

Важный вопрос о месте строительства Юстинианом храма Богородицы для абхазских неофитов до сих пор не нашел окончательного решения. Дискуссия по этому вопросу идет уже около ста лет. (По этому вопросу свои мнения высказывали Дюбуа де Монпере, Н. Кондаков, С. Уварова, Ю. Кулаковский, К. Кекелидзе, А. Меликсет-Беков, С. Каухчишвили, Г. Чубинашвили, З. Анчабадзе, В. А. Леквинадзе ⁶⁶.) Очевидно, что для решения этого важного вопроса нужны комплексные историко-археологические изыскания. Отметим лишь, что точка зрения Ю. Кулаковского о местонахождении этого храма в Севастополисе кажется нам наиболее вероятной ⁶⁷. Выводы Ю. Кулаковского, в частности, основаны на данных раннесредневековых церковных источников (*Notitia episcopatum*), по которым резиденция архиепископа абхазской автокефальной церкви с VII в. могла находиться на том месте, где первоначально для крещения абазгов была построена специальная церковь. Этот вывод тем более вероятен, что в Сухуми — древнем Севастополисе были обнаружены фундаменты древнейших церквей, предположительно отнесенных к VI в. н. э. ⁶⁸

Важен и вопрос о языке, на котором велась проповедь нового учения в Абхазии. Несомненно, что устная проповедь среди неофитов, в том числе и абхазов, велась первоначально на языке местного населения, иначе никакая проповедь не имела бы смысла. Проповедь же с официального церковного амвона велась на греческом языке. Однако известно, что в противоположность папскому Риму Византия облегчала деятельность своих миссионеров тем, что разрешала им даже вести службу на местных языках ⁶⁹. Можно допустить, что здесь на первых порах для проповеди нового учения могли быть использованы эллинизированные абхазы, говорившие на родном и греческом языках, которые получили первоначальное церковное образование в Константинопольской школе, видимо, специально открытой для абхазского духовенства ⁷⁰. По всей вероятности, питомцы этой школы могли быть использованы не только для церковных дел, но и для проведения имперской политики на местах. Видимо, одним из них был и Евфрат. И не случайно, что именно он был направлен импе-

ковного календаря (с. 248) о том, что участник Первого вселенского собора 325 г. в г. Никее питиунтский епископ Стратофил был представителем грузинской церкви (см. *Адджинджал*. К вопросу..., с. 165).

⁶⁵ Заслуживают внимания попытки некоторых авторов связать изображение коровы с тельником на мозаике с местным абхазским религиозным пантеоном; ср. *Цицишвили И.* Комплекс церковных сооружений в Пицунде. — Великий Питиунт. 2. Тбилиси, 1977, с. 115; *Шераваидзе Л. А.* Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980, с. 13; он же. Пицундская мозаика. — Великий Питиунт. 3. Тбилиси, 1978, с. 171 сл.; *Инал-ипа.* Абхазы, с. 338—339.

⁶⁶ *Леквинадзе В. А.* Гантиадская базилика. — СА, 1970, № 3, с. 172 сл.; там же литература вопроса.

⁶⁷ *Кулаковский Ю.* Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов? — Археологические известия и заметки. Т. 5, ч. 2. М., 1897, с. 23—37.

⁶⁸ *Миллер А. А.* Этнографические и археологические исследования. — Кавказ, 1908 (20 апреля). В статье говорится, что в Сухуми обнаружены древние фундаменты храмов, которые могут быть предварительно отнесены к VI—VII вв. См. еще *Марины А.* Гибель памятников старины. — Приазовский край, 1916, № 10. С нашей точки зрения, раскопки всех древних архитектурных памятников набережной г. Сухуми могли бы пролить свет на интересующие нас вопросы.

⁶⁹ История дипломатии. Т. I. М., 1959, с. 107.

⁷⁰ *Жузе.* Грузия..., с. 110—111.

ратором Юстинианом для обращения абазгов в христианство ⁷¹. Выполняя это поручение императора, он, естественно, говорил на родном языке абазгов, что должно было значительно облегчить достижение цели. Словом, здесь мы имеем точные сведения о том, как гражданское лицо (если не духовное) с целью миссионерской деятельности специально посылается в свою единязычную среду для ее обращения в новую имперскую религию. Так что, на наш взгляд, нет никаких сомнений в том, что проповеди в VI в. среди части абхазских неопитов велись на их родном языке.

Что же касается официального церковного языка более позднего периода — VII—X вв., то, безусловно, это был греческий. Дело в том, что после того как Арабский халифат захватил обширную территорию, ранее входившую в состав Византийской империи в Азии, Африке, а также иранские владения, Восточная Армения, Кавказская Албания и Иберия оказались под властью арабов ⁷². В этот период, в частности, в Грузии не функционировала автокефальная церковь, так как церковь этой страны тогда подчинялась Антиохийскому центру христианства внутри Арабского мусульманского халифата ⁷³, о чем говорит отсутствие иберийской автокефалии в *Notitia episcopatum*. А Абхазия и Лазика оказались под властью Византии, так как граница между Халифатом и Византией проходила по Лихскому хребту ⁷⁴, вследствие чего Лазская метрополия и Абхазское автокефальное архиепископство прямо подчинялись константинопольскому «отцу церкви» ⁷⁵. Об этом неоднократно говорят вышеупомянутые раннесредневековые церковные экзесы *Notitia episcopatum*. В такой ситуации языком официальной церкви в Лазике и Абхазии, естественно, был греческий. Здесь можно также сослаться на старославянскую легенду, посвященную Константину—Кириллу, в которой говорится о существовании абхазской письменности и применении абхазского языка в официальной церковной службе ⁷⁶. В легенде речь идет о том, как для оправдания перевода священного писания на старославянский язык Константин (Кирилл.— А. Е.), в ходе дискуссии с латинскими священниками в Венеции, в VIII в., перечисляет народы, у которых есть письменность и которые молятся на своем родном языке. «Эти народы суть,— сообщала легенда,— армяне, персы, абазги (абхазы.— А. Е.), иберы (грузины.— А. Е.), сугды, готы, авары, турцы» ⁷⁷. Однако на основании этой легенды трудно доказать, что у абхазов в раннем средневековье главным церковным языком был родной абхазский язык. Для этого нужны конкретные письменные памятники.

На наш взгляд, не правы и те авторы, которые считают, что официальным церковным языком в Абхазии, по крайней мере до конца X в., мог быть и грузинский. В частности, такую мысль высказал в Москве, на XIII Международном конгрессе исторических наук Ф. Дворник, хотя он тут же оговорился, что, «конечно, не исключает использование разговорного языка, по крайней мере, частично, в абазгском богослужении» ⁷⁸.

⁷¹ *Проконий из Кесарии*. Война с готами, кн. IV (VIII), 3, 19.

⁷² История Византии. Т. I, с. 117.

⁷³ Георгика. Т. IV, ч. II, с. 122—136.

⁷⁴ История Византии. Т. I, с. 117.

⁷⁵ Георгика. Т. IV, ч. II, с. 123—136.

⁷⁶ *Kollautz A. Abasgen-Abasgia*.— *Reallexikon der Byzantinistik*. Reihe A. Bd I, Ht 2. Amsterdam, 1969, S. 32.

⁷⁷ *Ibid.*

⁷⁸ *Дворник Ф.* Миссии греческой и западной церкви на Востоке в Средние века.— XIII Международный конгресс исторических наук. Тезисы докладов, с. 9.

Необходимо подчеркнуть, что родной язык всегда был естественным средством общения народа, но церковным языком в абхазском богослужении до конца X в. мог быть только греческий, ибо, как мы выше указали, в тот период сама грузинская церковь находилась в подчинении антиохийскому христианскому центру внутри мусульманского Халифата, а абхазская церковь подчинялась константинопольскому патриарху ⁷⁹. Поэтому, естественно, Константинополь не позволил бы вести богослужение в подопечной ему епархии на языке народа подчиненного, враждебного ему мусульманского халифата. Словом, относительно языка богослужения в абхазской церкви раннего Средневековья, на наш взгляд, можно сделать следующий вывод: первоначально, как и везде, проповедь здесь шла на абхазском языке, а с появлением официального церковного амвона — на греческом книжном языке. Такое положение было здесь, по крайней мере, до начала XI в.

Относительно последствий христианизации абхазов в литературе высказывалось мнение о том, что оно в тех конкретных исторических условиях сыграло значительную роль, способствуя утверждению новых прогрессивных производственных отношений, что оно имело большое значение в развитии феодализма в Абхазии ⁸⁰. Однако, на наш взгляд, нельзя отождествлять роль и значение христианства в Абхазии того периода с ролью его в других регионах Кавказа, скажем, в Армении и Иберии ⁸¹. Дело в том, что, как мы уже выше указывали, армяне и иберы (восточные грузины) в период борьбы против господства Ирана с его религией зороастризма в лице христианства видели мощное оружие самозащиты ⁸². И оно в самом деле играло прогрессивную во многих отношениях роль в жизни указанных народов. А абхазы, географически граничившие с Византией, естественно, не могли бы использовать эту религию против какой-то другой экспансии. Этого не позволяло географическое положение самой Абхазии. Поэтому, на наш взгляд, христианство добровольно воспринималось в Абхазии в основном правящим классом, являвшимся проводником имперской политики на местах, хотя его могли принимать и некоторые другие слои общества.

В последующие времена христианизация Абхазии, и в особенности деятельность церкви, не могла не сыграть определенной позитивной роли в развитии культуры. Это касается прежде всего строительства культовых памятников на основе проектов константинопольских царских мастерских ⁸³, фресковой живописи и предметов религиозного обряда, изготовление которых подвергалось строжайшей канонизации ареопагитской догмой церковной идеологии ⁸⁴. Но сама христианская конфессиональная идеология с ее проповедью мистицизма и иррационализма, как правило, играла реакционную роль. С другой стороны, видимо, интегративная деятельность новой монотеистической религии в некоторой степени спо-

⁷⁹ Георгиа. Т. IV, ч. II, с. 123—136.

⁸⁰ *Анчабадзе*. Из истории средневековой Абхазии, с. 23.

⁸¹ Там же.

⁸² *Очерки истории Грузии*. Т. I. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.), с. 70 сл.; см. также *Аджинджал*. — К вопросу..., с. 158 слл.

⁸³ *Neubauer E.* Abchasische in Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzans. — In: *Byzantinisches Kunstexport: seine gesellschaftliche und kunstlerische Bedeutung für die Länder Mittel- und Osteuropas*, Halle, 1978, S. 70—79.

⁸⁴ *Бычков С.* Corpus areopagitum как один из источников восточнохристианского искусства. М., 1977. См. также *Мальков Ю.* Некоторые аспекты развития восточнохристианского искусства в контексте средневековой гносеологии. — *Советское искусствознание*, 1978, т. 77, вып. 2, с. 93—121.

собствовала объединению абхазских народностей, усилению их связей с Византийской империей, укреплению основ княжества, а затем и Абхазского царства.

Е. К. Аджинджал

SUR UN ASPECT DE LA DIPLOMATIE DE L'ANCIENNE BYZANTHE AU CAUCASE

Je. K. Adžindžal

La question de l'époque où, et de la façon dont, l'Abkhazie fut christianisée n'a encore jamais été abordée dans toute son étendue, bien qu'elle ait une grande importance non seulement pour l'histoire et la culture de l'Abkhazie et du Caucase dans son ensemble, mais aussi pour l'étude de la diplomatie de Byzance à ses origines et des relations internationales de cette période. L'auteur conclut que la date officielle de l'adoption du christianisme en Abkhazie doit être située aux environs de 520—540, mais que la propagation d'idées chrétiennes dans la région a pu commencer dès le IVe s., quand commença à fonctionner le diocèse connu de Pitious. L'article étudie le rapport entre la langue grecque et la langue locale: la première était la langue des services religieux officiels, la seconde pouvait être utilisée dans les sermons et la prédication. Bien que la christianisation de l'Abkhazie n'ait pas manqué de jouer un rôle positif dans le développement de la culture (architecture des monuments culturels, peinture murale etc.) et dans l'unification des ethnies abkhazes, l'idéologie confessionnelle du christianisme, avec sa prédication du mysticisme et de l'irrationalisme, avait en général un caractère réactionnaire.

В. П. КАРПОВ — ПЕРЕВОДЧИК И КОММЕНТАТОР ПРОИЗВЕДЕНИЙ АРИСТОТЕЛЯ

50 лет назад на русском языке впервые появились переводы двух классических произведений древнегреческой науки — «Физика» Аристотеля и «Избранные книги» сборника Гиппократов. Переводчиком, редактором и комментатором этих книг был замечательный ученый, человек широкого круга интересов, автор более ста научных работ, касающихся философских проблем науки о живом, вопросов клеточной организации, теории и истории оптических приборов, различных аспектов истории науки, философии и медицины — профессор Владимир Порфирьевич Карпов (1870—1943). Прекрасно владея древнегреческим языком и обладая основательной подготовкой в области изучения античной истории и философии, В. П. Карпов осуществил перевод и комментарии основных биологических сочинений Аристотеля: «О частях животных» (М.: Биомедгиз, 1937), «О возникновении животных» (М.: Изд-во АН СССР, 1940), «История животных» — рукопись 1943 г. Он произвел сверку текста перевода всех книг гиппократовского сборника (перевод проф. В. И. Руднева), составил список животных и растений, упоминающихся в книгах сборника, а также написал вступительную статью и примечания. В ре-

зультате с 1936 по 1944 г. все сочинения «отца медицины» впервые были изданы на русском языке.

Появление переводов сочинений античных авторов явилось заметным явлением в научной жизни. На перевод «Физики» Аристотеля были опубликованы рецензии в «Правде» (1936, ноябрь, № 315), в журналах «Под знаменем марксизма» (1936, IX, с. 138—150) и «Книга и пролетарская революция» (1936, VII, с. 27—31). Однако до сих пор почти не освещены жизнь и творческий путь В. П. Карпова, не изучен архив этого оригинального мыслителя и талантливого ученого, в который входят неопубликованные сочинения, а также материалы автобиографического и научного характера ¹.

Владимир Порфирьевич Карпов родился 28 марта 1870 г. в Москве, в семье земского врача. По окончании гимназии в г. Коломне в 1888 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1893 г. с отличием. Летом 1893 г. заведовал холерным бараком на Коломенском машиностроительном заводе. После университета Карпов специализировался по гистологии и в 1904 г. защитил диссертацию по теме «Исследования о прямом делении клеток». К этому же времени относится вступление В. П. Карпова в члены Московского Психологического общества, что в значительной степени определило дальнейшую направленность его деятельности, отныне объединявшую узкоспециализированные биологические исследования и работы по философии и истории науки. С 1909 по 1913 г. выходят его работы, не утратившие своего значения и по сей день: «Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни» («Вопросы философии и психологии». Кн. 98, 99. М., 1909) — один из первых в международной литературе критический анализ витализма; «Натурфилософия Аристотеля и ее значение в настоящее время» («Вопросы философии и психологии». Кн. 109, 110, М., 1911); «Основные черты органического понимания природы» (М.: Путь, 1913) и др. Параллельно с философскими работами В. П. Карпов успешно занимается научной и педагогической деятельностью в области гистологии ².

Летом 1917 г. В. П. Карпов переезжает в Екатеринослав, где ему была предложена кафедра гистологии на Высших женских курсах. В следующем году, после преобразования курсов в мединститут, Карпов избирается первым ректором Екатеринославского (затем Днепропетровского) медицинского института. В 1925 г. он принимает заведование кафедрой гистологии во Втором Московском государственном университете, а также назначается деканом медицинского факультета. С 1932 г. В. П. Карпов начинает полностью заниматься научно-литературной деятельностью.

¹ Архив В. П. Карпова хранится в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Среди архивных бумаг несомненный интерес для историка науки представляют сочинения общепедагогического характера: «Протоплазма» (1941—1942 гг.), «Живое вещество» (1942 г.), «Эволюция» (1941—1942 гг.), «О происхождении жизни» — публичная лекция (1922 г.); записные книжки по философии и биологии различных годов; к этому необходимо добавить труд В. П. Карпова, относящийся к 30-м годам, — «Философия биологии как часть философии природы (основные проблемы биологии с системной точки зрения)» (находящийся в архиве проф. С. Л. Соболя). Для историка античной науки неоценимую услугу могут оказать его черновые материалы списка животных к VII—IX книгам «Естественной истории» Плиния Старшего, материалы и заметки к переводам Аристотеля и античного врача-акушера Сорана Эфесского. В архиве также имеется автобиография ученого, написанная незадолго до его смерти в 1943 г.

² Так, к 1915 г. вышло пять изданий карповского «Начального курса гистологии», неоднократно переиздававшегося и в последующие годы.

Именно в эти годы он осуществил перевод и редактирование гиппократовского сборника, естественнонаучных сочинений Аристотеля, подготовил более сотни статей по эмбриологии и гистологии в БМЭ и БСЭ, ряд работ в «Вестнике знания» (в том числе «Предпосылки эволюционного учения в античной науке» — 1937, № 11). В 1940 и 1941 гг. В. П. Карпов неоднократно выступал с докладами на гистологических конференциях в Саратовском мединституте. В годы Великой Отечественной войны вплоть до своей смерти 14 июля 1943 г. Владимир Порфирьевич принимает активное участие в научной и педагогической работе Саратовского мединститута и заканчивает перевод аристотелевской «Истории животных».

Переходя к анализу гуманитарной деятельности В. П. Карпова по переводам и комментированию классиков античной мысли, необходимо отдавать себе отчет в том, что и естественнонаучная, и гуманитарная направленность исследований этого ученого представляют грани цельного мировоззрения. Характерной особенностью такого мировоззрения является универсальный подход к пониманию природы в целом, что по необходимости оборачивается поиском смысла предмета исследования. В своей работе «Витализм и задачи научной биологии...» В. П. Карпов писал: «Всякий, кто вступает в соприкосновение с биологическими науками, изучая их или самостоятельно работая в их области, должен рано или поздно натолкнуться на основной вопрос биологии: что такое жизнь?»³. Для нас представляется интересным, что Карпов искал источник ответа на этот вопрос в античной культуре: «Проблемы теоретической биологии и постановка их в сущности и теперь те же, что были во времена Аристотеля, более того, они возникают в уме всякого человека, профана, когда он начинает поглубже размышлять о жизни»⁴. Другими словами, утверждается, что существуют в истории человеческой мысли некоторые вечные проблемы, впервые сформулированные в эллинской культуре в качестве образцов-идеалов. Тем самым В. П. Карпов заявляет о своей причастности к той традиции в европейской культуре, которая возникает как самосознание европейской мысли, по крайней мере начиная с эпохи гуманистов.

В этом отношении начало XX в. оказалось довольно ярким и насыщенным для развития отечественной интеллектуальной жизни, поскольку и в философии, и в литературе, и в различных видах искусства часто обращались к античному наследию, видя в нем некий классический образец. Среди имен, получивших мировую известность, можно назвать: Ф. Ф. Зелинского, филолога-классика, автора серии «Из жизни идей» и многочисленных книг по истории греческой религии и культуре, осуществившего полный перевод на русский язык сочинений Софокла; Иннокентия Анненского, поэта, переводчика Эврипида; одного из крупнейших исследователей в области греческой эпиграфики В. В. Латышева, а также С. А. Жебелева, С. И. Соболевского, Н. И. Новосадского и мн. др.

Подобное оживление исследований в области античной истории и культуры, реставрация образа античности как идеала и образца европейской мысли во многом повлияли на характерный для Карпова подход к решению проблем современной теоретической биологии в вопросе о сущности живого. Его отношение к природе как натуралиста в лучшем смысле этого слова оказалось существенной предпосылкой в решении В. П. Карповым теоретического спора того времени между механицизм-

³ Вопросы философии и психологии, 1909, кн. 98, с. 342.

⁴ Там же, с. 374.

мом и витализмом, выразившемся в создании учения об органической натурфилософии и в переводческо-комментаторской деятельности при работе над произведениями Аристотеля.

Для разрешения антиномий новоевропейского разума Карпов обращается к античной мысли как к образцу целостного мировосприятия. Тем самым предлагается попытка рассмотреть проблемы современности с античной точки зрения, ввести в теоретический спор историко-культурную перспективу для преодоления стереотипов европейского мышления. Такой исходной точкой для Карпова оказывается Аристотель. «Его натурфилософия представляет из себя первую и наиболее последовательную систему органического понимания природы, основы которой не разрушены ошибочностью отдельных фактических данных и развитием математико-механического естествознания»⁵.

Аристотелевское представление о целостности и целесообразности живого как имманентных живому организму явилось краеугольным камнем в учении В. П. Карпова об органическом понимании природы, учении об организме как о естественном теле или самоорганизующейся системе. Не останавливаясь на анализе концепции Карпова об органической натурфилософии, поскольку сам автор ее излагает в вышеупомянутых работах, заметим только, что его идеи во многом перекликаются с отдельными положениями разрабатываемой в настоящее время теории самоорганизации процессов и систем живой и неживой природы. Обращаясь к наследию Аристотеля, В. П. Карпов стремился максимально приблизиться к пониманию мировоззрения античного мыслителя. В данном случае позиция Карпова отличалась от позиции авторов, пытавшихся использовать теорию Аристотеля в качестве иллюстрации собственных и зачастую далеко не аристотелевских взглядов. Имея в виду обращение представителей витализма к учению перипатетиков, он писал: «...чтобы проявлять не один исторический интерес к Аристотелю, необходимо прежде всего свободное отношение к основам неокантианства и к современному математическому естествознанию... Но этого мало: те, кто критически относятся к Канту, тяготеют к Лейбницу и легко довольствуются той долей аристотелизма, которую вобрал в себя этот разносторонний ум. Для них Аристотель представляет собой интерес лишь в той обработке, которую сообщил ему глава современного спиритуализма, а не сам по себе»⁶.

Единственный путь для понимания учения Аристотеля, по мнению Карпова, состоит в тщательном разборе аристотелевских произведений. В черновой тетради к переводам Стагирита есть такая запись: «Вся натурфилософия Аристотеля из одного куска. Чем больше сочинений его мы прочтем, тем лучше будем его понимать. Для этого надо глубже войти в его мировоззрение. Стóбит ли?— скажут. Стóбит! Надо учиться на великих образцах... Соглашаться с ними или нет, это другой вопрос и не столь важный».

В этом отрывке намечены цели, которым В. П. Карпов следовал в течение всей своей жизни. Во-первых, это педагогическая цель по формированию самостоятельного, творческого мышления в науке, основывающаяся на изучении образцов мысли прошлого. Так, в черновых ма-

⁵ Карпов В. П. Натурфилософия Аристотеля и ее значение в настоящее время.— Вопросы философии и психологии, 1911, кн. 110, с. 780.

⁶ Там же, с. 517.

териалах к статье о знаменитом враче II в. Соране Эфесском⁷ есть фраза: «...в теорию Соран особенно не углублялся, что для практического врача, а особенно для преподавателя врачебного искусства, несомненный плюс. Сколько теоретических построений, которые нас заставляли усваивать в годы учения, оказывались впоследствии ошибочными и даже вредными! Но зато практикуемое Сораном изложение взглядов предшествующих врачей с обязательным критическим разбором — прекрасный педагогический прием, который учит слушателя самостоятельно рассуждать, давая ему образцы. Этим он обязан в значительной мере риторической школе...» (л. 89).

Во-вторых, это задача, вытекающая из необходимости воспроизведения образцов античной мысли «самих по себе», т. е. перевод и комментирование текстов древних авторов, в первую очередь Аристотеля. Оба названных положения должны были найти воплощение в задуманной В. П. Карповым хрестоматии по истории гистологии, в которой были бы представлены сочинения естествоиспытателей начиная с Аристотеля и Гиппократов. К сожалению, это издание не было осуществлено. В архиве хранятся материалы к истории гистологии под № 1, относящиеся к периоду 1914—1915 гг., среди переведенных отрывков есть фрагменты из биологических сочинений Аристотеля, Гиппократов, Галена, ряда других авторов. Постановке и решению чрезвычайно интересных задач способствовало присущее В. П. Карпову сочетание блестящего владения древнегреческим и латынью, основательной историко-философской подготовки и специального знания. В качестве примера можно сослаться на первую работу Владимира Порфирьевича, посвященную Аристотелю, где проводится тщательный анализ основных аристотелевских сочинений, важнейших философских терминов, сопоставляются учения Аристотеля и Канта⁸. В частности, представляется интересным, что, говоря о значении аристотелевской категории *οὐσία*, В. П. Карпов предваряет философское рассмотрение историко-филологическим анализом различных толкований этого термина в разные периоды истории античного мира, а также вариантов перевода этого слова в новоевропейской традиции. Далее он пишет: «На русский язык обычно переводят *οὐσία* — „сущность“, но этот один термин недостаточен и его приходится дополнять словом „существо“. Можно было бы удовольствоваться одним последним, так как и у нас существо может обозначать и предмет, и его сущность („по существу“, например, дела). Надо иметь в виду, что иногда в переводе оба термина звучат по-русски плохо и на язык просится существование (например, 1028 b 8). Я во многих местах избегал перевода, чтобы читатель, не отвлекаясь побочными ассоциациями, лучше усвоил мысль Аристотеля».

В черновой «аристотелевской» тетрадке встречается другая интересная запись В. П. Карпова о принципах, которых он придерживался при переводе Аристотеля: «В переводе с греческого я руководствовался следующим правилом: 1) отступать от расположения слов только по требованиям современного литературного языка (чтобы очень не резало слух

⁷ Вступительная статья к переводу книги Сорана Эфесского «О женских страданиях» была подготовлена и сдана В. П. Карповым для печати в «Медгиз» в 1940 г. К сожалению, ни эта статья, ни перевод самой книги Сорана не были изданы из-за начавшейся Великой Отечественной войны. В архиве «Медгиза» (теперь изд-во «Медицина»), куда мы обращались с запросом, рукопись не была найдена. Имя переводчика неизвестно.

⁸ Карпов. Натурфилософия Аристотеля..., с. 541.

и глаз); 2) сохранять стиль и ритм речи Аристотеля, его логические ударения. — Добавлять слово там, где этого требует ясность и чтобы избежать двусмысленности...»⁹.

Благодаря переводческой и комментаторской деятельности В. П. Карпова русский читатель смог впервые ознакомиться с основными естественнонаучными сочинениями Аристотеля, с произведениями гиппократовского сборника. Несмотря на то, что эти работы были осуществлены полвека тому назад, они не утратили своего значения и в настоящее время. Так, в недавнем издании сочинений Аристотеля приводится переизданный карповский перевод «Физики» (М.: Мысль, 1981, серия «Философское наследие»). Чрезвычайно интересны его комментарии и замечания к переведенным текстам, поскольку в них отражаются и собственный опыт В. П. Карпова как ученого и как педагога, и великолепная эрудиция этого замечательного человека. В качестве примера можно привести замечание В. П. Карпова о стиле Аристотеля, которое обусловлено многолетней педагогической практикой Владимира Порфирьевича: «Аристотель как ритор ставит на первое место убедительность речи, с этой точки зрения и надо подходить к его стилю. Отсюда полнота, повторения, перегрузка деталями». Комментарии В. П. Карпова к каждому из сочинений отличаются такой тщательностью и вниманием, что к комментатору по праву можно отнести характеристику, данную им Сорану Эфесскому: «Книга Сорана производит очень приятное впечатление помимо достоинств языка и стиля. Перед нами выступает врач в лучшем значении. Надо очень любить свое дело, чтобы с такой тщательностью отмечать все мелочи ухода за матерью и ребенком. Вдумчивое отношение ко всем мелочам, каждая находит свое обоснование. Приводя мнения других и критикуя их, Соран везде приводит основание для этого». Даже эта небольшая зарисовка позволяет заметить, что комментатор также далеко равнодушен к своему персонажу. Он способен уловить и почувствовать за строгими строками двухтысячелетней давности живую личность античного врача.

Характер отношения В. П. Карпова к образцам античной мысли позволяет выделить важное сходство с его отношением к природным объектам как наблюдателя. В обоих случаях ученый выступает в роли внимательного слушателя, который стремится к максимальной чистоте воспроизведения логики собеседника или логики Природы. В обоих случаях и Карпов-филолог, и Карпов-наблюдатель ставит перед собой задачу интерпретации уже сформированного целостного произведения, задачу перевода языка противостоящей, иной целостности, что он успешно разрешает в течение своей жизни. Возможность такого удачного сочетания перевода «языка» природы и «языка» античной культуры вытекает из универсального, не ограниченного рамками специализации, подхода к изучению природы. Поэтому так близок для В. П. Карпова образ Ари-

⁹ Далее он продолжает: «Вполне модернизированный перевод представляет собой пересказ, свободное переложение. С другой стороны, противоположная крайность, которой любили щеголять некоторые филологи ради «филологической точности» — ставить добавляемые слова в квадратные скобки, например, «[Он] сказал так», совершенно излишняя и для меня лично затрудняет чтение: всякие скобки препятствие для мысли, перед которым она невольно должна остановиться; в результате пропадает целое и фразу надо перечитывать, чтобы уловить смысл. Так как пунктуации в рукописях не было, то вся она внесена различными редакторами и издателями текста. Это дает переводчикам полную возможность ставить знаки препинания по-своему, и в этом отношении все переводы разнятся».

стотеля — универсального исследователя: «Аристотель — как образец ученого. Особенно поучительно в наше время, когда силою исторических событий ученость становится ремеслом (она оплачивается) и ученый производителем, и притом цеховым (никогда это слово цеховой не подходило так близко к ученому)». Другой существенной чертой, сближающей мировоззрения В. П. Карпова и Аристотеля, является отношение к природе как к источнику мудрости, который несравненно богаче наших умозаключений и экспериментальных моделей, ибо как писал Аристотель: «первой среди причин является та, которую мы называем „ради чего“, ибо она содержит разумное основание, а разумное основание одинаково и в произведениях искусства, и в произведениях природы... но в произведениях природы „ради чего“ и прекрасное проявляется еще в большей мере, чем в произведениях искусства»¹⁰. Природа оказывается образцом для человеческого разума, так же как впоследствии сама античная культура становится образцом для европейского мышления, образцом, который не только уподобляется природе, но и отождествляется с природой¹¹.

В заключение необходимо сказать несколько слов о судьбе карповских переводов. К сожалению, биологические сочинения Аристотеля не были включены в недавно вышедший четырехтомник его произведений, хотя уже в настоящее время представляют библиографическую редкость. До сих пор не было осуществлено переиздание сборника произведений Гиппократов, несмотря на огромный интерес к «отцу медицины» самого широкого круга читателей. И наконец, до сих пор не опубликован подготовленный к печати перевод В. П. Карпова «История животных» Аристотеля, осуществленный еще в 1943 г.! Это фундаментальнейшее произведение Аристотеля включает в себя не только энциклопедию биологических и медицинских знаний того времени, но и представляет огромный интерес и для историков, философов, этнографов, для всех интересующихся проблемами античной истории и культуры. Выражаем надежду, что в ближайшем будущем читатели смогут познакомиться с «Историей животных» Аристотеля в переводе и с комментариями В. П. Карпова, замечательного ученого-подвижника, русского представителя европейской традиции гуманизма.

В. А. Гуркин

V. P. KARPOV, TRADUCTEUR ET COMMENTATEUR D'ARISTOTE

V. A. Gurkin

L'article est consacré aux manuscrits conservés dans les archives du professeur V. P. Karpov (1870—1943), historien connu de la science antique qui a beaucoup étudié l'histoire de la médecine et de la biologie de l'Antiquité. L'auteur prête une attention particulière aux traductions russes faites par V. P. Karpov d'ouvrages d'Aristote tels que *Les Parties des animaux*, *La Génération des animaux* et *Histoire des animaux*.

¹⁰ Аристотель. О частях животных. М.: Биомедгиз, 1937, 639б.

¹¹ Аверинцев С. С. Образ античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания. — В кн.: Новое в современной классической филологии. М., 1979, с. 5—40.

Критика и библиография

И. Л. МАЯК. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М.: Изд-во МГУ, 1983, 272 с.

Монография И. Л. Маяк «Рим первых царей» посвящена изначальным временам римской истории — эпохе двух первых царей, Ромула и Нумы, имена которых олицетворяют самое зарождение римской общины (*civitas*): ее населения, территории, социальных подразделений, общественных институтов. К сожалению, в книге нет изложения собственно истории древнейшего Рима: об основании города, о событиях времени его первых правителей читатель узнает по отдельным замечаниям и эпизодам, разбросанным на многих страницах. Это обстоятельство затрудняет чтение, но, видимо, оно вытекает из задуманной структуры монографии: автора интересуют в первую очередь теоретические проблемы, характер древнейшего римского общества, поэтому основное внимание уделено тем мелким и крупным коллективам, из которых слагалась римская община (семья — род — курия — триба), а также формам землепользования как экономическому базису этих субколлективов и всего римского гражданства.

Впервые в советской историографии структура архаического Рима рассмотрена скрупулезно, на базе всех имеющихся данных, с применением научной методики и методологии исследования. По каждому вопросу монография содержит прекрасную сводку источников, дает широкий историографический фон, а также авторский анализ и авторские выводы.

Введение читателя в Рим начала царской эпохи начинается с развертывания панорамы этнической истории не только древнейшего Рима, но и той территории, на которой впоследствии возник Вечный город. Представленный историографический обзор по данному вопросу свидетельствует о том, что предшествующие исследователи, как правило, ограничивали изучение проблемы населения двумя хронологическими периодами: древнейшим периодом истории Апеннинского полуострова в целом (Б.-Г. Нибур, Т. Моммзен, В. И. Модестов) и временем царского Рима, когда этнический состав населения рассматривался сквозь призму этнической принадлежности патрициев и плебеев (М. Цоллер, Й. Куно, Ю. Биндер, Д. Л. Крюков). Однако долгое время оставался не определенным вклад древнейшего населения, обитавшего на территории Италии начиная с каменного века, в этногенез собственно римского народа. Положение начало меняться с конца XIX в., с развитием археологического и лингвистического изучения Италии. Особое место в изучении этнической истории занимают работы, посвященные изучению троянской легенды, ее связей с местной итальянской почвой.

Основываясь на тщательно собранных данных античной традиции, автор прослеживает хронологическую последовательность этнических напластований на территории Рима: это сикулы, абorigины, пеласги, греки Эвандра и Геркулеса и троянцы Энея (с. 69—74). Свидетельства античной традиции подтверждаются столь же скрупулезно подобранными свидетельствами археологии, добытыми на территории не только Италии, но и Эгеиды. Достижения археологического изучения этого региона в свою очередь подкрепляются данными лингвистики. В результате автор, сохраняя в целом этническую картину древнейшего римского населения, представленную античными авторами, вносит в нее ряд уточнений: так, устанавливается принадлежность абори-

тинов к италикам (с. 84), утверждается наличие греческой ахейской колонии в районе будущего Рима (последняя треть II тыс. до н. э.) (с. 86), а троянцы Энея отождествляются с иллирийцами (с. 89).

Попутно следует отметить, что справедливость основного вывода данной главы о сложности этнического состава населения древнейшего доромуловского Рима подтверждается столь же пестрым этническим составом населения Рима царского времени и даже начала Республики. Правда, этнические компоненты, образующие римский народ этого времени, были уже другими.

Главы III и IV посвящены основным составляющим единицам римского общества — трибам и куриям, роду и семье. Автор справедливо фиксирует особое внимание античной традиции к куриям, отождествляемым историками-греками с их отечественными фратриями. Курии предстают перед нами как главные объединения внутри римского народа, имеющие свои территории, свои замки-кастеллы, собрания, органы управления, культы. Здесь желательно бы видеть параллели с греческими фратриями архаической эпохи.

Решая вопрос о времени числовой фиксации курий, И. Л. Маяк полемизирует с Р. Пальмером, который представляет увеличение курий до 30 как длительный процесс, но завершение его относит лишь к началу Республики. Приведенные в книге свидетельства источников и их анализ подтверждают традицию о том, что 30 курий существовали уже в эпоху Ромула, т. е. в VIII в. до н. э. (с. 105). Последующее увеличение римского населения происходило в пределах уже сложившихся курий. И. Л. Маяк предполагает генетическую связь курий с родо-племенной организацией: курии мыслятся как объединения родов, точнее как союзы мужчин-воинов, представляющих роды. Люди, зачисленные в курию, принадлежат одному из римских родов и являются детьми своих «отцов» — патрициями. Следовательно, римский народ, разделенный на 30 курий, образует патрицианскую общину.

Необходимо заметить, что гентильное строение курий спорно, оно не опровергается, но и не подтверждается традицией: древние авторы ничего не говорят о связи курий и рода. Ополчение выставляли не роды, но курии, причем по исконному латинскому центуриатному принципу: 100 представителей от коллектива. Попутно отметим, что это число не отражало количества боеспособных мужчин внутри курии. Центурия была отрядом, выставляемым по каждому отдельному призыву. Это соображение затрудняет использование числовых данных по древнейшему римскому легиону для подсчета количества взрослого гражданского населения (см. с. 131).

В связи с характеристикой трех триб в книге ставится вопрос о соотношении троичной схемы общества в VIII в. до н. э. с этрусскими названиями ее составных частей. Выдвигая два возможных решения этой проблемы (либо этрусские названия падают на период правления этрусской династии, либо этруски имели большой вес в Ромуловом Риме), автор обращается в первую очередь к литературной традиции, которая оставила ряд свидетельств, говорящих о присутствии этрусков в раннем Риме. Наиболее известна легенда о Лукомоне или Целии Вибенне, по имени которого был назван холм Целий. Пребывание его в Риме традиция относит либо ко времени Ромула, либо ко времени Тарквиния Древнего.

Сопоставляя версии, переданные древними авторами, с археологическим материалом о присутствии этрусков в Риме, И. Л. Маяк делает обоснованное заключение о том, что холм Целий получил свое имя не при Ромуле, а только в VI в. до н. э. (с. 107), следовательно, и триба Лудеров, существовавшая уже при Ромуле как элемент римской социальной структуры, не может принадлежать этрускам (с. 108).

Наиболее сильным аргументом сторонников этрусского влияния на формирующуюся римскую государственность были имена первых царей, Ромула и Нумы, которые считались этрусскими по своей этимологии¹. Основываясь на лингвистических иссле-

¹ *Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. B., 1904, S. 580 f.*

дованиях Э. Перуцци и данных традиции о существовании городов с именем Рим до основания Рима на Тибре, автор ставит под сомнение этрусскую принадлежность самого названия «Рим» и видит в нем лигуро-сикульские корни (с. 109). Столь же большие сомнения, по мысли автора, вызывает и этрусская принадлежность имени Нумы. Собранные исследователем свидетельства источников показывают распространение географических названий и имен собственных с корнем *Num-* в Лации с древнейшего времени. Отсюда делается правомерный вывод, что имя Нумы напоминает о древнейшем пласте населения Италии и Лация — доиндоевропейских лигуро-сикулах, оказавших определенное влияние на этногенез как этрусков, так и римлян (с. 112). Что же касается этруских наименований древнейших триб, то этруски преследовали здесь политические цели утверждения в Риме своего господства (с. 113).

Эти положения имеют большое научное значение. Не отказывая этрускам в их огромном влиянии на римскую культуру, И. Л. Маяк удалось преодолеть распространенное по сей день в науке представление об этрусках как о древней структурообразующей части римского народа. Такой вывод автора может быть подкреплён наблюдением над этническим составом патрициата в начале Республики: даже после правления этруской династии в Риме, при которой наблюдался приток этруских иммигрантов в город на Тибре, патрициат преимущественно состоял из латинско-сабинского компонента с преобладанием латинского ².

От триб и курий автор монографии переходит к роду и семье. Опираясь на материал источников, касающийся как древнейшей эпохи, так и позднего времени, проецируя сохранившиеся пережитки на время Ромула, И. Л. Маяк приходит к заключению, что *gentes* были живым действующим организмом в Риме второй половины VIII в. до н. э. (с. 125). Пожалуй, можно сказать, что род (*gens*) выступает главным героем монографии: древнейшая римская община является совокупностью ста, потом двухсот, к этрусской эпохе — трехсот родов, объединения родов составляют курию, род — главный собственник и даже пользователь земли. В целом получается, что в иерархии больших и меньших общин внутри формирующейся *civitas* род является главной общиной, с которой соперничает только соседская сельская община, уже зародившаяся в Ромулову эпоху.

В характеристике римского рода начала царской эпохи исследователь исходит из определения общины, содержащегося в работах советских историков последних лет (Е. М. Штаерман, А. И. Павловской, Д. А. Ольдерогге и др.), которые видят важнейший критерий общины в коллективной собственности на землю (или во владении ею). В противовес наиболее распространенному представлению об общине как о производственной ячейке общества (Л. Б. Алаев) автор подчеркивает роль ратного труда как связующего коллектив элемента. Римский род характеризуется в книге как совокупность фамилий, в конечном счете как община, т. е. как социально-экономический (а не только социальный) организм (с. 128). Увеличение числа родов в Риме в эпоху первых царей показано на материале данных о родах, известных римской традиции. Справедливо отмечено, что эти данные дают представление о росте численности римского населения за счет внешних пришельцев (с. 141).

Здесь хотелось бы сделать ряд частных замечаний. В некоторых случаях автор проявляет излишнюю осторожность в принятии данных традиции. Вслед за Э. Пайсом, который идентифицирует Тарпеев с Тарквиниями, автор подвергает сомнению древность рода Тарпеев, засвидетельствованную источниками. Во-первых, Варрон (*L. L. V*, 41) и Плутарх (*Numa*. 10) передают, что Тарпея была весталкой в царствование Нумы. Это свидетельство принадлежит древнейшему и достоверному пласту римской традиции, так как касается религиозных установлений, сохранявшихся в памяти римлян наиболее тщательно. Во-вторых, традиция упорно связывает род Тарпеев

² Сидорович О. В. Этнический состав римского патрициата Ранней республики. — В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980, с. 44.

с Капитолийским холмом, который, согласно Варрону (L. L. V, 41), первоначально назывался Тарпейским. Спурий Тарпей упомянут Валерием Максимом (IX, 6, 1) как смотритель крепости во времена Ромула. Так что, скорее всего, род Тарпеев обосновался на этом холме с очень раннего времени.

Из двух версий, переданных источниками, о времени переселения рода Клавдиев в Рим (время Ромула — Тация и 504 г. до н. э.) И. Л. Маяк считает более достоверной ту, которая приурочивает появление Клавдиев в Риме ко времени после изгнания царей (с. 139). Однако следует обратить внимание на тот факт, что Клавдии отнесли к *gentes maiores* — к старшим родам римского патрициата, что ставит под сомнение их позднее появление в Риме. По всей видимости, Клавдии должны были принадлежать к первоначальному зерну патрициев, к сабинскому элементу доэтрусской организации римского государства³.

В монографии подробно разбирается вопрос и об увеличении количества римских родов благодаря их естественному приросту. На примере известного анналистического рассказа о четырех сыновьях Нумы, которые дали начало новым родам Помпониев, Пинариев, Кальпурниев и Мамерциев (Plut. Numa. 21), И. Л. Маяк объясняет процесс вторичного образования *gentes* при естественном разрастании больших патриархальных семей, входивших в состав первоначального рода. Такой путь формирования *gentes*, по мысли автора, реализовался в условиях нехватки земли, что ставило предел расширению и семьи и рода (с. 142). Здесь автор вводит читателя в важную проблему социально-правовых отношений в римском обществе, которые имели место не только на ранней ступени формирования общины, но сохранились, хотя и в значительно измененном виде, и в более позднее время, а потому и были зафиксированы юристами императорской эпохи. Это прежде всего определения понятий *gentiles*, когнатов и агнатов.

Античные авторы неоднократно обращались к толкованию термина *gentiles*, что учтено в данной монографии. Особо же выделено определение *gentiles*, данное Цицероном (Тор. 6, 28), как наиболее исчерпывающее. На первое место Цицерон выдвигает единство имени (*nomen*). В связи с этим И. Л. Маяк ставит важный и правомерный вопрос, сколько степеней родства мог охватывать один и тот же *nomen*. Основываясь на сочинениях римских юристов, автор монографии поддерживает вывод К. У. Веструпа, что шестая степень родства составляла важнейшую грань в сфере социальных отношений. Но в отличие от Веструпа, который учитывал большую отцовскую семью, И. Л. Маяк обращает внимание на шестую степень родства по боковой линии (в пределах одного поколения братьев) и приходит к заключению, что эти родственники и были *gentiles* (родичами), потому что входили в род (*gens*) (с. 144). Ограничение круга *gentiles* диктовалось не только биологической необходимостью (экзогамия), но и экономической. Нехватка земли в условиях слабо развитого производства приводила к исключению «лишних» семей из рода, представляющего собой общину (с. 149).

В отличие от *gentilitas* институт когнатства охватывал большую социальную группу, включавшую дальних родственников за седьмой степенью родства. Относительно агнатов отмечается неполное совпадение этого организма с *familia*, поскольку агнатская группа могла состоять из нескольких близкородственных семей *communi iure* (с. 147). В то же время агнатство было тесно связано с *familia*, с развитием семейной собственности (с. 148).

И. Л. Маяк выдвигает еще одну проблему, важную для понимания естественного увеличения количества римских родов: как обстояло дело с именем родственников, вышедших за пределы *gens*? Остановимся на двух возможных путях образования новых родов, как о них пишет автор.

В первом случае выделившаяся из рода семья сохраняла прежний *nomen*, но лишняя родовая земля в условиях замыкания римской общины, исключалась из кру-

³ Alföldy A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965, p. 160.

га формирующегося гражданства, давая начало новым плебейским родам (с. 150). Этот случай автор рассматривает как возможный источник образования одноименных патрицианских и плебейских родов. Справедливость подобного вывода можно усилить ссылкой на приводимый Цицероном (*De orat.* I.39.176) пример тяжбы патрицианских и плебейских Клавдиев о наследстве сына одного вольноотпущенника Марцеллов, который умер, не оставив ни наследников, ни завещания. Патрицианские Клавдии претендовали на наследство по праву родового родства, т. е. как *gentiles*. Подобный факт, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что известные после уравнивания сословий плебейские Клавдии Марцеллы в отдаленные времена находились в пределах седьмой степени родства, воспоминание о чем сохранилось в памяти патрицианских Клавдиев как их прародителей.

Однако следует обратить внимание на то, что одновременное существование одноименных патрицианских и плебейских родов было довольно редким явлением. Заметим, что для Ранней республики плебейские ветви зафиксированы у патрицианских Менениев, Вергиниев, Фуриев, Туллиев, Марциев и уже упомянутых Клавдиев. Причину этого можно видеть, как отмечает автор книги, в поздней числовой фиксации родов, что произошло только при этруских правителях. Начиная с этого времени «лишние» семьи, отпочковавшиеся от первоначального рода, пополняли ряды плебеев (с. 151). Существование же в плебейском сословии некоторых родов, которые в раннее время были известны как патрицианские, но полностью ушли в небытие, представляется явлением иного порядка. Оно не связано с естественным разрастанием рода, так как место исчезнувшего патрицианского рода мог занять одноименный, но уже плебейский род. Потеря патрицианского статуса родом происходила либо в результате государственного преступления одного из членов рода, либо была следствием его изгнания и захоронения в стране врагов⁴. Иногда в патрицианском роде в более позднее время эпизодически появлялся плебей в результате *transitio ed plebem*⁵.

Второй путь увеличения числа родов, намеченный в книге, сводится к тому, что лишняя для рода семья выселялась на свободные земли и меняла имя, получая его от преномена своего главы. Так появлялся новый род с новым номеном (с. 150). В качестве доказательства этого положения автор приводит судьбу трех римских родов Поттицев, Пинариев и Фабиев, связанных с культом Геркулеса в Риме, причем первые два рода отправляли этот культ, а Фабии вели от Геркулеса свое происхождение. Опираясь на этнографические параллели, автор считает, что эти *gentes* произошли благодаря сегментации первичного рода. Такой вариант образования *gentes* соответствовал времени правления первых царей, когда, согласно монографии, доступ в трибу и курии для новых родов был открыт, поскольку сохранялась возможность наследования их земель (с. 151).

Подчеркивая основной вывод данной главы, что гентильная организация в Риме Ромула и Нумы была реальной действующей силой, И. Л. Маяк переходит к рассмотрению социальных отношений внутри этой организации. Здесь на первый план выдвигаются проблемы клиентелы и рабства. На основании тщательно собранного немногочисленного материала источников о клиентах в раннереспубликанское и царское время автор заключает, что отношения патроната — клиентелы существовали в Риме уже в начале эпохи царей (с. 157).

Общество эпохи Ромула и Нумы представляется состоящим из следующих социальных категорий: *patres* (родовладыки, сенаторы, они же — патроны), всадники, патриции и комплектовавшиеся из числа последних клиенты (с. 160). Обратим внимание на то, что клиентам отведена в исследовании особая роль — они объясняют

⁴ *Cornelius Fr.* Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940, S. 102.

⁵ *Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920, S. 113, 130 ff., 137 f.

существование простого народа внутри патрицианской общины. Концепция, ставящая знак равенства между понятиями патриции и *populus*, нуждается в массе народа, так или иначе связанного со знатными родами. Именно поэтому и Т. Моммзен видел внутри римской общины только патрициев и клиентов. Правда, у немецкого историка гражданство составляют лишь патроны-патриции, а клиенты скорее наполняют *civitas* квиритов, чем являются ее представителями: когда клиент теряет патрона, он выбывает в категорию неграждан-плебеев; клиенты — домочадцы, но не сородичи патрициев. В рецензируемой монографии связь патронов и клиентов усилена: зависимые люди — либо исконные, «опустившиеся» патриции, либо чужаки, принятые в знатный род покровителя; клиенты — не патриции, но члены патрицианского рода, т. е. члены народа (*populus*) (с. 157).

Вызывают сомнение следующие моменты: во-первых, в традиции есть данные о включении переселенцев в курии, но не в роды патронов; во-вторых, клиент не мог войти в род своего покровителя. Номен патронов принимали только клиенты-либертины, но одноименность не считалась признаком родства: определяя род, Цицерон (Тор. 6,28) отсекал либертинов от рода их патронов. Наконец, античные авторы никогда не ставили знак равенства между патрициями и народом (*populus*). Древние историки дружно констатируют *выделение* патрициев из «народа» в качестве сенатской касты. Этимология слова «патриций» естественнее всего выводится из официального наименования сенатора — *pater*: патриции — потомки сенаторов, члены сенатских родов или семей (Liv., I, 8; Cic., de rep. II, 23). Современное же толкование патрициев как детей своих отцов опровергается Ливием (X, 8, 10), который объясняет, что человек, имеющий отца, это свободнорожденный человек, равно и патриций и плебей. Таким образом, в источниках проступает следующая схема общественного деления: *patricii* (*patres*) — *populus* — *plebs* (неграждане). Внизу общественной лестницы находились рабы.

В советской исследовательской литературе проблеме рабства в древнейшем Риме посвящена монография Л. А. Ельницкого «Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—VI вв. до н. э.», которая до сих пор остается единственным крупным исследованием на эту тему. Тем не менее работа Л. А. Ельницкого не сняла актуальности этой проблемы. Поэтому большой интерес представляет экскурс в историю зарождения института рабства в Риме, имеющийся в книге И. Л. Маяк.

В качестве основного источника автор использует законы XII таблиц, в которых зафиксированы общественные отношения, уходящие своими корнями в глубокую древность. Их сведения дополняются косвенными указаниями традиции (в частности на отказ от человеческих жертвоприношений). Вывод автора, что рабство в Риме Ромула и Нумы только зарождалось, и рабы не сформировались еще в класс, а образование сословия рабов едва намечилось (с. 166), не вызывает возражений.

За родом следует *familia* — основная социальная ячейка римского общества в республиканскую и императорскую эпохи. Этот институт был тесно связан с развивавшейся частной собственностью. Поэтому римские юристы, являющиеся источником наших знаний о семье, уделяли ей особое внимание. Опираясь на исследование Т. Моммзена о римских собственных именах и отмечая вслед за ним отсутствие когноменов в царскую эпоху, И. Л. Маяк приходит к заключению, что в это время семья еще не противопоставлена роду, хотя уже и обозначилась как его важная ячейка (с. 171).

Для воссоздания облика семьи начала царской эпохи исследователь использует Дигесты, царские законы, касающиеся *familia*, за которыми угадываются подлинные установления царей, а также данные анналистической традиции. В качестве аналогий привлекаются не только большая ирландская семья, но и собственно римский материал республиканского времени (сведения о большой семье Элиев). Это позволяет автору охарактеризовать римскую фамилию времени первых царей как большую, многоколенную патриархальную общину, в которой *pater familias* не имел еще неограниченной власти (с. 175—176). Последнее объясняется господством коллективного и слабым

развитием частного земельного владения. Семья была общиной низшего порядка и входила составной частью в родовую общину (*gens*).

У главы монографии посвящена развитию хозяйства и аграрных отношений в Риме при первых царях. На основе свидетельств источников, и прежде всего о религиозных церемониях, сопровождавшихся жертвоприношениями, о сельскохозяйственных праздниках И. Л. Маяк представляет Рим начала царской эпохи как общество с уже развитым сельским хозяйством, скотоводством, которому все же отводилась первенствующая роль, и ремеслом. Особое внимание уделено аграрным отношениям как важнейшему аспекту социальной истории. Предпосланный исследованию краткий обзор существующих точек зрения по этому вопросу позволяет увидеть наиболее часто дебатлируемые в литературе вопросы: о связи двухюгерового надела с частной собственностью и о наличии коллективной собственности.

Общинной организации *civitas* в Ромулову эпоху, представленной в предыдущих главах, соответствовали коллективные формы землевладения и собственности. Однако (особой заслугой автора следует считать обоснование уже выдвигавшегося в науке в том числе отечественной) тезиса о сосуществовании в Риме эпохи Ромула гентильных владений с территориальными общинами, которые могли населяться и соседями, и родственниками.

В монографии принят тезис Де Мартино о первоначальном паге как о земельной собственности родов и о превращении его к началу царского времени в сельскую территорию, не связанную с родом (с. 211). Говоря о социальном прогрессе общества, И. Л. Маяк показывает эволюцию терминов *pagus* — *vicus* — *domus*: из территории рода *pagus* превратился в место производственной жизни не только родовых коллективов, но и соседских общин, селения *vicī* стали не только поселками родственников, но и соседскими поселениями, а *domus* — жилище индивидуальной семьи, которая стала выделяться из большой патриархальной (с. 211).

Все эти важные, но сами по себе частные проблемы подчинены магистральной теме исследования — формированию римской *civitas* и призваны подтвердить вывод автора об образовании римской гражданской общины не непосредственно из разлагающихся родовых общин, а из общин соседского типа (с. 213).

Не последнее место занимает в главе рассмотрение такого мероприятия Ромула, как наделение римлян участками земли по два югера. Естественно возникает вопрос, что представлял собой двухюгеровый надел с юридической точки зрения: собственность или владение, который разрешается в процессе полемики с современными зарубежными (Ф. Де Мартино) и советскими (А. И. Немировский, Ф. М. Нечай) исследователями в пользу того, что двухюгеровый надел был только владением. Этому выводу не противоречат аграрные мероприятия Нумы, переданные традицией. В учреждении Нумой Терминалий И. Л. Маяк, в отличие от Э. Перудци, видит складывание частных земельных владений (но никак не частной собственности) при господстве коллективных форм земельной собственности (с. 221).

Завершает представление о коллективной земельной собственности первоначального Рима характеристика *ager publicus*. В книге доказывается наличие *ager publicus* как земельного фонда всей общины уже при первых царях (с. 229). Заслугой автора является определение общественной земли как составной части коллективного землевладения. Последнее включало, помимо *ager publicus*, также земли, принадлежавшие родам, куриям и соседским общинам. Выявление сложной структуры коллективных земель в начале царской эпохи, во-первых, снимает признававшееся ранее исследователями противоречие между родовым и куриальным землевладением, во-вторых, свидетельствует о важной ступени в социальном развитии древнейшего общества, в-третьих, указывает на путь формирования римской *civitas*: от родовых отношений через соседскую общину к полису. Говоря об источнике образования *ager publicus*, И. Л. Маяк в отличие от многих зарубежных исследователей, обращает внимание на завоевание как на путь формирования общественной земли. Справедливый вывод автора можно

подкрепить представлением самих римлян позднего времени об *ager publicus* как об *ager captivus* (Cic., *de rep.* II, 14, 26; II, 21, 28).

Картина общества времени первых царей дополняется рассмотрением органов управления (комиций, сената, царя), их функций и взаимодействия (глава VI). Единственным видом народных собраний в Риме Ромула и Нумы были собрания по куриям, функции которых восстанавливаются в работе на основе тех дел, которые решались куриатными комициями в республиканское время. Автор присоединяется к мнениям Ф. Де Мартино и В. Маннино об отсутствии законодательной функции у куриатных собраний при первых царях (с. 237).

По единодушному свидетельству источников сенат существовал уже в царствование Ромула, а сенаторов было 100. В этой связи следует обратить внимание на замечание автора, что число сенаторов должно было соответствовать числу родов, так как Ромулов сенат представлял собой реально существующий совет родовых или фамильных старейшин (с. 238). Между тем еще Т. Моммзен замечал, что «при первом знакомстве с римским родом он является нам без видимого главы» и что сенаты латинских городов объединяли родовых старейшин разве что в незапамятной древности, задолго до основания Рима⁶. Не случайно Ромулов сенат из 100 «отцов» дает цифру, не кратную современному ему 30 куриям и трем трибам (с. 105). Возможно, этот древний совет комплектовался по вышеупомянутому центуриатному принципу: 100 представителей от коллектива, в данном случае от всей общины квиристов. Известно, что сотенные сенаты были характерны и для латинских городов. Соответственно присоединение к Риму при Тации сабинской общины, независимо от числа ее родов, влекло за собой удвоение жреческих коллегий, военных единиц, а также появление второй центурии «отцов». Важнейшей функцией сената была организация избрания нового царя с помощью «междущарствия» (*interregnum*). Иногда автор понимает «междущарствие» как временный исполнительный орган сената, так как источники не проясняют, все ли сенаторы участвовали в проведении *interregnum* (с. 239). Во внутренней жизни Рима прослеживается тенденция усиления роли сената, который стремился оттеснить комиции на второй план и сделать царя послушным исполнителем своей воли. Однако анализ деятельности и «мятежного» Ромула и «покладистого» Нумы свидетельствует о стремлении царей ограничить власть сената и избавить себя от контроля с его стороны. Это выразилось не только в создании Ромулом целеров — отряда телохранителей (с. 243), но и в появлении, особенно при Нуме, культов общеримского значения (с. 247), что укрепляло формировавшуюся гражданскую общину.

Рассматривая книгу в целом, мы видим, что анализ источников подчинен решению важнейшей задачи — выявлению характера малых общин, на основе которых складывались первые элементы римской *civitas*. Вклад И. Л. Маяк в советскую историографию раннего Рима заключается в рассмотрении *ager publicus* и территориальных общин как уже существующих компонентов будущего полиса. Вместе с тем, как мы уже говорили, на первый план в общей картине Рима эпохи Ромула и Нумы выдвигается родовая община. Следует отметить, что концепция гентильного строения ранней римской общины не бесспорна, это лишь один из возможных вариантов реконструкции общества архаического Рима. Можно привести некоторые соображения, смягчающие четкую гентильную конструкцию. Традиция рисует картину неординарного сложения римской общины, комплектовавшейся в течение нескольких поколений из пришлого люда разных категорий. Следовательно, мы сталкиваемся с ситуацией, неблагоприятной для традиционных единиц родового строя. Как в греческих колониях, выводимых разными полисами, перемешивались и ломались исконные филы и фратрии, так и Ромулов Рим должен был представлять собой пестрый конгломерат осколков родов и фамилий. Поэтому не случайно в монографии данные о беспорядочном наполнении древнейших

⁶ Моммзен Т. История Рима. Т. I. М., 1936, с. 74.

курий приведены в контексте доказательства существования соседских, не родовых общин (с. 208—209).

Если на страницах нарративных источников мы встречаемся с римскими родами то это знатные роды, на заре истории — патрицианские роды. Пристрастие к генеалогии во все времена характерно для аристократии. Именно знать царского Рима могла культивировать родовую или псевдородовую структуру внутри своей среды, в то время как в среде рядовых членов курий и триб, в среде населения, состоящего из переселенцев всякого (и часто малопочтенного) рода, кровные узы фиксировались, скорее всего, менее строго, видимо, на фамильном уровне. Обратим внимание на то, что смягчение гентильной схемы хорошо согласуется с одним из основных положений монографии — с тезисом о формировании римской *civitas* преимущественно на основе соседских общин.

Эти замечания имеют скорее полемический, чем критический характер. Смутная история древнейшего Рима — неисчерпаемый источник «пробных» концепций. Большая заслуга рецензируемой монографии состоит в том, что, с одной стороны, в ней имеется полная сводка огромного разрозненного материала, открывающего читателю возможность самостоятельных наблюдений, а с другой — представлена первая в нашей историографии целостно-концептуальная картина римского общества эпохи первых царей. Постановка вопроса о роли территориальных общин в процессе формирования римской *civitas* представляется особенно плодотворной, открывающей возможности дальнейшего исследования территориальных объединений в эпоху раннего Рима.

Особо хочется отметить работу И. Л. Маяк с источниками. Не остаются без внимания даже самые незначительные свидетельства источников, которые входят в постройку вывода. Все время под пристальным вниманием находится достоверность различного рода сообщений традиции. Это придает работе серьезный источниковедческий характер.

Н. Н. Трухина, О. В. Сидорович

УРАРТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Среди многочисленной урартологической литературы немного найдется исследований, посвященных собственно урартскому государству: не истории, не искусству, а именно государству. Видимо, не случайно после социологических работ, которые были написаны 30—40 лет назад, урартологические исследования сосредоточились затем главным образом в области искусства, археологии, топонимики, языка. Нужно было достигнуть качественно нового уровня знаний, чтобы заново приступить к изучению урартской государственности, структуры общества и т. д. Появление монографии американского исследователя Поля Зимански свидетельствует о том, что ученые приступают к решению краеугольных проблем урартологии. Название работы «Экология и империя: структура урартского государства» точно отражает существо исследуемого предмета. Исследуется взаимосвязь таких независимых и разных на первый взгляд понятий, как экология и империя (мы бы сказали — держава) и регулирование этой связи искусственно созданной структурой государства. Можно сказать, что это заглавие скорее предвосхищает результат исследования автором обширного и разнообразного материала. В этой книге много точных наблюдений, неожиданных

¹ К работе: *Zimansky P. E. Ecology and Empire: the Structure of the Urartian State.* — *Studies in Ancient Oriental Civilization*, 41. Chicago, the Oriental Institute, 1985, p. 141, figures 15, plates 15, tables 17.

и перспективных сопоставлений, масса интересных выводов и, что особенно ценно, много материала для новых размышлений. Не со всем, однако, можно согласиться. Поэтому мы не ограничимся разбором нового урартологического исследования, но приведем и свои соображения по данной проблеме, которые нам кажутся существенными.

Проблему, которую поставил перед собой Зимански, кратко можно сформулировать так: причины возникновения и выживания централизованного урартского государства. Такая проблема, конечно, стоит перед исследователями давно; однако автор вложил в ее исследование очень много нового. Следует особо отметить прекрасное знание автором литературы на русском языке.

В первой главе Зимански довольно кратко останавливается на работах, в которых делались попытки объяснить причины возникновения и функционирования урартского государства: будь то гипотеза о ведущей роли торговли в его возникновении (Р. Барнетт, Л. Левин), будь то теория Г. А. Меликишвили — о роли войны, рабства и частной собственности в экономике Урарту. Все, что было достигнуто в решении этой проблемы, хотя и учитывается автором, не объясняет, с его точки зрения, ни причин возникновения Урарту как централизованной державы, ни динамики ее развития, ни специфики урартских институтов (с. 3). Зимански относит и торговлю, и уровень развития технологии на второй план, ибо считает, что не они были толчком к возникновению урартского государства. Он пытается найти некий первостепенный фактор, который обусловил ход событий, и находит его — в экологии. Тезис, предлагаемый им, не совсем нов, влияние внешней среды на возникновение различных типов государств не раз выдвигалось на первый план в западной науке. Однако он неожиданно по-новому и обстоятельно усилен и высвечен развернутым исследованием автора. Зимански считает, что урартские политические и экономические институты могут быть лучше поняты как результат адаптации к окружению, которое формировалось двумя главными факторами: мощью и близостью ассирийской армии и возможностями обороны, создававшимися спецификой природных условий Армянского нагорья², его орографией и климатом (с. 3).

Сама идея политического объединения страны перед угрозой военного давления извне, конечно, оправдана. И Зимански ставит перед собой задачу показать, как в данном случае происходит такое политическое объединение — под влиянием внешнего военного давления, но на базе децентрализованной экономики. Именно необычные условия, в которых проходил процесс сложения урартского царства, и послужили, по мнению Зимански, причиной его уникальности в истории древнего Востока. Уникальность функционирования урартского государства заключалась, как считает автор, в балансировании между централизацией и децентрализацией. Децентрализация то спасала государство, то сама могла стать злом. Если, например, отсутствие концентрации административного аппарата в одном городе, который мог подвергнуться ассирийскому нападению, уменьшало уязвимость Урарту, то в другом случае подобная децентрализация могла усилить сепаратистские тенденции отдельных и чаще всего географически изолированных районов Урарту. Хотя автор этого не отмечает, однако общеизвестно, что с этой же проблемой сталкивалась и ассирийская держава: чрезмерная децентрализация едва не привела ее к распаду и гибели в первой половине VIII в. до н. э. (примером является деятельность наместника Шамшилу). Ассирийское правительство (по всей видимости, в лице царя Тиглатпаласара III) вышло из положения введением трех важных мероприятий: во-первых, резким уменьшением размеров наместничеств (главы которых стали теперь обозначаться возрожденным термином *NAM^{MES} (reḫāti)* или *EN.NAM^{MES} (bēl reḫāti)*³; во-вторых, назначением на должности на-

² Зимански последовательно пользуется термином «Восточная Анатолия», принятым турецкими авторами.

³ Откуда впоследствии арамейское *reḫā* «сатрап».

местников, как правило, евнухов (*ša gēši*; в данный период этот термин обозначал именно евнухов, чему есть ряд доказательств); в-третьих, использованием возможности больших скоплений средств в ассирийской казне (это являлось результатом геноцидной политики ассирийских царей IX в. до н. э.). Что касается Урарту, то, как можно думать, его бюрократический механизм уже изначально должен был приспособляться «обращать зло во благо» в зависимости от обстоятельств.

Итак, поставив перед собой четкую задачу анализа причин возникновения и, главное, выживания урартского царства ⁴, Зимански сначала предъявляет читателю все ⁵ имеющиеся на сегодня источники для возможного решения вопроса. Он делит их на три категории: клинописные тексты на аккадском и урартском языках, археологические данные и географические исследования, касающиеся физического окружения и этнографии урартского региона по современным наблюдениям (с. 4). Чрезвычайно тщательный и объективный анализ этих источников и составляет содержание книги. Эту объективность особенно хочется отметить, так как, помимо прочего, она влияет на характер подачи материалов и выводов. Зимански не скрывает ни ограниченности источников и наших сегодняшних знаний, ни некоторой слабости своих данных. Поэтому его выводы иногда кажутся скромнее, чем предлагает внимательно и подробно проанализированный материал. Но зато выводы эти надежны.

Характеристика клинописных источников дана кратко, но очень четко и конкретно. В первую очередь указывается, какой вид документов какую информацию может дать. Этой сводкой удобно будет пользоваться в работе любого рода, связанной с историей и источниковедением Урарту. Важно отметить самостоятельность автора в текстологическом и филологическом анализе трудных урартских текстов. Характеристика археологических источников довольно пессимистична. Культура урартов, по мнению автора, в целом не изучена, до сих пор нет даже базы для изучения материальной культуры — анализа керамики. Хотя, как считает Зимански, исследования в Бастаме позволили создать «ядро корпуса урартской керамики» ⁶, рецензенты не склонны разделять связанных с этим оптимистических надежд ⁷. Приведенный анализ современных географических исследований очень ярко раскрывает специфику Урарту с точки зрения его природных условий. Они исследованы очень обстоятельно (глава 2), впечатляют графики перепадов высот главных городов Двуречья, Закавказья и Армянского нагорья, нагляден анализ орографических особенностей страны. В числе источников использованы и спутниковые съемки. К особенностям страны автор относит следующие факторы: ее изолированность вследствие приподнятости плато и его отгороженности с юга широкими складками гор; маловодность рек, текущих в разные стороны, что исключало стремление к овладению их ресурсами и, следовательно, в корне отличало основы урартской цивилизации, например, от месопотамской; относительное изобилие горных пастбищ и развитие отгонного скотоводства (мобильность скота спасала сельскую экономику Урарту от полного разрушения ассирийцами); суровость

⁴ Ни близость агрессивной Ассирии, ни географическое разъединение страны, казалось бы, не должны были способствовать образованию крупного централизованного государства на Нагорье. И тем не менее возникновение Урарту действительно имело место в период значительного давления Ассирии; расширение царства, правда, пришлось на время ее упадка, но его выживание состоялось несмотря на жестокую агрессию, последовавшую после возрождения ассирийской державы; само процветание Урарту совпало с периодом максимального доминирования Ассирии на Ближнем Востоке.

⁵ За одним небольшим, но важным исключением, о котором см. ниже.

⁶ Имеется в виду исследование: *Kroll S. Keramik urartäischer Festungen in Iran.* — In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran, Ergänzungsband 2. B.*, 1976.

⁷ Анализ бастамского корпуса керамики (88 типов) показывает, что значительная и наиболее характерная часть ее не может считаться урартской по той причине, что она уже до появления урартов бытовала в приурмийской области или в прилегающих с юга и востока и недоступных урартам районах. Следовательно, эту керамику урарты заимствовали у местного населения.

зумы и сложность коммуникаций ограничивали продвижение вражеской армии в глубь страны. Все это, по мнению Зимански, хотя и не спасало Урарту от вражеского нападения, но по существу делало эту страну непобедимой и исключительной среди всех обществ, с которыми боролись ассирийцы (с. 12—16, 28—31).

Во второй главе — «Страна Урарту» — Зимански прежде всего определяет содержание термина «Урарту», под которым он подразумевает территорию в пределах политических границ, образовавшуюся в результате завоевательной политики урартских царей. Действительно, для государства, столь быстро возвысившегося и распространившего свою власть, трудно ожидать совпадения культурных, этнических и политических границ, тем более что урартская материальная (или археологическая) культура не определена и границы ее неизвестны. Поэтому выбор Зимански оправдан, к тому же он предлагает убедительный метод для определения политических границ. Периметр границ мог бы определяться урартскими победными надписями, но они, выявляя время и место вторжения, должны быть использованы для этой цели в сочетании со строительными надписями, наличие которых только и доказывает глубокое освоение удержанной территории. Наиболее трудно определимы западные и юго-западные границы Урарту. Зимански проявляет, видимо, излишнюю осторожность, не предлагая непрерывной границы по долинам Кара-су и Аракса до Эрзинджана (Алтын-тепе), где урартское влияние очевидно, тогда как в промежуточном районе Эрзерума нет таких следов. Но как раз это и не должно удивлять, раз речь идет о политических границах. Политический контроль мог осуществляться при сохранении местного управления и культуры. Таким местным образованием как раз в этом районе была Страна таохов (аккад. Дайе-ни, урарт. Диаухи)⁸.

Определив территорию Урарту, Зимански переходит к характеристике центров сельскохозяйственной деятельности (с. 16—28). Здесь приведены важные сведения о характере орошения и сельскохозяйственной продукции, о распределении урартских археологических памятников, а главное — о всех возможных путях связи между географически изолированными районами Урарту. Зимански составил чрезвычайно важную карту-схему главных коммуникаций с данными о расстоянии между населенными пунктами и о перегонах верховых коней в часах (рис. 5). При определении возможных маршрутов военных походов эта схема незаменима и должна использоваться каждым историком Урарту.

В главе третьей рассматриваются поселения и сеть оборонных сооружений на территории Урарту. Как урарты использовали возможности природной среды? Главная идея Зимански состоит в том, что децентрализация, диктуемая природными условиями, спасала в любой области экономики человеческие и материальные ресурсы Урарту от ассирийского разорения. Именно в Урарту производительная и распределительная деятельность была децентрализована до степени, вообще не характерной для древневосточных монархий. Если урартское государство возникло в результате военной необходимости⁹, то существовала ли связь между военными и экономическими интересами в организации государства — вот вопросы, решаемые в этой главе.

Для ответа на эти вопросы Зимански предпринимает анализ всех известных урартских поселений с тем, чтобы выяснить, могла ли сеть оборонных сооружений повлиять

⁸ Так же, по всей видимости, происходило в Хасанлу IV, в городе на юго-западном берегу Урми, который не был разрушен урартами в конце IX в. до н. э., а существовал до 714 г. и был уничтожен ассирийцами. См. *Медведская И. Н.* Хасанлу IV и некоторые вопросы истории Урарту IX—VIII вв. до н. э. (Доклад на XXXI Международной конференции ассириологов, Ленинград, 1984).

⁹ Зимански подчеркивает первичность именно военной причины возникновения государства; если экономические изменения и сопровождали его рост, то они, по мнению автора, были результатом рождения государства, а не первопричиной (с. 32). Однако экономика неотделима для историка от социальных отношений; именно социально-экономическая структура государства выпадает из поля зрения Зимански и снижает ценность его выводов, как мы постараемся показать ниже.

на характер вражеских набегов, сокращая их глубину и длительность, и был ли создан особый тип урартских поселений, свидетельствующий о том, что урартская экспансия сопровождалась фундаментальными экономическими изменениями на контролируемых ими землях (с. 32).

Видимо, существовало два основных вида поселений. Во-первых, оборонное, защищенное мощными стенами, где население скрывалось только во время опасности — такие защитные крепости-убежища располагались в возможно более недоступных местах — на скалах; во-вторых, незащищенные такими стенами поселения или деревни, приближенные к источникам средств существования (полям, пастбищам, источникам воды). Зимански считает необходимым выделить укрепленные поселения, которые могли быть административными центрами целых долин или регионов. Анализ, главным образом, так называемых «урартских памятников, обнаруженных на территории Ирана» (хотя в приурмийской зоне памятники VII в. до н. э. были уже скорее не урартскими, а маннейскими), которых к осени 1978 г. было известно 97, не дает возможности выделить критерии для определения типов урартских центров (в одном случае найден храм, в другом — гробница, а иногда — лишь скульптура, лестница или надпись, см. табл. 3, с. 38). Сам Зимански, видимо, исходит главным образом из размеров их площади. Во всяком случае, из 10 предложенных В. Клайссом центров, служивших военными опорными пунктами, где можно было предположить резиденции административных органов, он выделяет лишь четыре (может быть — шесть), имеющих площадь свыше 5 га. Но тогда, как отмечает сам автор, такие крупные сельскохозяйственные долины, как те, что находились вокруг Хоя и Шахпура, остаются без административного центра, т. е. не имеют следов урартской правительственной деятельности (с. 40). Текст письма Саргона II к богу Ашшуру, посвященного походу 714 г. до н. э., привлекаемый автором с той же целью — выявить единообразие устройства и структуры урартских центров, не проясняет, с нашей точки зрения, модели традиционного урартского поселения. Используемой в тексте термин *ālāni dannūti* носит общий характер, обозначая любое укрепленное место, независимо от его размеров. Если надо было подчеркнуть именно военное значение, использовался термин *birtu* («крепость на возвышенности») или *bīt dūri* («крепость в низком месте») ¹⁰ (с. 45).

Зимански вслед за С. Кролем считает, что система обороны была организована для укрытия населения, возделывавшего земли, которое в мирное время жило довольно рассредоточенно среди садов и полей, но остатки их жилищ вряд ли будут когда-либо обнаружены (с. 45—46). Надо думать, что Саргон, говоря о сотнях поселений, им разрушенных, имел в виду именно такие деревни, брошенные их жителями, укрывшимися в крепостях. Но при этом отметим, что ассирийские тексты сравнительно редко указывают на то, что население противника укрывалось именно в крепостях; гораздо чаще скот и люди угонялись в неприступные горы. Однако трудно допустить, что крепости не использовались по своему прямому назначению. Они должны были, помимо сохранения населения, контролировать чрезвычайно важную для Урарту транзитную торговлю, охранять пути сообщения или, по крайней мере, как думает Зимански, нести наблюдательную службу; последнее относится к небольшим укрепленным крепостям, расположенным вдоль транзитных путей. Вряд ли можно согласиться с тем, что отсутствие крупных крепостей, во всяком случае в VIII в. до н. э., было преднамеренным, поскольку сосредоточение населения в одном месте было непрактичным. Причины эти могли заключаться и в материальных возможностях Урарту VIII и VII вв. до н. э. В VII в. уже возводятся такие крупные крепости, как Бастам, Кармир-блур, Топрак-кале. Несомненно были для этого стратегические соображения.

¹⁰ Переводы эти не представляются нам бесспорными. Буквальное значение их соответственно: «селения (города, деревни) крепкие», «крепость (форт)» и «дом (городских) стен». Был еще термин *ālāni šaḫrute ša limētišunu* «мелкие населенные пункты в их (крепостях) округе».

Из приводимых Зимански примеров можно заключить, что существовала обратная связь между величиной, в частности шириной, долины и количеством и размерами крепостей: чем больше крепость, тем меньше и уже долина (в случае с Бастамом), и наоборот (например, в больших долинах Маранд или вокруг Хоя и Шахпура было много мелких крепостей).

Остается неясным, как же влияет проведенный автором анализ урартских поселений на характеристику «фундаментальных экономических изменений» на присоединенных территориях. Зимански просто присоединяется к мнению немецких археологов о политической и экономической реорганизации, имевшей место на оккупированной урартами территории Ирана, и которая прежде всего выразилась в замене деревенской структуры поселений на крепостную (с. 46). Вряд ли можно говорить о замене — если крепости, как они были описаны выше, стали новым явлением, то продолжает обживаться и часть старых городищ (Хафтаван III), и по-прежнему существуют деревни (их рассредоточенный характер, как показал Зимански, наиболее вероятен). Автор не уточняет, кто жил в этих деревнях, но несомненно, что это было местное население. Урарты угоняли много пленных, но уничтожение местного населения не было и не могло быть их целью, и не только потому, что это население было источником дохода. В отношении приурмийской зоны анализ археологического материала и внимательное прочтение ассирийских и урартских источников показывают, что завоевание и освоение этой земли в конце IX в. не носили разрушительного характера и не привели к гибели и запустению края. Этот район был стратегически важным для урартов. Сохранив его население и ресурсы, они быстро превратили эту страну в плацдарм, с которого начиная с VIII в. пытались завоевать Ману и соседние страны. Кроме того, как нам удалось выяснить из одного ранее не объясненного урартского текста (УКН 448), именно на местное население возлагалось содержание урартских святилищ государственного бога Халди, которые воздвигались урартами (в противоположность практике других древневосточных держав) в каждом завоеванном гаваре.

Причина неясности с характеристикой экономических изменений, однако, вполне понятна. До сих пор в литературе почти не разбирался вопрос о социальном составе Урарту¹¹. Отмечая, что исследование социальной структуры Урарту — дело будущего (с. 46), Зимански не придает этому вопросу большого значения в решении проблемы создания государства. На самом же деле, никакое государство, какой бы опасности ни подвергалось население со стороны завоевателей и как бы ни были благоприятны природные условия для обороны, не может возникнуть, если общество не достигло определенного уровня социального развития. Действительно, ассирийская угроза для стран, вошедших впоследствии в состав Урарту, существовала уже с XIII в. до н. э., но объединились они только в IX в. до н. э. Но почему для обороны от этих набегов нужно было именно единое государство, а недостаточно было объединенных союзов племен, какие встречал на своем пути, например, Тиглатпаласар I в конце XII в.?

Между тем нами было установлено, что население в Урартской державе, по-видимому, разделялось в социальном отношении на следующие категории¹²: 1) *šureli* «мечи»¹³, т. е. люди, имеющие право носить оружие (урартский царь, наряду с титулами

¹¹ Исключение составляют работы Г. А. Меликшвили, которые не учтены Зимански.

¹² Дьяконов И. М. Некоторые данные о социальном устройстве Урарту. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти акад. А. И. Тюменева. М. — Л., 1963, с. 55—65; он же. Жертвоприношения в Тейшебаини. — Кавказско-ближневосточный сборник (в печати).

¹³ Урарт. *šure*, *šureli* означает не «колесница», как думал Ф. В. Кёниг, а «оружие», точнее, вероятно, «меч». В лувийском иероглифическом языке, как нам кажется, именно урартский язык называется *surawanna* (рядом с *asurawanna* — «аккадский, ассирийский язык»). Таким образом, *šure* (лув. **suga*) было, очевидно, племенным

явно ассирийского происхождения, носил титул «царя *šureli*»; надо думать, что в эту категорию входили полноправные граждане коренной области, создавшие Урартскую державу; у хеттов им соответствуют «люди города Хатти», в Митанни — «люди хуррит»; среди них выделяется служилая знать — **mareli* и др., а может быть, также и весьма многочисленные внухи — *SA RĒSI*); 2) *hurâdineli* или идеографически ^{LÜ}A.SI; такая идеограмма ни в шумерском, ни в аккадском неизвестна, она восходит (вероятно, через хурритов) к хеттской аккадограмме ^{LÜ}A.SI.RUM, где последний знак *RUM/AS* был прочитан как хеттское падежное окончание -aš; аккад. *ašîrum* означает «пленный», а в отношении воинов, вероятно, означает контингенты, рекрутированные в покоренных землях; 3) *ugurdeli* — термин происходит от урартского глагола *ug-* «служить, работать» (это, очевидно, зависимое сельскохозяйственное и ремесленное население, соответствующее шумерским *guruš* и хеттским *MUSKĒNU* и др.); 4) *purâli*, т. е. собственно рабы (вероятно частные).

Согласно последнему разделу надписи Сардури II (УКН 155 G), он практически полностью освободил *šureli* от воинской (и трудовой?) повинности; некоторые послабления были сделаны для *hurâdineli*, и совсем незначительные — для *ugurdeli*. Надо думать, что при этом *hurâdineli* превратились из вспомогательных периферийных контингентов в регулярную армию целиком на содержании государства. Это могло произойти потому, что, очевидно, казна Урарту могла обеспечить содержание армии за государственный счет. После реформы *šureli* никогда не упоминаются среди урартских воинов. Освобождение *šureli* от воинской и других повинностей и поборов, несомненно, повлияло и на развитие урартской экономики. Эта же реформа и позволила перейти к системе постоянных крепостных гарнизонов, что было новым для VIII в. до н. э. явлением.

Таким образом, внешнее давление может влиять на сплочение племен, подвергшихся угрозе, а благоприятные естественные условия могут содействовать успешной обороне против наступающих врагов, однако государство как таковое становится необходимым там, где общество стратифицировано в сословно-классовом отношении и где задачей государства является не только (и даже не столько) оборона от внешнего врага, сколько поддержание стратифицированной социальной структуры. Поэтому без учета характера стратификации урартского общества невозможно делать окончательные выводы о причинах его возникновения и сохранения.

Роль правительства на всех уровнях перераспределения излишков сельскохозяйственных продуктов остается у Зимански неустановленной. Авторское заключение о том, что если экономика в Урарту направлялась централизованно, то это делалось нерегулярно (с. 47), не разъясняет поставленного в этой главе вопроса о характере зависимости между военными и экономическими интересами в организации государства. В ходе исследования постоянно подчеркивается приоритет военно-стратегических интересов в организации государства, с одной стороны, и выгоды децентрализации экономики, с другой. Какую же роль тогда играла централизация экономики? В этой связи необходимо было проанализировать причину и значение создания урартскими царями (и только ими) *п о в с е й д е р ж а в е*, в каждом завоеванном гаваре сети храмов государственного бога Халди — между прочим и как центров скотоводческого хозяйства. Явление это делает урартское государство уникальным среди древневосточных держав.

Появление четвертой главы — «Монарх и его роль в развитии урартского государства» — неслучайно, ибо Зимански считает, что в Урарту экономические, политические и религиозные институты так сложно переплетены, что не могут изучаться самостоятельно. А позиция царя на высшей ступени общества делает изучение его роли названием (и самоназванием) коренных урартов; как известно, термин «Урарту» был им совершенно чужд. Потому и термин «царь *šureli*» входит в титулатуру урартских царей. Термин же *Biâneli* «ванцы», видимо, не носил социально-этнического характера.

по существу изучением всего политического и экономического процесса в стране в его совокупности (с. 48). Глава посвящена роли царя в создании урартского царства, его территориальной экспансии и экономическом развитии.

В связи с позицией автора, который считает, что урартское государство создавалось в связи с необходимостью борьбы с Ассирией, недостаточно ясно его утверждение о том, что хотя механизм, сформированный Урарту, остается плохо понятным, можно не сомневаться, что важную роль сыграло в этом ассирийское влияние. Оно, как ему кажется, проявилось в стиле и иконографии искусства, в форме и языке надписей. Добавим еще обычно упоминаемое в этой связи влияние в военном деле. Это расхожее мнение, кочующее из одной работы в другую, давно нуждается в пересмотре и уточнении¹⁴. В работе же Зимански, где предлагается новый взгляд на явления, действующие «изнутри» урартского общества, мнение о влиянии Ассирии не кажется плодотворным. И если значение Ассирии как стимулирующего фактора в формировании урартского царства, конечно, было существенным, это совсем не обязательно надо понимать как влияние Ассирии на внутреннее развитие страны в культурной, духовной и других сферах. К тому же нельзя ограничивать внешние влияния только Ассирией. В такой книге хотелось бы проследить связи урартского с хеттским и хурритским миром. Зимански полностью отрицает хурритское влияние, с чем едва ли можно согласиться. Если урартская царская титулатура была несомненно заимствована в Ассирии¹⁵, то в ней имеются и существенные отличия, это отмечает и Зимански.

В надписях урартских царей не называются цели ведшихся ими войн, но они легко установимы, по его мнению, исходя из тех выгод, которые можно было получить в результате любой кампании (с. 53). Однако цели урартских войн, предполагаемые Зимански, не имеют никакой урартской специфики¹⁶. Власть царя в перераспределении захваченных территорий, пленных, скота, была главной прерогативой всякого древневосточного царя. Каков был механизм этой власти в условиях Урарту? Война была существенным источником доходов царя; эти доходы нужны были для содержания армии и тем самым сдерживания Ассирии. Но полученные средства в какой-то мере должны были идти и на развитие экономики. Как это происходило в условиях балансирования между централизацией и децентрализацией?

В связи с этим интересно рассмотреть представленный Зимански материал строительных надписей (с. 60—76). Их хронологическая и пространственная характеристика хорошо увязывается с историческим фоном. Зимански отмечает, что строительная деятельность центрального правительства сосредотачивалась в основном на военных объектах (с. 96). Вероятно, это надо понимать так, что по специальному плану строи-

¹⁴ *Медведская И. Н.* К вопросу о влиянии Ассирии на культуру Урарту. — Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете. Тезисы докладов. Даугавпилс, 1985. Подробнее см. сб.: Древний Восток, вып. 6. Ереван (в печати).

¹⁵ И это было необходимо, так как Урарту, и не без основания, претендовало на равенство с Ассирией: ассирийская титулатура была так же нужна урартским царям, как императорская — Петру I.

¹⁶ Хочется обратить внимание на характеристику, даваемую автором урартской тактике ведения войны (видимо, имеется в виду только оборонительная война): избегание открытых столкновений с ассирийской армией, тактика рассредоточения сил в надежде на неприступность крепостей и гор. В свете исследования Зимански теперь уже определенно можно понять поведение царей Саргона и Русы на завершающем этапе войны 714 г.: Саргон ставил перед собой реальные задачи — уничтожить приурмийский плацдарм урартов и отодвинуть их к северу от Урмий, открывая себе тем самым путь для завоеваний в Центральном Иране. Аналогичной стратегии он придерживался и в Малой Азии, вбивая клин между Фригией и Урарту, чтобы развязать себе руки в Сирии. Выполнив свою задачу, Саргон не собирался тратить силы на невыполнимую, как хорошо показал Зимански, задачу полного разгрома Урарту. Поэтому, выйдя из приурмийского района, он повернул в сторону Ассирии, совершив лишь погромный рейд в Муцапр. Поведение же Русы соответствует тому, что говорит об урартской стратегии Зимански.

лись только крепости, городская же застройка вокруг цитадели, там, где она возникала, судя по археологическим данным, происходила хаотично. (Исключение составляют, заметим, города-крепости типа Тейшебайни, которые строились государством и в которых планировка основной части города проводилась одновременно со строительством цитадели.) Экономические возможности страны в осуществлении больших строительных и в том числе ирригационных проектов зависели от военных успехов. Личный контроль царя над людскими и прочими ресурсами давал ему возможность осуществлять строительство, которое было не по средствам каждой отдельной провинции (с. 96). Видимо, именно в этом можно усматривать зависимость децентрализованных провинций от центральной власти. Но так ведь обстояло дело и в централизованной Ассирии, где, правда, существовало еще и храмовое хозяйство. Урартские цари тоже строили храмы, но остается невыясненным, на чьи средства они содержались, в какой зависимости от царя находились.

На вопрос, как конкретно осуществлялась роль царя в управлении государством в специфических условиях Урарту, ответ предполагается в главе пятой «Правительственная администрация и проблема централизации». По существу это основная глава книги, ибо в ней дается оценка деятельности центрального правительства и провинциальной администрации, регулировавших внутреннюю жизнь страны.

С центральным правительством, в первую очередь, связан вопрос о столице государства. Вслед за другими авторами Зимански считает, что столицей была, вероятнее всего, Тушпа, где находилась царская резиденция, где совершались главные жертвоприношения, но нет доказательств того, что это был единственный центр¹⁷. Административная деятельность сосредотачивалась (по данным письменных источников, находкам царских печатей, булл и т. п.) в трех пока известных нам центрах: Топрак-кале, Бастаме и Кармир-блуре (с. 77). Но ведь эти центры возникли в VII в. до н. э. В таком случае, где же сосредотачивалась административная деятельность в самый ответственный период становления урартского государства — в IX—VIII вв.? Не рассмотрено в связи с вопросом о столице положение Муцацира, который имел автономное правительство, но где хранилась царская казна Урарту и имелся главный храм государственного урартского бога Халди.

Механизм управления страной представляется автору очень четким. Страна управлялась наследственными монархами¹⁸. Сама страна представляла собой «мозаику» провинций, каждая из которых была не более чем отдельной долиной (гаваром), окруженной естественными барьерами. Каждая провинция управлялась «областеначальником» — ^{LU}EN.NAM¹⁹, чьей первой обязанностью, вероятно, было поставлять войска и самому их возглавлять во время призывы. Для пресечения его возможных сепаратистских тенденций сохранялись малые размеры провинций, у которых не бы-

¹⁷ Положение, сходное с существовавшим в Ассирии: в Ашшуре происходила коронация, а позже погребение царя, но резиденциями были по очереди Кальху, Дур-Шаррукин и Ниневия.

¹⁸ Во всяком случае, со времени Сардури I. Автор не касается убедительных доводов Г. А. Меликишвили о муцацирском происхождении династии Сардури: ведь «государственный бог» Халди был богом Муцацира, а богом Тушпы был Шивини.

¹⁹ Термин этот засвидетельствован в Урарту именно в таком значении уже в IX в. (УКН, 42, 12), когда в Ассирии, как отмечает Зимански, он в этом смысле не употреблялся, хотя и был там известен со II тыс. до н. э. С нашей точки зрения появление термина ^{LU}EN.NAM в Ассирии в значении «областеначальник» связано с военно-административной реформой Тиглатпаласара III, когда отмечается уменьшение размеров наместничеств. С этим автор, по-видимому, не согласен, не разбирая, впрочем, общего характера этой ассирийской реформы. Что касается термина *šaknu*, то он действительно имел чрезвычайно широкое значение и в значении «областеначальник» употреблялся с VIII в. до н. э. скорее как элемент литературного языка, чем как технический термин. В целом же по этой проблеме мы согласны с Постгейтом, которого здесь цитирует Зимански: *Postgate J. N. The Governor's Palace Archive, Cuneiform Texts from Nimrud. V. 2. — British School of Archaeology in Iraq. L., 1973.*

ло даже средств вести самостоятельное строительство, и существовал бюрократический аппарат с юридическими и контрольно-административными функциями во главе с царским чиновником ^{LU}NA₄.DIB (идеограмма, не известная в Месопотамии). Последний находился под непосредственным контролем царя. Неясно только, функционировали этот аппарат, как и «областеназначники» в каждой провинции, или в его ведении находились укрупненные области. В «Заключении» Зимански как будто бы склоняется к мысли, что гражданская бюрократия, оперируя именем царя, управляла из крупных центров, таких, как Кармир-блур, Бастам и Топрак-кале (с. 96). Зимански дает обзор материала и таблицы также по другим административным терминам Урарту, которые будут весьма полезны для историков урартского государства. Однако нужно отметить, что интерпретация административных терминов остается все еще трудной проблемой, в частности важнейшего термина ^{LU}A.NIN-li, место которого в администрации остается неясным.

Система, если она правильно реконструирована Зимански, была впоследствии возрождена в ахеменидской державе — не единственный признак урартского влияния на Ахеменидов ²⁰, — надо думать, через мидийское царство, так как ахеменидское царство и вообще персы с государством Урарту соприкасаться не могли.

Итак, мы познакомились с чрезвычайно интересной, содержательной и крайне нужной книгой. Было бы неблагодарностью упрекать автора в каких-то недостатках или в том, что остались нерешенными некоторые вопросы. Плоха та работа, которая не дает импульса к разрешению все новых вопросов. Автор сам определил ее уровень как поиск одного из многочисленных возможных приближений к решению проблемы. В первую очередь заслуга автора в том, что он нашел, пожалуй, самый болезненный в нашем незнании Урарту узел проблем. Первой же из них остается проблема: каковы были в н у т р е н н и е социальные причины и условия возникновения централизованного урартского государства. То, что мы выше сказали о структуре урартского общества, дает лишь статическую картину, в то время как динамический процесс подлежит исследованию.

Несмотря на наши фактические и методологические возражения против некоторых важных положений книги Зимански, она настолько важна для каждого, кто интересуется историей первого государства, охватывавшего часть нынешней территории нашей страны, что издание ее на русском языке представляется не только желательным, но и необходимым.

И. М. Дьяконов, И. Н. Мебведская

²⁰ См. *Diakonoff I. M. The Origin of the Old Persian Writing System and the Ancient Oriental Epigraphic and Annalistic Traditions.*— In: W. B. Henning Memorial Volume. L., 1970, p. 98—124.

Acta Iranica. Encyclopédie permanente des études iraniennes publiée par le Centre international d'études indo-iraniennes. Deuxième série: hommages et opera minora. V. 23: Orientalia J. Duchesne-Guillemin emerito oblata. Leiden, 1984, VIII+542 p.+LXIV tabl.; v. 24, 25: Papers in Honour of Professor Mary Boyce. 1985, XXVI+745 p.+XXXVIII tabl.

Три рецензируемых тома являются сборниками статей, посвященными 70-летию профессора Льежского университета (Бельгия) Жака Дюшен-Гийёмена (т. 23) и 65-летию профессора Лондонского университета Мэри Бойс (т. 24—25; пагинация сквозная). Оба сборника открываются обстоятельными библиографическими статьями о жизни и трудах юбиляров, которые, по общему признанию, являются выдающимися исследователями древнеиранских религий. Большинство статей посвящены самым разнообразным аспектам религий, идеологии и философии Ирана различных исторических периодов вплоть до современности. В ряде статей рассматриваются проблемы иранского языкознания, филологии и художественной литературы. Многие работы по истории и идеологии Ирана средневекового и нового времени выходят за хронологические рамки «Вестника древней истории». Ниже мы остановимся на статьях, представляющих интерес для читателей данного журнала, распределив эти публикации по определенным проблемам и периодам (в сборниках они расположены в алфавитном порядке имен их авторов).

В. И. Абаев исследовал этимологии трех авестийских слов, которые до сих пор оставались неясными (т. 23, с. 29—33). Авест. *vāgaupa-* означает дословно «куроубийца» (один из эпитетов бога войны Веретрагны). Автор отождествляет эту птицу с коршуном. *Suwtā-* является названием предмета, который бог Ахура-Мазда вручил герою золотого века Йиме. По мнению В. И. Абаева, это слово следует переводить как «кольцо». *Aṣṣaṣa-* в Авесте — враждебные зороастризму жрецы. Автор переводит это слово как «злоучитель».

Дж. Ньоли рассматривает различные случаи употребления в Авесте термина *xvarenah-*, воплощавшего некую магическую силу, исходящую от солнца и обеспечивающую успех ее обладателям (т. 23, с. 207—218). Согласно авестийским представлениям, этой силой были наделены бог солнца Митра и лица, имевшие царскую власть. *Х. Хумбах* исследовал одну из основных молитв маздаяснийцев, а именно — молитву о «добромыслии», написанную на авестийском языке (т. 23, с. 225—241). *К. М. Джамаспа-асе* принадлежат две статьи. В одной содержится переиздание произведения о «еретической» и распутной женщине в сборнике Видевдад (т. 23, с. 243—266), в другой рассматривается вопрос о роли *dōn* («священного хлеба») в зороастрийских трактатах о ритуальных очищениях (т. 25, с. 335—356). *Ж. Келленс* считает персонажа индийского эпоса Яму и соответствующего ему в Авесте Йиму самым древним из известных нам пророков и исследует его роль как мифического посредника между богами и людьми (т. 23, с. 267—281).

Анализируя метрику Младшей Авесты, *Ж. Лазар* отмечает значительные метрические различия авестийских и среднеперсидских произведений, которые отчасти обусловлены постепенными изменениями в фонетической структуре слов (т. 23, с. 283—300). В другой статье Лазар рассматривает метрику парфянской поэзии (т. 25, с. 371—374—399).

У. Бианки в статье «Единый бог и двойное сотворение» анализирует зороастризм в плане исторической типологии. Согласно зороастрийской доктрине, хотя творцом мира и является Ахура-Мазда, мироздание поконится на взаимоисключающих принципах, которые отражают действительную жизнь с ее противоречивыми проявлениями (т. 23, с. 49—60). В другой работе (т. 24, с. 15—24) Бианки рассматривает манихейский дуализм. По его мнению, идеологическая структура учения Мани основана на

зороастрийском радикальном дуализме противоположных и вечных субстанций (свет и тьма). Но Мани учил, что невозможно достигнуть телесной чистоты в ее самой полной форме, поэтому человеку необходимо обладать знаниями, получаемыми путем отделения света от тьмы. Кроме того, согласно зороастризму, Ахура-Мазда создал свет, а Ариман — тьму. Согласно же Мани, обе эти субстанции вечны, существовали изначально и никто их не создал.

В статье *М. Шварца* о зороастрийской эсхатологии (т. 25, с. 473—496) пересматривается толкование десятого стиха 48-й Ясны (одного из ранних зороастрийских произведений). Автор отвергает обычную трактовку указанного места, согласно которой там содержится протест Зороастра против опьянения напитком хаома. Как полагает Шварц, термин *пага* в упомянутом сочинении обозначает плату для карпанов, т. е. враждебных зороастризму жрецов-составителей гимнов. В другой Ясне (53, 6—7), как показывает автор, то же самое слово употреблено для обозначения платы зороастрийского жреца за обещаемое им эсхатологическое благо.

Пространная статья *Г. Л. Виндфура* о хаоме (*сома*) (т. 25, с. 699—726) содержит попытку идентификации этого растения, сок которого древние индийцы и иранцы употребляли с целью ритуального опьянения. После того как индийцы и иранцы покинули страну, где они первоначально обитали, жрецы индуизма и зороастризма постепенно забыли, какое растение употреблялось в далеком прошлом для ритуального опьянения. Сравнительно недавно американский ученый Р. Гордон Уассон высказал мнение, что хаома — это гриб мухомор, из которого путем растирания получали алкалоидный экстракт, и такое предположение было сочтено убедительным многими специалистами. Но Виндфур не согласен с этим отождествлением и считает, что хаома/*сома* — это растение *женьшень* (*Ранах* из семейства *Aradiaceae*). В настоящее время он растет в Маньчжурии и Китае, но в древности, по предположению Виндфура, ареал распространения этого растения был гораздо шире, охватывая, в частности, и Среднюю Азию. По традиционным китайским представлениям, женьшень был тонизирующим средством с чрезвычайно широким диапазоном фармакологических эффектов. По мнению Виндфура, строение женьшеня и традиционно приписываемые ему свойства, а также те, которые обнаружены благодаря химико-фармакологическим исследованиям, имеют много общего с растением *сома*/*хаома*, упоминаемым в Ригведе и Авесте.

Я. Нюснер проводит сравнение некоторых сходных представлений в эсхатологии и очистительных законах зороастризма, христианства, иудаизма и ислама (т. 24, с. 435—440). Автор призывает изучать такие параллели в общем внутреннем контексте той или иной религии. Если наблюдаются заимствования из одной религии в другую, необходимо попытаться понять, почему две совершенно разные системы веры нуждаются в сходных деталях.

Ш. Фонтина в статье «Имена дьявола и их этимология» (т. 23, с. 157—170) отмечает, что в Ветхом Завете слово «сатана» употребляется как существительное с артиклем (*haššā'an*) применительно к противнику в битве. Позднее произошло переосмысление этого слова, которое утратило значение «враг» и стало обозначать главу демонов. В Септуагинте *šātan* означает либо «сатана», либо «лукавый» или «дьявол», т. е. «клеветник». В Коране это значение, кроме «шайтан», передается и словом «*ибليس*», что, по-видимому, является искажением аналогичной ему формы «дьявол». Другой термин для обозначения сходного понятия, а именно *Асмодей*, происходит из древнееврейского корня *SMD* «разрушать», «уничтожать». Здесь же уместно будет остановиться и на статье *Дж. Гринфильда* о значении слова *eden* (т. 23, с. 219—224). Впервые оно засвидетельствовано в Ген. 2, 8 в выражении *gan be'eden* «сад в Эдене». В различных библейских стихах оно обозначает обильно орошаемое место, плодоносный сад, который противопоставляется пустыне. Возможно, первоначально *eden* был географическим названием, каковым он бесспорно выступает в targumim. В сочетании «сад в Эдене» слово «сад» в Септуагинте переведено *paradeisos*, а в Вульгате — *paradisus* («рай»), а *eden* соответственно — *truphé* и *voluptas*, т. е. «роскошь». Исходя из этих

переводов и сравнивая значение корня 'dn в угаритских и других семитских текстах, автор приходит к выводу, что указанное слово имело значение «роскошь», «пышность».

Ж. Ньоли в статье «Зороастрийская Рага» (т. 24, с. 217—228), развивая высказанное им ранее мнение о возникновении зороастризма в Сеистане, поддерживает предположение И. Гершевича о том, что город Ragā в Мидии следует отличать от города Ragha, упоминаемого в Видевдаде. Ньоли полагает, что Рагу Видевдада следует локализовать между Харахвати (Арахосия) и Хайтумант (долина Хильменда). Позднее, когда мидийская Рага стала важным центром зороастризма, маги перенесли традицию о колыбели этой религии из Восточного Ирана в Мидию. Если Зороастр жил в X в. до н. э., его учение, возникшее в отдаленном регионе Восточного Ирана, между Бактрией и Дрангианой, могло стать известным мидийцам и персам приблизительно спустя два столетия.

Значительный интерес представляет статья *Д. Стронаха* о религии в Иране в VII—VI вв. до н. э. (т. 23, с. 479—490), написанная главным образом по данным раскопанных им святилищ на тепе Нуш- и Джан, в 60 км к югу от Хамадана. Обнаруженное там культовое здание было сооружено приблизительно между 750—600 гг. Оно состояло из центрального и западного храмов, крепости и колонного зала. Как показали раскопки, оба храма были внезапно заброшены, при этом алтарь центрального храма был заложен со всех сторон сырцовым кирпичом. Р. Гиришман видел в них капища дэвов (враждебных зороастризму демонов), которые преследовались при Ксерксе. Но, по мнению Стронаха, материалы раскопок не дают основания полагать, что указанные храмы существовали до ахеменидского времени. В частности, центральный храм был заброшен не позднее 600 г. до н. э., т. е. более чем за столетие до правления Ксеркса. Стронах считает возможным, что храмы были заброшены потому, что мидийская религия в VII в. до н. э. испытывала влияние чужих, непранских культов. Однако, как нам представляется, вряд ли такое влияние могло бы вызвать закрытие традиционных святилищ, ибо в древности самые различные культы могли мирно сосуществовать.

Эволюции иранских храмов огня на широкой территории от Фарса до Афганистана в течение всего ахеменидского периода посвящена другая статья Стронаха (т. 25, с. 605—627). Храм огня в местности Канат- и Баг в современной иранской провинции Фарс исследован в статье *Л. Ванден-Берге* (т. 23, с. 511—519). Это святилище, функционировавшее с III до конца V в. н. э., было раскопано Ванден-Берге в 1960 г.

Статья *Р. Н. Фрая* «Религия в Фарсе при Ахеменидах» дает общую картину древнеперсидской религии в свете исследований последних десятилетий (т. 23, с. 171—178). *П. Лекок* в статье «Проблемы ахеменидской религии» отвергает мнение Ш. Шахбази, согласно которому крылатый диск ахеменидских рельефов, традиционно считающийся изображением бога Ахура-Мазды, является символом ангела-хранителя. Как справедливо отмечает Лекок, предположение Шахбази находится в противоречии с иконографией иранцев и данными древнеперсидских надписей, согласно которым Ахура-Мазда был верховным богом царского пантеона (т. 23, с. 301—326).

Мэри Бойс сделала попытку установить назначение высокой башни в Пасаргадах, известной под традиционным названием «Тюрьма Соломона» (т. 23, с. 67—71). Это квадратное здание, сооруженное из камня на трехступенчатом постаменте высотой более 14 м, от которого сохранились лишь руины. Башня состояла из единственного прямоугольного помещения с двускатной крышей. Вход в помещение закрывался каменной дверью, и там не было никаких окон, кроме «слепых» (т. е. имитации окон). Бойс полагает, что в планировке «Тюрьмы Соломона» и известной гробницы Кира в Пасаргадах имеется поразительное сходство, рассчитанное на то, чтобы в соответствии с зороастрийскими представлениями не допустить загрязнения окружающей среды. Некоторые ученые высказывали предположение, что «Тюрьма Соломона» являлась гробницей Камбиза, сына Кира II. Но оно не получило признания специалистов, потому что точно такое же здание находится и в Накш- и Рустаме. Это — так называемая «Ka-

аба Зороастра». Рядом с нею расположены могилы Дария I и членов его семьи, и поэтому вряд ли «Ка'аба Зороастра» могла быть гробницей; следовательно, и «Тюрьма Соломона», как можно предполагать, также была сооружена для каких-то иных целей. Бойс не согласна с этим и считает, что «Тюрьма Соломона» была царским мавзолеем, где были похоронены жена Кира II Кассандана и члены его семьи.

Статья *Х. Санчиси-Веерденбург* содержит анализ сообщения в «Киропедии» Ксенофонта о смерти Кира II (т. 25, с. 459—471). Как отмечает автор, классики и иранисты невысоко ценят это произведение, полагая, что в своей информации Ксенофонт зависел от Геродота и Ктесия, а также использовал гораздо более поздние данные о персидских обычаях, которые ему были известны из личных наблюдений. Тем не менее некоторые ученые отмечали поразительное сходство между рассказами в «Киропедии» и иранской эпической традицией, сохранившейся в «Шахнаме» Фирдоуси. Анализируя три известные нам версии о смерти Кира, автор приходит к выводу, что нет никаких оснований считать рассказы Геродота или Ктесия об этом событии более достоверными, чем версию Ксенофонта. Последний пишет, что еще в его времена «варвары» восхваляли Кира и слагали о нем песни. И Геродот, и Ктесий, и Ксенофонт в одинаковой мере выбирали из этих рассказов то, что соответствовало их дидактическим целям или философским взглядам. С таким мнением можно согласиться хотя бы потому, что мы не располагаем какими-либо достоверными сведениями о смерти Кира. Однако, рассматривая вопрос об источниках Ксенофонта в «Киропедии», следовало бы отметить, что иногда его сообщения совпадают с данными вавилонских хроник. Так, он говорит о Гобрии, полководце Кира, который, согласно Ксенофонту, руководил захватом Вавилона. Геродот даже не упоминает его имени, но зато он известен из Хроники Набонида-Кира именно как завоеватель Вавилона.

П. О. Шэрво, исследуя тематические и лингвистические параллели в ахеменидских и сасанидских надписях (т. 25, с. 593—603), отмечает, что хотя между составлением тех и других прошло семьсот лет, эти тексты имеют определенное сходство, которое проявляется в общей схеме. Надписи начинаются с введения, содержащего сведения о правящем царе и его происхождении. Затем дается перечень провинций державы. В ряде надписей говорится также о консолидации государственной религии. Наконец, заключительная часть надписей содержит призыв, обращенный к будущим правителям, следовать политическим и этическим принципам, которых придерживался составитель того или иного текста.

В статье *Р. Шмитта* «Персы и персидский материал в аттической комедии» анализируются персидские имена, слова, титулы и различные реалии, главным образом в «Ахарнянах» Аристофана (т. 23, с. 459—472).

В статье *Х. Хумбах* «Хорезмийская гипотеза» (т. 24, с. 327—334) приведены и рассмотрены пехлевийские тексты о мифическом правителе Гопатшахе и его стране. В одном тексте он выступает в образе Минотавра, с ногами быка и туловищем человека.

Тексты содержат противоречивую информацию относительно локализации страны, где правил Гопатшах. В 1930 г. Х. Бейли высказал предположение, что этой страной была Согдиана. Но Хумбах не согласен с этим, так как в Бундахишне (11 А, 7—9) о Согдиане говорится как о стране, отличной от царства Гопатшаха. Тем не менее предположение Бейли стало отправной точкой для Э. Бенвениста, В. Б. Хеннинга и И. Гершевича, которые поддержали и развили известную гипотезу И. Маркварта и Ф. К. Андреаса об отождествлении Арьйанам-вайджа, родины Зороастра и Авесты, с Хорезмом, расположенным рядом с Согдианой. Это — так называемая гипотеза о «Большом Хорезме», согласно которой Арьйанам-вайджа была крупным доахеменидским государством с центром в Хорезме. Как полагает Хумбах, лингвистические свидетельства исключают всякую близкую связь между хорезмийским и авестийским языками и поэтому мнение о возникновении зороастризма и Авесты в Хорезме не может считаться обоснованным. Отметим, что еще в 1980 г. Дж. Ньюли, исходя из данных

археологии, также считал существование «Большого Хорезма» совершенно невероятным¹.

А. Лиме рассматривает позднеавиловские тексты о магических камнях (т. 23, с. 327—339), где, в частности, проводится различие между «мужскими» и «женскими» камнями. По его мнению, в последние века до н. э., когда авиловская цивилизация приходила в упадок, письмена, вырезанные на камнях, стали приписывать Зороастру и другим реальным и мифическим персонажам иранской традиции. В статье III. Шакедда «Багдана, царь демонов в вавилонской арамейской магии» (т. 25, с. 511—525) отмечается, что в сасанидское время Вавилония находилась под сильным иранским влиянием. Об этом, в частности, свидетельствует множество иранских слов, заимствованных арамейским диалектом в Вавилонии. Зороастризм имел хорошо развитую демонологию, традиция о которой в определенной степени сохранилась в религиозных пехлевиjsких книгах, а также в магических текстах на амулетах и на чашах из Вавилонии. Шакед полагает, что многие из владельцев таких чаш могли быть персами и, судя по их именам, зороастрийцами, хотя при Сасанидах нередко христиане и иудеи также носили иранские имена. Далее автор разбирает отдельные иранские имена в текстах магических чаш. В частности, в одном из таких текстов описывается могущество Багданы, «великого бога, владыки шестидесяти царств».

Статья Дж. Хансмана посвящена религии в Элимаиде, области в Юго-Западном Иране (т. 24, с. 229—246), которая со II в. до н. э. до конца III в. н. э. была то независимым царством, то вассальным парфянским княжеством. Элиманты почитали Бела, традиционного эламского бога, культ которого слился с культом одноименного вавилонского бога. Другой эламский бог был отождествлен с греческим Гераклом. Солнечное божество, изображенное на элимаидских монетах и на скальных рельефах в Танг-и Сарваке, по всей вероятности, — семитский бог Шамаш, а не зороастрийский Митра. Хансман также полагает, что богиня, изображенная на тех же монетах и рельефах, была семитской Иштар, а не иранской Анахитой.

В статье Ж. Дюшен-Гийемена ставится вопрос о причинах возникновения западной традиции о восточных волхвах, прибывших почитать младенца Иисуса (т. 24, с. 149—157). Автор полагает, что появлению этой традиции могло способствовать распространенное (хотя и неверное) мнение, что иранские маги были астрологами и предсказателями и поэтому предвидели рождение Иисуса. Кроме того, возможно, что в западных странах было известно о зороастрийском учении, которое связывало спасение мира с грядущим мессией.

Статья Ж. Риса «Митраизм и христианство» содержит обзор работ, в которых обе эти религии рассматриваются в сравнительном плане (т. 28, с. 439—457).

А. Д. Х. Бивар в статье «Персидская сказочная земля» (т. 24, с. 25—42) высказывает предположение, что легенды о сказочных женщинах перси возникли в Иране доисламского времени на основе персидской традиции об иранском племени, известном нам под названием париканий. Как полагает Бивар, женщины этого племени играли важную роль, сопровождая воинов иранских армий в походах. Возможно также, что представители этого племени занимались и колдовством. Зороастрийские жрецы подвергали этих женщин осуждению; иное отношение к ним в эпосе и в поздней парфянской традиции. В глазах парфянских «рыцарей» эти перси были удивительными женщинами, одаренными магическими чарами и способными появиться в степи внезапно, загадочным образом, чтобы прийти на помощь воину, оказавшемуся в трудной ситуации, и вылечить его раны. После истребления этого племени сасанидским царем Хосровом I оно все больше и больше стало идеализироваться в литературной традиции.

Ф. Женью в статье «Сасанидские буллы из Каср-и Абу Насра» дает каталог этих булл, хранящихся в Бастан-музее в Тегеране, с транслитерацией их текстов, переводами и глоссарием (т. 24, с. 195—215). Вторая статья того же автора носит название

¹ Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980, p. 17, 91.

«Верховный маг Картир и его путешествие в потусторонний мир» (т. 23, с. 191—206). В ней рассматривается теологическая система этого крупного деятеля иранской идеологической жизни III в. н. э. и организатора государственной церкви. В своих надписях Картир утверждает, что боги посетили его во сне и после этого он совершил путешествие в рай. Анализируя этот сон, Женью напоминает о резкой полемике В. Б. Хеннинга с Г. С. Ньюбергом, который полагал, что перед выступлением со своими проповедями Зороастр подвергал себя шаманскому опьянению. Женью полагает, что этот вопрос нуждается в новом освещении. Хотя Зороастр и не занимался доведением себя до экстаза характерными для шаманов методами, можно установить определенные аналогии между древнеиранскими и шаманскими религиозными представлениями. Особенно это касается сложной системы многоплановости души. При этом важно отметить, что такую систему нельзя свести только к связи между телом и душой. Картир верил во многообразие душ, как и шаманы верят во множество душ. Для примера можно сослаться на древние представления бурятов, согласно которым человек обладает тремя душами. Внутренняя душа помещается в костях. Вторая душа — это та, которая может покинуть тело и вернуться обратно. Третья душа, которая считается высшей, покидает человека при его смерти. Женью полагает, что когда Картир говорит о своем путешествии в потусторонний мир, имеется в виду путешествие его души. Известны и другие произведения сасанидского времени о подобных путешествиях, целью которых было обосновать веру в то, что душа праведника попадет в рай, а душа нечестивца будет обречена на вечные муки в аду. Здесь же остановимся на статье *П. Кальмейера* и *Х. Гаубе* под названием «Благородная девушка, подобной которой я никогда не видел» (цитата из надписи Картира) (т. 24, с. 43—60). Рассказывая о своем путешествии в потусторонний мир, Картир сообщает, что при переходе через мост Чинват, ведущий в рай, он встретил прекрасную девушку, которая стала его проводницей по небесным полям. В связи с этим рассказом авторы обращаются к скальному рельефу из Сар Машада, где изображен сасанидский царь Бахрам II, охотящийся на львов. При этом одной рукой он опирается на руку какой-то женщины, которую обычно отождествляют с богиней Анахитой. Отвергая такое отождествление, авторы полагают, что на рельефе изображена та самая женщина, которая, по утверждению Картира, ждала души праведников у моста Чинват.

М. Шаки рассматривает космогонические и космологические представления Маздака, вождя восстания народных масс в Иране в конце V в. н. э. (т. 25, с. 527—543). Автор прослеживает частичные аналогии учения Маздака с различными чужеземными тенденциями, в том числе с мистическими доктринами Филона Александрийского. Учение Маздака, как оно представлено у арабского автора Шахристани, является эклектической смесью зороастрийской ереси с элементами мистицизма.

Р. Н. Фрай исследует вопрос об источниках сирийской версии романа об Александре Македонском (т. 24, с. 185—188). Еще начиная с прошлого века в науке утвердилось мнение известного востоковеда А. Нёльдеке о том, что основой романа послужил пехлевийский оригинал, который, в свою очередь, опирался на переведенное с греческого языка произведение Псевдо-Каллисфена. Это предположение основывалось на анализе собственных имен и географических названий. Но Фрай приходит к выводу, что в передаче имен в сирийской версии романа наблюдается хаос, и считает маловероятным ее перевод с пехлеви. По его мнению, сирийский текст отражает скорее утраченный греческий оригинал, чем его пехлевийский вариант. Фрай склонен считать, что в Иране, по-видимому, одновременно существовали две традиции об Александре. Одна из них была фольклорная, согласно которой последний был отпрыском ахеменидских царей и иранским героем. Вторая традиция была жреческой, и она изображала Александра не только разрушителем персидского царства, но и губителем иранской культуры и священных книг. Сирийский текст, по Фраю, учитывал обе эти традиции.

О. М. Дэвидсон в пространной статье (т. 24, с. 61—148) рассматривает вопрос об особенностях творчества Фирдоуси. Хотя иранская поэтическая традиция и «Шахнаме» Фирдоуси могли опираться на разные и независимые друг от друга источники, последние всегда были объединены личностью эпического героя Рустама. Такое художественное единство могло быть индоиранского и даже индоевропейского происхождения (мифические рассказы о спасении героем «сияющей славы» своего владыки-царя). Фирдоуси опирался и на вполне оформившуюся традицию с ее устной поэтической формой, которая объединяла рассказы о династиях с рассказами о героях. Но это несколько не умаляет художественных достоинств «Шахнаме», ибо отдельные фольклорные стихи уступили место монументальному и высокохудожественному произведению. П. Харпер дает искусствоведческий анализ наверший булавы в форме головы быка, которые были распространены в доисламском Иране и, в частности, упоминаются в «Шахнаме» Фирдоуси (т. 24, с. 216—224).

В ряде статей рассматриваются различные аспекты манихейской религии. На примере манихейских произведений Й. П. Асмуссен показывает, какую огромную роль сыграли манихейцы в развитии культурно-исторических связей между Востоком и Западом (т. 23, с. 35—39). В. Зундерман дает филологический анализ фрагментов книги Мани о гигантах (т. 23, с. 491—505).

В заключение отметим, что очередные тома *Acta Iranica* представляют значительный интерес для историков религии и культуры, археологов, филологов и лингвистов, занимающихся самыми различными проблемами иранистики, а также для специалистов по Ближнему Востоку.

М. А. Дандамаев

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «КИКЛОПА» ЕВРИПИДА*

С выходом в свет рецензируемой книги тойбнеровская библиотека драм Еврипида перешагнула за середину всей серии, начатой в 1964 г. и представленной теперь уже одиннадцатью трагедиями¹. Значение этого предприятия трудно переоценить хотя бы потому, что наиболее известные в ученом мире французский шеститомник Еврипида, начатый в 1925 г. Меридье и продолженный затем с участием Пармантье, Грегуара, Шапутье и Жуана, а также отдельные трагедии Еврипида в комментированной серии Оксфордского университета в значительной своей части увидели свет еще до появления таких капитальных исследований рукописной традиции Еврипида, как работы второй половины 60-х годов Цунца и Тюилье², а трагедия «Гераклиды» на протяжении всего XX века выходила отдельно лишь два раза: в 1907 г. ее издал в Кембридже Пирсон, а в 1958 г. — в Риме А. Гарция, который подготовил затем эту трагедию для тойбнеровской библиотеки.

Что касается «Киклопа», то ему в последнее время как раз повезло. За три года, с 1978 по 1981, вышло два, правда, очень различных издания. Одно — с обширным комментарием и сопутствующим ему очерком³, другое — более скромное, но также основанное на новом сличении, увы! немногочисленных кодексов и снабженное обстоятельным критическим аппаратом⁴. Дополнением к нему служит небольшая мо-

* *Euripides. Cyclops*. Ed. W. Biehl. Lpz: Teubner, 1983, XX, 60 S.

¹ «Алkestида» (1980), «Андромаха» (1978), «Вакханки» (1982), «Гекуба» (1973), «Гераклиды» (1972), «Елена» (1964), «Ион» (1979), «Ифигения в Тавриде» (1981), «Молчаливые» (1984), «Орест» (1975), «Троянки» (1980).

² Zuntz G. *An Inquiry into the Transmission of the Plays of Euripides*. Cambr., 1965; Tuilier A. *Recherches critiques sur la tradition du texte d'Euripide*. P., 1968.

³ *Euripides. Cyclops. Introduction and Commentary* by R. G. Ussher. Roma, 1978. См. также рец. Л. Паганелли (*Gnomon*, 1980, 52, S. 425—429).

⁴ *Euripidis Cyclopem cum apparatu critico*. Ed. L. Paganelli. Bologna, 1981.

нография того же автора об отражении в «Киклопе» историко-политической ситуации времени его создания⁵.

Интерес, проявляемый к «Киклопу», едва ли является случайным. Как известно, это единственная целиком дошедшая до нас драма сатиров, которая должна дать нам представление о жанре, пользовавшемся большой популярностью на протяжении всего V в. Открытые в разное время папирусные отрывки сатиловских драм Эсхила⁶ и Софокла⁷, конечно, несколько расширили наше представление об этой разновидности древнегреческого театра, но еврипидовский «Киклоп» по-прежнему остается достаточно авторитетным источником.

Новый издатель «Киклопа» Вернер Биль, уже выпустивший в тойберновской серии «Иона», «Ореста» и «Троянок», задачу своей новой работы при установлении состава текста видит в том, чтобы его предложения опирались на толкование хода действия, объяснение развития мысли персонажей, разумеется, с непременным учетом грамматических и метрических вопросов (с. V). Соответственно уже в предисловии Биль обращает внимание на свойственные сатиловской драме стилистические особенности и приемы возбуждения смеха, находящие себе выражение в речевых фигурах (hysteroproteron, parentheseis, aprosdoceton и т. д.). Конечно, эти фигуры характерны не для одной лишь сатиловской драмы (например, саркастический характер носит у Софокла отзыв Антигоны о Креонте — ἀγὰρὸς Κρέων, ст. 31 — наш достойный Креонт⁸), но их классификация и систематизация применительно к «Киклопу» имеет прямой смысл, способствуя более живому восприятию пьесы. К каждому из двенадцати выделяемых Билем приемов даются примеры из текста и ссылки (с. VI), а в специальном Приложении (с. 23—35) всякий раз обращается внимание на стилистическую окраску того или иного высказывания. Это Приложение (Appendix prior) вообще заслуживает особого упоминания. С его помощью, с одной стороны, критический аппарат разгружается от слишком обширных ссылок на параллельные места и от их толкования. С другой стороны, именно материал, приводимый в Приложении, помогает лучше понять и самый текст, и доводы, которыми издатель обосновывает принимаемое им чтение. Таким образом, в Приложении содержатся, по собственному признанию Били, известные элементы комментария. Несомненно полезно для понимания и толкования текста «Киклопа» также второе Приложение (Appendix altera, с. 36—46) — избранные свидетельства из древнегреческой поэзии, позднееантичных и византийских лексикографов и комментаторов.

⁵ Paganelli L. Echi storico-politici nel Cyclope euripideo. Padova, 1979. На основании своих наблюдений Пганелли относит «Киклопа» к 414/413 г. (с. 132—134). К периоду 415—412 гг. склоняется и Эшер (прим. 3), с. 193—204. Биль, завершивший работу осенью 1981 г., не мог, разумеется, использовать статью Сифорда (Seaford R. The Date of Euripides' Cyclops. — JHS, 1982, 102, p. 161—172), который, развивая положения, высказанные ранее Э. Дэйл, В. Ветцелем и О. Цвирлайном, довольно убедительно датирует «Киклопа» 409 г. Вопрос оставляет открытым Дж. Диггль в новом оксфордском издании Еврипида (fabula incertum quo tempore acta — Euripidis fabulae. Recogn. J. Diggle. Tomus I. Oxf., 1984, p. 2). Сам Биль в рецензируемом издании (с. 2) принимает достаточно широкие хронологические рамки: не раньше 424, но не позже 415—413 гг.

⁶ Aeschylus... by H. W. Smith. V. II. The Appendix... by H. Lloyd-Jones. Cambr. Mass. — L., 1957. p. 528—556, 562—566; Die Fragmente der Tragödien des Aischylos. Hrsg. von H. J. Mette. B., 1959. S. 5—11, 19—23, 165 f., 169—176; Der verlorene Aischylos von H. J. Mette. B., 1963, S. 11—14, 157—161, 164—170, 178—181; Werre-De Haas M. Aeschylus' Dictyulci: an Attempt at Reconstruction of a satyric drama. Leiden, 1961; Tragicorum Graecorum fragmenta. V. 3. Aeschylus. Ed. S. Radt. Göttingen, 1985, fr. 25c — e, 46a — 46c, 47a — c, 78a — d, 204a — d; Ярко В. Эсхил. М., 1958, с. 278—285; он же. О папирусных фрагментах сатиловских драм Эсхила. — ВДИ, 1959, № 4, с. 131—153; он же. Лексика сатиловских драм Эсхила. — ИАН ОЛЯ, XXII, 1963, с. 499—511.

⁷ Tragicorum Graecorum fragmenta. V. 4. Sophocles. Ed. S. Radt. Göttingen, 1977, fr. 269a—d, 314.

⁸ Ср. также Soph. OT 385, Phil. 873.

Переходя к составу текста «Киклопа», предложенному Билем, отметим взвешенность предлагаемого им чтения. В целом его текст носит достаточно консервативный характер⁹, в чем, однако, не следует видеть упрека: гиперкритицизм в отношении античной традиции тоже не всегда достигает цели.

Так, на наш взгляд, обоснованным является сохранение рукописной традиции в ст. 164 (ἐπιείν против ἐπιών в более позднем списке Parisinus A), 219 (ὃν ἂν θέλῃς против ὅν, предложенного Кайбелем), 237, 369, 398 (ῥυθμῶ τιμῇ против ῥυθμῶ φ' ἐνὶ Виламовица), 403 (λάβρω μαχαίρα против λαβρὸν μάχαϊραν, введенного Эшером, хотя καθαρπάσας в предыдущем стихе предполагает в качестве дополнения спутников Одиссея, а не нож Киклопа), 497 (тоже вопреки Эшеру), 546 (καταβάβῃ против καταβάλλῃ, внесенного в чтение Палатинского кодекса более поздней рукой: Силен прячет кратер, чтобы кто-нибудь другой его «не схватил»), 588. Я думаю также, что Биль правильно отдает начало реплики в ст. 203 (ἔννεχε πάρεχε) Силену, — не только потому, что на это указывают рукописи (в последующем они ошибаются: τί τάδε, несомненно, принадлежит Киклопу), но и потому, что Биль наглядно представляет себе и дает понять читателю (с. 29), что происходит на сцене: сатиры после слов Одиссея подняли суматоху на оркестре, и Силен, завидев приближающегося Полифема, призывает своих буйных сыновей утихомириться.

Более спорный случай — ст. 258. Здесь Одиссей, оправдываясь перед Киклопом, заверяет его, что все съестные припасы были выданы Силеном добровольно, в обмен на вино; далее в рукописях: κοῦδέν ἔν τοῦτω βία «и ему (Силену) не было причинено никакого насилия», — это вроде бы должно служить ответом на клевету Силену в ст. 230—240. Однако подавляющее большинство современных издателей предпочитают здесь конъектуру, сделанную в 1694 г. английским филологом Барнсом (Barnes): τοῦτω βία «ничего из этого не было взято силой». В пользу чтения Барнса говорят два обстоятельства. (1) Сочетание οὐδέν в адverbialном значении с βία маловероятно: скорее следовало бы ожидать согласованного с βία определения (οὐδεμία βία, конечно, невозможное в trimetre). Биль выходит из положения, приравнивая в своем объяснении спорного стиха οὐδέν к οὐδαμῶς (с. 30), но в тексте стоит все же οὐδέν. (2) Что важнее для Одиссея: внушить Киклопу, что сила не применялась к Силену, или что пришельцы отнюдь не позволили себе завладеть добром Полифема, применив силу? Я думаю, — второе, и тогда чтение Барнса оказывается более предпочтительным также по смыслу.

Совсем напрасно, как мне представляется, придерживается Биль рукописного распределения реплик в ст. 638. За несколько стихов до этого сатиры, разделившись на два полухория, начинают выдвигать доводы против их участия в расправе с Киклопом. Одни-де стоят слишком далеко от входа, чтобы орудовать колом; другие жалуются, что они внезапно охромели (637). «То же самое случилось и со мной», — следует ответ, который основные рукописи отдают Одиссею. Едва ли это правильно: следующие за тем полтора стиха (638b — 639) объясняют причину неожиданной напасти: «Стоя на месте, мы растянули жилы на ногах, сам не знаю почему». Мало кто может усомниться, что вся реплика целиком принадлежит полухорию сатиров (вернее, их предводителю): трусливые хвастуны, услышав объяснение первого полухория, тотчас же к нему присоединяются (как часто бывает в античной драме, хор легко переходит от единственного числа к множественному и обратно к единственному). В уже упоминавшемся парижском списке A ситуация понята правильно и при стихе 638 стоит указание: «полухорие», принимаемое большинством издателей.

Собственных дополнений Били в тексте немного, и два из них можно принять как вполне возможные решения: ἄν <пер> в ст. 365 и ремарка ἐνδοθεν (по образцу ὠδῇ ἐνδοθεν после ст. 482) — после ст. 662. На более серьезное вмешательство в состав текста

⁹ Ср. рецензию Маттиессена на издание «Ореста», также подготовленное для Тойбнерианы Билем (Gnomon, 1984, 56, S. 678—681).

Биль не решается. Так, многие издатели считают нужным повторить эфимний (ст. 49—54) после ст. 62 и другой эфимний (ст. 361—367) — после ст. 374. В рукописях на этот счет никакого указания нет, и Биль предпочитает принять спорные стихи в первом случае за монодию, помещенную между строфой и антистрофой, во втором — за расположенный по такому же принципу месод. Ставить в вину издателю эту осторожность не приходится: мы слишком мало знаем о структуре хоров в драме сатиров, чтобы настаивать на повторении целой хоровой партии там, где в рукописях нет никакого следа на этот счет.

Приведенных примеров, думается, достаточно. В новом издании «Киклопа» нам предложен надежный в целом текст в сопровождении умело отобранного критического аппарата, дополняемого в приложениях множеством наблюдений и сопоставлений, помогающих воссозданию пьесы как сценического организма.

Особого рассмотрения требует вопрос о принятом Билем членении текста речевых партий. Суть дела не в его полиграфической стороне, т. е. тех отбивках, которыми речевые части делятся на некие, составляющие их, по мнению Били, первоначальные структурные элементы. В основе этих отбивок лежит членение разговорных партий драмы в соответствии с давно постулируемым принципом издателя, который видит в них строжайшую количественную симметрию. Под этим углом зрения были проанализированы им речевые партии в «Оресте» и «Ионе», что не встретило особого сочувствия ни у рецензентов¹⁰, ни у автора этих строк¹¹. Применительно к «Киклопу» Биль рисует следующую картину (с. 53—60): пролог (ст. 1—40) — 40 стихов; первый эпизодий, разбиваемый выходом Киклопа на две половины (ст. 82—202 и 303—355) — соответственно 120 и 154 стиха, в сумме — 274; второй эпизодий (ст. 375—482) — 108 стихов; третий эпизодий (ст. 519—607) — 88 стихов; эксод, который «рабочая песенка» хора делит на две части (ст. 624—655 и 664—709) — соответственно 32 и 46 стихов. Против этого членения возразить нечего — оно дано объективно, и если бы Биль остановился на том, что число триметров во второй половине составляет те же 274 стиха, что и в первом эпизодии, мы могли бы лишний раз восхититься чувством меры, присущим от природы древнегреческим драматургам. Кстати говоря, эти свойства их дарования уже давно привлекают внимание исследователей. О симметричном построении софокловской «Электры» писал еще в 1909 г. Ф. Винтер¹². Аналогичные наблюдения над трагедиями Эсхила были сделаны автором этих строк¹³. В отношении Еврипида в последние десятилетия была выявлена достаточно строгая структура его «трагедий интриги», построенных из легко сопоставимых по объему отрезков текста («блоков») ¹⁴.

При всех подобных наблюдениях и сопровождающих их подсчетах не следует, однако, упускать из виду, что античные трагики, создавая свои произведения, рассчитывали отнюдь не на ученых с карандашом и бумагой в руках, а на зрителей, воспринимавших пьесу на слух. Поэтому, если в двух трагедиях Эсхила — «Персах» и «Молящих» — по обе стороны от центрального стасима размещались две половины пьесы объемом в первом случае в 531 и 480 стихов, во втором — в 523 и 475 стихов, то у зрителя совершенно безотчетно возникало представление о примерном равенстве

¹⁰ Lee K. H. — In: *Gnomon*, 1980, 52, S. 105; *Matthiessen K.* — In: *Gnomon*, 1984 56, S. 681.

¹¹ *Jarcho V.* Aischylos und die nachaischyleische Tragödie. Dramatischer Konflikt und Kompositionstechnik. — In: Aischylos und Pindar. B., 1981, S. 105 f., Anm. 8 f.

¹² *Winter F.* Parallelerscheinungen in der griechischen Dichtkunst und bildenden Kunst. — In: *Neue Jahrbücher für die klassische Altertum*, 1909, 23, S. 701 f.

¹³ *Ярхо В.* Композиция «Персов» Эсхила. — *Eirene*, 1967, 6, с. 35—52; *он же.* Композиция трагедии Эсхила «Молящие». — *Eirene*, 1970, 8, с. 5—21.

¹⁴ См. *Friedrich W. H.* Euripides und Diphilos. 2 Aufl. München, 1969, S. 16—18, 73 f., 105 f.; *Ludwig W.* Sapheneia. Ein Beitrag zur Formkunst im Spätwerk des Euripides. Tübingen, 1955; *Strohm H.* Euripides. München, 1957, S. 165—182; *Matthiessen K.* Elektra, Taurische Iphigenie und Helena. Göttingen, 1964, S. 16—92.

двух частей трагедии, хотя вторая часть и была на полсотни стихов короче первой. С другой стороны, если в «Персах» парод и эксод составляли 170 и 154 стиха, а в «Молящих» — 175 и 57, то зритель не мог не заметить, что в «Персах» обе партии хор уравнивают друг друга, а в «Молящих» замыкающий хор значительно короче начального. Если бы соотношение между ними было не 175 и 57, а положим, 140 и 60, общее впечатление насколько бы не изменилось. Еще менее справедливым было бы требовать от афинского зрителя, чтобы он ради числовых соответствий, выведенных современным исследователем, следил не за ходом действия, а за объемом отдельных речевых партий, и в одном случае складывал вместе части, отделенные друг от друга песнями хора, а в других — делил на части эпизодий, проникнутый единством содержания.

Это несколько затянувшееся отступление нужно для того, чтобы показать, как в целом ряде случаев членение текста «Киклопа», предпринятое Билем, исходит не из естественного развития мысли (хотя издатель специально оговаривает, что он стремился ее не нарушать, с. VII), а из насильственного введения справедливой по существу, но доведенной до абсурда идеи.

Так, первый эпизодий Биль, как мы видели, членит на отрезки в 120 и 154 стиха, — с этим трудно спорить, поскольку естественной цезурой служит выход Киклопа. Но вот во второй части пьесы имеются четыре сцены объемом последовательно в 108, 88, 32 и 46 стихов. Биль объединяет их по принципу опоясывающей рифмы и получает $108 + 46 = 154$; $88 + 32 = 120$, т. е. те самые числа, которые давал первый эпизодий. Следует, однако, спросить себя, кому из зрителей могло прийти в голову складывать вместе две части, отделенные друг от друга почти двумя сотнями стихов и тремя песнями хора, чтобы получить требуемое число 154? Почему вообще эпизодий II, в котором повествуется о страшной трагедии Киклопа и разрабатывается план освобождения и места, надо соединять с заключением пьесы, где торжествует спасительная хитрость Одиссея? Не более ли естественно сопоставить эксод II (ст. 664—709) с прологом (ст. 1—40), находя числовое равенство в двух партиях, обрамляющих пьесу по принципу контраста?

Переходя к членению отдельных речевых партий, мы находим наряду с более или менее естественным применением этого принципа ¹⁵ снова многочисленные натяжки. В первой половине 1 эпизодия, которую Биль членит на отрезки в $20 + 60 + 2$ раза еще по 20 стихов, он проводит линию раздела между стихами 101 и 102, 162 и 163. Но в первом случае обращение Одиссея к сатирам (ст. 96—101) примыкает по содержанию не к первым четырнадцати стихам, а к последующим шестидесяти, и тщательно выведенное соотношение 20 : 60 превращается в ничего не значащее 14 : 66. Во втором случае в ст. 162 Одиссей говорит сатирам: «Выносите сыры или ягнят», на что следует ответ Силена: «Я сделаю это, мало заботясь о своем господине», и дальше аргументирует свое отношение к Киклопу пристрастием к вину. Как можно проводить здесь цезуру между приказанием Одиссея и ответом Силена? Аналогичный случай — во второй части того же эпизодия, где Биль постулирует раздел между ст. 227 и 228. Здесь Киклоп говорит: «Я вижу... что старику наколотили лысину», что Силен подтверждает: «Увы, весь я горю, несчастный, от побоев!» (на самом деле, его бросающийся в глаза румянец — следствие выпивки). Ясно, что по содержанию здесь никакой цезуры нет, и Биль вводит ее только для того, чтобы поделить ст. 203—252 на две почти равных куски. Я уж не говорю о том, что ст. 350—355 он считает нужным приплюсовать к ст. 203—272, — это дает ему в сумме 77 стихов, т. е. столько же, сколько умещается между ст. 272 и 350! Ради этого магического числа Биль предпринимает еще одну ком-

¹⁵ Можно согласиться с делением пролога ($9 + 22 + 9$ ст.), членением большой речи Одиссея (382—436) на отрезки 14:13:14:14, хотя последние 28 стихов, на мой взгляд, естественнее поделить на $19 + 9$: членение мысли идет не перед καὶ δὲ в ст. 423, а перед ἀλλ' ἐῖπατε в ст. 427.

бинацию: в ст. 203—355 он приплюсовывает 28 стихов, произносимых Силеном, к 49 стихам Одиссея, а 8 триметров хора — к 69 стихам Киклопа. Снова получаем два раза по 77! Однако почему надо объединять партии Одиссея и Силеня, если последний принимает здесь сторону Киклопа, а хор поддерживает Одиссея? Коль скоро заниматься подсчетами, то можно сказать, что сумма стихов Киклопа и Силеня (97) на много превосходит число триметров у Одиссея и Корифея (57), из чего следует преобладающее положение в этой сцене противников Одиссея; надуманные же числовые комбинации только затемняют картину.

Последний пример. В эпизодии третьем (ст. 519—607) события развиваются в непрерывной последовательности: спаивание Киклопа, его действия в состоянии опьянения, удаление в пещеру и призыв Одиссея к осуществлению его плана. Только эти последние 18 стихов можно отделить от предыдущей сцены как вводящие поворот в сюжете. Между тем Биль и в предыдущих стихах проводит две цезуры: после ст. 538 и 565, чтобы разделить 70 стихов на отрезки в 20, 26 и 24 стиха, а затем сложить вместе $20 + 24$ и $26 + 18$, — выходит, что вся сцена делится ровно пополам: $44 + 44$. Что эти числа складываются из отрезков достаточно различного содержания, не принимается во внимание; точно так же игнорируется абсолютная невозможность цезуры после ст. 538 ($\tau\acute{\iota} \delta\rho\omega\mu\epsilon\nu \dots$ в ст. 539 противостоит отрыванию от предыдущей стихомифии 520—538) и после ст. 565 (приказ Киклопа Одиссею так же неубедительно обособляется от предшествующей сцены с Силеном). Из сказанного ясно, что я не могу согласиться с тем злоупотреблением статистикой, которому Биль так же подвержен в издании «Киклопа», как это было в изданиях «Ореста» и «Иона». Утешает сознание, что пользующиеся этими изданиями ограничатся изучением *conspectus metrorum* только в части, касающейся лирических партий, и не станут обращать внимания на достаточно искусственное членение, приведенное в тексте разговорных партий.

Как и во всех изданиях тойбнеровской серии, тексту пьесы предшествуют список изданий «Киклопа» (здесь по состоянию на 1983 г. добавить, кажется, нечего) и список литературы, в котором были бы желательны дополнения¹⁶. Следует надеяться, что они будут учтены во втором издании вместе с новым, вышедшим уже в 1984 г. изданием «Киклопа» в оксфордской серии¹⁷.

В. Н. Ярхо

¹⁶ Из работ общего характера отсутствуют: *Brommer F. Satyrspiele*. 2 Aufl. B., 1959; *Rossi L. E. Il dramma satiresco attico. Forma, fortuna e funzione*.— *Dialoghi di archeologia*, 1972, 6, p. 248—302; *Steffen V. De Graecorum fabulis satyricis*. Wrocław, 1979; *Sutton D. F. The Greek Satyr Play*. Meisenheim am Glan, 1980. Пропущена статья того же автора (*A Handlist of Satyr Plays*.— *HSt*, 1974, 78, p. 107—143) и еще три работы: заметка Черри к ст. 147 (*Riv. Filol.*, 1976, 104, p. 139—143); статья: *Seaford R. On the Origins of Satyr Drama*.— *Maia*, 28, 1976, p. 109—211; *Szilágyi J. Ein Satyrchor*.— *AAASH*, 1977, 25, S. 359—370.

¹⁷ *Euripides Cyclops* by R. Seaford. Oxf. 1984. Таким образом за шесть лет, с 1978 по 1984 г., вышло 4 отдельных издания «Киклопа» — едва ли не рекордная цифра в истории античной драмы!

FR. TISSOT. *Gandhara*. Paris, 1985, 256 p., ill.

Гандхара — крупная область на северо-западе Индостана (на территории Пакистана), вписавшая особую страницу в историю индийского искусства начиная с первых веков до н. э. и до середины I тыс. н. э. Литература по вопросам этого искусства огромна, но богатства его в плане дальнейшего изучения еще не исчерпаны. Наглядное свидетельство тому — книга «Гандхара», подготовленная одним из ведущих сотрудников музея Гиме в Париже Франсин Тиссо.

Книга эта входит в публикуемую музеем серию «Общественная и частная жизнь в древней Индии». Ей уже предшествовал ряд публикаций¹. Профиль этих изданий имеет целью исследование произведений искусства Индии, отражающих мир реалий древнеиндийского общества. Подход к этим произведениям в их эстетическом аспекте авторами не затрагивается — задача их ограничена выборками иконографического материала, дополненного некоторыми данными письменных и археологических свидетельств.

В трех первых главах книги обрисованы естественно-географические условия страны, ее историческая роль как места скрещения больших евразийских путей и историческая канва, которая определила зарождение, формирование, расцвет и упадок особой художественной школы, отличной от сложившихся в лежащих к востоку и югу областей Индостана.

Глава 1 (с. 17—20) содержит краткий обзор географического положения и природных особенностей Гандхары с ее горными кряжами и холмами, реками, среди которых — верховья Инда с притоками и Кабула, с ее плодородными долинами, обогащаемыми илом этих и множества малых рек, определивших развитие земледелия, а затем и формирование городской культуры.

В главе 2 «Гандхара, перекресток Евразии» (с. 24—26) дается перечень пересекавших страну путей начиная с доисторического периода, затем времени Ахеменидов, походов Александра Македонского, правления Ашоки из династии Маурья, периода варварских нашествий, путей китайских буддистов-пилигримов и, наконец, времени ислама, который проникает в эту зону в начале II тыс. н. э.

Глава 3 (с. 27—38) содержит краткие сведения по истории Гандхары. Излагая данные письменных источников, археологии, преданий, автор завершает эту главу рассмотрением роли буддизма,² с которым в основном и связаны произведения изобразительного искусства (преимущественно скульптуры), дающие автору материал для основного исследования.

Его открывает глава 4 «Архитектура и декор» (с. 39—65). Касаясь урбанизации и планировки городов, автор в основном использует данные археологических исследований городищ Шабаз-гари, Шахри-Бахлол, Харсада, Таксила. Интересно замечание автора об отсутствии в этой северо-восточной провинции древней Индии особых кварталов для отдельных каст, как это засвидетельствовано в других ее областях (с. 41). В этом аспекте вызывает сомнение правомерность соотнесения Б. А. Литвинским принципов застройки индийских городов первых веков до и после н. э. с городами Бактрии-Тохаристана². Индийские трактаты, на которые он ссылается, отражают градостроительные приемы древнеиндийского общества, прямо связанные с подразделением его на касты, а также с той ролью, которую играли в общественной идеологии буддизм и индуистские религии. В Бактрию-Тохаристан буддизм проникает в кушанскую эпоху, завоевывает здесь известные позиции, но не становится главной религией в этой стране, где преобладали авестийские верования (мы избегаем термина «зороастрийские», поскольку ортодоксального зороастризма западноиранского толка здесь не было). Отличия идеологического плана и иная структура социальных слоев бактрийского и индийского общества не могли не сказаться и на принципах общественного расселения. Гандхара же, находившаяся на стыке центральноазиатского и собственно индийского регионов, в большой мере тяготела к своему северо-западному окружению.

¹ La vie publique et privée dans l'Inde ancienne. Fasc. I — Auboyer J., Enault J. F. L'architecture civile et religieuse. P., 1969; fasc. II — Gobert J. Le mobilier. P., 1976; fasc. VII — Loth A. M. Les costumes. P., 1979; fasc. IX — Loth A. M. Les bijoux. P., 1972.

² Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-шах. М., 1983, с. 117 сл.

Изобразительные материалы впервые привлекаются начиная с раздела «Фортификация; городские стены» (с. 43—45). Упоминая об остатках фортификационных устройств, выявленных археологическими раскопками упомянутых городищ, автор привлекает изображения городских стен на гандхарских рельефах, которые восполняют сведения о верхних участках стен и башен, обычно отсутствующих на городищах. Таблица I и рисунки 11—12 дают представление об общем виде этих стен, фланкированных башнями, увенчанных прямыми зубцами, несущих ряд (или ряды) бойниц треугольной и стреловидной формы. Можно лишь не согласиться с утверждением автора, что на рельефах представлены башни как квадратные, так и полукруглые — последних здесь нет. Следовало бы также отметить особое устройство оснований башен (табл. I, рис. 5, 6) с дополнительными контрфорсными укреплениями их подножия.

Автор останавливается на изображении сельских жилищ в виде простых хижин, павильонов, небольших, иногда двухъярусных домов, выстроенных из дерева, оплетенных прутьями, покрытых соломой или обмазанных глиной (с. 46—47, табл. II, рис. 15—19). Особую группу представляют изящные павильоны, в основном предназначенные для размещения статуи Будды и бодисатв (рис. 20), квадратного или крестовидного плана, с деревянными колоннами, несущими деревянную конструкцию арочных перекрытий. Все эти детали в натуре до нас не дошли.

О городских жилищах и царских дворцах на рельефах позволяют судить в основном фрагменты интерьеров (с. 47—49, табл. V, рис. 21—22). Чаще всего они имеют трехнефную композицию: центральное помещение с плоским или трапециевидным плафоном и боковые галереи, основанные на колоннах с плоским или сводчатым перекрытием. Иногда на рельефах фигурирует фрагмент фасада — гладкая стена с дверью или двухэтажный фасад, этажи которого оживлены лоджиями. Здесь отмечается ряд интересных деталей, которые находят аналогии в сохранившихся зданиях буддийской архитектуры, — коринфизированные или композитные капители, карниз с треугольными дентикулами, орнаментированный фриз. Полного представления о композиции дома привлеченные в книге образцы не дают.

Значительно полнее информация об облике буддийских построек. Автор называет здесь храмы-чаитья, монастыри-вихара и сангарамы, ступы (с. 49—53). Однако на рельефах предстают лишь чаитья и ступы (табл. VI, VII, IX). Чаитья — небольшой монастырский храм — представлял собой двухъярусное сооружение с перекрытием в виде купола или трехлопастного свода. Здесь широко применен архитектурный декор — акантовая листва во фризах и на куполе, фигуры птицы Гаруда в оформлении свода. Вызывает, однако, сомнение истолкование автором фрагмента из собрания Лакхорского музея (табл. VI, рис. 2, с. 164) как «модели крупной чаитьи или небесного дворца». В действительности это модель крупной ступы, богато оформленной декором. Аналоги ее формы и оформлению дают ступы Хадды (Афганистан, провинция Нангархар), в декоре которых немало сходных орнаментальных и изобразительно-пластических мотивов³, а также изображение ступы на гандхарском рельефе из Бьюнера (Британский музей) (табл. IX, рис. 3).

Переходя к отдельным архитектурным деталям, автор выделяет проемы — двери, окна, их обрамления, наличники и орнаментику (с. 55—58, табл. XI). Здесь не лишне отметить многовековую преемственность орнаментальных мотивов на наличниках дверей в орнаментике деревянных плах в дошедшей до наших дней народной архитектуре горцев того же региона⁴. Балконы, галереи и портики составляли в стране жаркого климата неотъемлемый элемент — им посвящены особая таблица XII

³ *Barthoux J.* Les fouilles de Hadda, I. Stupas et sites. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. IV. P., 1933, fig. 89—91, 93, 94, 116, 126, 137, 176.

⁴ *Schmitt E.* Ornamente in der Gandharakunst und razenten Volkskunst im Hindu-kusch und Karakorum. Wiesbaden, 1971, Taf. IX—XVII.

и описание (с. 58). Следует подчеркнуть, что все они связаны с чисто индийской традицией, сохранявшейся в индийском зодчестве даже в эпоху ислама, диктовавшего замкнутость частной жизни, отраженную и в архитектурных формах.

В книге рассмотрены разновидности колонн, изображаемых на гандхарских рельефах (с. 59—61, 178, табл. XIII, рис. 73—75, табл. XIV), прямые прототипы которых дают и памятники архитектуры (табл. XV, рис. 79—86). В их числе — варианты так называемых индо-персепольских колонн, представляющих эклектическое сочетание сложнопрофилированных колонн индийской архитектуры с капителями ахеменидского типа. Другую группу составляют более поздние по времени появления «псевдокоринфские» колонны и преимущественно пилястры.

Анализируя декоративные элементы, автор особо выделяет те, которые, видимо, проникли в сако-кушанское время с запада (с. 63—64, 184, табл. XVI, рис. 88—92). В их числе — побеги виноградной лозы (иногда с фигурками детей и животных), эроты с гирляндами, гиппокампы, морские чудовища — иногда с фигурками оседлавших их обнаженных детей (впрочем, здесь следовало бы оговориться: сами эти чудовища воспроизводят фантастического «морского крокодила» — *макара*, созданного индийской фантазией), фигурки слонов. Отметим также мотив цветка или бутона лотоса.

В главе 5 «Костюмы и прически» (с. 67—97) подробно рассматриваются данные об одежде, украшениях, форме причесок и иных деталях, которые позволяют реально представить облик людей тех далеких времен. В этом аспекте изобразительное искусство восполняет то, чего почти не могут дать ни археология, ни описания древних, хотя автор и привлекает те скудные данные, которые содержит и эта группа источников. По ним, во всяком случае, определены основные разновидности материалов, из которых изготавливалась одежда (с. 67—69). Вначале рассматривается одежда чисто индийская (с. 69—73). Это паридхана (табл. XVII, рис. 99—102), набедренная повязка, у знатных юношей и особенно у бодисатв — пышно драпирующаяся, с многочисленными мягкими складками (табл. XXIV, рис. 105—108). Одеяние бодисатв дополняет большая шаль-уттария (рис. 109—121) — род мантии из куска ткани, достигавшего в длину пяти метров; она драпировалась от левого плеча к бедрам. Заслуживает внимания замечание автора, что если первоначально в скульптуре Гандхары ваятели воспроизводили уттарыи, «которые были у них перед глазами», то со временем возобладала стилизация, в которой многое уже было придумано ими самими (с. 71).

Далее рассматривается одежда монахов и в основном Будды, который носил монашеское одеяние (с. 71—73, табл. XXV — XXVI, рис. 122—128). Оно включало три вида: верхнюю одежду (антаравасака) в виде длинной и пышной юбки, поддерживаемой перевязью или поясом; монастырское одеяние в виде шали (саннакшика), окутывающей левое плечо и образующей на торсе многочисленные овальные складки; сангхати — мантию, в которую одевались монахи и Будда, когда они направлялись к мирянам и во время ритуальных церемоний, по существу дублирующую предыдущую, но покрывавшую весь торс. Автор считает, что более древними являются изображения Будды в сангхати, облегающем всю фигуру. Если же оно покрывает лишь левое плечо и часть торса Будды, — то это, по ее мнению, более поздние изображения, связанные с греческим временем и соответственно датирующиеся IV — V вв. (с. 73).

Выделяя на изображениях знатных мирян группу одеяний, которые в отличие от собственно индийских, выполнявшихся из целых кусков ткани, были кроеными и штыми, автор, как, впрочем, и ее предшественники, предполагает их иранское и среднеазиатское происхождение (с. 73—75, табл. XVIII, рис. 131—135). В гандхарской скульптуре это мягкая, длинная рубаша с вшитыми рукавами, треугольными концами, свисающими по бокам, перепосанная на чреслах; шаровары — облегающие или, наоборот, свободные, драпирующиеся косыми складками; военный костюм (в гандхарском искусстве довольно редкий), где выделяется тип обмундирования солдат и катафрактариев. К сожалению, автору осталась неизвестной статья М. В. Горелика «Ку-

шанский доспех», откуда можно было бы почерпнуть большой сравнительный материал⁵.

Особо выделены немногочисленные изображения одежд типа экзомиды и хламиды, возникшие под западным влиянием (рис. 136—140); этих изображений немного и в основном они связаны с образами Ваджрапани, Панчики, Куберы. Ф. Тиссо, безусловно, права, связывая эту одежду с эллинистическим влиянием и отказываясь в отличие от ряда авторов усматривать в них римскую основу.

В разделе о мужских шевелюрах и головных уборах (с. 77—80) рассмотрение начинается с куафюры Будды. Ее эволюция излагается согласно А. Фуше — от реализма к стилизации⁶: вначале слегка волнистые волосы облегают череп и собраны наверху пучком, как это было принято у индийских аскетов; затем — волнистые волосы, убранные назад и покрывающие надтеменную выпуклость; далее у этой выпуклости они перетянуты тесьмой, причем эволюция идет от естественной волнистости прядей к распределению их параллельными рядами полузавитков и, наконец, преобразованием в улиткообразные налепы (табл. XXVI, 6—9) — последний тип автор склонна связывать с периодом Гуптов (с. 78). На это можно возразить, что все три типа встречаются и в единых скульптурных группах, как мы это видим в двух буддийских святилищах Дальверзин-тепе, относящихся к великокушанскому и кушано-сасанидскому времени, и где имеется еще одна разновидность — разработка волос S-образными углублениями.

Говоря вкратце о прическах простолюдинов (с. 78), автор отмечает их короткую стрижку при разнообразии форм и укладки волос. Далее речь идет о головных уборах «чужестранцев» — в виде высокого клобука, или «фригийского колпачка», или каски, увенчанной шапкой птицы. Из головных уборов второстепенных божеств отмечена характерная шапка Индры (мукута), а у божеств «иранского» происхождения — Панчики, Куберы — богатый тюрбан, возможно, повторяющий тюрбаны правителей, современных созданию скульптуры. На изображениях военных солдаты предстают с непокрытыми головами, офицеры же — в касках, несколько варьирующих по форме.

Особо выделены прически и головные уборы бодисатв, а также молодых щеголей. У бодисатв они характеризуются исключительным разнообразием укладки вьющихся волос — волнистыми прядями или спиралевидными локонами, подхваченными нитями или повязками из драгоценных камней (табл. XXVIII). Исключительно разнообразные головные уборы, несомненно, повторяющие современные ваятелям уборы правителей и знати (табл. XXIX — XXXI, рис. 172—183), — это украшенные драгоценностями тюрбаны самых различных форм и декора.

В этой же главе рассмотрены типы обуви. Если мужские персонажи на гадхарских рельефах (в том числе Будда и бодисатвы) предстают в подавляющем числе, как и трудовое население современной Индии и Пакистана, босыми, то «иноземные» обитатели страны обуты в сапожки, полусапожки и сандалии.

Далее автор переходит к характеристике женских одеяний (с. 80—82), для которых характерны чисто индийские типы — паридхана и доньяне столь распространенные в Индии сари, дающие возможность разнообразного по драпировке облачения. Автор справедливо предполагает богатство употреблявшихся для них тканей и их расцветок. Ноги обычно босы. С эллинистическим влиянием связаны некоторые женские образы в хитонах или туниках. Женские прически представляют собой косы, спускающиеся на спину, лицо обрамляют пышные пряди, стянутые повязкой, иногда украшенной драгоценностями (с. 82—83). Головы принцесс и некоторых богинь увенчаны диадемой, покрытой драгоценностями, и сходны с подобными богатыми го-

⁵ Горелик М. В. Кушанский доспех. — В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 82 сл.

⁶ Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhara. P., 1951, p. 289.

ловными уборами мужчин. Упоминаются *явани* в касках военного типа и богиня-покровительница городов в зубчатой короне — образ, явно связанный с греческой Тихе.

В главе 6 рассматриваются всевозможные украшения, преимущественно ювелирные (с. 85—97). Поскольку вопрос этот по материалам изобразительного искусства был ранее уже освещен в книге А. М. Лот, автор особо останавливается в приложении 3 на технике ювелирного дела (с. 139—143). Существенно замечание о том, что техника чисто индийская или имеющая западное происхождение здесь сочетается с приемами и формами, связанными с традициями кочевников и привнесенными в период их продвижений на юго-восток. Создателями их автор считает «эллинизировано-скифских мастеров, оставшихся варварами или же испытывших индийское влияние» (с. 85).

Автор останавливается в основном на украшениях бодисатв, имитирующих нередко ювелирные украшения местных царьков и принцев, и на некоторых статуях чужеземцев, о которых уже упоминалось в разделе, связанном с мужскими и женскими куафюрами. Рассматриваются перевязи волос в виде жемчужных нитей, по-разному подхватывавших длинные волнистые пряди, дается классификация тех разнообразных и исключительно богатых по оформлению трансформированных тюрбанов, элементами которых является тканевая основа. Она иногда перехвачена сложными узлами и почти сплошь покрыта накладными ювелирными украшениями, включающими надлобный крупный драгоценный камень, симметрично распределенные камни, а также изобразительные мотивы, в натуре, очевидно, выполнявшиеся в золоте. В числе их Гаруда, лев, морской крокодил-макара, змеевидные чудовища.

Далее описываются серьги (с. 89, рис. 206—212, табл. XXXII), кольцевидно охватывающие мочку или имеющие вид подвесок — среди последних интересны серьги в виде крылатых львов — мотив, заимствованный еще из ахеменидского искусства. Для роскошных мужских ожерелий (с. 90—92, табл. XXXIII, рис. 213—216, 158—160) наиболее характерны двухрядные ожерелья бодисатв: одно из них плоским кругом охватывает шею, второе опускается на грудь несколькими тяжелыми нитями с изогнуто-цилиндрическими перехватами внизу (нередко в виде фантастических существ), скрепленными центральным кабошоном. Нелишне было бы отметить реальность данного вида ожерелий, подкрепленную находкой подобного рода мужского кольца в составеклада золотых вещей I в. н. э. из Дальверзин-тепе, куда оно скорее всего попало именно из Гандхары⁷. Автор подчеркивает, что данный тип ожерелий нетипичен для Индии, равно как и те массивные «брассары» — браслеты у предплечий (рис. 223—225, табл. XXXIV), которые характерны для бодисатв: в орнаментике последних усматривается общность с мотивами сакского искусства (с. 93).

Рассматриваются также типы браслетов и украшения ремней сандалий (табл. XXXIV). Здесь следовало бы отметить, что эти браслеты отличны от тех, что были найдены при раскопках в Таксиле⁸ и аналогичные которым также содержал Дальверзинский клад⁹. Разумеется, «нет» не значит «не было», но, очевидно, брассары на скульптурах бодисатв передают какой-то редкий, предназначенный лишь для высшего аристократического круга Гандхары тип мужских украшений. При рассмотрении женских украшений (с. 94—97) также выделены детали оформления куафюр, серьги, подвески, ожерелья, пояса, наручные украшения (браслеты, кольца и др.). Они, однако, скромнее мужских, даже если представлена богиня (Харити) или царица (Майя) (табл. XX — XXII).

Глава 7 «Повседневная жизнь в искусстве Гандхары» (с. 99—124) интересна подборкой объектов материальной культуры гандхарского общества. Это предметы мебе-

⁷ Пугаченкова Г. А. К открытию надписей кхарошти на золотых предметах Дальверзинскогоклада.— ВДИ, 1976, № 1, с. 66, рис. 3; она же. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978, с. 96—97.

⁸ Marshall J. Taxila. V. III. Cambr., 1951, pl. 195—196.

⁹ Пугаченкова. Художественные сокровища Дальверзин-тепе, с. 94—96.

ли — троны правителей и трон Будды (он, согласно нормам буддизма, отличался большой скромностью), ложа, табуреты, складные столики для пищи, зонты (табл. XXXV, XXXVI, XXXVIII). Интересна выборка сосудов (табл. XXXVII), состав которых, правда, ограничен, но аналоги которым дают некоторые сосуды из находок в Таксиле, светильники, такие предметы, как весы, книги, предметы письма (последние в виде деревянных дощечек, на которых в Индии обучались письму до недавних пор), предметы туалета (зеркала, коробочки, гребни, веера), мухобойки.

Особо говорится об играх, предметах спорта, но в основном по материалам археологических находок. Существен раздел, касающийся вооружения (с. 112—115, табл. XI, рис. 263—269). О нем уже говорилось в связи с военным доспехом в разделе «Костюм», здесь же даны выборки из гандхарских рельефов — типы лука, меча, копья, из защитного оружия — щиты с деталями их оформления. Характеристика вооружения дополняется также материалами из археологических находок в Таксиле и изображениями на монетах.

Особо рассматриваются музыкальные инструменты (с. 115—121; табл. XI: I, XI : II, рис. 272—281). В их числе ударные (кроталы, тарелки, барабаны), струнные — (дуговая и треугольная арфы), щипковые (лютни двух типов), духовые (горизонтальная и вертикальная флейта). Исполнителями являются преимущественно женщины. Следует отметить, что общий состав этого инструментария близок к тому, что мы находим в Средней Азии кушанского времени¹⁰. Вместе с тем автор справедливо выделяет оригинальный рельеф из Кливлендского музея, где представлен оркестр, участники которого — мужчины в кушанских костюмах и заостренных клобуках (рис. 271), а состав инструментов не совпадает с тем, который присущ индийскому оркестру.

Последний раздел касается транспортных средств, какими они предстают в гандхарских рельефах (с. 121—124, табл. XI : III, рис. 282—287). Транспортные животные — это лошади, верблюды, слоны, буйволы или быки и даже бараны, которых запрягали в детские тележки. Изображены также телеги, повозки, двухколесные колесницы и квадриги.

В кратком «Заключении» (с. 125—128) автор вновь возвращается к истории Гандхары, но уже с точки зрения развития гандхарской скульптуры. Основной ее вывод: гандхарское искусство имело локальную индийскую основу — в противовес мнению ряда западных исследователей, которые рассматривали его как запоздалую ветвь эллинистического (и добавим еще определеннее — римского. — Г. П.) искусства, в то время как в действительности это был особый историко-культурный регион, сам оказавший влияние на искусство некоторых индийских и центральноазиатских областей (с. 128). Эта оценка созвучна той, к какой пришли и мы в книге «Искусство Гандхары»: искусство это «формировалось в широких взаимосвязях с искусством других регионов античного мира — Греко-Бактрии и Парфии, эллинистических государств и восточноримских провинций, сопредельных областей Индии и Паропамисада, но главным центром его оставалась сама Гандхара и главным создателем — ее высокоодаренный народ»¹¹.

В рецензируемую книгу включено также три приложения: синхронистическая таблица, в которой отражена роль различных народов, привителей и регионов, связанных с историей Гандхары; рассмотрены вопросы о материале и моделировании скульптуры, о материалах и технике ювелирного дела; дана библиография.

Специалисты разного профиля будут признательны Ф. Тиссо за проделанный ею тщательный, очень доброкачественный по всем своим параметрам труд, содержащий хорошо изученный и систематизированный материал.

Г. А. Пугаченкова

¹⁰ Вязго Т. В. Музыкальные инструменты Средней Азии. М., 1980.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М., 1982, с. 181.

«Размышления» Марка Аврелия, вышедшие в серии «Литературные памятники» АН СССР в русском переводе с обстоятельными комментариями и статьями А. И. Доватура, Яна Унта и А. К. Гаврилова, — единственный в своем роде из дошедших до нас памятников античной литературы. Принадлежит ли сохранившееся в рукописной традиции заглавие этой книги «К самому себе» ее автору, римскому императору Марку Аврелию Антонину, или — что более вероятно — возникло уже после его смерти, в нем раскрыта основная черта, определяющая жанровый характер «Размышлений»: они не обращены к тому или иному кругу читателей и, более того, не предполагают наличия какого-либо читателя помимо самого их автора, а представляют собой отражение той определяющей поведения человека морализирующей внутренней беседы с самим собой, которая, согласно стоическому учению, отличает «мудреца» (σοφός) или хотя бы «продвигающегося к мудрости» (προήκτιον) от чуждого философии «обывателя» (ἰδιώτης). Поэтому входящие в сборник отдельные записи в отношении их литературной формы весьма различны: наряду с тщательно обработанными законченными в себе «размышлениями» и афористически заостренными краткими формулировками, содержащими ту или иную норму жизненной практики, — например 9, 5: «Часто несправедлив тот, кто не делает чего-либо, а не только тот, кто что-либо делает», — мы находим здесь и такие записи, смысл которых уясняется только при сопоставлении с другими местами «Размышлений», не чуждающихся вообще неоднократного возвращения к одной и той же теме. Так, запись 7,12: «Исправен или исправляем» — не что иное, как напоминание самому себе об уже сделанной более обстоятельной обработке той же противоположности между прямым душевным складом мудреца и нуждающимся в постоянном воздействии извне состоянием «продвигающегося» — 1,15; 3,5. Наконец, можно указать и такой пример, где сама форма записи представляет лишь ссылку на общеизвестный басенный сюжет о полевой мыши в гостях у мыши домашней — 11,22: какими ассоциативными нитями этот сюжет связывался у Марка Аврелия с волнующими его этическими проблемами, остается загадкой.

Такой характер памятных записей Марка Аврелия чаще, чем в каком-либо другом тексте, ставит их интерпретатора и переводчика перед вопросом, допускает ли данное место удовлетворительное истолкование или здесь приходится признать порчу текста в рукописном предании, требующую внесения той или иной поправки. Это обстоятельство учтено редакцией рассматриваемой книги, и среди содержащихся в ней «Приложений» к переводу А. К. Гаврилова важное место принадлежит текстологическим примечаниям, в которых переводчик обосновывает выработанную им конституцию греческого текста «Размышлений». Следует, однако, заметить, что надлежащим образом использовать этот текстологический комментарий читатель может только имея перед собой какое-либо критическое издание греческого оригинала. Если бы греческий текст был напечатан вместе с русским переводом — наподобие того, как это сделано, например, в выпущенном издательством «Наука» в 1970 г. собрании отрывков Демокрита (С. Я. Лурье), то объем книги увеличился бы лишь на одну четвертую часть, а ее научная весомость возросла бы в значительной степени.

Общий принцип, из которого исходит А. К. Гаврилов в своей критике текста, сформулирован им на с. 221: «что касается общих чтений ТА (и прочих рукописей), мы... склонны доверять им в трудных случаях и скорее подбирать смелое толкование, чем принимать смелые исправления». Как общее правило, такой консервативный подход к рукописному преданию возражений не вызывает, но он все же не исключает необходимости индивидуальной оценки предлагавшихся исследователями поправок даже в тех случаях, когда затронутое ими чтение АТ не содержит явственной порчи текста. Так, сохраняемое А. К. Гавриловым чтение АТ δεινὸν φύσιν (7,23), на пер-

ый взгляд допускающее удовлетворительное истолкование (которое и дано в переводе в рассматриваемом издании), несомненно должно уступить место убедительной поправке А. Наука θεωρητικόν, впервые раскрывающей мысль автора «Размышлений» со всей отчетливостью.

Такие случаи единичны, и в целом следует признать реконструкцию текста «Размышлений», выработанную А. К. Гавриловым и лежащую в основе предложенного им перевода, за ощутимый шаг вперед по сравнению с новейшим критическим изданием Дальфена (1979).

Перевод А. К. Гаврилова превосходно воспроизводит сжатый, конспективный язык «Размышлений». Особую трудность для переводчика представляла передача своеобразной этической терминологии стоической школы. А. К. Гаврилов поступил правильно, отказавшись в ее передаче от использования современной философской терминологии, которое, не говоря уже об анахроничности, резко нарушило бы характеризующий «Размышления» просторечный стиль, близкий к стилю эллинистической философской диатрибы. Достигнуть при этом полной адекватности и обратимости русских соответствий терминам греческого оригинала было невозможно, но этот недостаток в значительной мере восполнен наличием в составе приложенных к переводу вспомогательных материалов тщательно разработанного словаря философских терминов, в котором не только приведены греческие соответствия, но и указаны важнейшие записи, иллюстрирующие употребление каждого данного термина.

Важным дополнением к переводу служит обширный экзегетический комментарий Яна Унта (с. 170—218), нередко перерастающий в специальные экскурсы историко-философского содержания. Многочисленные перекрестные ссылки к отдельным записям и указаниям на параллельные места в смежных источниках также позволяют вдумчивому читателю углубить свое понимание основного текста «Размышлений».

Автору экзегетического комментария принадлежит и статья общего характера «Размышления» Марка Аврелия как литературный и философский памятник (с. 94—115). Статья посвящена в основном выяснению жанровой природы «Размышлений». Тщательное рассмотрение записей Марка Аврелия приводит автора статьи к заключению, что они не являются ни литературным произведением, задуманным как таковое, ни отражением сколько-нибудь оригинальной философской системы. «Тем не менее, оказавшись своеобразным памятником мало документированной эпохи позднего стоицизма, с одной стороны, с другой же — представляя собой литературное самовыражение незаурядной личности римского императора, записки Марка Аврелия получили косвенно ценность важнейшего источника, а сами по себе являются произведением, которому невозможно отказать в значительной энергии мысли и слова» (с. 115).

Вводная статья А. И. Доватура «Римский император Марк Аврелий Антонин» (с. 76—93) ставит «Размышления» в надлежащую историческую перспективу и выясняет их связь с общим мировоззрением Марка Аврелия, называющего себя гражданином Рима и мира (6,44). Затронут здесь и вопрос об отношении Марка Аврелия к христианству, получившему в эту эпоху значительное распространение в Римской империи. Полезным дополнением к этой статье служит содержащийся в книге краткий хронологический обзор века Антонинов (с. 242—243).

Статья А. К. Гаврилова «Марк Аврелий в России» (с. 116—169) раскрывает широкую перспективу восприятия Марка Аврелия русской культурой, начиная с упоминаний о нем как о мудром и добродетельном государе в переведенной с греческого в XI в. хронике Георгия Амартола и в древнерусских хронографах, и до сцены толкования избранных мест из Библии, Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия и Конфуция, развернутой Константином Вагиновым в «Трудах и днях Свистонова». Монографический обзор А. К. Гаврилова по глубине исторического осмысления собранного и обработанного в нем богатейшего фактического материала с полным основанием можно охарактеризовать как диахронический разрез в истории русской интеллектуальной культуры.

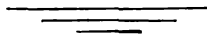
Особенно ярко проявляется тонкость и плодотворность исследовательского ме-

тода А. К. Гаврилова в параграфах, посвященных Льву Толстому. Сам автор выделяет это место своей статьи следующим замечанием (с. 155): «Мы так подробно остановились на этой ступени рецепции Марка Аврелия в России потому, что выяснение причин обращения Толстого к Марку Аврелию позволяет, нам кажется, не только пояснить содержание многих воззрений Марка Аврелия, но иногда и выявить в них иначе не заметные черты. Дело в том, что прочувствованная Толстым близость к Марку Аврелию привлекает внимание к бунтарским черточкам последнего, которые не бросаются в глаза сразу, потому что преодолены чувством долга и вкусом к порядку. Между тем их не так мало».

Научное значение исследования, выполненного А. К. Гавриловым, заслуживает тем более высокой оценки, что влияние «Размышлений» Марка Аврелия на другие европейские литературы, как отмечено в рассматриваемой книге (с. 169), до сих пор не описано. В этом отношении пример настоящего русского издания Марка Аврелия может послужить побудительным стимулом.

Как явствует из сказанного, это издание — выдающийся вклад в серию «Литературные памятники», выпускаемую Академией наук СССР.

Я. М. Боровский

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. Л. УТЧЕНКО

1 декабря 1986 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоялись научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, которые ежегодно проводит сектор древней истории. В них приняли участие историки, археологи, филологи институтов Академии наук СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГПИИЯ им. Мориса Тореза, МГПИ им. В. И. Ленина и других научных учреждений и вузов.

Во вступительном слове зав. сектором *Е. С. Голубцова* говорила о том, что в 1986 г. чтения памяти С. Л. Утченко посвящаются теме «25-летие „Эйрене“ и роль С. Л. Утченко в ее организации». С. Л. Утченко вместе с *Е. М. Штаерман* участвовал в работе I Учредительной конференции «Эйрене» в ЧССР. Известна его последующая деятельность в этой важнейшей организации античников социалистических стран.

После выступления *Е. С. Голубцовой* был зачитан неопубликованный очерк С. Л. Утченко об Ереване. По предложению Сергея Львовича Ереван в 1976 г. стал местом проведения XIV Международной конференции «Эйрене». С. Л. Утченко очень любил Ереван и хорошо знал его историю и архитектуру. Это нашло отражение в его очерке, посвященном прошлому Еревана, современному облику и людям. Возможно, готовя XIV конференцию «Эйрене», С. Л. Утченко предполагал использовать материал очерка во вступительной речи при открытии конференции, но не дожил до нее всего лишь 16 дней.

После чтения текста С. Л. Утченко были заслушаны шесть докладов, посвященных различным проблемам изучения истории и культуры античного общества.

Доклад *В. А. Головиной* «Место Герзейской культуры в развитии додинастического Египта» был посвящен обзору и анализу совокупности инноваций, присущих Герзейской культуре, предшествующей династическому этапу в истории древнего Египта. Число и характер этих новшеств, проявившихся в пределах относительно краткого исторического периода как в области материальной культуры, так и духовной, заставляет вновь обратиться к проблеме взаимоотношения насельников Египта и их соседей во второй половине IV тыс. до н. э.

Доклад *Л. С. Ильинской* «Новое о давнах (археологические находки в Апулии)» был посвящен изучению проблем истории и культуры небольшого народа — давн ов, заселявших в I тыс. до н. э. Апулию. В дополнение к известной уже в прошлом веке давнской керамике в Апулии с 1962 г. стали находить антропоморфные надгробные стелы из белого известняка с прикрепленными конусами или сферами голов (вторая половина VII—VI в. до н. э.). Судя по опубликованным *М. Л. Навой* корпусам этих стел, к настоящему времени из фрагментов полностью собрано 596 памятников. Из них 82 имеют рельефное изображение оружия (круглого щита с задней стороны стелы, закрывающего грудь панциря и вложенного в ножны меча), а 514 имитируют расшитую одежду и украшения (ожерелья, фибулы, ленты, подвески). На это как бы воплощенное в камне тело покойника нанесено множество сцен, развернутых в оставшихся свободными от орнамента, украшений или оружия пространствах. На них — погребальные трапезы; поединки; траурные процессии под звуки музыки; жертвенные возлияния, которые в ситулах или иных сосудах несут на головах то женщины, то некие птицеголовые существа с человеческим телом; охота пешая и конная, с собаками и без них; война и отдельно изображенные колесницы или оружие; кораблики с четырехугольным парусом и небольшим экипажем; встречи или беседы двух персонажей, охотящиеся или спокойно стоящие животные и птицы; чудовища и фантастические существа и другие мотивы. В качестве фона этих сцен — животные (чаще всего волки и зайцы), птицы (преимущественно водоплавающие и ласточки), реже рыбы, а также символы плодородия.

Изображения эти дают представление об уровне развития давнского общества до поглощения его греками, показывают различные стороны его жизни — место в ней охоты, но также и земледелия (сцены растирания зерна на жерновах), ткачества (женская фигура перед ткацким станком, сценки ткачества), мореплавания, военного дела

(разнообразное оружие, колесницы, военные сцены) и даже музыкального искусства (лира, форминга). Вместе с тем они документируют религиозную идеологию давнов. С одной стороны, широко представлен сам погребальный обряд; с другой — речь идет о каком-то символическом языке, который еще предстоит разгадать, но отдельные его символы могут быть поняты уже сейчас благодаря параллелям в религиях других древних народов Центрального Средиземноморья. Неожиданно раскрывшиеся иллирийские параллели позволяют подтвердить сведения античной традиции о балканском происхождении этого народа.

В докладе *А. А. Масленникова* «Исследование античных памятников Крымского Приазовья» отмечалось, что изучение античных памятников этого района, большая часть которых открыта в течение последних десяти лет, проводится Восточно-Крымской экспедицией с 1975 г. Многие из этих памятников достаточно хорошо сохранились и прежде совершенно не рассматривались. В целом эти античные памятники охватывают хронологический период от рубежа VI—V вв. до н. э. до VI в. н. э. Типологически они различны: среди них есть и маленькие городки (Зенонов Херсонес), и, вероятно, «усадебные» или комплексы храмово-хозяйственных построек (Генеральское-Западное), сторожевые купиды небольшого размера (у скалы Салачик), форты-крепости (Багерово-Северное, Ново-Отрадное, Артезиан), простые (Куль-Тепе-Западное) и сложные (Зеленый мыс, Полянка, Генеральское-Восточное и др.) поселения, селища IV—III вв. до н. э. и III—IV вв. н. э. Многие из перечисленных памятников эталонны для своего типа. Археологические исследования памятников Крымского Приазовья способствуют уточнению хронологии и значительно обогащают наши знания по многим вопросам истории этого региона Боспорского государства. Доклад сопровождался демонстрацией слайдов.

В своем докладе «Новый папирусный фрагмент древнегреческого мима» *В. Н. Ярхо* говорил о недавно опубликованном папирусном отрывке древнегреческого мима (Р. Оху. 53, 1986, № 3700). Папирус, относящийся к середине I в. н. э., представляет собой колонку с поврежденным левым краем. Тем не менее общее содержание сохранившегося отрывка ясно. Оно таково. На стук в дверь кто-то выходит навстречу незнакомцу, который убеждает вышедшего, что они давние приятели. Привратник (будем называть его так) не признает этих притязаний и советует пришельцу убираться восвояси, возмущаясь тем, что тот, будучи бедным, хочет предаваться любви. Очевидно, этот разговор происходит перед дверью публичного дома, и ситуация напоминает содержание давно известного остракона Рейнака, где с такой же претензией выступает какой-то пьяный. Главную трудность в толковании нового отрывка составляют две начальные строчки: здесь упоминается «победоносный Геракл» в качестве «служанки Омфалы». Привлекает «сообщение Плутарха («Перикл», 24), докладчик высказывает предположение, что дошедший до нас новый папирусный отрывок представляет собой начало мима, дальнейшее содержание которого носило характер пародийной травести с участием Омфалы в качестве содержательницы публичного дома и Геракла в роли ее прислужницы. Для подтверждения этой мысли были приведены параллели из сохранившихся папирусных тестов других древнегреческих мимов.

В докладе *А. И. Павловской* «Социально-психологический климат в Теадельфии в IV в. н. э. (по папирусам из архива Сакаона)» говорилось о начавшемся в первые десятилетия IV в. запустении этой комы и его проявлениях в социальной жизни и взаимоотношениях кометов. Основной причиной экономического упадка был недостаток воды для орошения полей, приведший к резкому сокращению посевных площадей и быстрому росту налогового задолженности. Папирусы рассказывают о нарушениях в работе оросительной системы из-за нерадивости администрации, ведавшей орошением, о безуспешных попытках представителей комы добиться исключения Теадельфии из числа «процветающих ком», изъятия бесплодных земель из площади, подлежащей обложению, снижения налогов на остальную, плохо орошаемую землю (p. Thead. 14; 16; 20; p. Ryl 653).

Постоянная угроза обнищания, репрессий за неуплату налогов и голодной смерти меняет стереотип жизни и поведения кометов, разрушает общинные связи. Более активные из обедневших кометов навсегда покидают свои земельные наделы и дома и всей семьей бегут в другие номы, под «покровительство» богатых землевладельцев, нуждающихся в рабочей силе. Однако представители оставшихся в коме жителей разыскивают сбежавших и просят центральную администрацию насильственно вернуть в кому беглецов и заставить их платить падающие на их землю налоги (p. Thead. 17). В условиях общего обнищания комы некоторые семьи (и прежде всего семья Сакаона, занимавшего почти постоянно должность комарха), перестроив свое хозяйство на разведение овец и коз, не только не обеднели, но даже увеличили свое состояние. Семья Сакаона представляла своего рода клан, включавший и обедневших эксплуатируемых родственников-кометов, и живших в городе родителей, обеспечивавших обработку и сбыт шерсти (p. Strassb. 4; p. Thead. 7; p. Arch. Sak. 46, 59—60, 68—69 и др.).

Пользуясь связями с новой администрацией, Сакаон в качестве комарха создал обстановку произвола в коме, злоупотребляя своей властью по отношению к некоторым кометам, и в частности к семье Меласа, сына Гераклида (р. Thead. 45). Весьма характерна петиция Зоила, сына Меласа, диакона католической церкви (SB, 9622 = р. Arch. Sak. 48), датированная 343 г.: в ней перечисляются насилия, совершенные Сакаоном и его близкими в предшествующие годы, при этом они обвиняются в презрении к «существующей теперь справедливости» (*εὐνομία*) и христианскому образу жизни и выражается надежда, что обидчики, наконец, понесут наказание. По содержанию и по времени написания (вскоре после эдикта 341 г. о запрещении языческих жертвоприношений и обрядов) этот документ против Сакаона, по-видимому, не принадлежавшего к католической церкви, позволяет предполагать, что социально-психологический климат в Теадельфии осложнялся не только экономическими трудностями, но и социальными и религиозными столкновениями между кометами.

В докладе А. А. Чекаловой «Римская и константинопольская сенатская аристократия в IV—VI вв. (опыт сравнительной характеристики)» было проведено сравнение социального состава и принципов формирования сенаторского сословия Запада и Востока. Докладчица отметила, что если ядро римского сената (при всех постигших его потрясениях в ходе кризиса III в.) составляла родовитая римская знать, то константинопольский сенат состоял главным образом из представителей высшей гражданской и военной администрации и придворных, т. е. лиц, группировавшихся вокруг императора. Иными словами, если на Западе сенат и высшая имперская администрация были отделены друг от друга, то на Востоке именно придворные и представители государственного аппарата составляли сенат. Специфика формирования константинопольского сената обусловила постоянное обесценение титулатуры знати, более высокую социальную мобильность на Востоке, а также своеобразие материальной базы константинопольских сенаторов, которые в большинстве своем были значительно беднее римских магнатов.

Закрывая научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, Е. С. Голубцова поблагодарила выступавших и отметила, что все заслушанные доклады представляют большой научный интерес.

PSEUDO-ARISTOTELIS
DE AUSCULTATIONIBUS MIRABILIBUS
ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ
РАССКАЗЫ О ДИКОВИНАХ

Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии *Н. А. Поздняковой*

Предлагаемые читателям «Рассказы о диковинах» издатели традиционно включают в *opera minora* Аристотеля, хотя, по всей видимости, Аристотелю они не принадлежат, а составлены одним из авторов перипатетической школы около III в. до н. э., как полагают некоторые исследователи¹. По содержанию это небольшое произведение относится к корпусу сочинений парадоксографов². Отечественная наука об антично-

¹ В западной историографии парадоксография исследовалась в работах А. Вестерманна, Ф. Якоби, Э. Шварца, Ф. Суземиля, Э. Миллера, Э. Роде, Б. П. Реардона и др. Общие сведения о парадоксографических сочинениях собраны в статье К. Циглера в RE, XVIII, 3, Sp. 1137, s.v. Paradoxographi. См. также *Giannini A. Da Omero a Callimaco: motivi e forme del meraviglioso. Parte I.* — *Rendiconti Istituto Lombardo, Classe di Lett. e scienze Morali e Storiche*. V. 97, fasc. II. Milano, 1963; *idem. Studi sulla paradossoграфия Greca. Parte II. Da Callimaco all'età imperiale: la letteratura paradossoграфия.* — *Acme. Annali della Facoltà di Filosofia Lettere dell' Università Statale di Milano*, 1964, v. XVII, fasc. 1.

² Основные критические издания: *Westermann A. Παράδοξογράφοι. Scriptores rerum mirabilium Graeci*. Brunsvige, 1839; *Keller O. Rerum naturalium scriptores graeci minores*. I. Lipsiae, 1877; *Jacoby F. FGrH II B (N 257) 1169 sq.*; *Giannini A. Paradoxographorum Graecorum reliquiae*. Milano, 1965.

сти мало внимания уделяла парадоксографии, так что читатель вправе спросить, что же представляют собой парадоксографические сочинения?

Само название — парадоксография — позднего происхождения³. В древности этих авторов обычно называли *οἱ ἐπὶ τοῖς θαύματι* (Paus., VIII, 46, 5). Парадоксографическое сочинение, обычно небольшое по объему, представляет собой систематизированное собрание сведений, извлеченных из контекста других — философских, исторических или естественнонаучных — произведений. Отобранные парадоксографом сюжеты содержали всякого рода занимательную информацию: загадочные явления природы, этнографические описания, обычаи и социальные устройства обитателей далеких земель, необычные архитектурные сооружения, мифические версии истории, связанные с деятельностью легендарных героев (Гераклом, Диомедом, Дедалом и т. п.), так называемые историко-географические древности. Парадоксографический сюжет, акцентирующий внимание читателя на занимательном и неожиданном и пересматривающий традиционные представления, воспринимался буквально в качестве *παρά δόξαν*, т. е. *contra opinionem* (как и аналогичные сюжеты *παρά λόγον*, *παρά νόμον*, *παρά φύσιν*, *παρά φύσιν* *νόμου*). «Необычное» и «удивительное» (*παράδοξον*, *θαυμάσιον*) были ключевыми понятиями парадоксографической литературы⁴.

В качестве особой разновидности литературы парадоксографические сочинения были широко распространены начиная с III в. до н. э. До этого времени разнообразные парадоксографические сюжеты встречаются в произведениях поэтов, философских трактатах, исторических хрониках, периплах, сборниках мифов, утопиях и пр. До выделения парадоксографического сюжета из контекста какого-либо произведения из-за его необычности или занимательности сюжеты эти оставались принадлежностью греческой и эллинистической традиций научного знания. В этом смысле парадоксографию можно рассматривать и как часть эллинистической науки.

Две особенности парадоксографического произведения — информативность и занимательность — обеспечили ему в древности большую популярность. Очевидно, однако, что этот вид литературы не мог оставаться неизменным на протяжении нескольких столетий, поскольку и сам характер объяснения природы и места в ней человека не был неизменным в различных философских школах и направлениях в системе общественных идеологий античности.

Если устройство универсума, космогонические теории занимали главное место в философии досократиков, то моральная философия со времени Сократа уже мало интересовалась природой универсума или необходимостью, благодаря которой движутся небесные тела. Вопрос о начале и причине возникновения мира и человека, занимавший умы философов, в представлениях древних непосредственно связывался с учением о живом и едином космосе, и поскольку он един и взаимоодушевлен, гарантом чего выступал божественный разум, — целостность универсума явлена во множестве «знаков», открываемых некоторым смертным. Умение⁵ «читать знаки» — отражение разумной воли божества — лежало в основании большинства околонуточных представлений античности: астрологии, онирокритики, физиогномики, которые для античного стереотипа мышления имели такое же право на существование, как математика, астрономия, медицина, поскольку оперировали знакомыми каждому философу понятиями, связан-

³ В выборе между синонимичными названиями — парадоксографией и тауматургией — А. Вестерманн отдал предпочтение первому, основываясь на словоупотреблении византийского грамматика XII в. Иоанна Цеца — *Παραδοξογράφος* (Chil., II, 35, 151), который, в свою очередь, ссылаясь на Антения, автора VI в. Подробнее см. Spiegel D. Aristotle's Biology and the Paradoxographers. Ithaca. Corn. Univ., 1951.

⁴ *Παράδοξον* — более поздний синоним *θαυμάσιον* и означает «чуждое», «удивительное». В одном ряду с ними стоят близкие им по смыслу слова *ἰδιός*, *δεινός*, *ἄπιστος*, *ἀπίθανος*, *ἄλλοιος*, *ἄδυνάτος*, *ἀτοπος*, *τεράτιος*, *ἐκπληκτικός*, означающие «особенный», «ужасный», «невероятный», «необъяснимый», «невозможный», «чудовищный» и т. п. *Τέρας* — очень важное понятие для парадоксографии при описании аномалий, чудовищ, всего того, что римляне называли *ostentum*, *portentum*.

ными с сугубо античными представлениями о космическом устройстве, «а несогласие философов между собой вовсе не отрицает самой философии», как отмечал Посидоний (D. L. VII, 129).

Астрология выясняла влияние небесных светил на судьбы всего живого в природе, сопоставляя конstellляции звезд и движение планет. Немаловажной стороной античных представлений о человеке была и физиогномика, которая занималась своеобразным тестированием личности по стереотипу посредством «чтения» телесных знаков, отражающих внутренний мир душевной организации и, более того, этот мир предопределяющих. Онирокритик с помощью сложных построений должен был уметь читать в образах сновидений открывающуюся волю божества.

Поскольку космогонические представления досократиков и их учение об элементах-стихиях оставались основой натурфилософских теорий всей античности, то и всякие дисциплины, связанные с природой и человеком как неотъемлемой ее частью, исходили из этих представлений. Тесно связанные с философией, медицинские теории основывались на единстве природы и обитающих в природе живых существ. Один из важнейших трактатов сборника Гиппократов «О воздухах, местностях и водах» выводил тесную зависимость живого существа от среды обитания. Человек (как и другие существа) оказывался настолько связанным с местностью, почвой, водными источниками, что климатические особенности определяли не только недуги, но и черты характера. Дисциплины, возникавшие рядом с научными теориями (и парадоксография в том числе), также основывались на представлениях, общих для своего времени. Часть физиогномического учения — этнофизиогномика — непосредственно восходит к положениям Гиппократов о климатах. Так же и элементы-стихии философских воззрений досократиков отразились в описаниях природных стихий парадоксографов: воздух, земля, вода, огонь, а особенные, необычные их свойства в различных местностях были главными темами парадоксографов. Почва производит металлы, минералы, необычные камни, она может быть необычайно плодородной, самородной, ее испарения могут быть смертоносными, целительными и пр. Особенности вод и источников также трудно перечислить: источники сернистые, щелочные, самонаполняющиеся, подземные реки, пресные потоки в морях и пр. Особенно многочисленны сюжеты об огнях: вулканические огни, самовозгорающиеся минералы, столбы пламени и пр. Ранние парадоксографы в основном пытались систематизировать свидетельства о явлениях природы, связанных с элементами-стихиями. Необычные источники, вулканы, самовозгорающиеся почвы, особенности различных местностей и произрастающих там растений, населяющие эти местности животные и другие естественнонаучные парадоксы — наиболее частые темы их произведений.

Завоевательные походы Александра в глубь малоизвестных до того времени территорий Востока и Азии послужили толчком для накопления и развития знаний о мире, поскольку сопровождавшие полководца образованные эллины составляли описания неведомых земель, необычных сооружений, растений, камней и других диких и необычных и прежде малоизвестных явлений, не только природных, но и социальных (нравы и обычаи). Парадоксография была естественным порождением времени эллинизма, когда в условиях политического и идеологического кризиса полиса возрос интерес к чужестранным обычаям и установлениям, к неведомому, экзотическому, которые щедро представляла история, перипегеза, мифография, утопии, где *ξενός* зачастую выступал синонимом *παράδοξος*.

Традиционные версии мифов и древних сказаний, оправдывавшие политические и территориальные претензии старых греческих полисов, очевидно, не могли более неприкосновенными пребывать в их классических вариантах. В новых эллинистических государствах возникла потребность в пересмотре традиционных для греческого мира ценностей: из многих вариантов следовало отобрать наиболее приемлемые для данного места в данное время. Поэтому и вопрос — «где родина Гомера, кто истинная мать Энея и сколько лет прошло между Гомером и Орфеем» — не был пустым занятием

ем мифографа или грамматика, «глупостями», как их определял Сенека четыре века спустя (Ер. 88), но вызывал жаркие споры. У эллинистических мифографов обнаруживается сходство с темами парадоксографов, а сюжеты Аполлодора, Парфения, Палефата чрезвычайно близки сюжетам парадоксографов.

Литературный жанр парадоксографии возник как классификация чудесных или необычных сведений. Это были сочинения в форме научных *προβλήματα*, очень распространенных в перипатетической школе III в. до н. э.⁵ Первые классификации природных явлений, составленные в перипатетической школе Аристотеля и Теофраста, не прошли мимо внимания парадоксографов. Перенесение морально-этических норм человека на мир животных и объяснение поведения животных лишь человеку присущими свойствами: благородством, ревностью, честностью и пр. — обычное в идеологическом и естественнонаучном осмыслении природы периода эллинизма⁶ — привлекало и парадоксографов, склонных к описанию необычных, редких, малоизвестных представителей животного мира вплоть до фантастических: мантихоры, птицы феникс, гиппокентавра. Зооантропологические сопоставления широко использовала и физиогномоника. Непосредственное отношение к парадоксографии имели философские воззрения перипатетиков и стоиков: первые из-за пристального внимания к природным аномалиям, вторые — допуская вмешательство божественного провидения в жизнь и судьбы людей⁷.

Литературными предшественниками парадоксографии была по сути вся греческая литература, начиная с Гомера и Гесиода, особенно ее ионийская традиция, обнаруживающая множество сюжетов *θαυμασία* из области *ζῷα, φυτά, ὑῶα, ποταμοί, βότῃοι*⁸. Одним из постоянных источников парадоксографии был и Ктесий, врач и историк V в. до н. э., хотя парадоксограф нередко ставил под сомнение сообщаемые им сведения⁹. Так же и Геродот, предоставлявший читателю не только пищу для ума, но и информацию для отдохновения, в своем изложении истории приводил множество этнографических свидетельств, описаний редких животных парадоксографического характера (описание крокодила, золотоносных муравьев и т. п.). В сочинениях историков Александра, посвященных описанию далеких земель, парадоксографический материал использовался в качестве риторических отступлений.

Парадоксографические сюжеты занимали и таких греческих авторов IV в. до н. э., как Эфор, Феопомп и Стратон. Эфору принадлежало собрание дикувинок в 15 книгах — *παράδοξων τῶν ἐκασταχοῦ βιβλία ιε* (Lex. Sud.s.v. ⁹Εφορος). Среди произведений Феопомпа было сочинение об удивительных явлениях — *θαυμασία* (D. L.

⁵ Flashar H. Die Stellung der Mirabilia in der paradoxographischen Literatur. — In: Aristoteles. Werke. Bd 18. Teil II—III. B., 1972, S. 50.

⁶ Подробнее о перенесении социальных отношений людей на мир животных см. Lloyd G. E. R. Science, Folklore and Ideology. Oxf., 1983, p. 7—53.

⁷ Парадоксография, полагает А. Джаннини, обязана своим существованием школе перипатетиков и философских стоиков, в которых много внимания уделялось вопросам, позднее ставшим темами парадоксографии. Теофраст, преемник Аристотеля, продолжая традиции учителя в изучении природы, вплотную подошел к темам парадоксографов в своих сочинениях «О воде», «О камнях», «О животных». Эту традицию в описании парадоксов в школе перипатетиков поддерживали и ученик Теофраста Стратон Лампсакский, и Дирид Самоский (FGrH = *Athen.*, XVIII, 606 sq.), а также грамматик, географ и парадоксограф II в. до н. э. Агафархид Книдский (Phot. cod. 213). Стоический взгляд на природу, божество и провидение также не исключает склонности к *παράδοξα* в объяснении природных аномалий. Зенон и Посидоний, много сделавшие для развития стоического направления своего времени, испытывали живой интерес ко всему *ἰδιον καὶ παράδοξα*, а Бола Миндского можно причислить к основателям жанра вместе с Каллимахом и Феопомпом (Giannini Op. cit., 1963, p. 259).

⁸ Phot., Bibl. 145 b 12 sq.

⁹ Ср. Антигон Каристский о Ктесии: ... διὰ δὲ τὸ αὐτὸν πολλὰ ψευδεῖσθαι παραλείπομεν τὴν ἐκλογὴν καὶ γὰρ ἐφάνητο τερατώδης (Mirab. 15).

I, 115—116) или *Mirabilia* (судя по Сервию), которое, как полагают исследователи, составляло VIII книгу его «Истории Филиппа». По свидетельству Дионисия Галикарнасского, Феопоп «собрал сведения об особенных и удивительных явлениях, о необычных происшествиях на суше и на море, и все это снабдил примерами» (Dion Hal., Ad. Rom. II, 145, 11). Преемник Теофраста и наставник Птолемея II *Стратон Лампсакский* был автором книги «О сомнительных животных» (περί τῶν ἀπορούμενων ζῴων D. L., V, 59). Среди его произведений было и сочинение «О баснословных животных» (περί τῶν μυθολογούμενων ζῴων (D. L., ibid). Вероятно, его внимание привлекли παραδόξα из мира животных; следуя традициям аристотелевской школы перипатетиков, Стратон, видимо, включал в область своих разысканий рассмотрение явлений, нарушающих закономерности природы (νόμοι φυσικῶν).

Основателем жанра парадоксографии принято считать *Каллимаха*, так как именно под его именем сохранилось первое упоминание отдельной книги парадоксографических сюжетов: Θαυμάτων τῶν εἰς ἅπασαν τὴν γῆν κατὰ τόπους ὄντων συναγωγή (Lex. Sud. s. v. Καλλιμάχος) или Ἐκλογή τῶν παραδόξων (Antig., Mir. 129).

Судя по сохранившимся у авторов позднего времени фрагментам Каллимаха, его «Достопамятные записки» (Υπομνήματα) содержали перечень географо-мифологических древностей: περί τῶν ἐν Ἑλλάδι θαυμασίων; περί τῶν ἐν Πελοποννήσῳ θαυμασίων; περί τῶν ἐν Θράκῃ θαυμασίων; περί τῶν ἐν Ἰταλίᾳ θαυμασίων; περί τῶν ἐν Λιβύῃ θαυμασίων; περί τῶν ἐν Ἀσίᾳ θαυμασίων. Этот перечень предполагал более дробное деление сюжетов περί ποταμῶν καὶ κρηνῶν καὶ λιμνῶν; περί ζῴων, περί φυτῶν, περί χωρῶν, περί λίθων, περί πυρός.

Бол Миндский из Египта, один из ранних парадоксографов, собрал свидетельства об удивительных и необычных явлениях в сочинении, название которого можно было бы перевести как «Мысли о прочитанном» (περί τῶν ἐκ τῆς ἀναγνώσεως τῶν ἱστοριῶν εἰς ἐπίστασιν ἡμᾶς ἀγόντων) или сокращенно περί θαυμάσιων. Современником и соперником Каллимаха был также *Филостефан из Кирены*, автор сочинения о необычных реках, источниках и их обитателях — περί παραδόξων ποταμῶν¹⁰. Кроме того, его книги содержали также собрание историко-географических древностей, этиологические и мифологические сведения; 29 сюжетов Филостефана приводит Плиний Старший в «Естественной истории».

Архелай Хемносский из Египта писал о редких животных и был, видимо, старшим современником Антигона Каристского (вторая половина III в. до н. э.), с которым постоянно полемизировал. Свое парадоксографическое сочинение в стихах Ἰδιοφυῆ (здесь ἰδιος=παραδόξος) Архелай посвятил Птолемею Филадельфу (по предположению Р. Райценштайна — Птолемею Эвергету III), который, по словам Диодора Сицилийского, испытывал живейший интерес к свидетельствам о редких и малоизвестных животных (Diod. Sic., III, 36, 3 sq.). Его книге, видимо, была суждена долгая жизнь, поскольку во II в. н. э. Артемидор в «Онирокритиконе» ссылается на Архелая как на авторитетного знатока нравов животных (Artem., Onir. IV, 22). Позднее под тем же названием Ἰδιοφυῆ произведение Архелая Хемносского переложил на стихи *Псевдо-Орфей*. Фрагменты всех этих произведений дошли до нас в изложении поздних авторов.

Выходец из пергамской школы, младший современник Каллимаха *Антигон из Кариста*, скульптор и художник, интересовавшийся философией, был автором первого целиком сохранившегося парадоксографического «Собрания удивительных историй» (Ἱστορικῶν παραδόξων συναγωγή)¹¹. Этот парадоксографический сборник со-

¹⁰ Его книги, «полные удивительных и чудесных историй» (miraculorum fabularumque pleni), вместе с сочинениями Аристеем Прокопесского, Ктесия, Онесикрита, Исигона Никейского упоминает Авл Геллий, который приобрел их за небольшую цену в гавани Брундизия (NA, IX, 4, 2).

¹¹ В списках X в. Ms. Palat. gr. 398; ed per.: Xylander, Basil, 1568: первое комментированное издание: Beckmann (Lipsiae, 1791), затем Westermann (op. cit., 1839); Keller. Op. cit., 1877, S. 1, 8 f.; Giannini. Op. cit., 1965.

держал 173 сюжета, которые можно было бы тематически поделить на пять разделов: 1) главы с 1 по 25, 2) главы 26—59, 3) главы 60—114, 4) главы 115—128, 5) главы 129—173.

В 1-м и 4-м разделах в качестве источников использованы выдержки из произведений греческих историков, среди которых Геродот, Ктесий, Феопомп, Гелланик, Евдокс, Тимей из Тавромения, Гипсий, Мирсил из Метимны и др. Во 2-м и 3-м разделах — выдержки из IX книги «Истории животных» Аристотеля; в 5-м разделе — изложение *παράδοξα* Каллимаха. Типичный образец ранней парадоксографии, произведение Антигона в основном содержит естественнонаучные *παράδοξα* из области зоологии и ботаники (главы 1—115), а также сюжеты *περί χωρῶν, ἀερῶν, πυρός* (главы 121—128, 166—168, 170—171). Несколько сюжетов посвящены физиологии человека (главы 109—118): евнухам, полиплоидии, сексуальным аномалиям и пр.

Мирсил из Метимны был одним из первых парадоксографов, который черпал темы *mirabilia* в основном из области социальной, а не естественной истории¹².

Таким образом, ранние парадоксографические сочинения, содержавшие описания естественнонаучных явлений в III в. до н. э., принадлежали александрийцам Каллимаху, Филостефану, Архелаю, а также пергамцам: историку Антигону, философу Стратону, Болю, Мониуму, историкам Миртилу и Филону Гераклеяскому. В это же время, вероятно, могли быть написаны *Γιβφοῖ* Псевдо-Орфея и «Рассказы о диковинах» (*περί θαυμασίων ἀκουμάτων*) Псевдо-Аристотеля.

Человек становится объектом внимания парадоксографов приблизительно со II в. до н. э. До наших дней сохранилась 51 глава произведения *Аполлония* под названием «Удивительные истории» (*Ἱστορίαι θαυμασίας*)¹³. Первые шесть глав этого относительно небольшого сборника посвящены «чудотворцам» — *θαυματούργοι*. Это рассказы об Эпимениде, Аристее, Гермотиме, Абарисе, Ферекиде и Пифагоре — людях, обладавших необычными свойствами. Эпименид, например, проспал 57 лет и, уснув мальчиком, несколько не изменился за время долгого сна (гл. 1); Гермотим из Клазомен, обладавший даром предвидения, будто бы обладал и способностью отделять душу от тела. Душа его подолгу странствовала по свету, а затем, после ее возвращения в телесную оболочку, Гермотим рассказывал об увиденном. Кончилось все это печально, поскольку сограждане снесли однажды его на погребальный костер, приняв за усопшего (гл. 3). Абарис Гиперборейский предсказывал мор, неурожай и другие несчастья. Будучи человеком необыкновенным, он, путешествуя по разным странам, записывал пророчества, сохранившиеся, как передает Аполлоний, «до наших дней». Прибыв в Лакедемон, Абарис посоветовал жителям принести богам предотвращающие жертвы, с тех пор в Лакедемоне не было моровой болезни (гл. 4). То же самое, примерно, рассказывают о Ферекиде, предсказавшем на острове Сире землетрясение за четыре дня до несчастья. Когда предсказание исполнилось, он приобрел большую известность. Надвигающееся землетрясение он предвидел по тому, что вода ушла из колодцев (гл. 5). Следующая глава — о Пифагоре, с древности слывшем за человека необыкновенного. Усовершенствовавшись во многих науках и математике, он затем превзошел Ферекида в необыкновенных способностях. На реке Кос его приветствовал божественный голос; он мог одновременно находиться в Кротоне и в Метапонте; сидя в театре, он мог привстать и продемонстрировать окружающим голень, как бы отлитую из

¹² Giannini. Op. cit., 1964, p. 117.

¹³ Авторство произведения «Удивительные истории» окончательно не установлено, однако само сочинение датируется концом III — началом II в. до н. э. (Kroll W. — RE. Suppl. IV, 46). Исследователи приписывают авторство разным лицам: Аполлонию Дисколу, автору *περί κατεψυγμένης ιστορίας* (см. Ziegler K. — RE, 1154); Аполлонию Афродисийскому (Schwartz E. — RE, II, 134) — историку конца III в. до н. э., автору *Καρχαία*; Аполлонию, автору III—II вв. до н. э., а также перипатетику Аполлонию Александрийскому, автору времени правления Августа (Gerke. — RE, II, 145).

золота, и пр. Следующие главы (7—51) посвящены более привычной для парадоксографии тематике: растениям, животным, этнографическим описаниям и т. п.

Необычные свойства иных растений и органов некоторых животных издавна использовала медицина. Особенно популярными описания чудодейственных лекарств, связанных с полурелигиозными и магическими воззрениями, становятся в период империи. Ранние парадоксографы главным образом собирают описания необычных свойств представителей живой природы. Ссылаясь на Феофраста, Аполлоний рассказывает о корне тапсии, которым пользуются медики. Особенность корешка такова, что он обладает способностью как бы сращивать разрозненные части органического происхождения. Сваренные с корешком тапсии куски мяса уже невозможно отделить один от другого (гл. 16). А Плиний Старший в «Естественной истории» уже приводит рецепт чудодейственного лекарства: «Император Нерон... после ночных походов смазывал свое избитое лицо мазью из этой травы, воска и ладана. Наутро он выходил о лицом, совершенно чистым, вопреки молве, которая шла о нем» (HN, XIII, 125—126).

В дальнейшем тематика ранней парадоксографии — ботаника, зоология, минералы, огни, источники и их необычные свойства — постепенно уступает место повышенному интересу к миру человека, в особенности авторов интересуют необычные свойства его психосоматической природы: выдающиеся память, рост, зоркость, сила, а также всякого рода аномалии: раннее возмужание, лишние члены (шестипалые, четырехглазые, двухголовые и пр.), полиплоидия, гормональные расстройства и связанные с ними перемены пола и др. В период империи парадоксографы все охотнее привлекают в свои сборники пифагорейские воззрения о продолжении жизни души после смерти тела, а также медицинскую тематику, амулеты, обереги и способы лечения симпатической магии, популярные в это время.

Римские авторы научно-энциклопедического направления (Витрувий, Плиний Старший, Цельс, Сенека, Колумелла, Авл Геллий и др.) использовали выписки из парадоксографов наравне с другими источниками греческой и эллинистической традиции. В каждой из 37 книг энциклопедии Плиния Старшего непременно есть несколько ссылок на этих авторов, хотя отношение к ним часто очень критическое. Парадоксографические сборники собирали в небольшом объеме многих известных авторов прошлого, что представляло несомненное преимущество при использовании их в энциклопедическом произведении. Римские научные авторы фактически вернули парадоксографические сюжеты к их первоначальному, подчиненному состоянию, в каком они существовали в произведениях Эфора, Феофраста, Аристотеля. С другой стороны, в произведениях некоторых авторов, подобных Элию Флегонту из Тралл, историку II в. н. э., отпущеннику императора Адриана, возобладали иная крайность.

Эта ветвь парадоксографического направления, пользовавшаяся особенной любовью читающей публики среди всех слоев населения, стала развиваться по линии чистой занимательности, удовлетворяя общественный спрос в диковинном и таинственном, удивительном и необъяснимом с точки зрения естественного порядка вещей¹⁴. Если ранняя парадоксография описывала необъяснимые явления как бы в перспективе еще не познанных и ждущих разъяснения тайн природы, то парадоксография императорского времени типа Флегонтовой, имела уже иную, более пессимистическую установку: в природе есть вещи, которые нельзя, да и не следует выяснять, поскольку они лежат в области сверхъестественного, где человеческий разум и логика бессильны и где властвует логика божества, провидения или магических сил.

Именно таковы три первые главы парадоксографического сочинения «Об удивительном» Флегонта из Тралл, где действуют восставшие из мертвых. В первой главе

¹⁴ Подробнее об этом см.: Van Groningen M. B. A. Literary Tendencies in the second century AD. — *Mnemosyne*, 1965, v. 18, p. 52 f.; Reardon B. P. *Courants littéraires grecs des II—III siècles après J.-C.*, 1972, p. 240 suiv.

рассказывается о некоей Филиннии, горячо любимой единственной дочери, посещающей родительский дом и после смерти. Во второй главе — об этолийце Поликрите, трижды избиравшемся согражданинами префектом города, который «восстав из мертвых», после захоронения стал пророчествовать стихами о том, что родной город в скором времени ожидает война с Локрами. Содержание третьей главы: гиппарх Буплаг (также ἀνέστη ἐκ τῶν νεκρῶν) является в лагерь римлян и пророчествует стихами, после чего отправляют посольство в Дельфы, где дельфийский оракул дает свое толкование случившегося.

В следующих главах идет речь об аномалиях пола (4—10), случаях обнаружения гигантских костей, которые считали останками некогда живших великанов; на этом основании делается предположение, что род человеческий уменьшается в размерах: в Далмации в пещере Дианы обнаружили реберные кости длиной в 12 локтей (гл. 12). Император Тиберий приказал известному геометру Пульхру восстановить размеры гиганта по найденному зубу, и тот в короткий срок представил расчеты тела, соизмерив их с пропорциями лица (гл. 14). Также и на Родосе нашли гигантские кости, принадлежавшие, по мнению Флегонта Тралльского, древним великанам (гл. 16). В следующих главах перечисляются место и время рождения всевозможных уродцев: четырехглавых (гл. 20), безголовых (гл. 21), говорится о том, что женщины произвели на свет обезьяну (гл. 22), змей, свернувшихся в клубок (гл. 24), двухголового ребенка (гл. 25) и т. п. Две последние главы рассказывают о кентавре, отловленном в горах Фессалии и присланном в Рим, где его, забальзамированного в меду, показывали публике. Этого кентавра якобы видел на Палатине и сам Флегонт (гл. 34—35).

Таким образом, в эпоху империи парадоксография как бы разделилась на два направления: в одном подчеркивалась информативная сторона, в другом — занимательная. Относительно критическое использование естественнонаучных παράδοξα учеными авторами империи могло, вероятно, служить толчком к дальнейшему познанию тайн природы, как это и сформулировал во II в. Сенека в «Вопросах природы»: «раскрытие многих тайн природы досталось на долю нашему времени, однако не менее предстоит открыть и будущим поколениям» (QN, VII, 30). Такое использование парадоксографических сведений предполагало один уровень читательского восприятия. Другой путь — превращение парадоксографической беллетристики в откровенно развлекательный жанр, который открывает перед читателем мпρ, полный ужасного и невероятного, τεράτων καὶ ἀπίστα.¹⁵

Когда парадоксографические сюжеты, первоначально составлявшие часть серьезных трудов, освободились от подчинявшего их контекста, стали сборниками занимательных сведений и парадоксография сделалась самостоятельным жанром, их авторы, видимо, преследовали единственную цель: собрать как можно больше занимательных фактов. При этом опускались детали, существенные для целостного восприятия произведения, в котором парадоксографический сюжет был лишь фоном, а не предметом художественной оценки.

Начавшаяся с принципов историзма в рамках ученой традиции эллинизма парадоксография все более размывала границы между историей, в которой согласно эстетическим теориям античности недопустимы вымышленные события, невозможные по природе (κατὰ φύσιν), — и поэзией, допускающей фантазию и вымысел. Выйдя за рамки собственно истории, парадоксография постепенно сближалась с эллинистической драмой и романом, отвечая потребности в занимательном чтении.

¹⁵ Τέρατα — описания монстров и аномалий, необязательно из области явлений природы. Τεράτωνες=παράδοξος могли называться и предметы, связанные с человеком, и случай вмешательства богов в дела смертных, и другие необычные явления, излагаемые на основе сверхъестественного и понимаемые мистически и магически. См. Giannini. Op.cit., 1963, p. 250. Ср. также Phot., Bibl. 188, p. 145,9 о mirabilia Александра Миндского (I в. н. э.): ἀνεγνώσθη Ἀλεξάνδρου θαυμασιῶν συναγωγῇ· λέγει μὲν ἐν τῷ βιβλίῳ πολλὰ τεράτων καὶ ἀπίστα.

Как самостоятельная литературная форма парадоксография просуществовала до конца античности, вызывая интерес у самых разных читателей. С одной стороны, естественнонаучные *παράδοξα* были усвоены авторами ученых энциклопедий, где воспринимались частью научной традиции эллинизма, с другой стороны, парадоксографические сюжеты схотно вводили в свои романы и Апулей и Филострат.

До нашего времени дошло не так уж много целиком сохранившихся произведений греческих парадоксографов. Среди них *Mirabilia* Антигона Каристского, автора второй половины III в. до н. э., Аполлония (II в. до н. э.), П. Флегонта (II в. до н. э.), «Рассказы о диких животных» и еще два анонимных произведения: парадоксограф Флорентинский и парадоксограф Ватиканский (III—IV вв. н. э.).

Анонимные «Рассказы о диких животных», приписываемые Аристотелю, неоднородны по содержанию, их можно подразделить на три части: первая — естественнонаучные *παράδοξα*, источником которым послужили в основном сочинения Феофраста: «О разумении и нравах животных» (1—25; 27—30; 60; 63—77; 139—151; 164—165; 176—177); «Об огне» (33—41); «О земле» (26; 46—50; 52—62), «О реках» (53—56; 158—160; 168—172); «Об окаменелостях» (166—167; 173; 174); вторая — историко-географическая (гл. 78—138), источниками которой могли быть сочинения Тимея из Тавромении (для Западного Средиземноморья гл. 78—114) и Феопомпа (для Восточного Средиземноморья гл. 115—129). Кроме того, присутствует несколько сюжетов о камнях и растениях-амулетах, очевидно, позднейшего происхождения, где используется тематика, привычная для парадоксографии позднего времени, множество примеров которой можно обнаружить у Плиния Старшего, Сенеки, Апулея, Колумеллы, Галена.

Первые издатели¹⁶ относили «Рассказы о диких животных» к III в. до н. э., хотя исследователи датируют их очень широко, вплоть до III—VI вв. н. э. (А. Джаннини)¹⁷, поскольку автор полностью игнорирует Каллимаха, что не свойственно ранней парадоксографии. Заключительные главы (152—178) некоторые исследователи считают позднейшей интерполяцией. Г. Фласхар, например, полагает, что начальные главы «Рассказов о диких животных» могли быть написаны во второй половине III в. до н. э., т. е. в то же время, когда появились *Mirabilia* Антигона Каристского и когда сочинения в форме *προβλήματα* и *παράδοξα* были особенно распространены в аристотелевской школе перипатетиков¹⁸.

Датировка «Рассказов о диких животных», предпринятая О. Регенбогеном¹⁹ на основании анализа источников, сталкивается с определенными затруднениями. Первые 15 глав, по-видимому, заимствованы из IX книги «Истории животных» Аристотеля, однако принадлежность IX книги Аристотелю до сих пор оспаривается. По мнению некоторых исследователей, IX книга «Истории животных» восходит к не дошедшему до нас произведению Феофраста «О разумении и нравах животных» (D. L. V, 49) и представляет, по мнению О. Регенбогена, компиляцию произведений Аристотеля, Феофраста, Эвдема и других авторов.

Более всего параллелей к этим местам из IX книги «Истории животных» обнаруживается в *Mirabilia* Антигона Каристского, и вполне возможно, что анонимный автор «Рассказов о диких животных» и Антигон использовали один и тот же источник. Однако сочинение Псевдо-Аристотеля имеет некоторые особенности. В отличие от Антигона Псевдо-Аристотель повсюду конкретизирует сообщаемые сведения, указывая точные места описываемых событий (Аравия, Гелика, Ахайя, Армения, Египет, Византий и др.), добиваясь впечатления достоверности. Прием этот широко использовали П. Фле-

¹⁶ Издания текста: Beckmann J. Göttingen. 1786 с комментарием: Westermann. Op. cit., p. 1—60; I. Bekker, Berl. 1831, II, p. 830a—847b; Apelt O. Aristotelis quae feruntur. Lipsiae, 1888; Hett W. S. Aristotle's Minor works. L., 1936; Giannini A. Paradoxographorum Graecorum reliquiae. Milano, 1965.

¹⁷ Giannini. Op. cit., 1964, p. 134, 140.

¹⁸ Flashar. Op. cit., 1972, S. 49.

¹⁹ Regenbogen O. — RE, Suppl. VII, Sp. 1406 f.

гонт, называя точное время и место рождения уродцев. Кроме того, *Mirabilia Antigonae*, написанные после Каллимаха, содержат не только прямые заимствования (главы 129—173), но и полемику с Каллимахом (главы 17, 78, 84, 127, 161). У Псевдо-Аристотеля, как уже отмечалось, отсутствуют какие бы то ни было упоминания Каллимаха в качестве источника. По сравнению с Антигоном Псевдо-Аристотель менее зависит от источника, часто приводит сведения в сокращенном виде и дает конкретную локализацию событий.

Если параллели Антигона и Псевдо-Аристотеля в первой части произведения можно возвести к IX книге «Истории животных» Аристотеля, то главы историко-географические (87—94) могли основываться на сочинениях Тимея из Тавромения. В то же время поворот парадоксографии в сторону чудес и сенсационности, отчетливо прослеживаемый начиная с Флегонта, подтверждает принадлежность конечных глав (152—178), относящихся к другой стадии развития жанра, вероятнее всего, позднему времени.

Περὶ θαυμασίων ἀκούσμάτων или *Περὶ παραδόξων ἀκούσμάτων* (в списке Ms. Laug. LX 19; LXXXVI, 3), дошедшее до наших дней под именем Аристотеля, к какому бы времени его ни относили исследователи, представляет интерес не только для античников как типичный образец парадоксографического сочинения, содержащего взгляды на природу, человека и окружающий его мир периода эллинизма и более позднего времени, но и для читателей наших дней, небезразличных к истории и культуре античности, а загадочные явления природы — тема, к которой никогда не ослабевало внимание человека. Это прекрасно понимали и в древности, так что уже Сенека мог сказать: «Познание природы бесконечно, и мир предстал бы песчинкой, если бы последующим векам нечего было открывать» (QN, VII, 30).

Перевод выполнен по четвертому лебовскому изданию В. С. Хетта: Aristotle in twenty-three volumes. XIV. Minor Works with an English Translation by W. S. Hett. Cambr. Mass. — L., 1980 с привлечением новейшего издания корпуса парадоксографов А. Джаннини: *Paradoxographorum Graecorum reliquiae* rec. A. Giannini. Milano, 1965. При составлении примечаний были использованы комментарии А. Джаннини (Милан), а также Г. Фласхара (Мюнхен) в издании: *Aristoteles. Werke*. Bd. 18. Teil II—III. *Mirabilia*. Übers. von H. Flashar. B., 1972.

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ

РАССКАЗЫ О ДИКОВИНАХ

830a 1. В Пеонии¹, говорят, на горе Гесэн, которая разграничивает области пеонийцев и медов², обитает дикое животное, называемое «болинт», пеонийцы же называют его «монэпом»³. Животное это, говорят, во всем похоже на быка, но

1 Источник: [Ар.] *HA IX*, 45,630a 18—b 17. В «Истории животных» Аристотеля в отличие от *Ausc. Mir.* 1 более полный и связный рассказ, хотя в нем и отсутствует упоминание о величине рогов и размерах шкуры животного; аналогичное животное описывается в *Ausc. Mir.* 129 (где упоминаются «дикие быки»), а также см. *Antig.*, *Mir.* 53; *Ael.*, *HA VI*, 3.

¹ Пеония — область в Северной Греции, расположенная к северо-западу от Македонии.

² Пеонийцы (пеоны) и меды — фракийские племена, обитающие вдоль течения реки Стримон.

³ По-видимому, речь идет о зубре, см. *Sundervall C. J.* *Die Thierarten des Aristotels*. Stockholm, 1863, p. 61. Ср. в «Истории животных» (IX, 45, 630a 18 сл.): «Зубр водится в Пеонии на Мессапийской горе, которая разграничивает области пеонийцев и медов, причем пеонийцы называют его монэпом» (пер. В. П. Карпова); ср. также *Antig.*, *Mir.* 53: «на горе Марсан».

больше и сильнее и более лохматое; грива у него, как у лошади, густо спадающая книзу ото лба до глаз. Рога не как у быка, но острием вниз и заканчиваются на уровне ушей; каждый рог вмещает более полухозя, рога очень черные, но переливаются, как полированные. На содранной с него шкуре могло бы разместиться восемь застольных лож. Мясо его нежное. 2. Если его ранят, он спасается бегством, а когда силы на исходе, стоит на месте. Защищаясь, он лягается и выбрасывает испражнения на расстояние до четырех оргий⁴. Такой защитой он пользуется свободно и часто, а испражнения его обжигают так, что на собаках сходит шкура. Таково действие его испражнений, когда зверь напуган, а когда в спокойном состоянии, то они не обжигают.

Когда наступает время производить потомство, они сходятся вместе большим стадом и, испражняясь, образуют вокруг роженицы подобие ограды, — так много они выделяют испражнений.

830b 2. Говорят, верблюды в Аравии никогда не покрывают своих матерей и даже принуждаемые силой, сопротивляются. Рассказывают, что однажды за неимением производителя погонщик тайком подпустил к матери ее взрослого детеныша. Тот, как водится, самку покрыв, однако некоторое время спустя этого погонщика закусал насмерть.

3. Кукушки, обитающие в окрестностях Гелики¹, выводя потомство, никогда не вьют собственного гнезда, но откладывают яйца в гнезде дикого голубя или горлицы; они не высиживают яйца, не выводят и не выкармливают птенцов. Когда птенец вылупится и подкормится, то он выталкивает из гнезда всех, с кем жил, потому что он, как мы видим, такой большой и красивый, что намного превосходит остальных. Радуются этому, как рассказывают, сами дикие голуби и даже вместе с ними выбрасывают из гнезда собственных птенцов.

4. Критские козы, если в теле их застрянут стрелы, начинают искать растущий там дикий орigan¹: как только они его отведают, стрелы выходят сами собой.

5. Говорят, в Ахайе¹ олени, сбросив рога, всякий раз забираются в укромное место, где их трудно найти. Там они остаются до тех пор, пока не отрастут новые рога, — для этого они так и поступают: ведь до тех пор им нечем защищаться.

831a На рогах после этого иногда можно видеть приросший к ним плющ².

⁴ Оргия — мера длины 0,01 стадия, ширина размаха рук.

2 Источник: *HA IX*, 47, 630 b 31—631a 1. Заимствованный характер отрывка подтверждается помимо всего тем, что окончательный его смысл проявляется лишь с помощью первоисточника. Параллельные места см. *Antig.*, *Mir.* 54 b; *Ael.*, *HA III*, 47.

3 Источник: *HA IX*, 29, 618 a 8—17.

¹ Обозначение места (ἐν Ἑλίχῃ) отсутствует в «Истории животных», как и в параллельных отрывках Антигона Каристского (*Mir.* 44 и 100). В данном случае анонимный автор, как и во многих других отрывках, уточняет место действия с тем, чтобы обеспечить большую надежность и достоверность свидетельства. При этом аноним следует, возможно, не Аристотелю, а другому предполагаемому источнику — сочинению Феофраста «О разумении и нравах животных».

4 Источник: *HA IX*, 6, 612 a 3—5. Антигон Каристский (*Mir.* 30) гораздо точнее передает текст *HA*, чем вышеприведенный отрывок; Г. Фласхар отмечает в комментарии (S. 72), что оба парадоксографа использовали *HA* независимо друг от друга. Параллельные места см. *Cic.*, *de nat. deor.* II, 126; *Plut.*, *brut. rat. uti* 9, 991F; *Val. Max.*, I, 8, 18.

¹ Орigan [«диктимн»] — ясенец, дикий бадьян; известная на Крите лечебная трава, используемая также в культовой практике (Артемиды Диктинны). Ср. *Gesner O. Gift- und Arzneipflanzen*. Heidelberg, 1931, S. 90.

5 Источник: *HA IX*, 5, 611 a 25—29 и b 8—20.

¹ В «Истории животных» речь идет об оленях вообще, без указания, как в данном случае, места («в Ахайе»).

² Ср. *HA* 611 b 18: «Пойман был олень ахаин, у которого на рогах был приросший плющ, густой и зеленый, как будто он прирос к нежным еще рогам, как к зеленому дереву» (пер. В. П. Карпова). См. также *Antig.*, *Mir.* 35, 2. О. Келлер идентифицирует

6. В Армении, рассказывают, произрастает трава, которую называют «леопардовой отравой». На леопарда в качестве приманки выпускают животное, обмазанное этой отравой. Съев жертву, леопард обычно начинает искать противоядие, которым служат человеческие экскременты. (Зная это), охотники наполняют ими какой-либо сосуд и подвешивают его на дерево; пытаясь достать противоядие, леопард прыгает до тех пор, пока силы не оставят его, тогда, обессиленный, он сам становится легкой добычей.

7. Рассказывают, что в Египте птицы трохилы (корольки) залетают в пасть крокодила и чистят его зубы, выклеывая застрявшие кусочки мяса; крокодилу это доставляет удовольствие, и он не причиняет птицам никакого вреда.

8. В Византии, говорят, обитают ежи, предчувствующие перемену северных ветров на южные и быстро меняющие устройство своих нор: перед тем как задует Нот, они роют выход из норы снизу, а когда Борей — сбоку.

9. В Кефаллении козы пьют не так, как это обычно делают другие четвероногие: в полдень, поворотивши морды в сторону моря и раскрыв пасти, они утоляют жажду дыханием моря.

10. Рассказывают, что в Сирии в каждом стаде диких ослов всегда есть вожак и когда кто-либо из молодняка покроет самку, вожак так раздражается, что теснит (неосторожного) до тех пор, пока у противника не подогнутся задние конечности; тогда он отгрызает его детородные органы.

11. Говорят, что черепахи, съевши змею, тотчас заедают ее травой оргиганом, а если сразу ее не отыщут, вскоре погибают. Некоторые пастухи, желая проверить, так ли это на самом деле, увидев, что черепаха съела змею, обрывали эту траву: спустя некоторое время всякий раз находили черепаху мертвой.

«олена ахайн» с благородным оленем, обитающим в Ахайе, в отличие от малоазиатской лани (Keller O. Die antike Tierwelt. V. 1. Lpz, 1909, S. 278).

6 Источник: *HA IX*, 6, 612 а 7—12. Указание места («в Армении») отсутствует не только в первоисточнике, но и в параллельных местах (*Plin.*, NH, VIII, 100; XXVII, 4; *Diosc.*, IV, 76; *Ael.*, de nat. an. IV, 49). Из отрывка *HA* становится ясно, что Псевдо-Аристотель приводит один из примеров, изобличающих поразительные способности животных (здесь леопарда).

7 Источник: *HA IX*, 6,612 а 20—24, где отсутствует указание на место действия («в Египте»). Здесь, как и в предыдущей главе, приводится пример, изобличающий поразительные способности животных. Ср. также *Her.*, II, 68; *Plut.*, de soll. an. 31. 980E; *Plin.*, NH, VIII, 90; *Ael.*, de nat. an. III, 115; VIII, 25; XII, 15.

8 Источник: *HA IX*, 6,612 б 4—9. В некоторых списках эта глава отсутствует. Параллельные места: *Theoph.*, de sign temp. 30; *Plin.*, NH, VIII, 133; *Plut.*, de soll an. XVI, 8, 971 sq.; *Ael.*, de nat. an. III, 10.

В «Истории животных» говорится о ежах, живущих на земле и содержащихся в домах (для ловли мышей). При перемене северных ветров на южные первые меняют свои логовища, а вторые направляются к стене дома. Название места («в Византии») указывает на проживавшего там человека, который предсказывал погоду, наблюдая за поведением ежей. У Псевдо-Аристотеля Византий стал местом обитания ежей, обладающих особыми свойствами, что не соответствует содержанию отрывка «Истории животных».

9 Источник неясен. В. Розе предполагал, что это сочинение Феофраста «О разнице голосов у животных одной породы» (*Rose V. Aristoteles Pseudoepigraphus*. Lpz, 1863, S. 332). Аналогичное описание см. *Antig.*, Mir. 128b; см. также *Ael.*, de nat. an. III, 32; V, 27, где в качестве источника упоминается врач Александр из Минда (I в. н. э.) (= *Alex.*, fr. 2, p. 165 Giannini), свидетельство которого предположительно могло восходить к Феофрасту.

10 Источник не установлен. В. Розе считал источником сочинение Феофраста «О разумении и нраве животных» (*Ag. Pseudep.* 332). Аналогичные отрывки есть у Аристотеля (*HA VI*, 36, 580b1 — упоминание о сирийских мулах) и Плиния Старшего (NH, VIII, 108).

11 Источник: *HA IX*, 6,612 а 24—28. Однако отрывок Антигона Каристского (*Mir.* 34), как и схожие отрывки Плиния Старшего (NH, VIII, 98), Элиана (*de nat. an.* III, 5; VI, 12) гораздо ближе содержанию «Истории животных», чем отрывок Псевдо-Аристотеля.

- 831b 12. Половой орган ласки, как говорят, не похож на орган других животных, но всегда тверд, словно кость. Есть мнение, что это прекрасное средство от удушья, если принимать его в виде порошка.
13. Передают, что дятлы карабкаются по деревьям, как ящерицы, снизу до верху брюхом вверх и брюхом вниз¹. Считают, что они питаются насекомыми, в поисках которых они так сильно выдалбливают деревья, что деревья валятся.
14. Пеликаны, рассказывают, питаются устрицами, живущими в водоемах; раздробив их (клювом) и набив ими глотку, они заглатывают их вместе с раковинами, не выплевывая оболочки.
15. Передают, что в Киллене, в Аркадии, черные дрозды рождаются белыми, что очень редко встречается в других местах. Они появляются при свете луны, издавая разнообразные звуки, если же кто захочет поймать их днем, это очень трудно сделать.
16. Некоторые утверждают, что полученный на Мелосе и Книде цветочный мед имеет резкий запах, который, однако, вскоре исчезает, — это потому, что в нем присутствует перга (цветочная пыльца).
17. Халкидская трава и миндаль считаются наилучшими для выработки меда; большую часть меда получают именно из них.
18. В некоторых местах Каппадокии, говорят, пчелы производят мед без сот, он получается вроде густого масла.
19. Рассказывают, что мед, полученный из (цветов) самшитового дерева в Трапезунте Понтийском, имеет резкий запах; говорят, будто у здоровых людей он помрачает разум и, напротив, мгновенно излечивает страдающих падучей.²
- 832a 20. В Лидии, как рассказывают, много меда собирают с деревьев¹, и местные жители скатывают его без воска в шарики, используют его не сразу, а разми-

¹² Источник: *HA IX*, 6,612 b 15—17, где говорится о кунице. Коротко упоминается у *Antig.*, *Mir.* 108. Идентичен с *Ausc. mir.* 12 отрывок Стобея (ecl. III, 36, 24 H.), где в качестве автора назван Трофил (fr. 1, p. 392 Giannini), о котором ничего неизвестно (ср. *Ziegler K.* — RE, 18, 3, 1949, Sp. 1161, s.v. *Paradoxographoi*).

¹³ Источник: *HA IX*, 9, 614 a 34 — b 17. Ср. также *Plin.*, NH, X, 40.

¹ В *HA* 614 b говорится, что дятел передвигается по деревьям брюхом вверх, как ящерица. Это «брюхом вверх» парадоксограф понял по-своему, добавив «и брюхом вниз», чтобы подчеркнуть невероятный характер свидетельства.

¹⁴ Источник: *HA IX*, 10, 614 b 27—30. Параллельное место у *Antig.*, *Mir.* 41, а также *Cic.*, de nat. deor. II, 124; *Plin.*, NH, X, 115; *Ael.*, de nat. an. III, 20.

¹⁵ Источник: *HA IX*, 19, 617 a 11—14. Ср. *Plin.*, NH, X, 87; *Ael.*, de nat. an. XII, 28.

¹⁶ Предполагаемый источник (как и последующих глав 17—22) — *Феофраст*. О меде. О реконструкции этого сочинения см. *Regenbogen O.* — RE, Suppl. VII, 1940, Sp. 1423, s.v. *Theophrast*. См. также *Plin.*, NH, XI, 34.

¹⁷ Сходный, но более краткий рассказ есть у Плиния Старшего (NH, XI, 17). В *HA IX*, 40, 627 b 16 перечислены растения, с которых пчелы собирают высокосортный мед: тимьян, атрактианс, мелилот, асфodelь, мирт, флюс, агнец, спарт.

¹⁸ Близко к этому сообщение Аристотеля (*HA V*, 22,554 b 15—17), у которого, впрочем, отсутствует название местности («в Каппадокии»). Г. Фласхар считает, что источником скорее было сочинение Феофраста, чем «История животных» Аристотеля (S. 77). Возможно, этот пассаж Псевдо-Аристотеля заимствован Элианом (de nat. an. V, 42).

¹⁹ Удивительное действие трапезунтского меда на греческих воинов, которые, отведав его, теряли память и приходили в себя лишь на 3—4-й день, описано Ксенофонтom (Anab. IV, 8, 20) как необычное явление (ἐθαύμαζαν). Элиан почти дословно повторяет пассаж Псевдо-Аристотеля (de nat. an. V, 42). Ср. также *Plin.*, NH, XXI, 74, 77; *Steph. Byz.*, s.v. *Τραπεζοῦς*; *Stob.* IV, 36,15.

²⁰ Продолжение предыдущей главы. См. также *Ael.*, de nat. an. V, 42.

¹ В данном случае имеется в виду (как и в *Ausc. mir.* 18) мед без сот наподобие густого масла (ἐλαϊόμελι, *Diosc.* I, 37), добываемый с деревьев (ср. *Schuster M.* — RE, XV, 1, 1931, Sp. 374 f., s.v. *Mel*).

ная шарик, частями. Такой же мед делают и во Фракии, но там он не столь твердый, а как бы крупчатый. Высыхая, он не уменьшается в объеме, как вода и другие жидкости.

21. Говорят, будто пчелы не выносят запаха благовоний, впадая от него в оцепенение. Некоторые утверждают, что они беспощадно жалят людей, умасненных благовонной мазью.

22. Говорят, люди, живущие в Иллирии и называемые тавлантами, делают из меда вино. Отделив воск, мед заливают водой и кипятят в котлах, пока не выпарят полови́ну, затем разливают по глиняным сосудам; в них он не портится долгое время и делается хмельным, терпким и приятным на вкус. Даже эллины, случилось, не могли отличить этот напиток от выдержанного вина, но попытки воспроизвести этот способ приготовления остались безуспешными.

23. В Фессалии, как передают, водилось столько змей, что местные жители вынуждены были бы покинуть страну, если бы змей не поедали аисты. Аистов поэтому почитали и запрещали их убивать; если же кто-либо это делал, его приговаривали к такому же наказанию, как за убийство человека.

24. Так же и в Лакедемонe, рассказывают, некогда развелось много змей, и во время голода лакедемоняне даже употребляли их в пищу. Поэтому-то Пифия, говорят, и назвала их «змеепожирателями»¹.

25. На острове Гиара мыши, говорят, поедают железо.

26. И у халибов, на островке, расположенном неподалеку¹, множество мышей обгрызают золото. Наверное, поэтому они обычно разрубают мышей, пойманных в рудниках.

27. Передают, что по пути из Суз в Мидию на месте второй стоянки водится огромное множество скорпионов. По этой причине персидский царь, проходя по этому пути, всякий раз задерживался там на три дня, приказывая своим людям пстрелять скорпионов, и награждал наиболее отличившегося.

21 Аналогичный отрывок в *НА IX*, 40, 626 а 26—298: пчелы не выносят дурных запахов и благовонных мазей, поэтому и жалят употребляющих их. Ср. *Antig.*, *Mir.* 52. О непереносимости пчелами различных запахов см. *Theoph.*, de caus. plant. VI 5, 1; *Plin.*, *NH*, XI, 44, 61; *Ael.*, de nat. an. I, 58.

22 Подробнее о тавлантах см. *Fluss.*— *RE*, IV, 2, 1932, Sp. 2526, s.v. Taulantini; *Schütt C.* Untersuchungen zur Geschichte der alten Illyrer. Diss. Breslau, 1907, S. 27 f. Стефан Византийский при упоминании тавлантов (s.v. ταυλάντιοι) ссылается на Ἀριστοτέλης ἐν θαυμασίοις. Плутарх (*Quaest. conv.* IV, 2, 672 C) замечает, что некоторые варвары, не имевшие представления о виноградном вине, делали его из меда.

23 Предполагаемый источник этой и следующих глав (23—28) — Феофраст «О совокупных явлениях [у животных]». Данный пассаж, возможно, восходит к Феофрасту, фр. 174 (см. *Rose. Ar. Pseudep.* 334—337). Ср. *Plin.*, *NH*, X, 62; *Plut.*, de Is. et Os. 74, 380F; *Steph. Byz.*, s.v. Θεσσαλία.

24 Продолжение предыдущей главы.

25 Порфирий (de abstin. I, 24) отмечает, что Гераклиды на своем пути через Спарту вынуждены были питаться змеями. Плутарх (de Pyth. or. 24,406 E) сообщает, что в более поздние времена, когда философия достигла степени ясности и поучительности, Аполлон удержал Пифию от того, чтобы она называла, как прежде, спартанцев «поедающими змей» (φειοβόροισ). Ср. эллинистический роман Тимокла о племени «пожирателей змей» (*Rohde E.* Der Griechische Roman... B., 1960, S. 235, Anm. 1).

26 См. *Plin.*, *NH*, VIII, 222, который со ссылкой на Феофраста (*Theophrastus auctor est*) говорит о том, что на о-ве Гиаре обитает множество мышей, поедающих железо. Ср. также *Plin.*, *NH*, VIII, 104; *Ael.*, de nat. an. V, 14 (со ссылкой на Аристотеля); *Antig.*, *Mir.* 18 а; *Steph. Byz.*, s.v. Γιάρος.

26 См. *Plin.*, *NH*, VIII, 222 (со ссылкой на Феофраста), где речь идет о мышах, поедающих железо в металлургических мастерских халибов.

1 Остров Гиара, один из Кикладских о-вов, расположен достаточно далеко от места обитания халибов (юго-восточное побережье Понта).

27 Параллельное место см. *Ael.*, de nat. an. XV, 26 (по мнению Г. Фласхара, восходит к Феофрасту).

832b 28. В городе Кирене, говорят, обитает не один род мышей, но многие, разнящиеся и видом и окраской: у одних широкое головы, как у куниц, другие похожи на ежей, их и зовут «ежами»¹.

29. Около Киликии, рассказывают, есть водоворот; попав в него, утонувшие птицы и другие животные оживают вновь.

30. У скифов, называемых гелонами, как рассказывают, водится дикое животное, чрезвычайно редкое, и поймать его очень трудно, потому что вид его очень переменчив; называется он «тарандом»¹: животное это меняет цвет меха в зависимости от места, (маскируясь) под цвет деревьев и травы, вообще под цвет любой местности. Всего удивительнее изменение окраски шкуры, другие животные сходным образом меняют лишь цвет кожи, например хамелеон или полип. Величиной этот зверь с быка, а голова напоминает оленю.

31. Еще передают, что в Абидосе какой-то человек потерял рассудок и в течение многих дней, приходя в театр, как если бы там шло представление, выражал шумное одобрение; когда к нему вернулся рассудок, он заявил, что это были лучшие дни его жизни.

32. И в Таренте, рассказывают, некий виноторговец терял рассудок по ночам, днем же, как ни в чем не бывало, занимался торговлей. Ключи от погреба он хранил на поясе и пояса ни в какое время не развязывал, даже ночью, когда некоторые пытались воспользоваться ключами.

33. На острове Теносе¹ местные жители хранят небольшую чашу со смесью, из которой очень легко можно получить огонь. В Вифинии Фракийской в шахте также обнаружили минерал, называемый «спинос», из которого, говорят, вырывается пламя.

34. На острове Липара, рассказывают, в земле есть курящийся разлом, и в этой трещине, как в кипящем котле, местные жители варят все, что они хотят приготовить.

28 Ср. *Plin.*, NH, VIII, 224; *Ael.*, de nat. an. XV, 26.

¹ См. свидетельство Геродота (IV, 192), который различает три породы мышей в Ливии: двуногие, «зегерии», «ежи»; последние были весьма распространены в Египте и использовались при мумифицировании (*Steier A.* — RE, 14,2, 1930, Sp. 2399, s.v. Maus).

29 Предполагаемый источник: *Феофраст*. О воде. Аналогичные тексты см. *Paradox.* Flor 6; *Ps.-Paul. Sil.*, de therm. 60 sq. (см. *Oehler H.* *Paradoxographi Florentini Anonymi opusculum de aquis mirabilibus*. Diss. Tübingen, 1913, S. 66 f.).

30 Источник: *Феофраст*. О меняющих цвет [животных]. В прямой или косвенной связи с фр. 172 Феофраста находятся схожие отрывки — *Plin.*, NH, VIII, 123 sq.; *Ael.*, de nat. an. II, 16; *Solin.*, 25, 30; *Philo.*, περὶ μέθης, I, p. 383 Mang.

¹ Об идентификации «таранда» с северным оленем (*cervus tarandrus*) см. *Keller.* Die antike Tierwelt. Bd 1, S. 279—281. Краткое описание у *Caes.*, BG, VI, 26.

31 Предполагаемый источник: *Феофраст*. О помрачении. Аналогичную историю приводит Гераклит Понтийский («О наслаждении», фр. 56 Wehrli), а также Гораций (Ep. II, 2, 128—130), которая в его время была известна в качестве анекдота (*haud ignobilis*). Заключительная фраза Псевдо-Аристотеля, отсутствующая у Горация, соответствует словам Софокла (Aias 554: ἐν τῷ φρονεῖν γὰρ μὴ δὲ ᾧδιστος βίος).

32 Предполагаемый источник: *Феофраст*. О помрачении. Эта и предшествующая глава тематически связаны и обе схожи с *Ausc. mir.* 178.

33 Предполагаемые источники: *Феофраст*. «Об окаменелостях» (В. Розе. Г. Иоахим, Г. Фласхар) или «О сицилийском извержении» (О. Регенбоген).

¹ Ср. *Steph. Byz.*, s.v. Τήνος со ссылкой на Аристотеля (Ἀριστοτέλης ἐν τῷ περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων).

34 Предполагаемый источник (как и для глав 35—40): *Феофраст*. О сицилийском извержении (О. Регенбоген, А. Джаннини, Г. Фласхар), что, возможно, составляло часть его сочинения «Исторические записки». Подробнее см. *Hildebrandt R.* Περί ῥύακος ἐν Σικελία. — In: *Griechische Studien*. Lpz. 1894, S. 52 ff.; *Steinmetz P.* Die Physik des Theophrast von Eresos. Bad Hamburg — Berlin — Zürich, 1964, S. 241 ff.; *Ziegler K.* — RE, XIII, 1, 1926, Sp. 749 ff., s.v. Lipara.

833a 35. В Мидии и в Пситтакене Персидской ¹ (из земли) постоянно вырывается огонь; в Мидии — слабый, а в Пситтакене — более сильный и горит чистым пламенем; эти источники огня расположены не на возвышенности, а на уровне земли, поэтому персидский царь и приказал соорудить там поблизости свою поварню. Огонь там горит и днем и ночью, а в Памфилии — только ночью.

36. Рассказывают еще, что в Атитании ¹ у подножья холмов города Аполлонии есть каменная глыба, огня над ней не видно, но, если пролить масло, оно возгорается.

37. Рассказывают, и за Геракловыми Столпами (из земли) вырывается пламя, в некоторых местах только по ночам, в других — постоянно. Так сообщает Ганнон в «Перипле» ¹. Языки пламени видны и на Липаре, но не днем, а только ночью. И на Питекуссах, как передают, есть места необычно огнистые и жаркие, но без пламени ².

38. Ксенофан ¹ сообщает, что некогда на Липаре пламя в течение шестнадцати лет не появлялось, а на семнадцатый год возникло вновь. И из Этны огненная лава не истекает постоянно, но с перерывами в несколько лет.

39. Сообщают также, что в Лидии однажды вырвавшийся из-под земли столб пламени пылал в течение семи дней.

40. Удивительные вещи рассказывают об извержении в Сицилии: ширина вырывающейся лавы достигала сорока стадий, а высота — трех стадий.

41. Во Фракии, как рассказывают, есть камень, называемый «спином»; расколотый и составленный вновь, он тлеет, будто угольная зола; если же его поместить на солнце и облить водой, он воспламеняется. Так же ведет себя и марейский камень.

35 Предполагаемый источник: *Феофраст*. О сицилийском извержении. Плиний Старший (NH, II, 110) коротко отмечает: «в Мидии и в области Пситтаков в Персии есть источники пламени».

¹ О Пситтаке, располагавшейся восточнее р. Тигр, см. *Weissbach*. — RE, III A 1, 1927, Sp. 399, s.v. Σιττάκη. (Стефан Византийский упоминает Пситтаку в связи с сочинением Аристотеля о диковинах (*Steph. Byz.*, s.v. Ψιττάκη).

36 Источник остается неясным: *Феофраст*. О сицилийском извержении (О. Регенбоген) или Феопомп (FGrH, 115 F 320) (И. Геффен по аналогии с тематически схожей гл. 127 — о неугасимых огнях в Атитании). Вместе с тем Г. Фласхар указывает на сходство *Ausc. mir.* 36 с *Theoph.*, de lap. II, 17. Ср. также Страбон (VII, 5, 8, p. 316 со ссылкой на Посидония): «В области аполлонийцев есть место под названием Нимфей, это — скала, извергающая огонь... как передает Посидоний» (=FGrH, 87 F 93) и Феопомп (FGrH, 115 F 316).

¹ Атитания — область в Северо-Западной Греции, юго-восточнее Аполлонии. Апельт принимает чтение Ἀτιτανία (встречается в ряде списков) вместо Ἀτιντανία (*Steph. Byz.*, s.v.).

37 Источник остается неясным: *Феофраст* (О сицилийском извержении) или же «Перипл» Ганнона (в изложении *Феофраста*, полагает Г. Фласхар).

¹ «Перипл» Ганнона, карфагенского мореплавателя, датируется примерно 400 г. до н. э. Подробнее см. *Müller K. Geographi Graeci minores*. I. 1855, Prol. XIII—XXXIII; *Daebitz*. — RE, VII 2, 1912, Sp. 2360 ff.; s.v. Hanno.

² Страбон (V, 4, 9, p. 248), говоря о Питекуссах, в качестве источника называет Тимей из Тавромении (III в. до н. э.): «По словам Тимея, древние рассказывали много диковинного о Питекуссах» (=FGrH, 566 F 58).

38 Предполагаемый источник: *Феофраст*. О сицилийском извержении.

¹ В издании досократиков Дильса — Кранца относительно фрагмента Ксенофана (21 A 48) следующее примечание: «Возможно, из Тимея».

39 Предполагаемый источник: *Феофраст*. О сицилийском извержении.

¹ В отличие от *Ausc. mir.* 127 («в Ликии») Г. Фласхар принимает здесь чтение «в Лидии». О вулканической деятельности в Лидии см. сохранившиеся фрагменты Ксанфа (FGrH, 765 F 13). См. также *Ps.-Paul. Sil. de therm.* (in: *Epigrammatum Anthologia Palatina*. Ed. E. Cougny. P., 1980, p. 408 sq.)

40 Дополнение к гл. 38.

41 Источник: *Феофраст*. О камнях, II, 13.

42. Рядом с Филиппами в Македонии есть, говорят, шахта, ископаемое которой, поднятое на поверхность, разбухает и превращается в золото. Все это можно наблюдать.

833b 43. Говорят, на Кипре около так называемой Тиррии¹ то же происходит с медью². Ее обычно дробят на мелкие части и рассеивают по земле, а от дождей осколки растут и набухают³; после этого их собирают.

44. Рассказывают, что на острове Мелос выкопанные ямы сами собой наполняются землей.

45. В пределах Пеонии, как рассказывают, после продолжительных ливней, когда почва пропитается водой, находят золото, называемое безогненным¹. Еще добавляют, что в Пеонии настолько золотосная почва, что находили самородки весом более мины². Передают, что царю послали два таких самородка, один весом в три мины, другой — в пять; их царь будто бы держал в трапезной и, прежде чем приняться за еду, всякий раз совершал над ними возлияния.

(Продолжение следует)

42 Предполагаемый источник (как и в последующих главах 43—50): *Феофраст*. О металлах. Об обилии золота в рудниках Македонии см. *Blumner H.* — RE, VII, 2, 1912, Sp. 1563, s.v. Gold.

43 Источник: *Феофраст*. О металлах (= фр. 256 R³).

¹ Тиррия, — вероятно, имеется в виду гора на Кипре (а не река); идентифицируется с Тиллирией, горной грядой в западной части острова.

² О кипрской меди см. также краткое замечание Аристотеля в «Истории животных» (V, 19, 552 b 10). О меднолитейных мастерских на Кипре см. *Феофраст*. О камнях, 25.

³ О воздействии дождевой воды на металлы см. мнение Феофраста (О камнях, 45).

44 Источник: *Феофраст*. О металлах (= Ar. fr. 256 R³). В основе сообщения лежит распространенное в древности представление о том, что земля как природная стихия обладает способностью к росту (самоумножению); тем не менее в аналогичных свойствах камней Феофраст сомневается (de lapid. 5). Эту же точку зрения выражает Клеарх (фр. 99 Wehrli).

45 Источник: *Феофраст*. О металлах (= Ar. fr. 257 R³). Аналогичные представления о металлах, порожденных землей, см. *Theophr.*, de lapid. 1.

¹ Ср. *Herod.*, III, 97; *Diod.*, II, 50, 1; *Anthol. Pal.* IX, 310, 1; *Plin.*, NH, XXXIII, 77.

² Мина — мера веса, около 0,5 кг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВФ — Вопросы философии
 ИАН ОЛЯ — Известия Академии наук. Отделение литературы и языка
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 ПС — Палестинский сборник
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СЭ — Советская этнография
 AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
 AMI — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
 BGU — Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Bd I. Berlin, 1895
 BEFEO — Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme-Orient
 BMAUP — Bulletin of Museum of Archaeology in Uttar Pradesh
 BSA — Annual of the British School at Athens
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London
 CIH — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars IV. Inscriptiones himyariticae et sabaearum continens. Paris, 1889—1931
 Congress XII — Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology. Ann Arbor, Michigan, 12—17 august 1968. Toronto, 1970
 CIPh — Classical Philology
 DIP of GCN — Documents illustrating the principates of Gaius, Claudius and Nero. Collect. by E. M. Smallwood. Cambridge, 1967
 Ep. priv. gr.— Epistulae privatae graecae, quae in papyris aetatis Lagidarum servantur. Ed. St. Witkowski. Lipsiae, 1911
 IBoT — Istanbul Arkeoloji Müselerinde bulunan Bogazköy Tabletlerinden secme metinler. Istanbul. I — 1944, II — 1947, III — 1954
 IOSPE — *B. Latyshev*. Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini
 JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JUPHS — Journal of the Uttar Pradesh Historical Society
 KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
 LSJ — A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddel and R. Scott. Oxford, 1966
 M. Chr.— *L. Mitteis, U. Wilcken*.; Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Bd II, Ht 2. Chrestomathie. Leipzig—Berlin, 1912
 OGIS — Orientis Graeci inscriptiones selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum Graecarum ed. W. Dittenberger. V. I—II. Lipsiae, 1903—1905
 O. Florida — *R. S. Bagnall*. The Florida ostraka. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1976
 PB — *W. Pape*. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Bd 3. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Neu bearb. von G. E. Benseler. Braunschweig, Vieweg, 1807—1870
 PSI — Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto. Papiri greci e latini. V. I. Firenze, 1912

RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
 REA — *Revue des etudes anciennes*
 RES — *Répertoire d'epigraphie sémitique*
 RHA — *Revue hittite et asianique*
 RN — *Revue numismatique*
 SB — *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*
 SC — *В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947—1950*
 SBAW — *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*
 SGDI — *Sammlung der griechischen Dialektinschriften*
 Sophocles — *E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). V. I—II. New York, 1957*
 StMed — *Studia Mediterranea. Piero Meriggo dedicata. Pavia, 1979*
 TWNT — *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament. Bd VI. Stuttgart, 1955*
 VOR — *Vienna Oriental Review*
 WZKM — *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*
 ZA — *Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete*
 ZAW — *Zeitschrift für Altertumswissenschaft*
 ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*

СОДЕРЖАНИЕ

50 лет работы журнала «Вестник древней истории» АН СССР	3
<i>Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М.</i> (Москва) — Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы	18
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Катабанский декрет о землепользовании RES 3854	43
<i>Алиев И. Г.</i> (Баку) — Племена и племенные группы в Атропатене. Формирование мидийско-атропатенского этноса.	62
<i>Глушкина Л. М.</i> (Ленинград) — Nothoi в социальной структуре афинского полиса IV в. до н. э.	84
<i>Покровская З. А.</i> — Эстетические взгляды Лукреция	97

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Соломоник Э. И.</i> (Симферополь) — Два античных письма из Крыма	114
---	-----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Гиоргадзе Г. Г.</i> (Тбилиси) — К вопросу об обозначении «серебра» в хеттских клинописных текстах	132
<i>Зайцев А. И.</i> (Ленинград) — Свобода воли и божественное руководство в гомеровском эпосе	139
<i>Шофман А. С.</i> (Казань) — К вопросу о генезисе эллинистических армий (антитагма)	143
<i>Ковельман А. Б.</i> (Москва) — Нравственный прогресс в Римском Египте (<i>По частным письмам II—IV вв.</i>)	153
<i>Аджинджал Е. К.</i> (Сухуми) — Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе.	174
<i>Гуркин В. А.</i> (Ульяновск) — В. П. Карпов — переводчик и комментатор произведений Аристотеля	187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Трухина Н. Н., Сидорович О. В.</i> (Москва) — И. Л. М а я к. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983	194
<i>Дьяконов И. М., Медведская И. Н.</i> (Ленинград) — Урартское государство в новом освещении.	202
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Новая литература по иранистике (Acta Iranica. Encyclopédie permanente des études iraniennes publiée par le Centre international d'études indo-iraniennes. Deuxième série: hommages et opera monira. V. 23. Leiden, 1984; v. 24, 25, 1985	212
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новое издание «Киклопа» Еврипида	218
<i>Пугаченкова Г. А.</i> (Ташкент) — Fr. Tissot. Gandhara. Paris, 1985	223
<i>Боровский Я. М.</i> (Ленинград) — Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л., 1985.	230

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные чтения памяти С. Л. Утченко	233
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Псевдо-Аристотель. Рассказы о дикихинах. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии <i>Н. А. Поздняковой</i> (Москва)	236
---	-----